

Мэделаун СИМОНС

МЕЧ И РАДУГА

Сага о Хеломе
из Лангедока

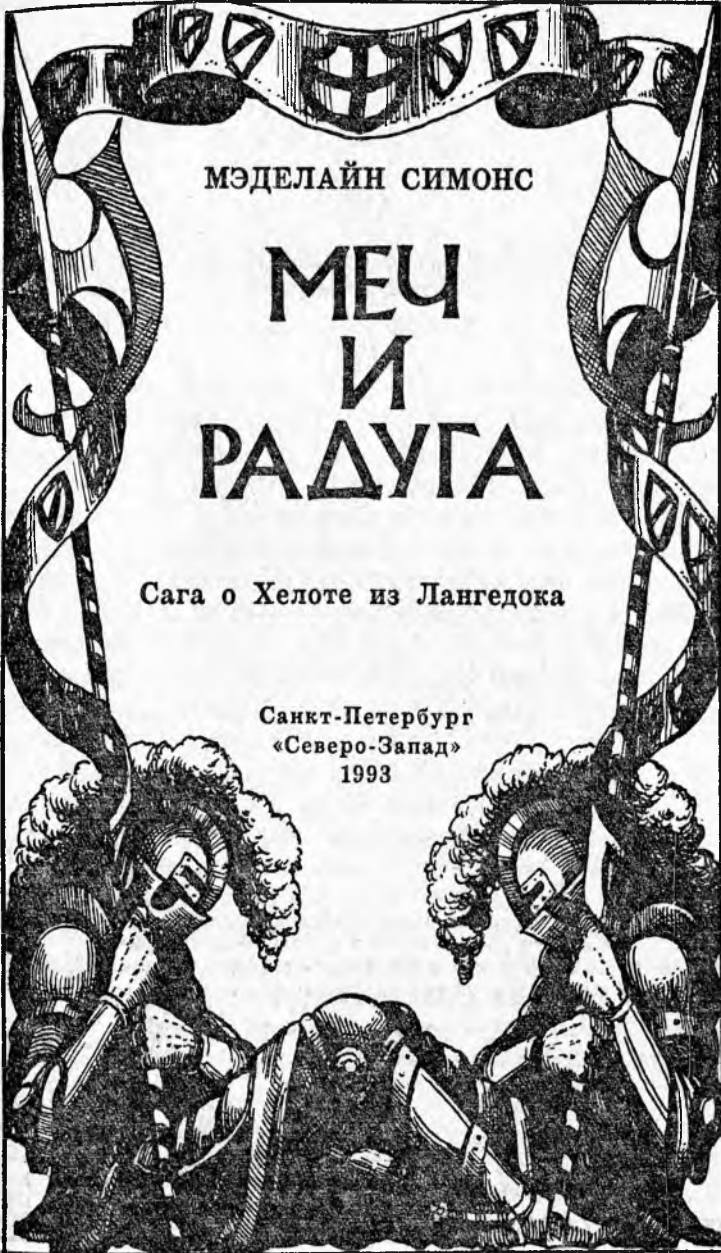

Сканировал и создал книгу - vtaKhaHkov

Khelout of Langedok Saga

МЭДЕЛАЙН СИМОНС

МЕЧ И РАДУГА

Сага о Хелоте из Лангедока

Санкт-Петербург
«Северо-Запад»
1993

*Перевод с английского
Елены Хаецкой*

*Перепечатка отдельных глав
и всего произведения в целом — запрещена.
Всякое коммерческое использование данного произведения
возможно исключительно с ведома издателя.*

© Е. Хаецкая, перевод, 1993
© «Северо-Запад», оформление, 1993
® ~~авторское право~~ Зарегистрированная
торговая марка. Охраняется за-
коном.

ISBN 5-8352-0198-2

ЧАСТЬ I

Разбойник поневоле

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Хелот из Лангедока был странствующим рыцарем. Во всяком случае, пытался им быть. Как явствует из его имени, родился он в Лангедоке, но о родине своей имел весьма смутные воспоминания, ибо с детства странствовал по различным землям, сначала в качестве слуги, потом оруженосца, потом самостоятельно, поскольку в одном из захолустных замков, после долгого нытья и просьб со стороны подростка, какой-то подгулявший барон ударил-таки его перчаткой по шее и тем самым посвятил в высокий рыцарский орден. Хелот встал с колен, взял свое оружие и уехал. Ему было тогда четырнадцать лет.

За несколько лет он успел провести кое-какие поединки и заработать косой шрам через бровь, дырку в левой ладони и два с половиной года заточения.

В тюрьму он попал после того, как сразился с Хрунгниром Датчанином, человеком могучим и свирепым. Датчанин приставил меч к горлу своего юного противника и сказал рокочущим басом: «У меня есть сынишка твоих лет, но я тебя все равно убью, ибо дал страшную клятву извести тридцать девять рыцарей в память о своей несчастной супруге Лауре, которую изрубил в тридцать девять кусков сексуальный маньяк сэр Брюс Безжалостный». Видно было, что вызубрить наизусть такую тираду стоило барону много трудов, и только частая практика повторения помогла ему выпалить ее без запинки.

Видимо, лицо Хелота все же растрогало этого великана, потому что он неожиданно опустил меч и принялся бормотать себе под нос имена, загибая при этом толстые пальцы. При этом он держал Хелота за волосы, оттягивая его голову назад, чтобы было удобнее перерезать ему горло. Бормотал же он довольно долго, потому что все время сбивался со счета, и у Хелота затекли колени.

Стояла поздняя осень, листья уже опали, небо было серым, и вдобавок моросил дождь. На душе у юного рыцаря было, как легко догадаться, очень и очень тоскливо.

Наконец Хрунгнир отпустил его волосы, сказав, что не может припомнить, всех он убил или еще не всех, и, пока он припоминает, Хелот будет ждать его решения в подземелье замка.

Хелот поплелся за бароном по убранному полю, спотыкаясь и увязая в грязи по колено. Широкая спина Датчанина качалась перед его глазами. Кожаная куртка была в потеках благородного баронского пота.

Вокруг расстилалась усталая от урожая земля. Она лежала плоским блином, окрашенная в безрадостный серый цвет. За жухлой рощицей, скорее всего, располагалась деревушка, но отсюда ее было не видеть.

Хелот пытался понять, куда они направляются, но не видел ничего похожего на дорогу в замок. Под ногами была только раскисшая земля. Барон оступился, и из-за его плеча Хелот увидел замок, стоящий на островке посреди озера. Он был сложен по старинке, из необработанных булыжников, и Хелот сразу понял, что ядра никогда не разбивали этих стен.

Они подошли к берегу. Пляж был устлан ломаным камышом, и волны, слабо шурша, набегали на него. Барон взял за шиворот какого-то рыбака и велел ему переправить свою сиятельную персону на остров. Парень молча отвязал лодку и разобрал весла. Одним толчком барон швырнул в лодку пленника, уселся сам и величественно принялся счищать грязь с рукава. Впрочем, он мог бы этого и не делать: вся куртка барона была заляпана сверху донизу, да и сам барон

не производил впечатления человека, уделяющего излишнее внимание чистоте брэнной плоти.

Так Хелот и попал в плен, продолжавшийся два с половиной года.

По прошествии этого времени, бедного событиями, но богатого размышлениями, по большей части горькими, в темную камеру вошел стражник с факелом, а следом за ним появился молодой человек в богатых черных одеждах.

— А здесь кто содержится? — спросил он скучающим тоном. Видно было, что обход тюрьмы ему не в радость.

Стражник сунул факел прямо под нос Хелоту. Тот едва успел отпрянуть, загредев цепями. Молодой человек предался созерцанию. Хелот ждал, пока стражник уберет свой факел. Яркий свет ударил по глазам хуже бича.

— Сними с него цепи, — распорядился молодой человек в черном и протянул руку за факелом. Дюжий стражник передал ему факел и принялся с готовностью лупить молотком по железу. Маленькая тесная камера наполнилась звоном. Звуки точно висели в воздухе и подпрыгивали при каждом ударе молота, так что Хелоту в конце концов начало казаться, будто он оказался в мешке с монетами, который трясут и подбрасывают.

Наконец ему удалось рассмотреть того, кто отдавал приказания. Он увидел задумчивое, довольно приятное юное лицо. Мальчику в черном было не больше четырнадцати лет. Он был бледен, беловолос, с острыми и мелкими чертами лица.

Величественным жестом подросток приказал Хелоту следовать за ним. Хелот пошел, стараясь не упасть, поскольку ноги у него подкашивались от слабости. Они поднялись по винтовой лестнице и вышли во двор.

Свежий воздух подействовал на Хелота как хороший удар кулака. Он задыхался. Почти сразу же заломило виски. Молодой человек подождал, пока его пленник придет в себя, не выказывая, впрочем, нетер-

пения или досады, и спустя несколько минут они пошли дальше, направляясь в жилые помещения замка.

Хелота усадили за большой деревянный стол, дали нож и принесли несколько кусков мяса и кувшин с неразбавленным вином. Хелот ел долго, жадно и безобразно, хотя мысленно все время уговаривал себя соблюдать приличия. Потом он разом так опьянел от вина и сытости, что пробормотал: «Извините, сэр», растянулся на жесткой лавке и блаженно уснул, засунув под голову кулак.

Когда он проснулся, было утро. Его разбудил свет, проникший через пять узких окон, между которыми висели старые гобелены, кое-где заштопанные, в грязных потеках от вечной сырости. На одном Хелот разглядел поклонение волхвов; остальные сохранились гораздо хуже. В центре комнаты стоял стол; у противоположной стены находился большой камин, украшенный стрельчатыми арками — по новой остроугольной моде, которую Хелот в душе не одобрял.

Было очень тихо. Хелот встал и подошел к окну, сквозь стены и крыши башен посмотрел на озерцо. Вода была синей, кое-где еще проплывали льдины. Еще дальше, за желтой полосой прошлогодней осоки, начиналось поле, памятное Хелоту по бесславному поединку с бароном. Посреди поля стояла виселица с четырьмя повешенными. Вороны уже утратили всякий интерес к полуистлевшим телам в лохмотьях. Деревья в рощице были окутаны нежной зеленоватой дымкой, возвещаая приближение чаровницы весны.

Откуда-то из-за рощицы в небо вздымались клочья черного дыма. Поразмыслив, Хелот предположил, что горит деревушка.

Он постоял немного у окна, потом решил пройтись по замку, но тут вошел вчерашний юноша и весьма учтиво с ним поздоровался. Хелот ответил ему тем же. Молодой человек предложил разделить с ним утреннюю трапезу, на что Хелот, разумеется, ответил благодарным согласием. Слуги принесли воду с розовыми лепестками, дабы благородные господа освежили свои руки; после подали первую перемену блюд.

Молодой человек в черном сидел за одним концом длинного стола, Хелот — за другим. Сперва они молчали, отдавая должное заячьему жаркому, потом принялись развлекать друг друга беседой.

— Кого же мне благодарить за гостеприимство и спасение от томительного плена? — осведомился Хелот, энергично двигая челюстями.

— Мое имя Греттир Датчанин, — ответил юноша, опуская белые ресницы, — я хозяин этого замка.

— Не может быть! — вырвалось у Хелота по неосторожности. — То есть... простите, сэр. Я хотел спросить: а где же барон?

— Отец уехал отвоевывать наши земли в Камбрэ и погиб в неравном бою с пятью доблестными противниками, — сдержанно и с достоинством произнес юноша.

подавив вполне закономерное «слава Богу!», Хелот нашел в себе силы пробормотать:

— Это великой жалости достойно.

Они помолчали немного, соблюдая краткий траур по барону. Потом разговор сам собой зашел о поединках, турнирах, служении дамам и прочей дребедени, и Хелот довольно правдиво рассказал парнишке почти всю свою скудную биографию. У Греттира, во время рассказа было очень счастливое лицо, и всякий раз, когда Хелот произносил слова «копье», «меч», «сразил насмерть», оно озарялось таким светом, что Хелот невольно проникся к нему искренним участием.

Молодой человек принялся расспрашивать гостя о его шрамах, а также об известных славных бойцах, и Хелот добросовестно излагал ему все, что знал.

Греттир Датчанин слушал, опустив подбородок на сплетенные пальцы рук.

— Как ваше имя? — спросил он внезапно. — Простите мою неучтивость, я должен был задать этот вопрос еще вчера...

— Неважно, сэр. Вы сделали для меня куда больше. Меня зовут Хелот из Лангедока, — добавил Хелот, боясь показаться невежливым.

Греттир задумался.

— Я никогда не слышал о таком имени, — признался он.

— Потому что оно ничем не знаменито, господин мой.

— Но, может быть, я слышал о ком-то из ваших друзей?

Тут пришел черед задуматься Хелоту. Когда-то у него был приятель, но это было очень давно. Еще до встречи с покойным отцом Греттира.

— Петипас из Винчелси, — сказал Хелот, сам удивляясь тому, что еле вспомнил, как его звали. А ведь клялись когда-то в вечной дружбе!

Греттир грустно покачал головой.

— Нет, — сказал он, — не слышал...

— Нас обоих как-то победил сэр Тор, который преследовал рыцаря с белой сукой, — выдавил из своей памяти Хелот.

— А кто это — сэр Тор?

— Внебрачный сын короля Пеллинора...

— Я не знаю короля Пеллинора, — сказал Греттир.

Так они беседовали до темноты.

Когда-то Хелоту доводилось ночевать в замке, где в свое время останавливался Гури Длинноволосый, знаменитейшая в рыцарском мире личность, известная своими подвигами и чудачествами. О нем говорят, рассказывают и повествуют Бог весть что, и всему приходится верить, ибо доподлинно известно, что многие его деяния даже приписывают другим рыцарям. Содеянное неукротимым валлийцем буквально растащили по клочкам. Ведь — подумать только! — его походов хватало на то, чтобы разукрасить биографии сэров Ивэйна, Гавэйна, Агравэйна и Гахериса, и еще осталось на долю сэра Гарета, но тот поскромнее других, хотя тоже любитель приврать.

Хелот не стал разочаровывать мальчика и говорить ему, что покамест Гури восседал на почетном месте во главе стола и разглагольствовал, брызгая соусом на платье хозяйки замка, он, Хелот, пытался заснуть в углу на охалке свежего сена, коим для благоухания

устилали полы. Над ухом у него раскормленный рыжий пес с хрустом грыз сахарную косточку, и все это, в совокупности с визгливым голосом Гури и бархатистым смехом хозяйки, ужасно мешало ему спать.

Когда в комнату вошли сумерки, вместе с ними ворвался лязг оружия. Затопали стражники, прерывая изысканный разговор. Дверь распахнулась. Вошли слуги с факелами, и по узкому проходу между ними пробежал человек в растерзанной одежде. Он домчался до Греттира, лицо которого мгновенно стало строгим, и упал, упираясь ладонями в пол. Греттир молча взирал на его лохматую макушку.

Гонец оторвал лицо от пола и, задышав, проговорил:

— Рауль де Камбрэ идет сюда. Он уже на берегу... Греттир резко встал и подошел к окну.

— Деревня горит, — сказал он.

«Я знал это еще утром», — подумал Хелот, но из благоразумия промолчал.

Гонец выпрямился.

— Рауль уже на берегу, — повторил он.

— Я вижу его костры, — ответил Греттир, чуть повернувшись вправо. Он пошевелил губами, видимо считая, а потом спросил: — Сколько рыцарей с ним?

— Двенадцать.

«Двенадцать рыцарей, — подумал Хелот, — и с каждым человек по десять-двадцать пехотинцев... Какого черта этот щенок терял время на дурацкие куртуазные беседы?» Он подавил желание надрать своему освободителю уши.

— Трубите тревогу, — устало распорядился Греттир.

Стражники затопали прочь. Гонец жадно выпил вина из кубка, который протянул ему Хелот. Бывший пленник молча смотрел в его истомленное лицо, покрытое копотью. Борода у солдата обгорела и торчала черно-желтыми клочьями.

— Это все папашка твой, да упокоится в мире его беспокойная душа, — обвиняюще произнес за спиной

Хелота женский голос. Дама обращалась, видимо, к Греттиру.

Хелот обернулся как ужаленный. В комнате только что не было никакой женщины. И вот... на лавке, подобрав под себя ноги, сидела девица совсем юных лет. Ее карие глаза были опущены у висков книзу, что придавало ее узкому аристократическому личику капризное выражение.

— Отстань, Санта, — отозвался Греттир. — Видишь, не до тебя.

— Позарился на Раулевы земли, теперь барона-то кокнули, а тебе отдуваться, — склочно проговорила девица и зашуршала платьем, устраиваясь поудобнее.

— Чем ворчать, скажи лучше, что мне теперь делать?

— Откуда мне знать? — огрызнулась она. — Это раньше надо было думать.

— Вредина, — сказал Греттир. — Я тебя в цепи посажу под крест.

Она сощурилась и посмотрела прямо в глаза Хелоту. От этого холодного взгляда ему стало не по себе.

— А ну, представь меня гостю, — потребовала девица.

— Хелот из Лангедока, странствующий рыцарь, — отрывисто бросил Греттир. — Бьенпенсанта Злоязычная, называемая также Добронравной. Моя прабабушка.

Хелот поклонился. Бьенпенсанта усмехнулась, покачивая туфелькой.

— Сознайтесь, рыцарь, ведь вы удивлены?

— Да не особо... — сказал Хелот, однако девица проигнорировала его замечание.

— Да-а... — протянула она. — Я призра-а-ак... Меня убил из ревности прадедушка этого молодого человека... — Она указала на Греттира острым подбородком. — И с тех пор я затаила лютую злобу. Я — проклятие его рода...

Со двора донесся гнусавый звук трубы, который сорвался и бесславно заглох. Греттир двинулся к выходу и на пороге обернулся, сделав Хелоту знак следовать за ним.

Воинство уже построилось у стен замка. Вооружены все были кое-как, но сердца горели решимостью. Расчет врага был примитивен: он хотел задушить замок голодом. Греттир страшно рисковал, выступая против Рауля де Камбрэ в открытом бою, но иного выхода у него не было.

Хелот стоял в стороне, глядя на хрупкую фигурку молодого барона, окруженного дюжими стражниками, и понимал, что видит его в последний раз, поскольку в предстоящем бою юноша будет убит первым.

Греттир нашел его глазами. Датчанин был очень бледен. Хелот знал, что молодой человек отчаянно трусит, но ничем не мог ему помочь. Греттир помолчал немного, а потом опустился на одно колено и попросил посвятить его в высокий рыцарский орден.

— Я не опозорю вашего имени, — добавил он тихо.

Хелот чуть не заплакал.

И тут во дворе появилась Бьенпенсанта.

— Что здесь такое? — протянула она. — Сознавайтесь! Видение хочет быть в курсе!

На нее никто не обратил внимания. Хелот торопливо ударил Греттира плащом по плечу и сказал:

— Встань, сэр Греттир Датчанин, и иди вперед без страха!

Греттир встал. Правое колено у него было вымазано сырой глиной.

Бьенпенсанта, надувшись, уселась на бревна, сваленные неподалеку от стены.

— Сэр, — обратился Хелот к Греттиру, — позвольте мне сразиться за вас.

Он покачал головой и надел шлем. Другого Хелот и не ожидал, но все же надеялся уломать своего молодого хозяина.

— Вы ведете себя как ребенок, сэр, — сказал Хелот. — Поверьте моему опыту. Я старше вас. В конце концов, возраст ведь тоже кое-что значит. Я прожил на этой земле двадцать два года и...

Бьенпенсанта истерически расхохоталась.

— Между прочим, я прожила на двести лет больше вашего, — вставила она.

«В жизни не встречал более надоедливой призрака», — подумал Хелот с досадой.

— За двести с лишним лет ты могла бы научиться не вмешиваться в мужские дела, — сказал Греттир.

Она обиженно передернула остренькими плечиками.

— Если бы за Рауля взялась я... — начала она.

Не обращая внимания на призрак, молодые люди продолжали свой спор. Хелот видел, что Греттиру очень хочется, чтобы гость его уговорил, но из интеллигентского идиотизма продолжал стоять на своем. В результате оба молодых человека обменялись оружием и решили идти в бой рука об руку.

Между тем солдаты стояли в строю, переминаясь с ноги на ногу и почесываясь алебардами. Легкой походкой, не касаясь земли, Бьенпенсанта подошла к коню, которого держал под уздцы один из стражников, и вихрем взвилась в седло, обнаружив под старомодным синим блио длинные ноги довольно-таки соблазнительной формы. Стражник разинул рот, на что привидение не обратило ни малейшего внимания.

— Солдаты! — звонко сказала прабабушка сэра Греттира. — Я поведу вас в бой сама! Вы босы и плохо вооружены! Гром и молния! Сапоги мы снимем с убитых! Вперед!

Добавить к этому пламенному призыву было нечего. Солдаты воодушевились и завопили, потрясая оружием. Их тени закривлялись на стенах замка. Бьенпенсанта отобрала у стражника копьё и воинственно взмахнула оружием.

— Двести лет назад из этого замка к берегу вел подземный ход. — Она указала копьем на бревна. — Разобрать поленья! Мы нападём на них с тыла, когда они обожгутся и завалятся спать!

Пятеро солдат бросились исполнять приказание. Действительно, вскоре под дерном обнаружилась черная дыра, закрытая чугунной решеткой. Призрак снял с пояса кошель, вынул оттуда ключ и бросил стражникам. На юном личике привидения появилось мечтательное выражение.

— Здесь-то он меня и заморил, — пробормотала она. — Я так боялась умереть. А чего бояться-то? Как только я умерла, я тут же освободилась...

Раздался адский скрежет, и на лицах, озаренных багровым светом факелов, появилось радостное выражение. Решетка была снята. Из отверстия потянуло холодом и сыростью.

Бьенпешанта закричала, не давая солдатам поддаться вполне естественному чувству страха:

— Друзья! Враг уверен, что мы заперты в ловушке! Он ждет, пока мы решимся переправляться водой, чтобы расстрелять наши лодки из пушек!

Хелот приблизился к стремяни и поднял голову.

— Мадам, я восхищен.

Санта наклонилась к нему с седла.

— А, пустое, — небрежно ответила она. — Я случайно вспомнила про этот ход. Я пользовалась им когда-то... бегала на свидания... А потом прадедуська моего любимого потомка спрятал здесь мой изуродованный труп.

Она засмеялась.

Солдаты один за другим исчезали под землей. Последним спустился Хелот, и над его головой заскрежетала решетка. Он поднял голову и увидел, что тонкая фигурка девушки тает, исходит белым дымом и медленно просачивается сквозь прутья. Что-то звякнуло. Хелот наклонился и поднял — ключ.

— Возьмите его себе и смотрите, чтоб вас не убили, — прошепестело из темноты.

Хелот повесил ключ на шею и побежал по низкому, скользкому ходу, стены которого были укреплены бревнами.

Внезапное появление на берегу целого воинства вызвало у людей Рауля де Камбрэ недоумение, но отнюдь не панику. Сам Рауль, огромный детина в длинной, едва ли не до пят, кольчуге, заревел, как бык, и храбро повел своих в атаку. Однако даже няного и неукротимого графа де Камбрэ смутило жуткое чудовище, внезапно выросшее перед ним из ночного мрака. Завывая и показывая оскаленные клыки, чудище неслось впереди защитников замка. Верхом на страшном звере восседала молодая девица, идеально сложенная, но маленькая, как новорожденный ребенок. Заглушая вой зверюги, она пронзительно верещала:

— Конец света! Конец света! Я — Вавилонская Блудница на звере! Покайтесь!

«Выглядит вполне убедительно», — подумал Хелот, однако от крестного знамения удержался — не потому, что не был благочестив, но по той лишь причине, что жизнь научила его не размахивать попусту руками, если в руках обнаженный меч.

Браг дрогнул и побежал. Те немногие, что пытались сопротивляться, были смяты и уничтожены. Сам Рауль упал на землю с рассеченным черепом.

Наутро победители возвращались в замок на лодках, захваченных у врага. Хелоту очень хотелось спать. Греттир сидел в лодке мрачный как туча и не отрываясь смотрел на воду. Когда лодка ткнулась в берег, он первым выскочил на песок и, не оглядываясь, пошел в замок.

До самого вечера Хелот спал. Болело все тело, отвыкшее от нагрузок. Под окнами радостно галдели солдаты.

Проснувшись, он взял свое оружие и спустился во двор. Греттир стоял у внешнего рва, глядя на восход багровой луны.

Хелот помялся немного, а потом сказал, глядя ему в спину:

— Прощайте, сэр.

Греттир не обернулся.

— Вы уходите?

— Да, — ответил Хелот. — Странствующему рыцарю не пристало долго задерживаться в гостях.

Греттир уныло бросил в воду камешек и сам отвязал рыбацкую лодку.

— Наверное, вы правы, — сказал он. — Тяжело жить рядом с такими неприятными воспоминаниями. Мне жаль, что мы были так мало знакомы.

Хелот уселся и взял весла, ужаснувшись при мысли о том, что не умеет грести. Однако он довольно храбро оттолкнулся веслом от берега и сказал:

— Быть может, еще увидимся, сэр.

Греттир не ответил.

ГЛАВА ВТОРАЯ

До города оставалось еще часов пять пути. Ночь наступала в этих краях поздно, однако Хелот предпочел заночевать в придорожном трактире, что возле урочища Зеленый Куст.

Хозяева, оба небольшого роста, рыжеволосые и веснушчатые, не то брат и сестра, не то муж и жена, подозрительно осматривали пришельца. Был он худ и одет в сущие лохмотья. Темные глаза незнакомца также не внушали им доверия. Они не любили иметь дела с чужими. Он видел это по их тупо сосредоточенным мианам.

Хелот снял с шеи мешочек и вынул оттуда римский динарий (в одной из деревень, подрядившись копать могилу для умерших от оспы, он случайно нашел клад монет, оставшийся здесь еще от легионеров Цезаря). Простодушные селяне вцепились в монетку, однако к самому Хелоту отнеслись без всякого интереса. Хозяйка слегка посторонилась, и, не дожидаясь более любезного приглашения, Хелот просочился в узкую щелку между ее круглым бочком и дверным косяком.

Трактир представлял собою грязную комнату с деревянными скамьями вдоль стен и массивным столом, на котором неплохо смотрелась бы пара-другая гробов. В очаге еле-еле шевелился огонь.

Хелот снял дырявые башмаки, пошевелил пальцами ног и босиком подошел поближе к теплу. Он уселся прямо на пол, осторожно поджав под себя ноги, и принялся наслаждаться свободой. Греттир Датчанин освободил пленников своего папаша, томившихся в подземельях и чердаках захудалого замка, и отпустил их на все четыре стороны, дабы без помех предаваться размышлениям. Хелот оставил лодку на берегу озера и ушел пешком, отягощенный лишь мечом и ножом. Меч ему пришлось продать, а нож он прятал в лохмотьях.

За несколько месяцев путешествия он забрался далеко на север и сейчас был неподалеку от города

Ноттингам. Бывший рыцарь из Лангедока успел превратиться в отменного бродягу.

Хозяйка швырнула ему на колени миску с бобами. «Могла бы и повежливее», — подумал Хелот, грязными пальцами вылавливая из жидкого соуса бобы.

Он ел руками, не замечая, что бобы недоварены. На манеры свои Хелот давно уже плюнул. Это раньше, в баронской темнице, он каждое появление тюремщика встречал требованием подать ему столовый прибор. Впрочем, на это требование тюремщик регулярно отвечал зуботычиной и удалялся. Хелот плевался кровью ему вслед, ругал на чем свет стоит и облизывал миску языком. Он постоянно был голоден.

Обсасывая пальцы, Хелот подумал, что ему явно не хватает сейчас красных лап тюремщика, поросших черной шерстью. Ах, какое упоительное воспоминание: вот они держат миску с отвратительной на вид (и вкус) баландой, затем складываются в метательный снаряд, после чего пленник видит их уже под своей челюстью. Хрясь! И толстая спина в лопнувшей кожаной куртке неторопливо исчезает за дверью.

В глубочайшей задумчивости Хелот оглядел трактир. Ночь обещала быть прохладной и, возможно, дождливой. А уж под утро точно выпадет роса. Если дать хозяйке еще динарий, она, возможно, разрешит переночевать где-нибудь в углу. Только бы добраться до города, а уж там человек с образованием найдет себе занятие. Все-таки, на дворе просвещенный XIII век, не дикость какая-нибудь и варварство.

Бывший рыцарь из Лангедока умел читать и писать. Он рано остался сиротой, и доблестные родители не успели привить ему отвращения к книгам. Этим и воспользовался изнывающий от скуки местный капеллан.

Хелот полагал, что грамотность при надлежащем ее использовании — большая сила. К моменту своего неудачного поединка с покойным бароном Хелот успел прочесть несколько римских авторов, в том числе Сенеку. Впрочем, последнее он старался не выставлять напоказ.

Хелот смотрел в огонь и грыз ногти, когда почувствовал, что кто-то толкает его в спину коленом. Он ощутил знакомую тяготящую тоску и молча поднялся на ноги, даже не пытаясь оглянуться.

Кто-то стоял прямо у него за спиной. Еще двое — справа и слева. Справа — монах, невымытый и пьяный, от которого разило чесноком; слева — стройный светловолосый юноша в зеленом плаще. Хелот поежился, угадывая за спиной человека громадного роста и силы. Все трое молчали. Хелот ждал.

Неожиданно монах грубо расхохотался, шлепнулся на скамью и нетвердым голосом потребовал пива. Пиво возникло откуда-то из мрака само собой, и кто подал его столь стремительно, так и осталось сокрытым во тьме неведения. При виде этой услужливости, на которую неожиданно оказались способны неотесанные содержатели трактира, Хелот утвердился в своей первоначальной догадке: грабители.

— Садись, — предложил ему светловолосый.

Хелот послушно опустился на скамью, покосился на человека, стоящего возле огня, который действительно производил устрашающее впечатление. Однако заправлял здесь юноша в зеленом плаще (Хелот заметил серые глаза и веснушки).

Монах хлестал живо и фыркал в кружку гулко, как в погреб. Руки у служителя Господня были точь-в-точь как у незабвенного тюремщика. Хелот даже взгрустнул на мгновение.

Веснушчатый парень, с минуту поизучав остроносую физиономию Хелота, вытащил из-за пояса широкий нож, с силой воткнул острие в доски стола и спросил довольно властно:

— Кто ты такой?

Хелот растерялся и просто назвал свое имя. Он тут же пожалел об этом, лопатками ощутив, что гигант у очага неодобрительно шевельнулся.

Серые глаза парня потемнели.

— И что ты делаешь в наших краях, Хелот?

— Иду в город, — ответил Хелот и снова почувствовал, что сказал невпопад.

— Зачем?

— Хочу найти себе занятие по душе...

— Интересно... И какое же занятие тебе по душе? — издевательски спросил монах и фыркнул на Хелота пивом.

Хелот обтер с лица пену.

— Слушайте, что вам нужно? Я брожу по дорогам, у меня всего несколько монет, да и те фальшивые, — сказал он почти умоляюще. — Не знаю, чем еще я могу вас заинтересовать.

Вся компания, как по команде, пришла в страшное возбуждение. Сероглазый вцепился в свой нож.

— Ты что? — холодно спросил он. — Ты принимаешь нас за грабителей?

Хелот промолчал. Нож оказался у него под подбородком. Над ножом сверкали серые глаза.

— Да или нет? — настойчиво повторил парень.

— Да, — сказал Хелот, моргнув. — Я принимаю вас за грабителей.

К его величайшему удивлению, парень убрал свой нож.

— Ты прав, — согласился он совершенно спокойно. — Если бы ты солгал, я перерезал бы тебе горло. Однако честные люди могут нас не бояться. Мы грабим только богатых, которые жиреют на человеческой нужде. И шпионов...

— Но я не шпион, — сказал Хелот. — Я вообще чужой в ваших краях.

— Выпей, — предложил монах.

Хелот отказался.

Гигант уселся на скамью рядом с ним и несколько секунд изучающе разглядывал птичий профиль и всклокоченные черные волосы Хелота. На его широком простодушном лице большими буквами было написано недоверие.

— Знаешь что, — сказал он, обращаясь к светло-волосому парню, — давай его прикончим, и хватит дурацких разговоров.

Хелот покосился на всклокоченную бороду верзилы, в которой застряла солома.

Парень в зеленом рассмеялся:

— Тебе лишь бы кого-нибудь прикончить, Джон. Ну, идет себе человек в город, так что в этом подозрительного? — Обращаясь к Хелоту, он бросил повелительно: — Ну-ка, встань!

Хелот послушно поднялся со скамьи. Сероглазый, сняв со стены коптящий факел, принялся бесцеремонно разглядывать лангедокца, попутно комментируя увиденное.

— Полюбуйтесь на него, ребята, — говорил он, опустив пламя факела вниз, и на Хелота с одинаковым детским выражением любопытства уставились две физиономии. — Ничто так не расскажет вам о человеке, как его ноги. Ноги, как говорит святой Сульпиций, — великий предатель. (Хелот невольно поджал пальцы: он был бос). Эти колени протерты не на молитвах. А как они дрожат!..

Хелот подумал немного и решил возмутиться.

— Врешь, — сипло сказал он.

Факел мгновенно оказался на уровне его лица.

— Повтори-ка, — посоветовал сероглазый из темноты.

— Врешь ты все, — с тоской повторил Хелот. — Не дрожат у меня колени.

— А почему? — поинтересовался парень. — Ведь я могу в любую минуту тебя зарезать, приятель. Рожа твоя мне очень не нравится. Не водится в наших краях пиковой масти, спроси хоть Милли... Ты что, не боишься?

— Боюсь, — сказал Хелот. — Но колени не дрожат.

— Ладно, — великодушно произнес парень, убирая факел. — Можешь тут переночевать. Я скажу хозяйке, чтоб тебя не трогала. И не плати ей, она свое уже получила.

Вся троица принялась дружно поглощать пиво в чудовищных количествах, а Хелот молча стоял у очага и с завистью смотрел в их широкие спины и красные затылки.

Внезапно сероглазый, точно вспомнив, повернулся к нему.

— Что стоишь? — резко сказал он. — Сказано же тебе: иди спать.

Хелот осмотрел темную комнату, потом забрался под лестницу и мгновенно уснул, подложив под голову свои башмаки.

Проснулся он от пинка. Пинал его бородатый. Хелот уважительно отметил добротность обуви, занесенной над его головой.

— Вставай, ты, рвань, — сказал бородатый, которого, как вспомнил Хелот, звали Джоном. — Живо вставай, слышишь?

Хелот вылез из-под лестницы и с трудом поднялся на ноги. Его макушка приходилась как раз вровень со всклокоченной бородой. И вдруг Хелот разозлился настолько, что у него пропал даже инстинкт самосохранения. Если этот бандит сейчас меня убьет, подумал он, изнемогая от ненависти к самому себе, то одним дураком будет меньше, вот и все. Он задрал голову и заорал, брызнув слюной на бороду Джона:

— Ты зачем меня разбудил, оглобля деревенская?

Разбойник неожиданно расхохотался, гулко хлопнув Хелота по плечу:

— Вот это по-нашему! Ха! А то мне вчера показалось, что ты обыкновенная бледная сопля, из таких, что строчит доносы.

— Я и есть сопля, — пробормотал Хелот себе под нос и отвернулся.

Зеленый плащ легко сбежал по лестнице. Лицо покраснелось, глаза сияют, светлые волосы торчат дыбом — забыл их пригладить, вскочил и сразу помчался куда-то.

— Отлично, все в сборе, — сказал он. — Просто замечательно. Отец Тук уже возле Двойной Березы, а мы сейчас идем к повороту возле Старого Дуба. Ребята, не задерживайтесь.

— Идем, что стоишь, — сказал бородач.

Хелот вытаращил глаза:

— Я?

— Ну, ты. Конечно, кто же еще.

— Вы с ума сошли! — закричал Хелот. — В вас демоны вселились! Бегемот и этот... Бафо... не помню, в общем они!

— Что-что? — угрожающе спросил бородатый дедина. — Кто вселился? Богохульствуешь?

— Наоборот! — отрезал Хелот. — Взываю к Господу! Оставьте меня в покое! Я не имею никакого желания ввязываться в ваши проклятые грабежи и бегать по вашему проклятому лесу...

Он не успел договорить, потому что гигант несколько раз ударил его и отшвырнул к стене.

— В таком случае, тебя нужно хорошенько изувечить, чтобы ты не успел на нас донести.

Хелот потрогал стремительно оплывающий глаз.

— Делайте со мной, что хотите, — сказал он, отплевываясь, — и будьте прокляты.

Сероглазый посмотрел на него с откровенным отворачиванием.

— Да ты настоящий холуй, — сказал он убежденно, — но я сделаю из тебя свободного человека.

— Никого еще не удавалось загнать к свободе палками, — сказал Хелот, припомнив одного из античных авторов. И, как всегда, цитата пришлась не к стати.

Хелот подобрался. Он подтянул колени к животу — и очень вовремя. «Этот кретин сделает меня хромым на всю жизнь», — подумал он.

— Оставь его, Джон, — брезгливо сказал парень.

Хелот осторожно встал и посмотрел в широко расставленные серые глаза упрямым и грустным взглядом. Видно, при дневном свете парень усмотрел в его лице что-то новое, потому что внезапно изменил тон.

— Послушай, — сказал он, — я бы оставил тебя в покое, как ты просишь, но кто тебя знает? Ты видел нас здесь, слушал наши разговоры. Это ставит под угрозу жизнь многих честных людей. Я должен взять тебя с собой, чтобы ты ненароком не оказался соглядатаем, понимаешь?

— Да не соглядатай я, — взмолился Хелот, — и никому ничего не скажу.

Робкая искорка надежды была грубо прихлопнута.

— Ты можешь не выдержать пыток, — предположил Джон со свойственным ему черным юмором.

Хелот покачал головой.

— Я не знаю, кто ты, — сказал он сероглазому, — хотя слышал, конечно, что здешние леса кишат разбойниками. Похоже, ты их главарь. Ты мне не нравишься. Я свободный человек и буду жить так, как мне нравится.

— Кто свободный? Ты? — поинтересовался парень. — Чего стоит твоя свобода? Ты идешь с нами, или я тебя убью.

Хелот угрюмо пожал плечами.

Они вошли в лес, обступивший урочище Зеленый Куст, — огромный, враждебный городским людям, населенный недобрыми духами, старыми богами и разбойниками. Ветки, которые, казалось, сами расступаются перед лесными жителями, изо всех сил хлестали Хелота по лицу. Испарянный, он мысленно посылал проклятия двум зеленым спинам.

Внезапно они вышли на обочину дороги. Это была широкая, хорошо утоптанная дорога, и видно было, что ею часто пользуются.

Парень вскарабкался на старый дуб, ветви которого простирались над самой дорогой, и спрятался в густой листве. Хелот и Джон встали у ствола.

Напротив, возле березы, давней грозой расколотой надвое, маячил развеселый монах. Он не особенно тайлся.

Вскоре показались и всадники, которых поджидали. Впереди ехали два солдата в кожаных куртках с неудобными, похожими на тазы, шлемами. За ними следовал рослый мужчина с окладистой, хорошо ухоженной бородкой, в модном тюрбане с красными перьями. Его оружие везли два оруженосца.

— Вырядился наш Гарсеран, — пренебрежительно проворчал скрытый в листьях парень.

Свистнули две стрелы, пущенные Джоном и монахом, и два солдата, раненные в плечо, одновременно покачнулись в седлах, кривясь от боли. Кавалькада

остановилась. Парень легко спрыгнул на землю и улыбнулся во весь рот.

Господин в тюрбане выехал вперед, намеренно наезжая на разбойника лошадью в узорной сбруе.

— Это опять ты, Робин из Локсли, — сказал он сердито. — Ну что ж, привет.

— И тебе привет, сэр Гарсеран из Наварры, если я ничего не перепутал, — ответил Локсли. — Что, опять шляешься по моему лесу без разрешения?

Из-за березы донесся гогот отца Тука. Гарсеран толкнул лошадь вперед, вынудив Локсли отступить на пару шагов. Впрочем, на большее рыцарь не отваживался, поскольку дорожил своей шкурой. Он ограничился тем, что пожал плечами.

— Грубиян, — процедил он сквозь зубы.

— А ты плохо воспитан, Гарсеран, — сказал Локсли. — Плати за проезд. Или ты хочешь, чтобы мы пригласили тебя к ужину?

От одного воспоминания об этом Гарсерана передернуло. Он выругался, снял с шеи массивную золотую цепь, отвязал от пояса два кожаных кошелька, туго набитых, прибавил перстень с указательного пальца и бросил все это в дорожную пыль. Робин пошевелил добычу носком башмака.

— Маловато, — заметил он и потрогал нож на поясе. — А я-то был о тебе куда лучшего мнения, Гарсеран.

Рыцарь залез под шелковую рубашку, снял с шеи мешочек, в котором вез драгоценные камни, и в сердцах швырнул его в Робина.

— Будь ты проклят, грабитель! — воскликнул он.

Локсли наклонился, посмотрел на разбросанные по дороге драгоценности и деньги, затем выпрямился.

— Проезжайте, — разрешил он и махнул рукой солдатам наваррского рыцаря, чтобы не боялись. — В Зеленом Кусте, где трактир, вам помогут. Не забудь накормить людей. Если узнаю, что ты сам все сожрал — смотри, я тебя и в Ноттингаме найду.

— Прощай, грабитель, — сказал Гарсеран, трогая коня.

Локсли, усмехаясь, уселся на краю дороги и рассыпал по траве самоцветы, любуясь игрой камней. Монах, огромный Джон и Хелот подошли поближе. Хелот взял в руки красный окатыш и посмотрел сквозь него на солнце. Ему показалось, что пальцы его запылали. Джон ударил его по кисти руки, и камень упал на дорогу.

— Подними, — вдруг сказал Джону Локсли. Джон захохотал, но сероглазый был настроен серьезно. — Я сказал, а ты слышал, — напомнил он.

Джон повел плечевыми плечами, желая скрыть смущение, однако драгоценность поднял. Локсли подставил ладонь, принимая камень.

— Славный рубин, — сказал он, шурясь от удовольствия.

— Это не рубин, — внезапно сказал Хелот. — Этот камень называется альмандин.

— А ты что, понимаешь толк в драгоценных камнях? — спросил Локсли. — Станный же ты бродяга.

Хелот прикусил губу.

— Мало ли чему научишься, пока бродишь, — сказал он уклончиво. — Тут разговор, там беседа...

За его спиной разбойники переглянулись.

— А ну, — распорядился Локсли, — расскажи нам, невеждам, что за яички снес сегодня храбрый рыцарь сэр Гарсеран.

Хелот взял с его ладони один из камней и, улыбаясь, подбросил в воздух.

— Это аметист, — сказал он, не замечая, как вытягиваются лица его слушателей, — камень трезвости и ума. Древние греки разбавляли вино водой...

— Во жулики! — возмутился отец Тук.

— Да, чтобы не нажраться случайно до поросычьего визга, — пояснил Хелот. — Камень напоминал им, какого цвета должно быть разбавленное вино. — Он взял в руки кольцо и показал голубой, в коричневых прожилках, непрозрачный камешек. — А это тюркис. Она живет и умирает, как живое существо. Если не носить ее на руке, она будет стареть... Говорят, что в тюркис превращаются кости людей, погибших от любви...

Молчание, в которое погрузились Локсли и его приятели, вдруг показалось Хелоту угрожающим, и он замолчал.

— Да, — тяжело уронил Локсли, — если ты и не платный осведомитель, то, во всяком случае, человек очень и очень подозрительный. В последний раз спрашиваю: кто ты? Запомни хорошенько: если вздумаешь врать, тебя исповедует отец Тук. А уж он это умеет.

— Умею, — подтвердил монах, потирая жирные лапы.

— Я есть хочу, — сказал Хелот. — Оставьте меня в покое. Если бы не вы, я уже сидел бы в какой-нибудь харчевне в Ноттингеме. Денег у меня на это бы хватило. А ты, Робин из Локсли, или как тебя, — ты мне не нравишься.

— Послушай, Хелот, ты не настолько хорош, чтобы выбирать, нравлюсь я тебе или нет.

Хелот вдруг понял, что ему стало скучно.

— Ты можешь меня убить, — предложил он. — Вижу, другого способа избавиться от тебя у меня нет.

Все трое грабителей стояли, а бродяга продолжал упрямо сидеть, подтянув колени к подбородку. Он устал и был голоден. Нелепость происходящего, как ему казалось, даже не заслуживала того, чтобы над ней задумываться. Удивительная страна Англия, чего только не встретишь!

— Нравлюсь я тебе или нет, — сказал Локсли, — но сейчас ты пойдешь со мной.

Хелот поднял голову и молча уставился на него.

— Имея такую морду, как у тебя, парень, лучше не спорить, — вмешался Джон, с удовольствием разглядывая синяки лангедокца.

— Вы, ребята, идите, — сказал своим друзьям сероглазый. — Я с ним сам разберусь.

Джон с монахом затопали в заросли, откуда вскоре донесся их сочный хохот.

Робин уселся рядом с Хелотом. Тот не шевельнулся.

— Напрасно обижаешься, — сказал Робин. — Джон слегка погорячился сегодня утром, но согласись, у него были на то основания. — Хелот покосился на

него, но ничего не ответил. — Сам знаешь, что с нами будет, если нас поймает сэр Ральф, доблестный шериф Ноттингамский.

— Повесят, что же еще, — неожиданно согласился Хелот. — Но это еще не причина бить меня по ребрам с утра пораньше.

— Ты пойми, — принялся уговаривать упряма Робин, — твое поведение вызывает серьезные подозрения. Ты явился в трактир и потребовал... Чего?

— Еды! — сердито сказал Хелот. — И если я опять попаду в трактир, то опять потребую еды.

— Вот! — с торжеством подхватил Робин. — А не пива! Это во-первых. Местные в первую очередь требуют пива, чтоб ты знал. Во-вторых, ты смотрел так, будто старался запомнить на всю жизнь. Перепугал Милли до того, что она поскакала к нам в лес и чуть ли не на коленях умоляла избавить трактир от шпиона. Местные смотрят на все мутным, рассеянным взором. Это во-вторых. Ты запоминай, дурак, запоминай. Я тебя зачем учу?

— Зачем? — спросил Хелот, зевая, за что тут же получил увесистый тумак.

— Чтоб ты живой остался! — сказал Робин. — Я сам вижу, что ты никакой не шпион. Но за тобой другой грех: ты ЧУЖОЙ. Волосы темные, глаза темные, галка галкой. Если ты при такой роже начнешь глазами зыркать, то долго не протянешь. Выловят тебя из быстрой речки с камнем на шее, и никому уже ничего не объяснишь.

— Ясно, — угрюмо сказал Хелот. — Послушай, Робин, отпустил бы ты меня. Я голоден.

Робин рассмеялся, легко, от души.

— А если я тебя накормлю, — сказал он, — ты станешь поразговорчивее?

— А что это бедного Гарсерана так передернуло, когда ты предложил ему пообедать у тебя? — поинтересовался Хелот.

Вместо ответа Робин повалился в траву, содрагаясь от хохота.

— С тобой такого не будет, — посулил он.

— Уважаемый грабитель из Локсли, — сказал Хелот, прижав руку к сердцу. — Я тебе благодарен от всей души за добрые пожелания, но все же попросил бы оставить меня в покое. Я пока что сам могу заплатить трактирщику.

— В этих краях тебя никто на порог не пустит, — сказал Локсли. — Ты в благословенном Ноттингамшире, не забывай. Люди здесь боятся доносов, боятся шерифа, а меня боятся еще больше, чем шерифа. При виде чужих у них вообще душа в пятки уходит. Так что выбора у тебя нет. Не упрямясь, тебя больше не будут бить. Я скажу ребятам, чтобы тебя не трогали.

Хелот промолчал. Он и сам видел, что выбора ему не оставляют, и вдруг ощутил странное облегчение.

Следом за Робинном он двинулся сквозь лес, проклиная свою мягкотелость. Через несколько минут Робин уверенно взял вправо и по еле заметной тропинке спустился к ручью.

Там был разбит лагерь. Кипела работа по разделыванию туши оленя. Кровь на траве еще не высохла. Несколько веселых пареньков, как на подбор огненнорыжих, ловко орудовали огромными тесаками и обменивались на ходу впечатлениями от недавней охоты.

— Привет, Робин! — крикнул один из них. — Как улов? Много рыбы поймал?

Локсли приветственно махнул им рукой. Все четверо посмотрели в сторону вновь пришедших, и, когда четыре пары разбойничьих глаз остановились на угрюмой физиономии Хелота, грянул дружный хохот.

Внезапно Хелот ощутил острую зависть. Он покопался на Локсли, но и тот кусал губы, чтобы не рассмеяться.

Из палатки (по правде говоря, это была оленья шкура, натянутая на обнаженные корни могучей ели) выбрался, скребя пальцами в бороде, заспанный отец Тук.

— А-а! — заорал он в восторге. — Ты привел его, сын мой! Твой духовный отец очень доволен тобой, Робин!

Пошатываясь и хватаясь за поясницу, он подошел к Хелоту вплотную и уставил на него бороду. От

святого отца противно разило чесноком и перегаром. Другие разбойники, словно вырастая из-под земли, подходили со всех сторон. Отец Тук охотно разъяснял им, тыча в Хелота толстым пальцем:

— Вот этот молодчик... ик! Он свалился прямо с того света в харчевню Тилли и Милли. Хорошо еще, что бедная женщина давно утратила способность беременеть, не быть мне отцом Туком! Будь она на сносях, с ней бы тут же случились преждевременные роды, так она перепугалась! У-у, вражина! — Он поднес к носу Хелота кулачище, потом внимательно осмотрел свои пальцы, звучно рыгнул и продолжил обличительную речь: — Ну вот, мне он сразу не понравился, клянусь кишками святейшего папы! Малютка Джон почесал об него свои ручки, но пусть меня съедят свиньи, если ему это пошло на пользу. Наверняка он умеет читать и писать. Эй ты... ик! Умеешь читать?

Хелот растерянно кивнул. В толпе враждебно загудели.

— В-вот! — завопил отец Тук, взмахнул руками и чуть не упал. Кто-то из прихожан благочестиво поддерживал святого отца. — Даже я, ваш духовный отец, делаю это с большим трудом. Провалиться мне к Аиду, если грамота не нужна только доносчикам и прочей швали!

Хелот вздрогнул, когда худой, озлобленный человек нащупал на поясе нож и уставился на пленника неподвижными глазами, в которых неугасимо пылала ненависть. Хелот понял, что этот ударит первым. А потом их уже не остановишь.

Внезапно Робин из Локсли закрыл его собой.

— Вы что, белены объелись? — спросил он негромко, но так внушительно, что люди замолчали и даже отец Тук застыл с разинутым ртом. Робин продолжал: — Этот человек пришел сюда вместе со мной, и, кем бы он ни оказался, сейчас вы пальцем его не тронете, потому что он принадлежит мне. А тебе, — он повернулся к озлобленному человеку, — стыдно!

— Чего мне стыдиться, Робин? — упрямо спросил человек и провел пальцем по шраму, рассекавшему его лицо.

— Ты хочешь зарезать человека, который не может даже себя защитить.

Тот растерянно посмотрел на Хелота, потом на свой нож и наконец на Робина.

— Но ведь отец Тук говорит, что он шпион. Пусть наши враги помогут своему псу, если смогут. При чем тут я? Враг есть враг.

— Отец Тук говорит то, что ему кажется, — возразил Робин. — Но это вовсе не значит, что так оно и есть на самом деле.

Разбойники поглазели еще немного, потом, пожимая плечами, стали разбредаться. Ушел и Робин.

Хелот, наконец-то оставленный в покое, повалился в заросли осоки и мгновенно заснул.

Проснулся он от того, что на него сверху извергается холодное пиво. Он открыл глаза и увидел счастливую детскую физиономию рыжего паренька. Заходящее солнце нестерпимо ярко сверкало в его буйных кудрях. Хелот вздохнул, вытер грязным рукавом лицо и сел. Парнишка присел рядом на корточки, с любопытством разглядывая чужеземца, за которого заступился сам Робин. Хелот взял кружку из рук юного разбойника, но парнишка в тот же миг вскочил и ловко выбил ее ногой. Пиво облило Хелоту колени. Хелот молча поднялся на ноги, неторопливо стряхнул капли. Рыжий помирал со смеху, когда твердая рука бывшего рыцаря зацепила его за шиворот и подтащила прямо к угольным глазам. Вторая рука между тем уже стянула с парнишки штаны. Через мгновение мальчик уже лежал животом поперек острого колена и крепкая ладонь мерно отвешивала ему удары. Потом Хелот толкнул его на землю, повернулся и пошел к костру, откуда доносился сладостный запах жареного мяса.

Увидев его, Робин кивнул и потеснился, освобождая место у костра. Хелот сел, нацепил на нож кусок

оленины. Ему было противно. «Мальчишку поколотил, проявил геройство, — думал он, — а небось Малютке Джону такая наглость сошла бы с рук. Гнать, гнать из высокого рыцарского ордена, свинью такую».

Горестные размышления Хелота прервал Робин, толкнувший его в бок.

— Послушай, — сказал он, — эй... как тебя зовут, говоришь?

— Хелот из Лангедока, — машинально ответил бывший рыцарь, занятый совершенно другими мыслями.

— Лангедок — это не в Англии, — поделился сомнениями отец Тук. — Это... ик! оплот ереси.

Хелот потрогал подбитый глаз и всерьез расстроился. И люди вокруг были совершенно чужими. Как и вообще все люди. Он пытался вызвать в памяти хотя бы одно лицо, с которым были связаны добрые воспоминания — и не смог. Разве что Греттир. Но мальчик был ему неинтересен — он был еще слишком молод. «Итак, — сказал Хелот сам себе, — мне двадцать два или двадцать три года, я шляюсь по дорогам этой страны, на чужбине, потому что на родине мне нечего делать. Здесь, впрочем, тоже. Зачем я стараюсь понять людей? Все они либо трусливы, либо жестоки. Интересно, — вымученно подумал он, — можно ли понять человека, который ни с того ни с сего подбил тебе глаз? Во всяком случае, это было бы по-христиански».

А вокруг ели и галдели. Хелот заметил, что Робин помалкивает, думая о чем-то. Внезапно разбойник тронул своего гостя за локоть и шепнул:

— Идем-ка.

Солнце уже село. Они вдвоем отошли от костра и оказались в росистой темноте. Хелот невольно поежился в своей рваной одежонке.

— Давай руку, — сказал Робин. — А то оступишься, провалишься в канаву.

Хелот подал руку, и Локсли потащил его за собой, сперва вверх от ручья, потом сквозь какие-то непроходимые заросли, и наконец они оказались возле охотничьей хижины, поднятой на столбе — чтобы звери не лазили. Хелот потрогал избушку, нащупал дверь —

это была натянутая на раму звериная шкура — и забрался внутрь. Там царила непроглядная тьма.

— Стой у порога, — сказал Робин, — и держи дверь.

Хелот повиновался. Луна осветила каркас, напоминающий ребра, пятна на шкурах и несколько огромных сундуков. Это были циклопы сундучьего мира. Робин поднял крышку одного из них и вынул, порывшись, плащ с меховым капюшоном, рубаху и штаны, потом подумал, изрядно поворошил одежду и с самого дна извлек еще пару кожаных сапог.

— Это тебе, — заявил он, сбрасывая одежду на землю и прыгивая следом. — Переодевайся и не позорь своим видом лесных стрелков. Мы люди вольные, нам не пристало сверкать голым задом сквозь лохмотья.

Хелот оглядел добротные, почти новые вещи.

— Хм, — заметил он как бы про себя, — моя рваная одежда, значит, позор, а тряпье с чужого плеча, значит, не позор?

Локсли побледнел.

— Молчать, рвань! — рявкнул он. — Благодарю небо, что тебя подобрали щедрые и незлобивые люди.

Хелот отвернулся. Утренние побои еще болели, и он с тоской предвидел новые. «Но теперь можно дать сдачи, — решил он. — Тогда их было трое, теперь один, с одним можно попробовать».

— Я, конечно, нищий, — сказал Хелот. — Но, во всяком случае, не грабитель с большой дороги. И не нападаю на невинных людей.

Робин с силой дернул его за плечо.

— Ты что, — прошипел он, — решил, что мы живем и наживаемся на грабежах?

— Отстань, — вывернулся Хелот. — Я не нуждаюсь в твоих откровениях.

— Нет, теперь ты меня слушаешь. Ты глубоко оскорбил всех нас.

— Это уж слишком, — разозлился Хелот. — Ты тоже обидел меня. И куда более серьезно.

— Все награбленное, — торжественно объявил Робин, — мы раздаем бедным людям. Мы делаем их немного счастливее. Мы хоть чуть-чуть, но уравниваем богатых и бедных. Мы боремся за сча...

— Ну да, — перебил Хелот. — Берете в руки дубинки и дубасите по голове бедных тупых крестьян, пока они не согласятся взять ваши дары, заранее зная, что завтра придет сеньор, вещи отберет, а их повесит за сообщничество.

Он уже приготовился к изрядной драке, когда вдруг почувствовал, что в глазах у него чернеет и земля уходит из-под ног.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Изба была непривычно светлой. Солнце ломилось в широкие окна, свежий ветер приносил запах мха и хвои.

Хелот обнаружил себя в этом непонятном жилище лежащим на широкой кровати под лоскутным одеялом. С некоторым облегчением он установил, что Робина из Локсли поблизости не наблюдается. Где-то рядом что-то булькало и пытело. Повернув голову, Хелот увидел ничем не примечательного человека, склонившегося над маленьким тигелем. Крошечная жаровенка, в которой раскалились угли, стояла перед ним на столе. В тигеле кипела жидкость странного золотисто-зеленого цвета.

Кося глазами, Хелот принялся разглядывать этого человека, в котором признал алхимика. Алхимик был лет сорока, с лысинкой, брюшком, с сереньким лицом и редкой бородкой. Одет был в монашескую одежду, однако без явной принадлежности к какому-либо ордену, и, в отличие от отца Тука, был очень опрятен.

— Урочище Дальшинская Чисть, — не отрывая глаз от тигеля, отрывисто произнес человек.

— Что? — Хелот растерялся.

Человек засмеялся и добавил в тигель немного зеленого порошка, который осторожно взял стеклян-

ной ложечкой с глиняного блюда. Жидкость мгновенно почернела, побурела, вскипела, заливая угли. Человек едва успел отскочить в сторону, когда тигель взорвался и осколки стекла полетели во все стороны. К счастью, жидкость залила угли и пожара не возникло. С секунду алхимик горестно созерцал плоды своих усилий, после чего снова обратился к Хелоту.

— Ведь ты собирался спросить меня о том, где ты находишься, не так ли? — сказал он. — Я и отвечаю: ты в моем доме на болотах, в урочище Дальшинская Чисть. Могу добавить, что тебе здесь ничего не грозит.

— А вы кто такой, отец мой? — спросил Хелот шепотом.

Алхимик обтер руки о полотенце и подсел к нему на кровать.

— Ты же сказал, — засмеялся он. — Я твой отец.

— Это я символически, — сказал Хелот, закрывая глаза.

— А, — протянул алхимик, и Хелоту показалось, что он разочарован. — Жаль, иначе я бы тебя хорошенько выпорол... Терпеть не могу странствующих рыцарей. От них одни неприятности.

— Откуда вы знаете, что я рыцарь? — Хелот так удивился, что даже приподнялся на кровати, тут же обнаружив жуткую боль в затылке.

— Догадался, — обрубил алхимик. — Я святой Сульпиций, да будет тебе известно, невежественный отрок. Что, не похож на святого?

Хелот покачал головой.

— Простите, отец Сульпиций, — добавил он поспешно, заметив, что святой угрожающе нахмурился. — Глядя на священные изображения, я всегда думал, что святые и угодники имеют лики благолепные и мудрые...

— Мудрые лики, дитя мое, имеют только дураки, — назидательно проговорил отшельник и поднял палец, пожелтевший от возни с химикатами. — Почему у меня такая простецкая физиономия? Потому что думать для меня занятие привычное. Другое дело —

когда думать принимается настоящий дурак. Тут такой скрип стоит, что прохожие оборачиваются...

— А почему вы не любите рыцарей, святой отец?

— Потому что от них одни хлопоты да неприятности, — сказал отшельник, снимая с полки миску с полбяной кашей. — Поешь-ка. Третий день ты у меня валяешься.

— Как я к вам попал, святой отец?

— Как обычно, — проворчал отшельник. — Тебя приволок этот сумасшедший Робин из Локсли. Взял моду — творить добро. И именно для таких, кто в жизни ничего хорошего не видел. Взять, к примеру, образованных людей. Им помогать — одно удовольствие. Во-первых, они понимают, что им оказали благодеяние, а это само по себе уже великое дело. А во-вторых, умеют поблагодарить как надо: в меру трогательно, со слезой. Нет, надо разбойничку возиться именно с теми, кто даже не знает, как реагировать на доброту. Чаще всего путаются до смерти, вот и вся благодарность.

— Я что, был серьезно болен?

Отшельник посмотрел на него с откровенной насмешкой:

— Да ты, по правде сказать, помирал, дружок. Локсли привез тебя за два часа до лунного затмения, когда я собирался приступить к решающей стадии своего опыта. И вот, вместо того чтобы посвятить свое время чистой науке, я должен был все бросить и возиться с каким-то умирающим. Где ты подцепил эту хворь?

Отшельник ткнул в Хелота острым пальцем. Молодой человек сжался:

— Не знаю, отец мой.

— Похоже на оспу... — проворчал отшельник. — Тебе повезло, что в такой легкой форме. У нас тут была повальная хвороба, вымирали целыми деревнями. Ушкуйная Ладья, например, вся ко дну пошла, если можно так выразиться.

— Знаю, — сказал Хелот. — Я там братскую могилу копал. Остались всего двое, дед старый и с ним паренек лет семи.

— А говоришь: «Не знаю», — упрекнул его отшельник. — Небось еще и покойников в эту могилу сносил? Беда с вами. Да на меня молиться надо за то, что я от сожжения еретическую книгу Бонифация Отступника спас...

— Какого Отступника? — Хелот вдруг очень заинтересовался.

— Такого, такого... Когда Мать Наша Святая Церковь производила грандиозную ревизию рукописей по всем монастырям, тут такое творилось! У монахов из-под матрасов вытаскивали всяких Сенек, Софоклов, ёрнических Аристофанов... Святые братья рыдали, как малые дети, у них книги чуть ли не с отрубанием пальцев из рук вырывали... За что и были ослушники суровому наказанию преданы: одних сослали в отдаленные обители на границе с дикими валлийцами, на других такие эпитимии наложили, что лучше бы сразу на костер... Да что я тебе, дубку молодому, перечисляю! Разве ваш брат рыцарь хоть раз об Аристотеле, к примеру, слышал?

— Да, — сказал Хелот.

— Что «да»? — разозлился отшельник. — Ты хоть понимаешь, о чем я глаголю, отрок?

— Понимаю, — сказал Хелот, приподнимаясь на кровати. — Я читал Сенеку однажды... Когда помогал святым братьям оборонять обитель святого Криспина от крестьян, впавших в грех противоборства властям.

— Где это было? — жадно спросил святой Сульпиций.

— На юге, в Лангедоке... — Хелот неопределенно махнул рукой.

— Интересно, интересно, — пробормотал святой. — Ну и о чем были сии произведения?

— О чародейке Медее...

— Медея? Никогда не слышал, хоть Сенеку читал преизряднейше. Расскажи-ка мне, отрок, в чем там суть. — Отшельник уселся рядом поудобнее и впился глазами в лицо Хелота.

— Медея... — Хелот произнес это имя и вдруг увидел, как наяву, обитель святого Криспина, высокие

крепостные стены и башни, монахов в развевающихся одеждах, солдат, многие из которых были в кольчугах и почти все в металлических шлемах. А внизу бушевало людское море, и волны слепой ярости захлестывали старые стены монастыря. Хелот, тринадцатилетний нерадивый оруженосец, сидит, пользуясь всеобщей суматохой, в келье старого монаха и бегаёт глазами по страницам, исписанным неровным почерком, — видеть, переписчик спешил. От этой осады Хелоту остался на память шрам через бровь. Он до сих пор иногда видел во сне, как падает под ударом крестьянской дубины и кровь заливает ему глаза...

Из потока воспоминаний его вывел энергичный тумак отца Сульпиция. У Хелота зазвенело в ушах.

— Рассказывай, — потребовал святой.

— Она, то есть Медея, была чародейкой, — послушно начал Хелот, — и попала в страну, где ее никто не знал, кроме одного человека по имени Язон. Ему она родила детей, а он задумал жениться на царевне. Тогда она погубила царевну, зарезала своих сыновей и улетела на небо...

Святой Сульпиций содрогнулся.

— Чудовищно! — сказал он.

— Сенека ее жалеет, — сказал Хелот. — Я, когда читал, чуть не заревел. — Он хмыкнул. — Стрелы летят, обитель горит, а я в огне вижу Медею на солнечной колеснице. Потом оказалось, что это мятежники отца настоятеля живьем спалили...

— А ты, братец, мечтатель, — усмехнулся и святой Сульпиций. — Да, удивительно мне встретить грамотного рыцаря. Ну хорошо, тогда расскажу тебе о своей книге. Я был тогда в монастыре святого Антония, это на востоке Ноттингамшира. Мы все там грешили по-немногу, в основном баловались книжками, которые переписывали ночами, таясь от отца настоятеля. Когда начались гонения на книги, мне пришлось уйти из монастыря.

— Почему?

Отец Сульпиций прищурился:

— Отказался поджечь костер под нашими рукописями. Но главное было в другом — я прятал под рясой труды Бонифация Отступника, а за ними-то и велась главная охота.

— А что он сотворил, этот Бонифаций?

— Написал обширный трактат о траволечении, о ядах, о причинах болезней и повальных хворей. У нас ведь тут думают, что все в руках Божьих. А я так считаю, что Господь не против, если ему немного помогают, а не вешаются на шею с криками «Господи, воля твоя!». Эдак никакая шея не выдержит...

Хелот вдруг испугался. В какое-то мгновение ему казалось, что сейчас молния поразит и избушку, и богохульника, и того, кто не противясь внимает еретическим речениям. Святой заметил это и расхохотался.

— Господу делать нечего, как только подслушивать, что о нем болтают в каждой избе, — сказал он. — Не бойся ты. Я ведь ничего плохого не делал. Я по этой книге стал исцелять хворых и убогих. Многим помогло. Вот и ты скоро на ноги встанешь...

Кряхтя, отшельник поднялся и принялся наводить порядок на рабочем столе.

Святой Сульпиций оказался прав: через несколько дней Хелот уже встал на ноги и довольно бодро управлялся с несложным домашним хозяйством отшельника. Святой сказал, что смирение — лучшая школа, и заставил своего гостя перечистить все котлы, миски и тигели, загаженные отшельником и не отмытые за нехваткой времени.

Когда последний котел засверкал первозданной медью, святой объявил, что лечение завершено успешно и выставил Хелота из своей избы.

— Пойдешь по гати до проселочной дороги, —ставлял он, держа Хелота за плечо и указывая свободной рукой на болото, имевшее довольно гиблый вид. — Смотри, с дороги-то не сворачивай, иначе сгинешь, и костей не найдут. Дальшинская топь не шутит... и святой Сульпиций тоже. По дороге забирай к северу. Ступай, отрок. Некогда мне...

Хелот поцеловал отшельнику руку, получил небрежное благословение и затопал по болоту.

Был уже вечер, когда он выбрался на дорогу. Идти ночью ему не очень-то нравилось: нож не защита от волков, если нападут. Впрочем, он уповал на то, что летом волки не так голодны, чтобы бросаться на человека.

Луна светила ярко, дорога под ногами сама бежала навстречу — чистая, усыпанная прошлогодней хвоей. Хелот надеялся миновать обиталище разбойников и к утру выйти в город. На ногах у него были хорошие сапоги, и он с удовольствием думал о них. Новую одежду он нашел в обители отшельника возле своей кровати и ни секунды не сомневался в том, что ее доставил туда вместе с убогим сам Локсли. Однако он не чувствовал себя обязанным вернуться к разбойникам. Ему хотелось одиночества.

По лесу гулко прокатилось:

— Ро-о-о-обин...

И тут же возле дерева, совсем неподалеку, тихонько свистнули.

Из листвы донеслось:

— Рыцарь. Один, без оруженосца. Пропустить?

Хелот остановился, потом сделал несколько осторожных шагов и вышел на яркий свет. Он думал, что речь идет о нем, однако разбойники ограничились лишь тем, что схватили его за руки и утащили в тень.

— Вечно ты не вовремя, — проворчал Малютка Джон. — Так что с рыцарем делать будем, Робин?

— Я так думаю, это подкрепление сэру Гаю, — предположил Робин. — Давайте-ка его остановим, братцы. Не люблю я ихнего брата.

Малютка Джон хмыкнул так, что листья зашелестели.

Робин натянул лук. Из-за поворота на дороге показался всадник, и яркий лунный свет залил его. Стрела вонзилась в землю перед самым конем. Всадник натянул поводья и стал озираться.

— Я здесь, — сказал Робин, появляясь перед ним на дороге.

Всадник повернулся к темной фигуре в плаще с низко опущенным капюшоном, сощурил глаза. И в этот миг Хелот узнал его.

— Мое имя Греттир Датчанин, — высокомерно произнес всадник. — Меня ждут в Ноттингаме. Кто ты такой и что тебе нужно?

— Фи, как грубо, — ухмыльнулся Робин и взял коня под уздцы. — Давай поговорим куртуазно. Почему ты едешь по моему лесу без дозволения, благородный рыцарь?

— Я спешу, — был ответ. — Немедленно отпусти меня. Греттир Датчанин не нуждается в твоих дозволениях.

— Ох как ты ошибаешься, благородный лорд, как ошибаешься! Тебе придется повременить. Слезай.

Греттир схватился за меч, но Робин успел опередить его. Спустя секунду юный рыцарь уже лежал на дороге, а разбойник возвышался над ним и чертил мечом в пыли узоры.

— Вставай, — сказал он. — Дай честное слово, что непустишь оружия в ход, и оставь его при себе.

Греттир молчал, бледный от унижения.

— От имени лесных стрелков предлагаю тебе разделить с нами ужин, — продолжал Робин. — Мы как раз подстрелили замечательного жирного оленя, который теперь не достанется шерифу. Зато насытит нас, вольных людей! Неужели ты откажешься от ужина?

— Мне нечем заплатить, — сказал Греттир.

— Пустяки, у нас не постоянный двор. Мы сами разберемся, чем и как ты заплатишь. Эй ты, из Лангедока, забыл свое имя, помоги благородному рыцарю встать. И заberi у него меч, раз он не хочет дать клятву.

Хелот подошел к Греттиру, протягивая ему руку. Тот поднялся, снял пояс. Робин в этот момент созерцал полную луну и был весьма далек от земных забот.

— Мое имя Хелот, — сказал бывший рыцарь раздельно. — Потрудиcь запомнить его, Локсли.

Греттир смотрел на него, широко раскрыв глаза.

— Вы, — шепнул он.

Робин резко оторвал взор от луны и уставился на датчанина.

— Значит, я не ошибся, — сказал он. — Вы, двое, знакомы?

— Да, — сказал Хелот.

Локсли нахмурился:

— Кто он такой, а, Хелот?

— Датский рыцарь.

— Я с удовольствием повешу его на первом же суку, — сообщил Робин. — Терпеть не могу северян.

— Сначала повесь меня, — заявил Хелот.

— Я дал слово и сдержу его, — мрачно сказал Робин. — Тебя никто пальцем не тронет. Но он — он другое дело. Он рыцарь, едет на службу к шерифу. Он враг.

— Локсли, — сказал Хелот. — Отпусти его. За это я обещаю тебе целый год верной службы.

Робин задумался. Хелот тронул его за плечо:

— Я умею читать и писать, кроме того — слагать стихи, играть на роте, знаю язык норманнов и язык куртуазной поэзии...

— А это-то ты откуда знаешь?

— Это мой родной язык, — сказал Хелот. — Можешь меня за это повесить. Лангедок — это на юге Франции. — Он улыбнулся.

— Час от часу не легче. — Робин выглядел растерянным.

— И я могу быть тебе полезен, — продолжал его уговаривать Хелот. — Локсли, ведь я когда-то умел держать в руках оружие.

— Слабо верится, господин трус, — недоверчиво сказал Робин.

Хелот рассмеялся:

— Я постараюсь исправиться. Решайся, Локсли. Берешь меня на год в обмен на жизнь и свободу для этого рыцаря?

— А с какой стати ты так печешься об этом мальчишке с петушиным гонором? Надеешься, что при случае он замолвит за тебя словечко? Кто он тебе?

— В какой-то степени он мой крестник, — неопределенно произнес Хелот.

— Темнишь. — Робин покачал головой. — Ох, темнишь... Но ты прав, ты действительно мне нужен. Жизнь сопляка не стоит твоих познаний. С ним я всегда успею разделаться, если он не покинет Ноттингамшира... — Он критически осмотрел худенького невысокого мальчика с льняными волосами. — Иди, ты свободен, — проговорил разбойник. — И помни, кто и какой ценой тебя спас.

Греттир молча поцеловал Хелоту руку и вскочил в седло. Робин вытаращил глаза. Даже в знак благодарности потомок знатного рода не сделал бы этого, будь перед ним человек низкого происхождения... разве что Хелот был духовным лицом. Конь перешагнул через стрелу, косо вонзившуюся в землю, и вскоре всадник исчез за поворотом. Робин проводил его глазами, покосился на Хелота.

— Вот какие почести оказывают у нас норманнские рыцари разным проходимцам...

Хелот пожал плечами.

— Мальчик хорошо воспитан, — сказал он, — и я им доволен.

— Хорошо воспитан? — переспросил Робин. — Ты что, священнослужитель, Хелот из Лангедока?

Хелот не ответил.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

— Не реви, мать, — гудел Малютка Джон, положив свою огромную лапищу на плечо хрупкой женщины, закутанной в шаль. На вид ей было не то тридцать лет, не то пятьдесят, не поймешь. Женщины в этих краях рано старели, но поздно умирали. — Вот придет Робин, он рассудит. И все будет хорошо, так хорошо, что сама удивишься. — И поскольку она не переставала захлебываться слезами, прикрикнул: — Да прекрати плакать, ты!

Она съежилась и послушно перестала всхлипывать, но Хелот заметил, что она дрожит всем телом. Однако

верзила Джон не обращал на это ни малейшего внимания.

— Успокоилась? Вот и хорошо, — удовлетворенно заметил он и перевел самодовольный взгляд на Хелота. — Эй, Хелот, накорми почетную гостью. Поднеси эля и все, как положено.

Хелот еле заметно улыбнулся, входя в лесной дом, оплетенный кустарниками так, что и днем было трудно его отыскать. Гостеприимство было одной из разбойничьих традиций лесных стрелков. Прежде чем ограбить, жертву полагалось как следует попотчевать. Во время трапезы уточнялись размеры мзды и определялся моральный облик будущей жертвы. После чего гостя грабили и отпускали с Богом. Бывало и наоборот: сотрапезника щедро оделяли. Таких гостей было принято встречать с особым почетом. А сейчас к стрелкам пришла за помощью простая женщина из близлежащей деревни — ее надлежало встретить, как королеву.

Хелот нарезал мясо на куски, положил сверху краюху хлеба, в одну руку взял кружку эля, в другую — блюдо с едой и вышел из дома. Женщина молча сидела в кресле, грубо вытесанном из большого пня. Согласно легенде, при изготовлении этого трона в качестве мерки использовали седалище отца Тука как самого объемного из всех разбойников — дабы пользоваться «троном» могли бы все без изъятия и не чинилось бы никакой несправедливости, ни в малом, ни в большом.

Женщина откинула капюшон. Открылись растрепанные волосы, кое-как заплетенные в косы, наполовину рыжие, наполовину седые. По оттенкам рыжего цвета можно было бы установить, из какой деревни она родом.

Хелот подал ей обед.

— Поешьте, сударыня, — произнес он. — А вот и эль, чтобы запивать трапезу.

При виде этого великолепия женщина шарахнулась.

— Матерь Божья! — вскричала она. — Да ведь блюдо-то с гербами!

— Из чистого серебра, сударыня, — заверил ее Хелот. — Могу подать и на золотом.

Она поежилась.

— А Бог меня не покарает? — недоверчиво спросила она.

— Думаю, что Бог прекрасно разберется в таком простом деле, — очень серьезно ответил Хелот и вспомнил рассуждения святого Сульпиция. — Скорее, блюдо недостойно вас, сударыня, чем вы — блюда.

Она ничего не поняла и снова задрожала, со страхом глядя на темноглазого разбойника, так не похожего на местных жителей. Джон с видимым неудовольствием отстранил его.

— Да ешь ты, мать, — досадливо сказал он. — Вечно парень ляпнет невпопад.

Хелот ушел в дом подальше от испуганных глаз женщины. «Может быть, перекрасить волосы в желтый цвет?» — подумал он мрачно. Когда он предлагал им деньги, пусть даже древнеримские (но ведь не фальшивые же!), за еду и ночлег, они разве что ноги об него не вытирали. Теперь у него на боку меч, и они готовы ползать на животе от ужаса.

Эти размышления прервал донесшийся снаружи возмущенный рык Малютки Джона:

— Свинство!!! Негодяи!!! Удавить их собственными кишками!

Хелот выскочил из дома:

— Что случилось?

Увидев его, женщина вздрогнула.

— Да ты не бойся его, мать, — сказал Джон, — это наш стрелок, который не умеет стрелять из лука, но для устрашения носит меч.

Хелот повольготнее встал в дверном проеме.

— Вот, только один сын у меня и есть, — причитала женщина, — больше никого, все померли. И завтра моего последнего ребенка повесят в Ноттингаме...

— Возмутительно! — громыхал Малютка Джон, нависая над «тронам» угрожающей громадой. — Только у нас так могут! Повесить человека из-за какого-то паршивого подстреленного зайца!

— Он встретил лесничего, когда шел с охоты домой. Конечно, он нарушил закон, — торопилась вдова, — но ведь это все из-за неурожая. Работать некому, оспа всех скосила подчистую...

— В общем, Хелот, мы с ней сейчас идем в деревню, — сказал Джон как отрезал. — Найдешь Робина, расскажешь ему все.

Он обнял женщину за плечи и, утешая как мог, повел назад к деревне. Хелот проводил их глазами и в глубокой задумчивости принялся кидать нож в дерево, стараясь попасть в середину ствола.

Робин, как всегда, появился неожиданно и бесшумно.

— Хелот, — позвал он.

— Привет, Локсли, — откликнулся Хелот, выдерживая свой нож. — Только что здесь была вдова из Гнилухи. Сказала, что завтра ее единственного сына повесят в Ноттингеме за браконьерство. Парня застукал лесничий.

— Где она?

— В деревне. С ней ушел Малютка Джон.

— Та-ак, — сказал Робин. — В деревню, значит, пошли?

Хелот кивнул.

— Не нравится мне это, — заявил Робин. — Джон может там наломать дров. Он хороший парень, но увлекающаяся натура.

— Я знаю, — напомнил Хелот.

Робин пропустил это замечание мимо ушей. Он сел прямо на землю и задумался. Хелот стоял рядом и ждал. Когда появлялся Робин, на душе сразу становилось спокойно.

— А Джон, конечно, рвал и метал? — уточнил Робин, подняв голову.

— Разумеется.

— Думаю, нам с тобой нужно пойти за ними.

— Нам? — переспросил Хелот.

— Что тебя удивляет?

— Ты никогда прежде не брал меня с собой.

Робин фыркнул.

— Все происходит когда-нибудь в первый раз, как говорил отец Тук одной девственнице, задирая ей подол. Ты, конечно, стрелок никудышный, доверия не внушаешь никому, кроме меня. Но ты нужен мне для представительства. Будешь молчать и делать свирепое лицо.

Они двинулись через лес. Робин легко находил еле заметные тропки, выводящие к человеческому жилью.

— Вот она, Гнилуха, — сказал Робин, откинул капюшон и прищурился. — Похоже, мы с тобой во-время. Иди за мной и не отставай.

Они спустились с холма и по единственной улице вышли к деревенскому колодцу. Против колодца, возле большого дома, царило оживление. Местные жители деловито обкладывали хворостом стены дома, суетились и давали друг другу полезные советы. Чисто одетый человек лет тридцати пяти стоял возле колодца связанный, с тупой безнадежностью наблюдая за происходящим.

— Что здесь происходит? — громко спросил Локсли.

К нему сразу же угодливо подбежали несколько человек, гордых своим участием в правом деле. Один из них энергично сказал:

— Да вот, Робин, собираемся сжечь дом этого предателя.

Локсли метнул взгляд в сторону связанного.

— А с ним что хотите сделать?

— Повесить, как по его доносу завтра повесят сына вдовы.

— Развяжите его, — устало приказал Робин. — А Джон где?

— На крыше. Командует.

Робин задрал голову и громко крикнул:

— Джон! А Джон! Слезай!

— А, это ты, Робин! — донеслось откуда-то с небес. Произошло маленькое землетрясение. Улыбаясь и стряхивая со штанов землю, Джон подошел поближе:

— А вот и я.

Хелот между тем осторожно разрезал веревки, которыми был связан преступник. Джон схватил лангедокца за руку так, что едва не сломал ему запястье.

— Ты что делаешь, ублюдок!

Хелот молча высвободился. Тогда Джон набросился на своего командира.

— Робин, что он делает, этот убогий? Кого освобождает? Этот человек выдал сына вдовы!

Робин посмотрел на него в упор:

— А ты уверен, Джон?

— Что сомневаться-то? Люди сразу на него показали. Том Бушби, самый богатый человек в деревне. Кто, кроме него, мог это сделать?

— Но ведь лесничий встретил браконьера в лесу, — напомнил Робин. — Нам не к лицу творить несправедливый суд.

Джон замолчал, раскрыв рот. Бушби повалился на колени и зарыдал. Ни Джон, ни Робин не заметили этого, увлекшись спором.

— У кого есть лошади? — крикнул Робин, обращаясь к толпе. — Кто даст нам трех лошадей? Мы попробуем догнать людей сэра Гая.

Лошадей привели, и стрелки помчались по дороге к Ноттингаму.

Деревня осталась недоумевать. Люди потихоньку расходились, судача вполголоса. Том Бушби осторожно убирал хворост подальше от стен своего дома. А вдова сидела у колодца до темноты.

— Опоздали!.. — сказал Робин и прибавил несколько энергичных слов. — Сэр Гай опередил нас.

Они стояли на холме, вглядываясь в подвижный горизонт. Один холм перекрывал другой, небо то поднималось, то проваливалось в ложбины между холмами. Здесь заканчивался лес и начинался мир людей. Впереди лежал город.

Хелот тихонько вздохнул, вспомнив свои благие намерения. Робин как будто прочитал его мысли, потому что сказал:

— Вот и увидишь скоро свой Ноттингам. Заодно поймешь, что не имело смысла так туда рваться.

— Нашего брата, — сообщил Джон, — возят туда с единственной целью — повесить.

— Ну, с сыном вдовы этот номер у них не пройдет, — заявил Робин. — Поехали к дому, ребята, по дороге обсудим.

— По-моему, все просто, — сказал Джон, разворачивая лошадь. Надо устроить у подножия виселицы небольшую, но смачную потасовку... — Его глаза мечтательно затуманились.

Робин тронул коня и сделал Хелоту знак следовать за ним. Забавляясь, Хелот покосился на Локсли. Сейчас в этой светловолосой голове складывается какой-то хитроумный план. С такой энергией можно было бы завоевать Иерусалим, а он тратит столько сил на освобождение безвестного крестьянского паренька, имевшего неосторожность подстрелить королевского зайца...

Малютка Джон почти дружелюбно толкнул его в бок.

— Эй, Хелот, о чем задумался?

Хелот не ответил.

Робин остановил коня, соскочил на землю, и оба стрелка последовали его примеру. Локсли свернул с дороги в лес.

— А кони? — спросил Хелот.

Джон радостно облапил его за плечи:

— Дурачок, кони сами найдут дорогу домой.

Хелот с неудовольствием высвободился из непрошенных объятий. «Ну тебя к черту, — подумал он. — Ведь повесил бы несчастного Тома Бушби, если бы Робин не подоспел вовремя».

Робин остановился возле лесной хижины, где хранилось разнообразное платье, оружие и, как выражался отец Тук, «галантерея».

— Я вот что надумал, братцы, — заговорил Робин. — Один из нас должен отправиться в город, разведать, что и как. Дело это опасное...

— О чем речь, Робин? — загремел Джон. — Я пошел.

— Стой! — крикнул Локсли, хватая его за рукав. Джон ужасно разобиделся и покраснел под огненной

бородой так, что, казалось, еще немного — и от его волос повалит дым.

— Как знаешь, Робин. Кроме меня все равно идти некому. По-твоему, от этого, — он кивнул в сторону Хелота — будет хоть какой-то толк?

— Не знаю. Хелот, ты был хоть раз в бою?

— Был, — отозвался Хелот. — Неоднократно. Одно сражение даже выиграл.

Локсли насмешливо сузил глаза, а Джон загоготал на весь лес.

— Могуч как лев! — заливался верзила. — Что бы делали без тебя победоносные армии крестоносцев?

Хелот прикусил губу.

— Не обижайся, — сказал Робин. — Просто ты забавно выразился. У нас в Англии так не говорят. Переоденешься торговцем. А еще лучше — рыцарем. Хотя... не знаю. Ты сможешь изобразить рыцаря?

— Могу, — сказал Хелот.

— Я тоже могу, — встрял Малютка Джон.

— Ты-то можешь, да кто тебе поверит? — возразил Робин. — Не говоря уж о том, что твою рожу видела половина ноттингамских богачей, ты погляди на свои руки. Хелот, по крайней мере, не изнурял себя ни пахотой, ни косьюбой. Кстати, Хелот, чем ты себя изнурял? Может, признаешься наконец?

— Мыслями, — сказал Хелот.

— Все-таки ты беглый монах, — с сожалением заметил Робин. — Грустно, но факт. Иди, подбирай себе одежду... твоё преосвященство.

Хелот скрылся в хижине. Пока он возился, перерывая содержимое доброго десятка сундуков и сунду-чищ, два стрелка ждали, сидя на упавшей березе.

— А какой он, сын вдовы? — спросил Джон. — Ты знаешь эту семью?

— Знаю, — ответил Робин. — Обыкновенный парнишка. — По голосу было слышно, что он улыбается. — Его зовут Робин. Пятнадцать или четырнадцать лет. И глаза синие, как будто в черепе просверлили две дырки в погожий день.

— Ну ты скажешь, — заметил Джон и вдруг вскочил и невольно схватился за нож.

Из хижины вышел подтянутый воин в очень дорогой одежде. На руке кольцо с редким изумрудом чистой воды, на груди цепь из белого золота. Черно-красное одеяние поверх кольчуги, плащ тамплиера, из-под которого топорщится меч-бастард.

Рыцарь остановился, бросил на онемевших стрелков надменный взор.

— Мужичье! — процедил он и вдруг заорал: — Встать!

Локсли вскочил как ужаленный.

Рыцарь расхохотался. Он смеялся до слез, до боли в животе.

— Я тебя убью! — крикнул Локсли. Он бросился на Хелота с кулаками, но тот встретил его таким жалобным стоном сквозь слезы, что даже Локсли растерялся.

— Сейчас умру! — стонал Хелот. — Ведь вскочил, надо же! Вот что значит воспитание... дай я тебя поцелую, Локсли!

— Да отстань ты! — рассердился Робин и вдруг фыркнул: — Здорово он нас, а, Джон? Где ты научился этим манерам, Хелот?

— А тебя кто приучил вставать при виде знатного сеньора, Робин?

— Врасплох ты нас застал, — принялся оправдываться Робин. Хелот еще не видел его таким смущенным.

Хелот вытер слезы. Локсли тихонько свистнул, и неожиданно поблизости раздалось нежное ржание. К избушке выбежал из леса вороной конь.

— Шериф, — ласково позвал Робин и погладил коня по шее. — Вот, прошу. Шериф — не лошадь, а любимое дитя Эпоны. Береги его, пожалуйста. Заодно узнаешь, каково кататься на шерифе...

Коня оседлали. Хелот забрался в высокое рыцарское седло и направился к славному городу Ноттингаму...

Город был хорошо виден с холма. Северные его ворота, посвященные святому Дунстану, были открыты. Летом часы длиннее, чем зимой, поэтому можно было особо не торопиться. Впереди целый день.

Впервые за свою жизнь Хелот был хорошо вооружен и красиво одет. Он подумал о том, что ему это, пожалуй, нравится. Надо будет побеседовать со святым Сульпицием об умерщвлении плоти. Вдруг святой что-нибудь дельное присоветует?

Когда Хелот подъезжал к воротам святого Дунстана, до захода солнца оставалось совсем немного. Конь зацокал по мощеному внутреннему дворику башни, и вскоре всадник оказался на узкой улочке, круто поднимающейся наверх. Хелот шагом ехал по вечернему городу. Сворачивая из улицы в улицу, он вскоре оказался на ратушной площади города Ноттингама. Огляделся: ратуша, церковь во имя встречи Марии и Елизаветы, несколько лавок, трактир «Казни египетские». Наискось от трактира на площади был сколочен помост. Посреди площади колодец, над ним ажурная башенка и статуя Роланда с мечом.

Хелот спешился и подошел к тяжелой деревянной двери трактира. Судя по воплям, жизнь была там ключом. Хелот открыл дверь и тут же увернулся от пущенной в его голову кружки. Грянувший было хохот смолк, когда мрачные черные глаза обвели багровые лица подгулявших ноттингамцев. В полной тишине, грохоча оружием, Хелот сделал несколько шагов и подозвал хозяина, согнув палец.

— Есть ли в этом заведении комната для благородных сеньоров? — спросил он с сильным северным акцентом (так выговаривал слова незабвенный стражник в замке Греттира).

Хозяин уставился на него, беспомощно разинув рот. Хелот скрестил руки на поясе.

— Ты что, немой, трактирщик? — высокомерно спросил Хелот.

Трактирщик отчаянно затряс головой. «Он думает, что я его убью из-за этой дурацкой пивной кружки, — догадался Хелот. — Ну и страна. Как они здесь живут, бедные?»

Хелот почти дружески похлопал трактирщика по плечу.

— Ну, не унывай, дружище.

Тот рухнул на колени, обливаясь слезами и бессвязно бормоча что-то насчет «жены и пятерых детишек». Хелот брезгливо обошел его и самостоятельно обнаружил второе помещение, в котором собралось достаточно изысканное общество. Он услышал норманнскую речь, что его вполне устроило. Четыре физиономии вояк понравились ему сразу: тупые, пьяные, самодовольные и сытые. Пятый, с льняными волосами, сидел к двери спиной.

Хелот остановился в дверях и громко сказал:

— Привет вам, благородные рыцари.

Теперь все пятеро смотрели на него — и тот, светловолосый, тоже. Хелот еле заметно кивнул ему, и Греттир бросился к нему навстречу, схватил за руки:

— Это вы, господин мой!

— Я, сэр, — не стал отпираться Хелот. Он по-настоящему обрадовался этой встрече.

— Я счастлив видеть вас, сэр. Но как вам удалось?..

Хелот приложил палец к губам, и Греттир воскликнул, обращаясь к остальным:

— Сеньоры! Позвольте представить вам рыцаря, бывшего для меня всегда образцом служения и верности долгу. Перед вами — Хелот из Лангедока, посвятивший меня в высокий рыцарский орден! Он преподавал мне первый урок воинского искусства!

Все сразу загалдели. Последним Хелоту поклонился сэр Гай Гисборн, и Хелот внимательно всмотрелся в лицо этого врага лесных стрелков. Гай был невысокого роста, широкий в кости, скуластый, с темно-русыми волосами. Он сидел с краю и большей частью молчал, лишь изредка вставляя в разговор слово-другое.

Неожиданно Хелот вспомнил отца Тука, и ему стало смешно. «Интересно, что сказали бы все эти высокородные сэры, если бы узнали, зачем я здесь». Хелот фыркнул в свою кружку, и пивная пена полетела во все стороны. Сэр, сидевший слева, удивленно посмотрел на Хелота.

Никогда прежде Хелот не ощущал такого подъема. Святой Сульпиций сказал бы, что он сравнивает себя

с Гаем Гисборном в пользу себя, и осуждающе покачал бы головой. К счастью, здесь не было святого Сульпиция, и никто не мешал Хелоту любоваться собой и своей ловкостью. Думая о завтрашнем и отводя себе в грядущей потасовке главную роль, Хелот ни разу не вспомнил о сынишке вдовы.

И вдруг, в разгар хвастливого рассказа соседа справа (с которым Хелот, по обычаю, ел из одной тарелки) о том, как тот вдвоем с преданным оруженосцем разгромил полчища неверных, Хелот увидел лесную хижину, двух стрелков, сидящих на поваленной березе, услышал голос Локсли — и покраснел. Он бросил взгляд на Греттира — мальчик сидел и с открытым ртом слушал вранье, извергавшееся на него водопадом.

Хелот налил вина, дождался паузы в патриотическом повествовании, встал и протянул кубок Греттиру. Греттир вспыхнул, вскочил и принял кубок обеими руками. Рыцари замолчали, предвидя трогательную сцену.

— Благородные рыцари! — вскричал Хелот. — Соротники! У меня сегодня воистину счастливый день. Всего несколько часов могу я провести в Ноттингаме, ибо спешу к благочестивому отшельнику, святому Сульпицию, о котором рассказывают и повествуют удивительные вещи. И не смею я медлить, ибо о том просил меня соратник, умирающий от руки неверного.

Это он выпалил единым духом. Господа, чутко реагируя на требование момента, поспешно наливали себе вина.

— Всего несколько часов было мне отпущено для того, чтобы подкрепить свои силы, — продолжал Хелот с небывалым воодушевлением, не потрудившись объяснить насчет умирающего соратника и особенно насчет того, откуда в Англии взялись неверные. — И вот судьбе угодно было послать мне встречу с другом. С братом! С человеком, который дороже всех для меня на земле с тех пор, как я потерял своих родных! — Хелот перевел дыхание. — Ибо он получил из моих рук посвящение, как он сам о том поведал. Но о другом умолчал благо-

родный Греттир. Когда я томился в мучительном плену... — Хелот заметил слезы на глазах соседа слева, — сэр Греттир освободил меня! И он, господа, отказался от всех выгод своего благородного поступка. Поэтому позвольте осушить этот кубок за моего брата, за ближайшего друга — сэра Греттира!

Греттир, всхлипывая, бросился ему на шею. Он был сильно пьян. Хелот шепнул

— Уйдем отсюда.

Не раздумывая, юноша громко сказал:

— Надеюсь, друзья, никто не затаит на нас обиду, если мы покинем этот пир, дабы провести вместе немногие отпущенные нам часы?

Теперь прослезилась уже двое.

Хелот сжал руку своему другу, и оба выскользнули за дверь. Пьяные вояки качали головами и врали наперебой.

После духоты трактира ночь казалась особенно чистой. Два приятеля остановились возле колодца, освещенного луной.

— А ты действительно рад меня видеть, Греттир? — тихонько спросил Хелот.

— Почему вы задаете мне этот вопрос? — удивился Греттир.

— Ты же знаешь, у кого я теперь на службе.

Греттир взъерошил свои льняные волосы.

— Но ведь это все из-за меня. Ох, они настоящие звери, эти одичавшие вилланы.

Хелот улыбнулся.

— Ошибаешься, — сказал он. — Они просто люди, вроде нас с тобой.

— Вы хотите сказать... что служите им по доброй воле?

Хелот покачал головой:

— Нет. Будь моя воля, я никому бы не служил. Послушай, Греттир, я пришел в город не для того, чтобы искать тебя. Хотя я и рад этой встрече, как неожиданному подарку.

— Это они вас прислали? — осторожно спросил Греттир, и Хелот заметил, что юноша боится его обидеть.

— Да, — сказал он. — Я расскажу тебе. Сегодня утром в тюрьму бросили мальчика твоих лет. Он подстрелил зайца в королевских лесах. Завтра его повесят.

— Да, слышал. Этот помост как раз для него, — кивнул Греттир. — Вы хотели посмотреть на казнь?

— Освободить мальчишку.

Греттир недоумевающе уставился на своего друга:

— Освободить? Зачем? Какое вам до него дело?

— А тебе не жаль мальчика? — спросил Хелот.

Греттир пожал плечами и признался:

— Я как-то не думал об этом. Мало ли кого в Англии вешают...

— Придется нам с тобой об этом думать. Помоги мне, Греттир. Ты должен знать, где его содержат.

Греттир вытаращил глаза.

— Скажите, — проговорил он наконец, — только правду: это ОНИ вас заставляют, или это ВЫ хотите освободить какого-то холопа?

— Тебе это так важно?

Греттир кивнул.

— Я действительно хочу его спасти, — ответил Хелот. — Сегодня утром я видел его мать...

— Ваше желание для меня закон, — сказал Греттир. — Хотя мне трудно вас понять. Идемте, я знаю, где здесь тюрьма. В Ноттингаме недавно целую башню под это дело отвели.

— Спасибо, — просто сказал Хелот.

Греттир отвернулся и шмыгнул носом.

Они прошли через площадь. Любимое дитя Эпоны осторожно ступало следом. На окраине, за грязными лавками, возле ворот святой Цецилии, находилась круглая приземистая башня без единого окна. В булыжной стене вырисовывалась дверь, обитая железом, возле которой маялся, наваливаясь на алебарду, стражник.

В ярком свете луны Хелот увидел волосатые пальцы стражника, сжимающие древко. «Интересно, почему все стражники вызывают у меня такое стойкое отвращение? — подумал Хелот. — Наверное, старею. Становлюсь сентиментальным. Никак не могу отвязаться от воспоминаний о проклятом прошлом».

Он оглянулся. На перекрестке возле казармы патрульные мирно переругивались, проигрывая друг другу в кости последнюю амуницию. Больше не раздумывая, Хелот выдернул из-за пояса кинжал-мизерикорд отменных боевых характеристик, и оружие, свистнув, воткнулось между лопаток блюстителя. Стражник беззвучно упал лицом вниз.

— Зачем вы так? — прошептал Греттир.

Отстранив его, Хелот перешагнул через покойника, выбрал из связки на поясе убитого ключ и открыл замок.

В тюрьме было очень темно. Хелот постоял, подождал, пока привыкнут глаза, но глаза упорно не желали этого делать. Тогда он громыхнул ключами и позвал:

— Эй, Робин, ты где?

Тишина. Хелот почесал ухо. Сбежал он, что ли? Да нет, не мог мальчик отсюда сбежать. Хелот вынул из ножен меч и пошарил вокруг, используя благородное оружие как простую палку. Вскоре он натолкнулся на что-то мягкое. Для верности Хелот потыкал в это мягкое рукоятью, потом толкнул ногой.

— Вставай, — сказал он.

Послышалось сердитое сопение. Хелот присел на корточки и наугад схватил сопевшего. Под рукой оказались жесткие волосы, полные соломы. За эти волосы Хелот и выволок узника под свет луны. Узник, оказавшийся подростком с покрасневшими от слез глазами, был закован в устрашающее количество цепей. Чертыхаясь, Хелот снимал их одну за другой. Подросток глотал слезы и бросал на своего мучителя гордые взгляды.

— Не трудись меня запугивать, малыш, — сказал ему Хелот, который как раз возился с железным обручем, одевшим пояс злоумышленника.

Греттир созерцал действия своего друга со сдержанным восхищением. Рыжие волосы Робина под лунной казались серыми. Парнишка собрался с духом и заявил:

— Меня обещали казнить только на рассвете.

— Пришлось поторопиться, — ответил Хелот. — Чтобы Локсли не успел тебя спасти.

— Я протестую, — сказал осмелевший подросток, поскольку на первое его выступление не последовало зуботычины. — Вы отнимаете у меня несколько часов жизни.

— Сэр, — изысканно обратился Хелот к Греттиру, — если бы вы, сэр, могли бы оказать мне неоценимую услугу и оттащили покойника в камеру...

Греттир вздохнул и принял участие в злодеянии. Хелот ногой отодвинул гору железных цепей к стене. Сын вдовы, окончательно утратив нравственные ориентиры, изготовился к побегу, но в последнюю секунду Хелот стиснул его плечо:

— Бежать задумал, а, Робин?

Робин посмотрел на него исподлобья.

Хелот набросил на недавнего узника свой плащ, и все трое неторопливо прошли мимо казармы. Один из стражников бросил им вслед ленивый взгляд.

— Вроде, их двое было, — заметил один.

— Не, трое, — отозвался другой. — Тот, с крестами тамплиера, — раз. Важный господин — два. И высокородный сэр Греттир из Дании — три...

Между тем злоумышленники оказались на пустынной улице. Там Хелот остановился и, крепко держа мальчишку за плечи, развернул его к себе:

— Скажи-ка мне, тебя много били?

— Так, пару раз по шее, — небрежно отозвался подросток.

— Это хорошо, — заметил Хелот. — Я бы добавил, да времени нет. Руки-ноги не болят?

— Не болят.

— А почему ты хромаешь? Тебе что, кости переломали?

Рыжий мотнул головой:

— Я от рождения хромой. Когда меня мать рожала, бабка пьяная была и вывихнула мне ногу — так мать говорит. А бегаю-то я быстро, — добавил он, стрельнув глазами в сторону темного переулка.

— Хромота — это уже ненадолго, — успокоил его Хелот. — Утром тебя повесят, так что это не будет иметь никакого значения.

Греттир кивнул Хелоту:

— Идемте, вы проведете ночь у меня.

— А если нас у тебя схватят?

Греттир небрежно махнул рукой:

— Если бы не я, вам вообще не пришлось бы этим заниматься. Я обязан вам помогать, сэр.

Они двинулись вперед. Хелот шел следом за своим пленником, подталкивая его в спину.

— Куда мы идем? — поинтересовался обнаглевший Робин и тут же получил удар между лопаток.

— Тише, ты, — сказал Хелот.

Дом Греттира стоял возле маленькой церковки во имя святой Касильды-В-Розах. Сия Касильда, будучи женою сарацинского конуга, имела обыкновение носить в подоле хлеб для христианских узников, чью веру она втайне приняла. Что вызывало естественное неодобрение со стороны сарацинского конуга. И вот однажды подстерг он ее возле узилища, решив положить конец этой благотворительности. Тем временем узники уже почуяли запах съестного.

— Касильда пришла, — пронеслось из камеры в камеру, — сейчас пожрать даст.

Но тут, как гром среди ясного неба, прозвучал голос супруга добродетельной дамы:

— А, это вы, мадам?

— Я, господин мой, — трепетно отвечала Касильда.

— Зачем вы здесь, мадам?

— Это вопрос, сударь?

— Да, три тысячи чертей! — воскликнул нечестивец. (Узники торопливо осенили себя крестом). — Отвечайте, мадам! — приставал муж.

— Я здесь во имя милосердия, — робко отвечала Касильда.

— Милосердие — поповское слово, — сказал сарацин и оскалил все свои зубы. — Что у вас в подоле, мадам? Клянусь кишками шейх-уль-ислама, я вас заставляю отвечать!

— Розы, — соврала бедная Касильда, совершенно растерявшаяся перед разъяренным кровопийцей.

— Ах, розы?! — возопил сарацин, окончательно выведенный из себя. — Гром и молния! Вы хотите сказать, что принесли этим недоумкам понюхать пару цветочков?

— Да, сударь, — пролепетала Касильда.

— Три тысячи чертей!!! Я прикажу обыскать вас, мадам!

Касильда гордо выпрямилась:

— Надеюсь, сударь, никто из ваших грязных рабов не посмеет прикоснуться ко мне?

— Мадам, — спокойно, но твердо сказал сарацин. — Предъявите нам розы, которые, как вы утверждаете, у вас в подоле, и можете быть свободны. Но если там у вас, как мне донесли, хлеб и сушеная рыба, то я прикажу отдать вас на поругание матросам.

Несчастная закрыла глаза и, предавшись на волю Господню, вывернула свою ношу из подола на мостовую. И — о чудо! — это оказались действительно розы. Так, дети мои, истинная вера творит чудеса.

Христианские узники, впрочем, были ужасно разочарованы: они рассчитывали закусить, а тут какие-то растения с колючками...

«Жития святых в изложении отца Тука, как правило, грешат неточностями», — думал Хелот, поднимаясь вслед за Греттиром по лестнице и крепко держа пленника за руку, чтобы тот не сбежал.

Они вошли в большую комнату со сводами, где по стенам стояли кресла с высокими прямыми спинками, а посередине красовался гигантский стол. Хелот снял со стены факел и зажег три свечи в массивных подсвечниках. Греттир, не желавший, чтобы прислуга знала о случившемся, сам подал на стол остатки дневной трапезы.

Хелот толкнул мальчика, и тот плюхнулся в кресло, где и остался сидеть, вызываясь болтая ногами. Однако за едой потянуться не решался. Греттир сказал,

впервые за все это время обращаясь непосредственно к пленнику:

— Угощайся, мальчик.

Рыжий покосился на Хелота, видимо признавая в нем хозяина. Хелот кивнул ему и сказал с набитым ртом:

— Лопай, хромоножка.

Тотчас грязные пальцы вцепились сразу в два самых жирных куска мяса, и только хрящи затрещали под напором добротных англосаксонских челюстей. Оба рыцаря прыснули. Мальчишка жевал и что-то, видимо, обдумывал. Желая подразнить его, Хелот сказал:

— Поспешి, приговоренный. Это твой последний ужин.

Его удивило, что истребитель королевских зайцев сразу ему поверил. Из синих глаз потекли настоящие слезы. Видно, паренек уже начинал надеяться.

Греттир бросил на старшего друга укоризненный взгляд. Но Хелот был беспощаден. Он плеснул плачущему мальчику в лицо остатки вина.

— Прекрати реветь, — сердито сказал он.

Длинный язык мгновенно слизал сладкие капли с губ и щек. Затем последовал горестный вздох.

— Ну, в чем дело? — осведомился Хелот. — Почему ты плачешь, Робин? Только что ты был полон готовности бросить вызов всему ноттингамскому рыцарству. А теперь... неужели тебе страшно?

Мальчик кивнул.

— Не бойся, — утешил его Хелот, — Англия вполне христианская страна, не Испания какая-нибудь. А вот древние римляне — те вообще стаскивали осужденных в пропасть крючьями. Подцепят за подмышки, еще кусок руки оторвут, если неосторожно... У них был такой закон, — разглагольствовал Хелот, — во зло используя прочитанного в том же монастыре Светония, — девственников казнить запрещалось. И если случайно попадалась таковая, ее растлевали, а потом уже...

— Перестаньте мучить человека, — сердито перебил его Греттир.

— Что-о? — возмутился Хелот. — От кого я это слышу? Кто меня только что уверял, будто они не люди, а настоящее зверье?

— Дурак какой-нибудь, — не моргнув глазом, ответил Греттир. — А ты успокойся, дубина.

Мальчик даже поперхнулся и недоверчиво уставился на Греттира, сбитый с толку. А тот продолжал:

— Завтра утром, как только откроют ворота, ты вместе с рыцарем Ордена Храма...

— Отправишься к Гробу Господню, — заключил Хелот, допивая вино. Он страшно веселился. «Какой я молодец, — думал он, — как удачно все складывается».

Мальчик переводил глаза с одного рыцаря на другого.

— Значит, вы отпускаете меня? Я свободен?

— Никто тебя не отпускает, но ты свободен.. будешь завтра.

— Вы шутите?

Рыжий вскочил и бросился к двери. Хелот успел схватить его за руку.

— Ну-ка, сядь! — властно сказал он. — Никто тебя не собирается вешать, мог бы уже понять. Шериф об этом, разумеется, еще не ведает...

— Но ведь вы.. но почему Орден Храма...

— Орден Храма тут ни при чем. Знаком ли тебе Робин из Локсли, лесной стрелок?

— Ищите Локсли, — кивнул мальчик. — Нет уж, пусть меня лучше повесят. Я вам ни слова не скажу.

Хелот вздохнул:

— Обещай на крайней мере молчать, когда мы поедем через ворота.

В наступившей тишине все трое услышали адский скрежет опускаемого моста через ров у ворот святой Цецилии.

— Пора, — сказал Хелот. Он сжал Греттиру руки. — До встречи. Помни: если у тебя случится беда, я найду способ выручить тебя.

Греттир недоверчиво улыбнулся.

Они спустились во двор. Хелот вскочил на коня, мальчишка пристроился за его спиной, и оба вскоре исчезли за поворотом. Стражники пропустили их, даже не потрудившись рассмотреть повнимательнее. С

тамплиерами вообще старались не связываться. К тому же пропажу узника, судя по всему, еще не обнаружили — чисто английское разгильдяйство.

Утро было ясное, росистое. Хелот свернул с большой дороги на проселочную — и очень вовремя. Через несколько минут он увидел отряд человек в сорок. Над головами воинственно вздымались копыя, вилы и косы. Хелот обернулся к мальчишке.

— Видишь, что ты наделал, браконьер? — сказал он. — Лесные стрелки идут на штурм города, чтобы спасти тебя от неминуемой гибели.

Он остановил коня. Из толпы вышел Локсли. Сын вдовы соскочил на землю и кинулся Робину на шею. Стрелки смотрели на эту трогательную сцену и тихо ухмылялись.

— Хорош! — сердито сказал Робин Гуд. — А теперь быстро беги в деревню, успокой свою мать. И сразу же к нам. Скоро тебя начнут ловить по всему лесу. Только вряд ли у них это получится...

Сверкнули грязные пятки, и мальчишка исчез. Хелот лениво слез с седла.

— Зачем ты послал мальчика в деревню, Локсли? Туда мог сбегать кто-нибудь другой, кого не ищут.

— Во-первых, всех нас ищут. А во-вторых, другому мать не поверит.

Тут Хелоту показалось, что на его плечо упало тяжелое полено. Это Малютка Джон ласковым похлопыванием выражал свое отношение к случившемуся.

— Снимай эти рыцарские тряпки, дружище, — прогудел он, распространяя запах пива. — И давайте отпразднуем боевое крещение отличного парня из Лангедока!

— Беглого монаха, — вставил отец Тук, который весьма ревниво относился к чести мундира.

Хелот ощутил прилив счастья. Он понял, что ему дороги эти простые бородатые физиономии. Особенно теперь, когда они улыбаются ему. И тот, что собирался зарезать Хелота в самый первый день, тоже смотрел на него ясными глазами. Хелот увидел, что почти все зубы у него выбиты.

Вдруг Хелот помрачнел. Робин, с любопытством наблюдавший за ним, заметил это и тихонько спросил:

— Что-нибудь случилось?

— Да. Какой я идиот!.. Кинжал..

— Какой еще кинжал?

— Я оставил свой кинжал между лопаток стражника. Теперь они догадаются обо всем..

— Вот уж точно, — согласился Робин и вдруг захохотал так, что слезы брызнули у него из глаз. — А ты хоть знаешь, что это был за кинжал?

Хелот уставился на него в недоумении.

— Мы отобрали его у сэра Гая Гисборна, — пояснил Робин, вытирая слезы. — Во время его последней экспедиции в лес.

ГЛАВА ПЯТАЯ

В Шервудский лес пришла осень. В воздухе постоянно дрожала взвесь не то дождя, не то тумана. Но несмотря на то, что небо окутала мгла, в лесу было светло — печальным, тихим, упорным светом сияли под ногами опавшие листья.

Кое-кто из стрелков уже подыскал себе для зимовки место в деревне. Остальные кое-как устроились в лесу. Хелот нашел уютную пещеру, которую местные жители именовали Кривой Норой. Она обладала целым рядом неоспоримых преимуществ, одним из которых было расположение: прямо у входа в Нору начинался густой малинник.

Свое логово Хелот обустроивал сам и втайне очень гордился им. Стрелки снисходительно посмеивались над его причудами, но Хелот полагал, что образованному человеку необходимо уединение, и переубедить его не удавалось.

Неожиданную поддержку он обрел в лице отца Тука. Духовный наставник лесных грабителей упорно продолжал считать бывшего рыцаря чем-то вроде беглого монаха, и потому делом чести для него стало вступаться за товарища по классу. «Уж коли кто к

келье сызмальства привык, — многозначительно говорил отец Тук, — того вповалку спать не приучишь. А наш Хелот, по всему виду, воспитывался в суровом уставе...» Хелот устал с ним спорить, и поэтому отец Тук беспрепятственно распространял небылицы о строгом монастырском воспитании нового стрелка. Многие верили.

Прозрачным осенним днем, отвлекая бывшего рыцаря из Лангедока от созерцания и размышлений, неподобный отец в очередной раз возник у него за спиной. Хелот сидел на бревне и грыз ногти в задумчивости. Отец Тук потоптался, посопел и наконец воззвал:

— Хелотище...

От неожиданности Хелот даже подпрыгнул.

— Из Ноттингамшира я уйду зайкой, — объявил он сердито. — Что ты пристал ко мне, Тукало-Вонюкало?

— Давай поговорим как интеллигент с интеллигентом, — предложил отец Тук. — Тоска с этим мужичьем. Тьфу! Никакого политесу, ограниченные люди...

Из этого краткого, но выразительного заявления Хелот сделал совершенно правильный вывод о том, что монах успел с утра разругаться со своим неразлучным другом Маюткой Джоном.

Оба помолчали, настраиваясь на интеллектуальное общение.

— Осень... — уронил отец Тук многозначительно.

— Да, — отозвался Хелот. — Вот, наступила... листья падают...

Он подставил ладонь, в которую тихо опустился увядший лист.

— Ты, говорят, на зиму хорошо устроился, — завистливо сказал отец Тук. — Не жалеешь, что из монастыря ушел?

— Да не был я ни в каком монастыре, — с досадой отозвался Хелот. — Отстань ты от меня ради Бога.

Отец Тук хихикнул.

— Христианский Бог тебе в этом лесу не поможет, Хелот. Здесь до сих пор бродят древние боги кель-

тов. — Теперь беглый монах заговорил вполне серьезно. — Люди полагают, что они давно умерли, но это не так. Как-то раз, когда я еще не был блудным сыном Матери Нашей Святой Церкви, одна девушка по имени Эни Бонн примчалась в деревню с криком, что видела дьявола. Я ей не поверил. Станет дьявол гоняться за какой-то Эни! Нужна ему больно какая-то девка! Я-то знаю, и женщины говорили, что это был сам Кернунос, коли рога у него оленьи, а сложением настоящий богатырь. Бедняжку Эни всю трясло от страха, когда она прискакала ко мне на исповедь.

— Она тебе о дьяволе, а ты ей — о пользе язычества? — Хелот не мог сдержать улыбку, представив себе эту странную исповедь.

Святой отец позволил себе широко ухмыльнуться.

— Ага. — Он взмахнул рукой, описывая полукруг, чтобы слушателю было понятнее. — Вот церковь Божья, вот я сижу — а тут Эни возится по каменному полу на своих толстых коленках и захлебывается плачем. Враг, говорит, рода человеческого и всего святого высунулся из-за кустов и смотрел на меня огненными глазами! Эни — первейшая потаскушка в округе. Ах, какая девочка — пончик! — Отец Тук облизнулся. — Бормотала что-то о власянице и вечном покаянии, чуть ли не об обете не притрагиваться больше к мужчинам. Но я ее успокоил. Рассказал о кельтских богах. Невежественные люди в наших деревнях, чудовищно невежественные...

— Что-то мне до сих пор никаких богов не встречалось, — сказал Хелот. Его удивило, что отец Тук по-настоящему испугался.

— Тише ты, болван. Если они услышат, тебе недобровать. Здесь тебе не город, школяр ты недоученный.

Помолчав, Хелот сменил тему.

— Ты давно знаком с Локсли? — спросил он, устраиваясь поудобнее на своем бревне.

Отец Тук плюхнулся рядом и провалился увесистым задом в трухлявую древесину. Ворча и барахта-

ясь, он кое-как выкарабкался и сердито засопел, уставив на Хелота неопрятную бороду.

— Порядочно, — сказал он наконец. — Он славный парень. Не то что некоторые.

Злобный выпад святого отца Хелот пропустил мимо ушей. Он давно уже собирался разузнать побольше о Локсли, тем более что до него стали доходить всякие слухи насчет происхождения лесного разбойника: дескать, не такой уж он простой крестьянин. «Баронская дочь на охоту пошла, пеленок с собой она в лес не брала...» и прочие сплетни.

— Сколько ему лет?

— Думаю, двадцать или около того. А что?

Хелот сорвал позднюю травинку, сунул ее в рот.

— Да так, — ответил он невнятно. — Просто командует людьми так, будто его с детства этому учили.

— Жизнь его научила, — сказал отец Тук. — А потом вошло в привычку. Я знаю, что года четыре или около того у них в Локсли случился большой неурожай. Ты, вероятно, знаешь, что такое голод.

— Нет, — признал Хелот. — Я всегда ел досыта.

Отец Тук скользнул глазами по его тощей фигуре и откровенно усомнился.

— По тебе не скажешь, — заметил он. — Ну ладно, слушай. Был неурожай, к тому же шериф неудачно поохотился прямо на крестьянских полях и вытоптал все подчистую. Дичь в лесах королевская, ее убивать кому попало не разрешается. Словом, народ подумал-подумал и стал потихоньку вымирать. — Глазки святого отца затуманились, щеки — и те обвисли печально. Он вытащил из рыжей бороды несколько подозрительных соломинок и уставился на них в недоумении.

Хелот подтолкнул его в бок:

— Дальше-то что было?

Отец Тук сердито икнул.

— Мог бы и сам догадаться. Когда деревенские поняли, что их ждет, они снарядили трех человек в город просить помощи. Рассчитывали, что если даже кто-нибудь по дороге помрет, то хоть один-то из троих

добредет по назначению. Пошли Робин и еще двое, муж и жена. А может, брат и сестра, кто их разберет, дикие люди. Эти-то, прямо скажем, ребята умом не блещут, туповаты малость, но зато это единственный их недостаток, других не имеется. Да ты их знаешь, Хелот, — они содержат теперь тот трактир, где мы с тобой впервые повстречались... гм... — Отец Тук звучно почесался под рысой. — Словом, — продолжал он, — вся эта компания в конце концов предстала перед славным шерифом. Он долго смеялся и так распотешился, что ограничился распоряжением дать каждому из посланцев по десяти ударов плетью, после чего отпустить с Богом. Тилли и Милли — оба в слезы. Так и изошли бы плачем на дерьмо у шерифских сапог, если бы Робин не пнул их, как следует, и не велел замолчать. Гордый попался, вот ведь как. Он пообещал шерифу известить всех оленей в Шервудском лесу. За это шериф удвоил ему наказание. Как ты понимаешь, через два дня Робин убил своего первого оленя, а еще через пару дней в деревню был послан отряд под командованием Гая Гисборна и деревню сожгли. Мужчины, те, что уцелели, ушли в лес. С того и началось...

Хелот сорвал еще одну травинку.

— Обычная история, — сказал он.

Отец Тук раскрыл уже было рот, чтобы продолжить рассказ, и вдруг замер.

— Посмотри вон туда, — шепнул он.

Хелот, привстав, вытянул шею, вглядываясь в лесную чащу. Сперва он не видел ничего... а потом заметил и затаил дыхание. Между валунов, среди березовых стволов, в лизне беззвучно падающих листьев, лежала белая лошадь, озаренная таинственным светом. У нее была светлая спутанная грива, темные глаза, розовые ноздри.

— Эпона, — прошептал монах, — мать лошадей... — Он подергал Хелота за рукав: — Ты смотри, смотри...

Теперь Хелот ясно различал на спине лошади полупрозрачную тень очень маленькой и очень юной

женщины с длинными светлыми волосами. Она стояла, обернув к людям ладони поднятых рук и едва касаясь лошадиной спины кончиками пальцев ног, как плясунья. Все ярче и ярче проступали на бесплотном лице большие глаза, глядящие из седой древности. Хелот видел длинные белые ресницы, расширенные зрачки, которые надвигались, надвигались на него, грозя поглотить.

Отец Тук схватил его за руку:

— Уйдем отсюда.

Оба торопливо пошли прочь, но через несколько шагов обернулись. Видение исчезло бесследно. Даже трава в том месте, где лежала лошадь, не была примята, и только листья падали и падали с берез неудержимым потоком, и их все не убывало — осень была в самом начале.

Расставшись с отцом Туком, Хелот направился к малиннику у Кривой Норы в надежде поживиться остатками малины. После видения языческой богини ему хотелось побыть наедине со своими мыслями. Однако возле малинника его ожидал неприятный сюрприз в виде совершенно незнакомого человека, одетого в нелепые в лесу белые одежды. К тому же, как, присмотревшись, определил Хелот, рваные и довольно-таки грязные. Хелот замер, созерцая спину наглеца, и потихоньку вытащил из-за пояса длинный кинжал, подарок Малютки Джона. «Мало ли что может случиться, — подумал он, — а при встрече с неизвестным ножик не помешает». Попутно Хелот мельком отметил, что у незнакомца черные волосы — бедняга, каково ему в этом царстве рыжих.

Хелот тихонько свистнул. Человек, однако, и не подумал оборачиваться — как сидел, так и продолжал рассиживаться. «Ну, это уже наглость», — подумал Хелот. Он с треском прошелся по сучьям и приблизился, держа нож в опущенной руке. Незнакомец бросил на кинжал быстрый взгляд и, не говоря худого слова, откинул голову назад, подставляя под удар незащитное горло. По-дурацки приоткрыв рот, Хелот

смотрел на это в полной растерянности. Смятение длилось с минуту, после чего бывшего рыцаря одолела лютая злоба. Он схватил непрошеного гостя за шиворот, едва не изорвав при этом в клочья и без того ветхую одежду, как следует встряхнул и заставил встать на ноги, а сам уселся на бревно. Тут он заметил, что руки у незнакомца связаны и лунки ногтей посинели. Ругаясь шепотом, Хелот разрезал кинжалом веревки. Человек стоял перед ним совершенно спокойно и давать объяснения, судя по всему, не собирался. Что ж, Хелота это вполне устраивало. Чем скорее тот уберется отсюда, тем лучше. Закончив свое дело, Хелот оборвал с худых запястий веревки и пробормотал:

— Ты свободен, уходи.

Но незнакомец продолжал стоять неподвижно.

— Иди же, — повторил Хелот, на всякий случай подталкивая его в спину, чтобы лучше понял. Но чужой человек продолжал навязывать ему свое общество, и Хелот со вздохом взял на себя труд познакомиться с ним поближе. Он внимательно посмотрел незнакомцу в лицо и обнаружил, что непрошенный гость был смугл, скуласт и горбонос. В Англии, во всяком случае, с такой внешностью жить не рекомендуется.

— Сарацин, — прошептал Хелот с отвращением. Сарацины не могли вызывать у него иных чувств, ибо все они до одного кровожадные людоеды. Об этом он наслушался еще в Лангедоке, от Гури Длинноволосого, перебившего их целую сотню. Зарезать злодея, что ли, пока безоружен? Но тут Хелот некстати вспомнил, с какой готовностью связанный человек подставлял под его нож горло, — и устыдился. Положение приобретало оттенок безвыходности. Хелот почесал ножом за ухом.

— Ты откуда взялся? — спросил он наконец. Он не ожидал ответа, но сарацин тут же отозвался:

— Ушел.

— Истинно сарацинская лаконичность, — разозлился Хелот, и без того сбитый с толку. — Говори

подробно: откуда ушел, зачем и как тебе это пришло в голову. Ты хоть понимаешь человеческий язык?

— Я понимаю. Гарсеран.. — начал объяснять человек, но Хелот тут же перебил его:

— Где он?

— Шел в Ноттингам с караваном. Много золота вез. Людей много вез. Я сбежал в лес, он не стал искать.

— Ты из его свиты?

Сарацин шевельнул ноздрями и верхняя губа у него дрогнула, открывая очень белые зубы, отчего лицо стало злым.

— У вас это так называется? Да, из свиты.

— Почему же он не стал тебя искать, когда ты сбежал?

— Я умираю, — пояснил сарацин так спокойно, что Хелот поначалу не поверил. — Я хотел умереть один.

Хелот растерянно заморгал.

— Почему ты умираешь? Ты разве ранен?

Сарацин не ответил. Хелот заорал, криком пытаюсь скрыть смятение:

— Отвечай же, черт тебя возьми!

— Я не знаю, — сказал сарацин.

Хелот отвернулся. Этот человек решительно выводил его из себя. Он явно нуждался в помощи, и как ни претило Хелоту оказывать благодеяния личности с такой людоедской наружностью и варварскими привычками, поступить по-другому он не решался: это было бы против всех лесных законов. Он только не мог выбрать, добить ли ему умирающего или попытаться все же его спасти.

— Ладно, — проворчал он наконец и снова заставил себя посмотреть в эти пылающие черные глаза. — Как тебя зовут?

— Алькасар.

— Ужасное имя, — вздохнул Хелот. — Ты кто, Алькасар? Пленный воин, убивший тысячу врагов?

Но тот, к великому разочарованию Хелота, покачал головой:

— Нет, я родился рабом.

Хелота охватила глубокая тоска. Только этого ему не хватало. Однако те полгода, что он провел у лесных стрелков, уже сделали свое дело — теперь в затруднительных случаях ему на помощь приходило первое правило Локсли: сперва накормить человека до отвала, а там, глядишь, и видно будет, что с ним делать.

Поэтому Хелот встал.

— Иди за мной, — велел он.

Вдвоем они проникли в Кривую Нору. Сразу у входа помещался небольшой очаг, сейчас остывший. На хитроумном опускающемся крюке у очага висел чугунок. Хелот снял крышку и пальцами вытащил кусок оленины.

— Ешь, — сказал Хелот Алькасару.

Себе он налил пива и, усевшись на пороге Норы, принялся потягивать, стараясь при этом не слушать, как за его спиной чавкают и захлебываются слюнями. «Голодный, — подумал Хелот. — А ведь его, пожалуй, стошнит, если он будет так лопать. Ладно, пусть, раз я его не зарезал».

Он обернулся:

— Хочешь молока?

Алькасар не ответил. Хелот налил ему молока.

— Скажи-ка мне, с чего ты взял, будто умираешь?

Ответа не последовало. Хелот подошел совсем близко и, перемогая отвращение, пристально взгляделся в смуглое лицо. Он увидел, что веки и губы сарацина воспалены. Тогда, усилием воли ломая отвращение к этому варвару, Хелот потрогал его полыхающий лоб.

После чего лангедокцу было над чем призадуматься.

— Послушай, Алькасар, — сказал он наконец, — если бы я сразу понял, что ты сарацин, я бы тебя, конечно, зарезал еще в малиннике. Но поскольку я имел неосторожность тебя накормить, придется мне возиться с тобой и дальше. Пойдем.

За очагом помещалось непосредственно логово, где стояла настоящая кровать — первый опыт обращения Хелота с плотницким топором. Кровать обладала рядом достоинств, одним из которых была прочность: ее

проверял лично отец Тук. А уж коли она не развалилась под духовным наставником, то тощего Хелота всяко выдерживала.

Хелот смотрел на просторное ложе, устланное шкурами, и тяготясь стало ему при мысли о том, что оно будет осквернено присутствием злобного иноверца. Потом покосился на Алькасара и вдруг заметил, что, покуда боролся со своими христианскими чувствами, его пленник тратил последние силы на то, чтобы держаться на ногах. Побелев, сарацин молча цеплялся за стену. Выругавшись, Хелот бросился к нему. Уже теряя сознание, Алькасар качнул головой, словно отказываясь от чего-то. Бывший рыцарь из Лангедока перетащил его в кровать и укрыл шкурами.

Кровожадный людоед показался ему вдруг совсем беспомощным. Только сейчас Хелот заметил, что Алькасару едва ли больше лет, чем ему самому. Покуда сарацин метался по кровати и что-то бормотал, Хелот развел в очаге огонь, вскипятил воду и бросил в чугунок разнообразные целебные корни, чтобы заваривались. В целительстве он не очень был силен, однако корни подарил ему святой Сульпиций, так что источник мог считаться вполне надежным. Отшельник излечил Хелота от неизлечимой болезни, и в памяти благодарного пациента запечатлелось, как святой поил его невообразимой дрянью, и вот она-то его и спасла. Словом, когда Хелот опробовал свое варево, он остался вполне доволен: гадость отменная.

С кружкой в руках он направился обратно к сарацину и влил в его воспаленный рот божественное питье. Алькасар глотал так покорно, что Хелот поневоле был растроган. Потом сарацин сообщил, что мавры не сдали франкам только Сарагосу, но уж этот город держать будут крепко, после чего совершил попытку к бегству.

— Лежи, болван! — закричал Хелот, ухватив его за плечи. — Иначе сдохнешь. Тяжкие кары насылает Эпона за мои богохульства!

Оборвав причитание, он прислушался и уловил у себя в Норе чавканье. Этот звук Хелот не перепутал

бы ни с каким другим. Он оставил своего пленника метаться с риском упасть с кровати и пошел посмотреть, кто же это шарит по кладовкам и припасам на зиму. Однако никого не было видно. Но Хелот шкурой чувствовал в Норе дыхание еще одного носа. И довольно близко.

Он обнаружил взломщика возле самого выхода. Там стоял, втираясь в стену рядом с толстой балкой, рыжий мальчишка — Робин, сын вдовы. Он очень серьезно вылутился на Хелота своими ярко-синими глазами.

— Ну, — обвиняющим тоном произнес Хелот, — чем ты тут чавкал, урод?

Сын вдовы одарил его взмахом пушистых ресниц.

— Совершенно распустился, — продолжал Хелот, — не здороваешься со старшими, не отвечаешь на их вопросы...

Поскольку Робин-второй упорно молчал, Хелот схватил его, прижал к стене и для пробы провел пальцем вдоль торчащих ребер мальчишки. Результат попытки превзошел все ожидания. Рыжий побагровел и фыркнул прямо Хелоту в лицо похищенными из чугунка бобами, которые не успел проглотить.

— Так бы и выдрал паршивца, — сказал Хелот, обтираясь.

— Я сирота, — поведал хромоножка, — калек, — он скривился жалобно, — и жертва произвола...

— Зря тебя не повесили тогда в Ноттингаме, — сказал Хелот. — То-то бы я повеселился! И покоя было бы больше. А теперь слушай. Я прощаю тебе все твои безобразия, прошлые и грядущие, если ты принесешь мне коньяка или что-нибудь в этом роде.

Синие глаза заморгали.

— И побольше, — угрожающим тоном добавил Хелот.

Рыжий даже вспотел.

— Где я тебе в лесу найду коньяк?

— Ищите и обрящете, — процитировал Хелот в подражание святому Сульпицию, после чего величест-

венно удалился в логово. Мальчик шмыгнул за дверь и с топотом умчался.

В логове ничего не изменилось. Алькасар метался по кровати и заунывно бредил. Хелота разбирала тоска. Почему-то представилось, как он, раненый или больной, умирает в чужом краю и ни одна живая душа не понимает, о чем это он шепчет в свой последний час на не известном никому языке.

Затем Хелота посетила хорошая мысль: дабы сарапин не свалился с кровати, его нужно привязать. Он снял со стены моток веревки (два месяца назад украденной с казенной виселицы) и совершил этот бесчеловечный поступок. После чего уселся рядом и стал переживать. Не очень-то было ему приятно возиться с умирающим, который не был даже пленным вражеским воином. «Впрочем, — подумал Хелот — человек от природы не злой и справедливый, — вряд ли я сам был симпатичнее, когда валялся у святого Сульпиция. Небось и потом разило, и слюни текли...» Словом, Хелот боролся с собой.

Шустрый сынишка вдовы вернулся на удивление быстро. С ним явились Локсли и отец Тук, причем оба последних горланили нетрезвыми голосами. По осеннему лесу, раскалывая хрустальную тишину, разносилось:

— Это, значит, пока мы в поте своего лица кормим доблестного Гарсерана и слушаем весь тот бред, который он несет с перепугу...

— Он, видите ли, засел в своей берлоге! Интеллигент!

— Ему, значит, выпить захотелось!

— На коньячок его, значит, потянуло! На графский!

— А сам даже бобов поганных для боевых товарищей жалеет! — петушиным голосом вставил сын вдовы.

— Молчи, отрок! — громыхнул отец Тук. («Быстро же набрался», подумал Хелот с досадой.) — Хелот, сын мой, неужели ты будешь спиваться под землей? Один? Подумай о спасении души и обратись в истинную веру!

Хелот выбрался наружу. Эти двое стояли по обе стороны от пузатого бочонка с гербами и свой дуэт исполняли слаженно, как два полухория в античной трагедии.

— Горе, горе грешным нам! — выразительно декламировал отец Тук, закатывая глаза и сотрясаясь брюхом. — Среди нас завелся эгоист, жалкий пьяница, горе-аристократ, скрывавший свои пороки до той поры, пока не прокатился слушок о графском коньячке...

— Да заткнись ты, — сердито проговорил Хелот. — Коньяк мне нужен сугубо для важного дела...

Все трое дружно взревели.

Хелот решил не обращать на них внимания и потащил коньяк в Нору. Скорбно качая головой, Тук взгромоздился на массивный пенёк возле малинника и раскрытым ртом стал ловить на ветках последние ягоды, раскисшие от дождей. К великому неудовольствию Хелота, Локсли пошел в Нору за ним следом.

— Что у тебя случилось, Хелот? — спросил лесной разбойник.

— Ничего.

Однако Локсли неотвратимо трезвел прямо на глазах, и отделаться от него не было никакой возможности. Но признаваться, для чего потребовался коньяк, Хелоту очень не хотелось. Кто знает, может быть, своим поступком он оскорбил патриотические чувства англичанина.

— Гарсерана, говоришь, встретили? — спросил Хелот. — И где он теперь?

— Хорошо покушал его светлость и теперь оплачивает обед.

— Скажи, Робин, с ним были какие-нибудь рабы или пленники?

— Ни одного, — ответил Робин. — А почему ты спросил об этом?

— Из любопытства.

— Ткани вез, благовония, драгоценные камни. Золотые монеты. Словом, как обычно.

— Слушай, Робин, а зачем лесным стрелкам благовония?

Робин засмеялся:

— Что-то ты темнишь сегодня, Хелот! Я всегда знал, что ты себе на уме. Говори лучше прямо, что там у тебя стряслось.

Хелот вздохнул:

— Пойдем, покажу.

Он осторожно поднял бычью шкуру, закрывающую вход в логово, намотал на палку и в свернутом виде положил на два крюка, специально прибитых над притолокой. Вдвоем они подошли к сарацину. Хелот встал рядом с больным, волком посмотрел на Робина и сказал скороговоркой:

— Конечно, я поступаю отвратительно, поскольку это вонючий сарацин и беглый раб, но он у меня в доме, и сначала ты убьешь меня, а потом уже..

Тут он окончательно почувствовал себя дураком и замолчал. Локсли осторожно потрогал лоб сарацина, посмотрел десны, потом послушал сердце.

— Он не ранен? — спросил Робин. — Вроде, у него не оспа.

— Нет, это какая-то горячка. Он говорил мне, что умирает, и, по-моему, не так уж далек от истины.

Совместными усилиями лесные стрелки натерли умирающего коньяком, и бедняга заблагоухал. Остатки коньяка оставили для внутреннего употребления. Прошло около получаса. Хелот и Робин сидели рядышком, потягивая коньяк, и вдыхали коньячные пары, которыми исходил больной. Отец Тук наверху по-прежнему сосредоточенно ел малину, а юный Робин сбежал поглазеть на сокровища ощипанного Гарсерана.

Хелот спросил заплетающимся языком:

— Скажи, Робин, почему сэр Гарсеран ездит по этой дороге?

— Во-первых, — отвечал Локсли, — другой дороги нет. А во-вторых, на другой дороге другие разбойники, куда более кровожадные, чем мы. И свирепые... свирепые-то жуть!

— Но ведь и мы тоже не сахар, — заметил Хелот.

— Нет, — горестно согласился Локсли. — Не сахар. Отнюдь.

— И все-таки мы лучше... Ты, например, Робин... Ты — лучше...

Они обнялись.

Хелот ощутил острую потребность обогатить память Локсли всем тем, чему сам успел научиться. Пусть он будет такой же образованный! Ведь он невежественный крестьянин, но какое благородное сердце! Наверняка Хелот послан судьбой для того, чтобы открыть для него свет познания!

Хелот поковырялся в своих арсеналах и извлек оттуда одну весьма подходящую историю.

— Вот ругают, ругают норманнов, что они оккупанты, — начал он, — а ведь если бы не их нашествие, не было бы и коньячка. Когда... — Тут Хелот обнял Робина за плечи. — Когда Вильгельм Завоеватель явился сюда, предательски обратив щиты внутрь корабля в знак своих якобы мирных намерений, он вез с собой конечно же вино. Но вина он мог взять на корабли мало. А хотелось бы — много. И вот он сгущал, сгущал вино, увеличивая крепость, чтобы потом разбавить и пить, понимаешь? Но уже в Англии попробовал, что получилось, и подумал: зачем портить хороший продукт? Так-то вот норманны изобрели коньяк.

— Все-то ты знаешь, Хелот, — умилился Робин. — Все-то тебя научили в твоих монастырях.

В Кривую Нору вломился отец Тук.

— Да вы с ума посходили, — заявил он, принявшись. — Вы задохнетесь.

— Тсс, спугнешь больного. В нем жизнь еле теплится, а ты орешь, как на проповеди.

Отец Тук боком протиснулся к кровати и своей лапшей провел по лбу умирающего.

— Да он уже остыл, пьянчуги проклятые, — объявил отец Тук. — Кого это вы тут заморили? Сознайтесь!

Хелот бросился к постели. Алькасар мирно спал. Горячки как не бывало, ибо средства к больному применялись сугубо чудодейственные. Установив это, Хелот бросился перед кроватью на пол и зарыдал.

Никогда прежде (и никогда потом) ничего подобного с ним не случалось.

Отец Тук икнул сочувственно.

— Он спасен, — захлебывался Хелот, — исключительно благодаря травам святого Сульпиция! Воистину великий святой этот отшельник! Благословенна земля, по которой он ходит! Благословен воздух, которым он дышит!

— Это точно, — сказал отец Тук и, хмыкнув, сгреб Хелота и Робина в охапку. — А знаете ли вы, дети мои, какое искушение было послано святому Сульпицию?

Оба стрелка горестно замотали головами, сетуя на свое невежество.

— Женщина! — торжественно объявил отец Тук и звучным голосом исполнил песнь о трех святых, двое из коих погибли, посрамляя дьявола.

Из них первому, разливался духовный наставник, дьявол представился воздухом. Но святой, ибо был он знатоком своего дела, залепил себе рот и нос воском и задохнулся. И тем посрамил дьявола!

Отец Тук перевел дыхание и завел с новой силой о втором святом. Тому дьявол явился как раз в час обеда. И прикинулся нечистый буханкою хлеба. Но святой залепил себе рот глиной и умер от голода — и так посрамлен был дьявол во второй раз.

И вот (отец Тук повысил голос) явился дьявол святому Сульпицию и прикинулся женщиной.

Локсли тихо заржал. Но Хелот упорно требовал, чтобы ему пояснили, как именно святой отшельник посрамил дьявола. Дальнейшее представлялось ему как в тумане.

Когда Хелот открыл глаза, была глубокая ночь. Подумав немного, он снова их закрыл. Второе пробуждение оказалось более удачным, ибо солнце уже встало. Хелот вылез из Норы и направился к большим пещерам — полюбоваться на ограбленного Гарсерана. К сожалению, наваррский рыцарь уже отбыл, а его барахло Хелота мало интересовало. Он доел остатки оленя — после трапезы стрелки храпели богатырским

сном, беспечно оставив на полу изрядные куски хорошего мяса. Пару кусков Хелот прихватил с собой в Нору.

Алькасар уже проснулся. Хелот размотал веревки, которыми вчера привязывал его к кровати, и дал ему холодной оленины.

— Раз не помер вчера, — сказал он, — то продолжай жить дальше.

Алькасар уселся поудобнее и стал жевать мясо. Хелот, недавно прошедший через это испытание, поглядывал на него сочувственно. Шервудские олени не для всяких зубов, они в лесу жилистые, особенно если их плохо прожарить.

Неожиданно Алькасар улыбнулся. Улыбка у него оказалась трогательная. Вообще, сарацин выглядел довольно симпатичным парнем, если, конечно, отвлечься от того, что он людоед и варвар. Хелот совсем было уж собрался учинить ему допрос по всей форме — кто его родители и как там, в рабстве, но тут вошел Локсли и проделал все это сам.

— Привет, — громогласно произнес он, появляясь в Норе.

Алькасар сразу сообразил, что их почтил посещением самый главный, и сделал отчаянную попытку приветствовать его как положено. Робин долго ругался и кричал, что всем хороши сарацины и Сарагосу они не сдали франкам, но чинопочитание способно довести до пляски святого Витта даже англосакса.

— Даже поганые норманны так гнусно себя не ведут! — возмущался он. — Прости, Хелот.

(Вторая легенда о происхождении Хелота состояла в том, что его считали норманном.)

Сообразив, что разгневал важного господина, Алькасар совершенно сник и в ужасе заметался. С приущей ему чуткостью Робин уселся рядом, хватил его кулаком по плечу и велел не суетиться, а отвечать по порядку на все вопросы. Алькасар затих.

— От Гарсерана, говоришь, сбежал? — ухмыльнулся Локсли. — Как тебе это удалось?

— Когда вошли в лес, выломал доску из повозки, — ответил Алькасар, осторожно поглядывая на Хелота. — Все были заняты. Дорогу осматривали. Боялись какого-то Робина из Локсли. Гарсеран все время повторял: «Этот чертов бандит опять нас подкарауливает. Знает, собака, что я золото везу. И откуда он все знает?» А другие говорили, что этот Локсли водится со злыми духами леса. Нарочно друг друга пугали.

— Почему он не пустился тебя ловить?

— Очень просто. Я **умирал**, он знал это. Зачем рисковать из-за умирающего?

Робин хмыкнул. Хелот видел, что он доволен.

— А ты, значит, не боялся ни злых духов леса, ни бандитов?

— Когда умираешь, никого не боишься.

— Очень трогательно, — заметил Робин. — Теперь скажи: ты умеешь владеть оружием?

— Ножом и копьем, — поведал Алькасар застенчиво.

— Копье тебе вряд ли пригодится, — вставил Хелот.

— Стрелять из лука не умеешь? Меча в руках не держал? — приставал Робин.

— Нет.

Локсли поморщился. Его симпатий к новичку сразу поубавилось.

— Ладно, научишься. Скажи-ка, приятель, этот чертов норманн тебе не объяснил, к кому ты попал?

Алькасар покачал головой.

— Это неважно, — сказал он. — Всем хозяевам я служил одинаково плохо.

— Хозяев в лесу нет, — сообщил Робин. — А я тот самый Робин из Локсли. Этот лес мой. И здесь все совершенно свободны... время от времени приходится объяснять это шерифу и другим непонятливым господам. Тебе все ясно?

Алькасар засветился как осенний лист.

— Вы разбойники? Это вас боялся Гарсеран?

— Нас. — Робин самодовольно улыбнулся.

— Вы ограбили его?

— Ну разумеется.

Хелот невольно залюбовался снисходительным выражением, появившимся на лице Локсли.

— Я хочу видеть его голову на шесте! — жадно сказал Алькасар.

«Все-таки лютое, — подумал Хелот. — А жаль, казался таким симпатичным».

— Ограбить-то мы его ограбили, — сказал Локсли, — но никаких голов на шесте ты не увидишь. Во-первых, мы христиане... гм... добрые люди. И напрасных злодейств не творим. Лишнее это и мешает спасению души. А во-вторых, если мы прикончим твоего Гарсерана, то будем последними дураками, потому что потеряем хороший доход. Мы с ним не впервые встречаемся на большой дороге, и всякий раз эта встреча приносила нам удачу.

— А разве христиане не едят людей? — с детским любопытством спросил Алькасар, и Хелот покраснел.

Робин расхохотался, но сарацин продолжал настаивать:

— Я и раньше слышал, что они питаются человеческой плотью. Когда меня продали Гарсерану, я в это поверил.

— Он что, слопал кого-нибудь у тебя на глазах? — хохотал Робин.

Но Алькасар даже не улыбнулся.

— Он зверь, — ответил он. — Вы плохо его знаете.

Робин хлопнул его по плечу.

— Скорее вставай на ноги, — сказал он. — А Гарсерана забудь. Когда-нибудь ты убьешь его в честном бою.

И Локсли ушел.

Теперь черные глаза сарацина блуждали по логову. Он явно что-то обдумывал.

— Значит, теперь я свободен? — поинтересовался он.

— Законный вопрос, — отозвался Хелот. — Конечно свободен.

— А меня заставят переменить веру?

— Вот уж о чем тебя никто даже не спросит.

— Вчера мне показалось, что я видел здесь вашего монаха.

— Ты видел отца Тука, он язычник.

Он помолчал еще немного, а потом, смущаясь, снова заговорил:

— Прости, я забыл спросить твое имя.

— Хелот из Лангедока.

— Скажи, почему ты не убил меня, Хелот из Лангедока?

— Будешь задавать дурацкие вопросы, — разозлился Хелот, — я продам тебя в базарный день в городе Ноттингаме, а на вырученные деньги устрою пьяный дебош.

— Я невыгодный, — радостно сообщил Алькасар. — Когда Гарсеран меня покупал, он не знал, как выбирать. Ему меня всучили.

— А как выбирать? — заинтересовался Хелот, разом позабыв свой гнев.

Алькасар задрал рубашку.

— Смотри здесь, между лопатками.

— Значок какой-то синий. Вроде звездочки или снежинки... Ну и что?

Алькасар опустил рубаху и торжествующе посмотрел на Хелота.

— Это значит, что я строптивый. Попытка к бегству и дерзкое поведение, понял?

Хелот ощутил слабый укол зависти. Полагая себя человеком трусливым и образованным, он легко мог предположить, что за него вполне закономерно потребовали бы кругленькую сумму: еще бы, два достоинства сразу! Он даже расстроился. Алькасар сразу это заметил и коснулся его руки.

— Я тебя обидел?

— Смотри ты, учтивый, черт бы тебя побрал, — проворчал Хелот. — Нет, не обидел. С чего бы это? Расскажи лучше про Гарсерана.

Алькасар помрачнел, пробормотал несколько слов на непонятном языке, потом заговорил торопливо и сбивчиво, видимо стараясь проскочить эту тему как можно скорее.

— Когда он заплатил за меня серебром, тут торговцы и стали потешаться. Объяснили, что он осел. Тогда он решил: полюбуется, как я сдохну, раз другого от меня не добьешься. Но я живучий. Он долго меня допекал, не давал пить, потом еще по-всякому. А в лесу я от него ушел. Пусть подавится.

Хелот вздохнул:

— Да, жалко, что ребята отпустили Гарсерана. В следующий раз ты его получишь. Только до смерти не убивай, здесь это не принято.

Алькасар взял руку Хелота и стиснул ему пальцы.

Отец Тук потом ехидничал: «Рыбак рыбака видит издалека... а уж беглый беглого и подавно».

— Да не беглый монах я! — ругался Хелот, выведенный из себя намеками отца Тука.

— А кто ты, в таком случае? — сипел духовный наставник, распространяя густой аромат пива и чеснока. — Кто ты, о юноша, проникнутый духом христианских добродетелей?

Перемогая острое желание выдрать трясущуюся от хохота клочковатую бороду святого отца, Хелот твердо сказал ему:

— Я рыцарь.

И, как всегда, святой отец ему не поверил.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

По первому снегу Хелот с Алькасаром отправились к святому Сульпицию. Это была затея Локсли. Посмотрев, как Хелот делает из умирающего сарацина эдакого ноттингамского бодрячка, Робин решил, что у беглого монаха из Лангедока — или кто он там на самом деле — явное призвание к медицине.

— Будешь держать в Норе запасы целебных зелий, — заявил Робин. — У тебя там хорошая обстановка. Чисто — ни костей обглоданных, ни пьяных удальцов, ни тюков эдесского бархата с вшами и тараканами...

— Да ты с ума сошел, Робин, — отнекивался Хелот. — У меня нет образования. Я академиев не заканчивал.

— Грамотный, — значит, разберешься, что к чему. Сходи к святому Сульпицию, он тебе хороших советов даст. Заодно и целебными зельями разживешься.

Словом, Локсли был непреклонен. Хелот поломался еще немного и вынужден был согласиться.

Отшельник жил в двух днях езды от Ноттингама. Но поскольку друзья отправились пешком, прогулка заняла у них почти неделю.

Алькасар оказался удивительным чистоплюем. Там, где Хелот вымазывался грязью с головы до ног, он ухитрялся проходить, как по воздуху, сохраняя свежесть белой рубашки и непорочность сапог из мягкой кожи. Алькасар предпочитал одежду, принадлежавшую до ограбления самому Гарсерану, а тот, как было известно всем в Ноттингаме, отдавал свои рубахи и штаны в стирку лучшим прачкам, владеющим секретами превращать серое от времени полотно в белоснежное.

На пути к отшельнику Алькасар ужаснул Хелота, бросившись, как к желанному другу, к прозрачному роднику, бьющему среди снегов. От одного только вида ледяной воды бросало в дрожь. Но сарацин возликовал. Он подставил ладони под капли, срывающиеся со скалы, и долго переливал их из руки в руку, пока пальцы у него не покраснели.

— Тук пьянеет от пива, — сказал Алькасар, согревая руки дыханием. — А я от воды.

Хелот неопределенно пожал плечами и плотнее закутался в меховой плащ.

Обиталище святого Сульпиция помещалось недалеко от большой деревни под названием Владыкина Гора. Владыкину Гору лесные стрелки предусмотрительно обошли стороной и краем поля спустились к малой речке Голопунице, истоки которой терялись в болоте Дальшинская Чисть. На болото-то они и свернули, не слишком заботясь о том, что две фигуры, одиноко бредущие по заснеженному болоту, хорошо

просматриваются с холмов (ибо, подобно Древнему Риму, Владыкина Гора раскинулась на семи холмах). Увязая в снегу, путники пошли по Дальшинской Чисти. Кругом были лишь занесенные снегом кочки, высохшие черные деревца, чахлые кустики — зимой не поймешь, живые или уже погибшие. Вдруг под ногами закрипели бревна старой гати. Они вышли на дорогу. Через несколько минут увидели и дом святого. Хелот сразу признал его, ибо провел здесь не самые приятные дни своей жизни.

— Вот и оно, урочище Дальшинская Чисть, — сказал он Алькасару.

По высокой, скрипучей от мороза лестнице они поднялись к двери и, пригнув головы, вошли в низенькую комнатку. В первое мгновение Хелот даже зажмурился: ему показалось, что стены скромного отшельничьего жилища инкрустированы янтарем и что вся комната озарена солнцем. Но потом разглядел: просто по стенам висели заготовленные на зиму гирлянды лука.

А на лавке восседал отшельник и щурился на своих неожиданных гостей.

— Благословите, святой Сульпиций, — сказал Хелот.

Оба приятеля дружно поклонились.

— Благословляю, — отмахнулся отшельник. — Голодные небось с дороги?

Хелот и Алькасар, как по команде, принялись мяться и уверять, что явились к мудрецу отнюдь не обжираться. Слушая, как они разливаются, святой Сульпиций кивал и между делом выставлял на стол деревянные миски и плошку с луковым супом. Гости набросились на суп как звери, даже не заметив, что каждому предлагалось вкушать из отдельной посуды. Они сопели, сталкиваясь ложками в гигантской плошке, а отшельник сидел в сторонке и откровенно любовался.

— Люблю молодежь, — сказал он так внезапно, что Хелот подавился. — Есть в ней что-то... первозданное... еще от древних кельтов. От язычников.

— Я мусульманин, — некстати брякнул Алькасар. Святой Сульпиций строго заметил:

— А это очень нехорошо, сын мой.

Алькасар густо покраснел и решил, что, когда доест суп, непременно скажет святому какую-нибудь гадость. Хелот заметил это и, в свою очередь, постарался переменить тему разговора. Но не нашел ничего лучшего, как спросить:

— А это правда, святой отец, что вы посрамили дьявола?

— Когда? — живо заинтересовался святой Сульпиций. — Ибо я делал это неоднократно.

— Ну... когда он прикинулся женщиной.

Святой Сульпиций нахмурился:

— Эти грязные сплетни распускает обо мне отец Тук, когда напьется. Он считает, что это остроумно. Сын мой, дьявол действительно являлся ко мне в образе женщины, но я посрамил его совершенно иным способом. — Он поскреб лысинку. — И хватит об этом. Вы, вероятно, явились ко мне за травами?

— Сами понимаете, ваше преподобие, — ответил Алькасар, проявляя вежливость.

— Это Локсли затеял, — добавил Хелот, поспешно сваливая ответственность на другого. — У нас же в лесу как? Как на войне! То грабеж, то облава. И все время стреляют!

— Из арбалетов стреляют, собаки! — добавил Алькасар, сверкнув глазами.

— Собаки стреляют из арбалетов? — живо заинтересовался святой Сульпиций, но сарацин даже не заметил иронии и с жаром ответил:

— Они хуже! Хуже собак! Их оружие, этот арбалет, — оружие трусов. Слабый может без всякой опасности для себя подло убить сильного и смелого. Когда стреляешь из лука — тут нужно искусство и верная рука. А с арбалетом — что нужно? Крути коловорот, за тебя все сделают болт и пружина...

Хелот уловил в речах своего друга заметное влияние рассуждений Малютки Джона.

— Говорят, папа римский собирается отлучить арбалет от церкви, — задумчиво проговорил отшельник.

— Вот это правильно! — одобрил папу римского мусульманин.

— Да нет, прогресс не остановишь, — невнятно отозвался святой Сульпиций. — К сожалению...

Кряхтя, он поднялся и ушел в глубь дома, чтобы вернуться через несколько минут с толстой книгой, спасенной, по его словам, от расправы Матери Нашей Святой Церкви. Книга была в деревянном окладе, засаленном и лоснящемся от частых прикосновений, и застегивалась на ремни, такие же потрепанные и замусоленные.

— Вот это травник, дети мои, — объявил отшельник, роняя книгу на стол, крикнувший под ее тяжестью. — Называется «Прохладный вертоград». Хелот, убери-ка посуду на лавку, а то неровен час замараем сие сокровище.

Пока гости поспешно очищали стол (Хелот даже протер рукавом пятно супа, оставленное им в порыве жадности на крышке стола), отшельник неторопливо расстегивал ремни. Хелот встретился с отшельником глазами, и тот улыбнулся.

— Сейчас на вас, дети мои, хлынет поток знания, вырвавшийся из плена «Прохладного вертограда», — сказал он. — Не чудо ли книга — огромный мир, зажатый меж двух резных досок и стянутый застежками?

— И про мандрагору здесь тоже есть? — жадно спросил Хелот.

— Покажу, покажу... главное — нам с вами потребны травы, способные исцелить рану или изгнать из тела лихорадку... Мандрагора же — это легенда. У нас, во всяком случае. Может быть, в иных мирах... Тот, кто владел книгой до меня, оставил на полях заметку: «Сказки все это». Я проверял, он прав. Но коли интересно, то почитай.

Хелот впился глазами в страницу, пытаясь прорваться сквозь полузабытую латынь, и наконец сдал-

ся. Еле заметно усмехнувшись, отшельник отобрал у него драгоценную книгу и прочитал:

— «Поиск мандрагоры. Трава сия при срывании гибелью может для срывающего обернуться, мстя за убийство корня своего. Дабы избегнуть напасти и сохранить свою жизнь, отнюдь не отказываясь при том от владения колдовским корнем, потребна помощь иного существа. Лучше всего для отведения глаз чародейским силам прибегнуть к черной собаке. Привязавши к хвосту последней посредством веревки листья мандрагоры, заставить ее вырвать растение как бы своей волей. Выходя из дома своего, издаст мандрагора стон, от коего содрогнется душа твоя, но духом оставайся тверд. Собака же падет безжизненно на землю и более не послужит уж тебе ничем. Бережно взявши корень в руки, попервоначально определи, какого пола мандрагора оказалась во власти твоей. Обмывши же ее, обряди в платье, пристойное полу и званью. Здесь завершается „Поиск мандрагоры“».

Алькасар слушал раскрыв рот и, когда чтение закончилось, высказался:

— Здорово!

— Но бесполезно, — заметил святой Сульпиций, переворачивая страницу.

До темноты он заставлял своих гостей заучивать наизусть различные советы и правила, названия, время сбора трав и способы их хранения. Истомленные познанием, они заснули на полу в луковой комнате. Наутро выяснилось, что ни один, ни второй не в состоянии ничего вспомнить. Терпеливый отшельник снова взялся за обучение, в который раз благословляя предусмотрительность составителей книги за то, что наиболее важные советы облекли в стихотворную форму, пригодную для зазубривания самыми бестолковыми лекарями, зубодерами и шарлатанами.

После трех дней непрерывной зубрежки молодые воины уже кое-что воспроизводили. Отец Сульпиций, человек воистину святой и в очередной раз бесспорно посрамивший дьявола, был весьма доволен ими. Обыч-

но он пристраивался на ступеньках своего дома, а Хелот с Алькасаром кололи для него дрова.

Алькасар ударит и крикнет:

— Сию траву разбавь слюной!

Хелот ударит и ответит:

— И заживет сама собой!

Алькасар бросит половинки полена в поленницу и крикнет:

— Любой гнойник, любая язва!

А Хелот поступит точно так же и ответится:

— А также вас спасет от сглаза!

Святой Сульпиций прихлебнет, сидя на ступеньках, горячую чагу и заметит вполголоса:

— Сглаз — это от невежества и предрассудков, ибо народ наш темен. А вот насчет язвы — все в точности.

Так прошла неделя.

Однажды утром их разбудил стук лошадиных копыт. Оба вскочили, заподозрив предательство, и споронок загревели оружием. Затем, сделав Хелоту знак стоять наготове у двери, Алькасар осторожно приблизился к окну и выглянул. Сперва он показал Хелоту украдкой один палец: к отшельнику прибыл один человек. Это Хелот и так слышал. Потом хищное лицо сарацина дрогнуло в усмешке, и Алькасар опустил меч, а после и вовсе сунул его в ножны.

Хелот не успел последовать его примеру; дверь уже отворилась и звучно хлопнула молодого рыцаря по лбу. Он выронил меч и схватился за лоб.

— Так и знал, — с удовольствием произнес отшельник. — Оба юных героя уже сидят в засаде. Идемте завтракать, я познакомлю вас с моей любимой духовной дочерью.

Чувствуя себя полным дураком, Хелот криво улыбнулся и кое-как оделся. Лишний раз он отметил, что рядом с Алькасаром выглядит настоящим чучелом. И как это парню удастся носить одежду с чужого плеча так, словно ее шили специально на него лучшие портнихи Ноттингамшира?

Смывая с лица дорожную грязь, над лоханью с водой склонилась молодая девушка. На ней было платье горожанки, темно-синее, с меховой оторочкой и атласным корсажем. Хелот с удовольствием увидел темно-русые волосы, рыжеватые на висках и надо лбом, заплетенные в две косы. Вот она выпрямилась, отняла от лица полотенце — и на лесных стрелков глянули очень светлые голубые глаза, золотистая россыпь веснушек, еле заметных зимой, широкие скулы, веселый рот.

Отшельник ласково обнял ее за плечи и подтолкнул к обеденному столу, где уже дымилась горячая каша.

— Погляди только, каких молодцев занесло ко мне за премудростями врачевания, дитя мое, — сказал он, усмехаясь, и кивнул в сторону Хелота. — Вот удивительный рыцарь из Лангедока по имени Хелот, который обучен грамоте. И с ним его друг из неверных, который, наверное, был в своей стране принцем, а в наших болотах стал просто свободным человеком.

— Алькасар, — сказал сарацин, без улыбки разглядывая порозовевшую девушку. — Так меня называли в память о том месте, где я родился.

Хелот перебил его вежливым вопросом, как бы желая показать собеседнице, каковы воистину хорошие манеры:

— Позвольте также мне и моему другу узнать ваше имя, миледи.

Девушка заметно растерялась.

— Но я вовсе не «миледи», — пролепетала она, приседая перед лесными стрелками в очень милом поклоне. — Рада познакомиться. — Ее глаза остановились на смуглом лице Алькасара. — При крещении мне дали имя Дианора.

Алькасар шевельнул губами, как будто повторял про себя это новое слово.

— Будешь сегодня за хозяйку, дитя мое, — распорядился отшельник. — Принеси-ка из моих подвалов доброго эля, и побольше, и разлей этим господам. А заодно потешь славным напитком и своего духовного

наставника. Грешен, люблю хороший эль в хорошей компании.

Девушка убежала так легко, словно не касалась земли.

Мужчины молча уселись за стол. Хелот избегал встречаться глазами со своим другом: девушка понравилась обоим и Хелоту не хотелось, чтобы она послужила причиной для ссоры. Отшельник, который, казалось, читал в душах молодых людей так, будто они были прозрачными, откровенно усмехался.

Вернулась Дианора с большим кувшином в руках. Наливая эль, она серьезно хмурила брови — боялась пролить, а кувшин был тяжелым.

— Налей и себе, Дианора, — сказал Алькасар, подавая ей кружку. — Ведь ты не замужем, некому запретить.

— По-твоему, жизнь женщины заканчивается вместе с замужеством? — ехидно спросил Хелот.

— Смотря по тому, какой муж, — тут же ответил Алькасар. — Если поглядеть, нет такого обычая, который бы не запрещал. Но если муж любит... разве он запретит? Он все сделает, лишь бы улыбалась.

При этих словах он так грозно посмотрел на девушку, что она залилась краской.

Отшельник откинулся назад на скамье и расхохотался до слез. Хелот слева, Алькасар справа от святого Сульпиция помрачнели и дружно замолчали, уткнувшись носами в свои кружки.

Завтрак прошел в траурной тишине. Потом Дианора собрала грязную посуду и унесла к очагу, чтобы помыть. Алькасар, даже не поблагодарив отшельника за отменный эль, вышел из-за стола, и вскоре Хелот увидел, как его друг слоняется по двору, а после и вовсе исчезает в снегах болота, раскинувшегося на множество миль вокруг урочища Дальшинская Чисть.

— Давай-ка мы с тобой еще по кружечке, — сказал святой Сульпиций.

— Кто она такая, святой отец? — спросил Хелот, жадно поглядывая на дверь, ведущую в кухню.

— Кто? А, малышка... Ни за что не поверишь, сын мой. Когда-то отец Гая Гисборна выиграл в карты молоденькую девушку, которая вскоре принесла ему

дочь, а спустя еще пару лет умерла. Года полтора Дианора даже жила здесь, пока однажды сэр Гай не забрал ее к себе. Я сам крестил ее.

Хелот покачал головой:

— Никогда бы не поверил, что у Гая есть сестра, да еще такая славная.

Он сделал движение, как будто хотел встать из-за стола, но святой Сульпиций удержал его за руку.

— Сиди, — резко сказал отшельник. — Не мешай им.

— Кому?

— Я уверен, что Дианора выбралась из дома через окно кухни и уже полчаса как бродит по болоту с твоим некрещеным приятелем. И незачем тебе злиться. Она свободная девушка и может сама сделать выбор.

Хелот насупился и опустил глаза. Сейчас ему не хотелось видеть умное, усмешливое лицо святого. Он предпочел бы чью-нибудь пьяную морду, можно даже Малютки Джона, только чтоб лыка не вязал.

Но святой взял его руку и стиснул ему пальцы. Хелот удивился: он не подозревал в отшельнике такой силы.

— Обещай мне, — сказал святой Сульпиций, — что никогда не сделаешь ничего, что могло бы повредить Дианоре. Она моя любимая дочь в этих мирах, и я знаю, какая трудная судьба ждет ее впереди. Если ты любишь Бога, если ты любишь ее, если любишь свою душу, поклянись!

— Евангелие запрещает клятвы, — прошипел Хелот, пытаясь вырвать руку из цепкой хватки отшельника.

— Зато Коран, кажется, разрешает, — сердито сказал отшельник. — И я разрешаю. Клянись!

— Клянусь, — сказал Хелот и высвободился.

— Вот и хорошо, — спокойным тоном, как будто ничего не случилось, заметил отшельник и налил еще по кружке эля.

К вечеру Дианора уехала.

По истечении первоначального курса обучения отшельник снабдил своих студентов мешком сена, сплошь лекарственно-чудодейственного, и, благословив, отправил домой, в лес.

— Хороший человек, — с чувством произнес Алькасар, топая по болоту с мешком на спине.

Хелот шел рядом налегке. Именно поэтому встречные крестьяне принимали их за хозяина и работника; Хелоту кланялись, на Алькасара же едва бросали взгляд. Сарацин замечал это, усмехался, но молчал. Молчал, покуда им не повстречалась хорошенькая девушка с вязанкой хвороста. Едва она начала приседать перед Хелотом, кланяясь очень мило и грациозно, как Алькасар вдруг заявил:

— Пора бы тебе, бездельник, хотя бы хлеб свой отработать!

И с этими словами бесцеремонно взвалил мешок на Хелота. Пока ошеломленный лангедокец возился с целебным сеном, дабы не рассыпать его по снегу, проклятый сарацин взял девушку за подбородок и чмокнул в упругую щеку. Девушка покраснела и убежала.

— Смотри ты, освоился в христианских землях, — заметил Хелот. Несмотря на то что он подавил зарождавшееся в нем чувство к Дианоре, легкий след обиды на друга еще остался.

Сарацин хмыкнул.

— Шалости, — сказал он, щуря глаза.

Хелот посмотрел на него искоса, безошибочно угадав в этом словце влияние духовного наставника лесных грабителей.

— Отец Тук даже правоговерного, как я погляжу, совратит.

Но Алькасар даже не заметил язвительного тона своего собеседника. Жесткие черты его лица смягчились, когда он выговорил имя сестры Гая — так осторожно, будто боялся повредить небрежным произношением:

— Дианора — она из другого народа. Я думаю, она их тех, что жили на холмах всегда. Еще до христианского бога. Из эльфов или полубогов. Полубогиня.

— Выдумываешь, Алькасар. Ты ведь знаешь, кто она такая на самом деле.

— Нет. — Сарацин удивился. — Откуда мне знать?

— Ты же провел с ней почти весь день.

— Разве я об этом с ней говорил?

— А о чем?

Он пожал плечами:

— В мире много чудес. Об этом говорили.

Хелот на мгновение устыдился. Он хорошо знал, что непременно стал бы выпрашивать у девушки, кто она родом, где живет, чем занимается.

— Дианора дочь рабыни, — сказал Хелот. Он почувствовал, что слова его повисли в воздухе чем-то лишним, и замолчал.

— Вот хорошо, — обрадовался Алькасар. — Я и она — одного поля... как говорит отец Тук? Ягоды с одного поля.

Хелот был так зол, что молчал весь день. К вечеру, настилая для ночлега лапник на погасшее кострище, он сказал:

— Когда-нибудь я нарочно тебя в кости проиграю, чтоб ты на каком-нибудь руднике сгинул. Каторга.

Алькасар с любопытством бросил взгляд на Хелота:

— Это я-то каторга? А сам ты кто?

— Если хочешь знать, — сказал Хелот в сердцах, — я рыцарь. Самый настоящий. Не такой, как этот болван сэр Гарсеран.

Алькасар расхохотался.

Наутро им стало не до ссор и препирательств. В лесу запахло дымом. Они вскочили на ноги, прислушиваясь.

— Деревня горит, — определил Алькасар и махнул рукой в сторону Гнилухи, расположенной к востоку от Владыкиной Горы. — Наверное, этот ваш... Гай пожаловал. Небось нас и ищет.

Перед глазами Хелота встало мрачное лицо сэра Гая и почти сразу же он подумал о Греттире Датчанине: неужели мальчишка тоже принимает участие в шерифских гнусностях? Хелот мотнул головой, отгоняя эти мысли.

— Бежим туда, — сказал Алькасар.

— Давай-ка порознь, — предложил Хелот. — Если один попадется, останется надежда на второго.

— Как ты думаешь, кого-нибудь из наших схватили?

— Кто знает...

Алькасар молча кивнул и исчез в чаще. Хелот посмотрел ему вслед и еле заметно вздохнул. Хотя бы слово добавил. А ему, Хелоту, что теперь делать? Как он проклинал себя за то, что мало занимался луком! Ведь говорил же ему Локсли, ругал, заставлял стрелять в цель! В глубине души Хелот полагал, что лук — оружие для смердов. Вот теперь и поплатится за дурацкое высокомерие. Меч и два ножа — это маловато.

По тропинке Хелот спустился к речке. У берегов лед был обломан. На снегу, спустив бессильные руки в воду, лежал убитый солдат. Хелот взял его меч и обломал стрелу, торчавшую из спины. Это была стрела Локсли.

Ломая тонкий лед, Хелот перешел речку и прижался всем телом к истоптанному снегу на берегу. Осторожно поднял голову, взгляделся. Два дома в Гнилухе уже догорали. Возле колодца четыре солдата с алебардами понукали местных жителей, которые лениво сколачивали виселицу.

— Второстепенных мы повесим на месте, — разглагольствовал толстомордый стражник, расхаживая взад-вперед и размахивая алебардой. В морозном воздухе его голос разлетался далеко, и Хелот хорошо слышал его. — А самого главного уведем в Ноттингам. Чтобы все графство знало, что Робина вашего удавили! Чтобы никто тут не надеялся, что этот ублюдок воскреснет!

По интонациям Хелот догадался, что каждая фраза завершалась пинком. Он предположил, что пинают Робина, и расстроился. Хелот высунулся, однако ничего толком не разглядел. Тогда он осторожно прополз вдоль берега, скрываясь под обрывом, и вышел на деревенскую окраину со стороны огородов. На бревнах сидели еще

два солдата, один их них ковырял в носу. Этого Хелот убил сразу. Второй же успел на него напасть и сделать целых два выпада. Теперь у Хелота было уже четыре меча, и он стал сам себе напоминать ежа.

Он двинулся вдоль деревни дворами, не особенно скрываясь. В третьем по счету огороде обнаружил сынишку вдовы, Робина-второго. Мальчишка лежал неподвижно, снег вокруг был забрызган кровью. Хелоту показалось, что крови очень много. Он подошел поближе, сел на корточки и перевернул мальчика на спину.

— Эй, Робин... — позвал он тихонько.

Губы мальчишки расплзлись в плаксивой улыбке.

— Хелот...

— Ты ранен?

По сравнению с устрашающим количеством крови на снегу рана оказалась пустяковой, и Хелот с облегчением вздохнул.

— А, ты, что, Робин, решил отлежаться в огороде? Мальчишка съезжился.

— Не знаю, — пробормотал он. — Дай мне меч...

— Держи, — сказал Хелот, решив не унижать мальчишку и дальше. — Скажи-ка мне, Робин, ты видел, сколько солдат здесь осталось?

— Не знаю... не больше десяти.

— А в город кто-нибудь ушел?

— Да нет... вроде, нет.

— Значит, когда здесь началось, их и было всего-то десять?

Мальчик кивнул. Хелот возвел глаза к низкому серому небу:

— Господи, да как же им удалось вас захватить?

— Так и нас оставалось всего семеро. Да вы двое ушли к святому — пять, стало быть, нас было. Мы пошли к маме. Сегодня же Валентинов день, праздник, так-то. А кто-то и донес. Зря тогда Тома Бушби не повесили, наверняка он к шерифу бежит.

Хелот и Робин вышли на главную улицу, где, не помня себя, бросились в драку. В свое время Хелота научили замечательному приему с двумя мечами, и

теперь он пустил свои познания в дело. Но солдат оказалось гораздо больше, чем предполагалось. Рыжий мальчишка дрался как волчонок. Хелот успел это заметить, когда на него накнулись сразу пятеро, повалили на снег и стали топтать. Они сопели и рожки у них были багровые. (Потом выяснилось, что они в тот момент закусывали в соседнем доме и выскочили к Хелоту почти безоружные — это и спасло его от немедленной расправы.)

Толстомордый с особенным удовольствием несколько раз ударил лангедокца в бок своим пудовым башмаком. Хелот приподнялся и увидел, что возле виселицы лежит на боку Робин из Локсли в рваной и окровавленной одежде и что руки у него связаны. Вероятно, остальные находились в столь же плачевном состоянии; Хелот их не видел. Мальчишка, которого Хелот заставил покинуть убежище и обречь себя на смерть, размазывал слезы грязными руками. Хелоту было его жаль, но иначе поступить он не мог.

Гремя по ступенькам крыльца подкованными сапогами, Гай Гисборн вышел во двор. Он мельком оглядел всех пленников и остановился возле Робина. Локсли не потрудился поднять на него глаз. Впрочем, и Гай не баловал его вниманием. Он сказал солдатам:

— Этих повесить немедленно. А их вожака я заберу в город.

Привели коня. Гай вскочил в седло. Робина поставили на ноги, и конец веревки, которой были стянуты его руки, привязали к луке седла. Два конных стражника их сопровождали.

Когда процессия скрылась за околицей, к Хелоту вразвалку подошел толстомордый и сказал пыхтя:

— Эй, ты, чурка! Ты повиснешь первым.

Хелот жалел теперь только об одном: последним из увиденного в жизни будут поганые морды наемников.

Они заволокли Хелота под перекладину и немытыми пальцами стали пристраивать петлю на шею своему пленнику. Он морщился, отворачиваясь от их тяжелого дыхания, обдававшего со всех сторон.

Звонкий стук копыт заставил всех обернуться. По деревенской улице мчался всадник.

Они вылетели словно из старинной сказки о потерянном принце — прекрасный вороной конь и ладный всадник в белой рубаше с хлопающим за спиной мохнатым меховым плащом, с развевающимися черными волосами. Конь остановился перед виселицей как вкопанный.

— Сюда смотрите! — заорал с седла Алькасар.

Тупые рожи солдат оборотились на крик. Недоумение стало проступать в их чертах, когда они разглядели наконец, что Алькасар не одинок на вороном Шерифе. Перед ним в седле сидел бледный как полотно Греттир Датчанин. Вся грудь у него была в крови. Сарацин аккуратно взял его за волосы, оттянул его голову назад и показал на горле юного рыцаря надрез, из которого сочилась кровь.

— Я зарежу его, — крикнул Алькасар стражникам. — Что вам за это будет?

Ничего хорошего им за это не будет. Солдаты стали топтаться на снегу, с сомнением поглядывая то на виселицу, то на Греттира.

— Скажи им, чтобы отпустили всех наших, — потребовал сарацин, склоняясь к своему пленнику.

— Проклятый язычник, — прохрипел Греттир, вздрагивая всем телом.

Алькасар хладнокровно провел ножом по ране. Греттир забился в его железных руках и затих, дыша раскрытым ртом.

— Скажи им, — повторил Алькасар.

Толстомордый подошел поближе и, широко расставив ноги, остановился перед носом коня. Стражник задрал свою морду и озабоченно посмотрел на Греттира снизу вверх.

— Ну так что, сэр, — спросил он как ни в чем не бывало. — Отпустить их, сэр?

Греттир молчал, кося глазами на своего мучителя. Алькасар снова потянул его за волосы, и Греттир не выдержал.

— Отпусти их, — прошептал он. — И убирайтесь в город. Все уходите. Слышите?

— А вы, сэр?

— Он задержится, — сказал Алькасар.

— Ребята, уходим! — бодро крикнул толстомордый, который наконец получил ясную директиву и не собирался уклоняться от выполнения воинского долга.

— Эй, — негромко окликнул его Алькасар.

— Что еще? — удивился стражник.

— Оружие... Вот сюда, в кучку... и ножи тоже...

Стражник перевел глаза на Греттира; тот кивнул. Солдаты побросали мечи и ножи и лениво побрели нестройной толпой в город.

Убедившись в том, что они вышли на лесную дорогу, Алькасар вышвырнул из седла пленника, легко спрыгнул на землю и, даже не взглянув на свою полумертвую жертву, бросился к Хелоту. Хелот тем временем уже вылез из петли. Алькасар схватил его за руки и засиял белозубой улыбкой. Тем же самым ножом, которым только что пытал несчастного Греттира, он разрезал веревки, связывавшие Хелота. На обрывках остались следы крови.

— А где остальные? — спросил он.

Сынишка вдовы, скорчившись, сидел возле виселицы на земле. Хелот подошел к нему; мальчик вцепился в его штаны, и Хелот плюхнулся рядом. Ему ни о чем не хотелось сейчас думать. Даже о Робине, которого увезли в город. Алькасар присел перед ними на корточки.

— Где остальные? — повторил он.

— В сарае, — ответил рыжий, махнув рукой. Он глядел на Алькасара с обожанием.

Вскоре Хелот услышал, как с сарая сбивают доски. Загалдели стрелки, вырвавшиеся на свободу. Отца Тука, мертвецки пьяного и так и не осознавшего ни поражения, ни плена, ни чудесного освобождения, вынесли на руках верные друзья и положили на снег — пусть отходит, бедолага.

Хелот сидел возле виселицы и тупо смотрел, как Греттир, хватаясь за горло, глотает грязный снег. Когда стрелки узнают, что Локсли попался в лапы шерифа, они Греттира не пощадят. Шериф не станет менять захудалого рыцаря на такого важного пре-

ступника, как Робин. Кто такой Греттир? Кто его знает? Другое дело — знаменитый разбойник.

Греттир закашлялся, и кровь стала сочиться у него между пальцев, которыми он стискивал шею. Он встретился с Хелотом глазами, но Хелот отвернулся.

Голоса стрелков зазвучали громче — узнали, наконец, какая участь уготована Робину. Потом закричал Алькасар:

— Хелот, иди сюда!

Греттир вздрогнул и опять посмотрел на своего друга. Хелот поднялся на ноги и прошел мимо.

Отец Тук протрезвел и теперь был мрачнее тучи.

— Хелот, сын мой, — загудел он, — мы все чудом спаслись из петли, за что следует благодарить Господа, Эпону и этого юного нечестивца. — Он махнул рукой в сторону Алькасара. — Однако боюсь, что жить нам осталось недолго, ибо Локсли в плену, а мы его не оставим.

— Знаю, — сказал Хелот.

— Как ты думаешь, шериф обменяет нашего Робина на того недорезанного выроodka?

Все посмотрели на Греттира, который не слышал, о чем идет речь, и съежился.

— И не подумает! — горячо сказал Малютка Джон.

— Я тоже так думаю, — честно признался Хелот.

— Тогда повесим его, — предложил Джон.

— Не вижу смысла, — отозвался отец Тук, вызвав тем самым тайную благодарность Хелота.

— Уходим, — сказал Джон. Он обернулся к погорельцам. Это были две семьи примерно одного возраста, с детьми от восьми до двенадцати лет, общим числом шесть человек. Где чьи дети, определить было сложно. Они так и стояли, сбившись в кучу.

— Идите с нами, — предложил им Малютка Джон. Крестьяне застенчиво смотрели ему в рот. Раскиснув от чужого сочувствия, женщины стали потихоньку всхлипывать.

Хелот тронул Алькасара за рукав:

— Надо забрать травы святого Сульпиция. Размокнут в снегу-то.

Он кивнул, и друзья пошли обратно к виселице. Ставни во всех домах были теперь плотно закрыты. Греттир заметил, что они возвращаются, прижался спиной к колодезному срубу и широко распахнул глаза.

— Алькасар, — сказал Хелот, — у тебя рубашка чистая. Оторви рукав, пожалуйста.

— Зачем еще? — искренне удивился он.

— Погляди, видишь — человек истекает кровью. Для чего нас святой Сульпиций учил?

— Где человек? — поинтересовался Алькасар. Он кивнул на Греттира и нехорошо улыбнулся. — Он пришел в лес, чтобы убить нас.

— Пожалуйста, — повторил Хелот. — Алькасар, я тебя прошу. Оторви рукав и дай мне. Я сам его перевяжу.

Сарацин покачал головой и, ворча под нос, стал раздирать тонкое полотно.

— Пользуешься тем, что тебе я не могу отказать, — заявил он и отвернулся.

Хелот улыбнулся.

— Иди сюда, — приказал он Греттиру. Тот подошел, с трудом передвигая ноги. Хелот обернул его рану рукавом, который сразу промок, и крепко взял за руку.

— Ну так что, — сказал Алькасар хмуро, — мы идем за травами?

Втроем они пошли к той елке, под которой остался мешок с драгоценными травами и кореньями. Хелот развязал его и вытащил листья того растения, которое надлежало разбавлять слюной, чтоб зажило само собой.

— Дай-ка второй рукав, — сказал он Алькасару, — все равно рубаха испорчена.

Сарацин повиновался.

— Я как этот... как святой Мартин, — сообщил он внезапно.

От удивления Хелот чуть не проглотил траву, которую как раз разбавлял.

— Ну да, — с важностью пояснил Алькасар. — Отец Тук замечательно про него рассказывает. Святой Мартин тоже портил хорошие вещи. Рвал плащи. Делился с разными вонючими мерзавцами.

Хелот приложил к горлу Греттира зеленую примочку и аккуратно привязал ее двумя рукавами.

— Зачем с ним возишься? — спросил Алькасар, жадно трогая свой нож.

— С тобой я тоже зря возился? — разозлился Хелот. — Откуда ты знаешь, что он за человек?

— А он вообще не человек, — ответил Алькасар, широко улыбаясь. — Разве я смог бы зарезать его, если бы думал иначе?

Греттир так испуганно взглянул на Хелота, что в душе лангедокский рыцарь почувствовал удовлетворение.

— Греттир, ты можешь разговаривать?

Он кивнул:

— Могу... только тихо.

— Как тебя занесло в деревню?

— Не знаю... — ответил он, подумав. — Сэр Гай сказал: «Спалим пару домишек». Это же как охота: не любишь убивать, развлекайся другим способом.

— Твои лирические наклонности спасли мне жизнь, — сказал Хелот, заканчивая возиться с повязкой. — Если бы ты не отъехал в сторону полюбоваться природой, меня бы повесили.

Алькасар захохотал, блестя белыми зубами:

— Это точно!

Греттир содрогнулся.

— Меня убьют? — спросил он.

— Когда-нибудь — несомненно, — утешил его Хелот и затянул завязки мешка с целебными травами. — Но, во всяком случае, не сейчас.

— Эй, постой, — вмешался Алькасар. — Мне показалось, что ты хочешь отпустить его, Хелот.

— Правильно.

— Он никуда не пойдет, — заявил сарацин. — Это мой пленник, и я говорю: он останется здесь.

— Да? — спросил Хелот странным голосом. — И что ты, в таком случае, собираешься с ним делать?

Сарацин слегка нагнул голову и ответил очень сдержанно:

— Я поступлю с ним, как захочу.

Хелот посмотрел ему прямо в глаза прямым, тяжелым взглядом. Он молчал так долго, что сарацин неожиданно смутился и закричал:

— Эта бледная сопля предаст тебя за первым же углом! Разве можно доверять рыцарю, да еще норманну? Ты сошел с ума, Хелот!

— Он уйдет в Ноттингам, — повторил Хелот совсем тихо и коснулся своего меча.

Алькасар побледнел, отступил на шаг, потом пробормотал сквозь зубы ругательство на своем языке, резко повернулся и пошел прочь, расшвыривая ногами лежавшие на земле комья снега и ветки.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Ранним утром Хелот ехал по лесу, направляясь к городу Ноттингаму, и улыбался. На душе у него было так свежо и чисто, будто ему снова десять лет и он идет к своему первому причастию.

Накануне ему пришлось выдержать штормовой гнев Малютки Джона и ядовитое кипение отца Тука, которые негодовали на него за «дурацкое и трижды дурацкое» (по выражению духовного отца) решение отпустить Греттира Датчанина. Положение смягчил сынишка вдовы, который весьма кстати вспомнил, что у Хелота, вроде бы, действительно был в Ноттингаме какой-то приятель из норманнских вельмож и вот этот-то вельможа и помог вызволить браконьера из тюрьмы. Заявление рыжего Робина вызвало всеобщее недоумение. Алькасар был мрачнее тучи и на Хелота не глядел.

— В Ноттингаме меня знают как рыцаря Ордена Храма, — заявил Хелот. — Думаю, не будет ничего страшного, если я отправлюсь туда завтра один и посмотрю, что можно сделать.

Они сидели в харчевне Тилли и Милли в урочище Зеленый Куст и от волнения поглощали эль в чудовищных количествах. Милли запыхалась и стала красной как свекла, умаявшись таскать кувшины и наполнять кружки.

— Сын мой, у твоего плана есть чудовищный недостаток, — заявил отец Тук. — Его основа — доверие к человеку, которому мы никак не можем доверять. Надо было прирезать этого Трентира, или как там его, и дело с концом.

Стрелки закивали, Алькасар смотрел на своего друга угольными глазами, пылающими лютой злобой.

— По-моему, — неожиданно сказал сарацин, — мне надо бы пойти вместе с Хелотом.

Хелот задумчиво потыкал пальцем в пену, вскипевшую в его кружке, чтобы она опустилась, потом все так же задумчиво облизал палец.

— Это до первой встречи с Гарсераном, — сказал он наконец.

— Вот уж не думаю, что он меня узнает, — пробормотал Алькасар без особой уверенности.

— Вот как раз тебя он узнает с первого взгляда, — сказал Хелот и залпом допил свою кружку, после чего уставился Алькасару в лицо прямым взглядом. — Ты ему столько крови испортил, что он тебя и на смертном одре вспомнит.

Отец Тук громогласно заржал и опустил на плечо Хелота свою красную лапишу.

— Еретик из Лангедока, как всегда, прав, — заявил он. — Иди один, мой сын, и да пребудет с тобой святой Бернард Клервосский.

И вот зимним утром он едет один по зимнему лесу, и вороной Шериф тихо ступает по наезженной ноттингамской дороге — для одних торной, для других полной неожиданных опасностей.

Вдруг вспомнился день, когда он впервые увидел Робина из Локсли, знаменитого разбойника. Хелот был уверен — хотя, откуда взялась такая уверенность, еще не понимал, — что когда-нибудь все эти замечательные разбойничьи приключения закончатся боль-

шой кровью. Слишком уж много Локсли занят тем, что пытается заставить окружающих ценить свободу. Для этого он избрал, несомненно, кратчайший путь, а именно: тыкать людей носом в их же собственное дерьмо. Интересно, что сказал бы по этому поводу святой Сульпиций?

Неожиданно Хелоту пришло на ум, что, возвращаясь в Ноттингам к Греттиру, он полностью отдает себя в руки юного датского рыцаря. Ведь мальчик при желании мог бы его выдать шерифу в любой момент. Однако Хелот отмахнулся от этих мыслей. Греттир был еще в том возрасте, когда люди поступают соответственно ожиданиям окружающих. И если от мальчишки ждать одного только благородства, то он, скорее всего, проявит себя достойным потомком древних датских королей — не реальных, конечно, а из легенд.

Хелот без труда отыскал дом Греттира неподалеку от ворот святой Цецилии. Улица поднималась в гору, и Хелот ехал не спеша, чтобы не утомлять попусту вороного Шерифа. Это была старая часть города, и здесь сохранились еще дома, у которых верхние этажи были на три-четыре локтя шире нижних. Некоторые почти смыкались, закрывая небо, и поэтому улица была довольно темной и достаточно унылой. Хелот поймал вдруг себя на том, что задыхается, — привык к лесной вольной жизни.

Когда он спешил и загремел дверным кольцом, приоткрылось зарешеченное окошечко над воротами и там показался блестящий глаз.

— Доложите о Хелоте из Лангедока, рыцаре Ордена Храма, — велел Хелот, старательно копируя хамский тон Гури Длинноволосого.

Окошечко лязгнуло и закрылось. В ожидании, пока ему откроют, Хелот поглаживал своего коня, оглядывая улицу с таким видом, будто собирался купить здесь пару десятков домов, затем, утратив терпение, пнул дверь сапогом — и тут она раскрылась. На пороге, согнувшись в поклоне, стоял слуга. Не удостоив

его взглядом, Хелот прошествовал мимо и только бросил на ходу:

— Присмотри за лошадей.

Греттир вышел ему навстречу, путаясь в длинной ночной рубаше. Он старательно прикрыл за собой дверь спальни, и Хелоту почудилось, будто оттуда донесся недовольный женский голос. Греттир покраснел и воровато оглянулся на спальню, однако Хелот сделал вид, что ничего не замечает.

— Мой Бог, сэр, — сказал Хелот, — я не ожидал, что в этот час вы еще в постели. Прошу простить это вторжение...

— В таком случае, я, с вашего позволения, оденусь, — проговорил Греттир, пристально всматриваясь в лицо Хелота, точно стараясь найти в нем признаки угрозы.

— Я подожду, — успокоил его Хелот. — Не беспокойтесь. Если вас не затруднит, прикажите подать мне вина...

Спустя полчаса Греттир вышел к нему, бледный, в черной одежде. Соломенные волосы топорщились из-под бархатного берета с пером из белого и желтого золота.

— Чем могу служить?

— Я хотел бы повидаться с шерифом, сэром Ральфом.

Греттир, казалось, не верил своим ушам.

— И это все?

Хелот засмеялся:

— Конечно нет. Но пока что большего мне не требуется.

— Я провожу вас и представлю, — сказал Греттир и снова покосился на дверь спальни, откуда доносились недовольная возня и характерное бульканье вина, наливаемого из кувшина в бокал. — Сейчас сэр Ральф, я думаю, у себя дома.

— Спасибо, — искренне сказал Хелот. — Не знаю, что бы я без вас делал.

Когда они вышли на улицу и двинулись в сторону Ратушной площади, Греттир тихонько спросил своего старшего друга:

— Скажите, сэр... А если бы я не был вам нужен здесь, в Ноттингаме, вы дали бы меня убить?

Хелот поскользнулся на гнилой корке и чуть не упал.

— Как такая дикая мысль могла прийти в столь умную голову?

Греттир слегка покраснел.

— Простите, — пробормотал он. — А этот... человек, который меня... — Не договорив, он коснулся своей шеи. — Кто он?

— Алькасар? Так, один неверный. Очень славный парень.

Греттир еле заметно дернул ртом, однако от комментариев воздержался.

Дом шерифа был, пожалуй, самым роскошным в Ноттингаме. По фасаду его украшали четырнадцать аллегорических фигур, искусно вырезанных из песчаника: семь пороков и семь добродетелей с атрибутами в руках. Добродетель, именуемая Смирением, имела отдаленное сходство с Дианорой, а порок под названием Необузданный Гнев — с Алькасаром, когда сарацин злился.

Слуга провел посетителей через несколько пустых комнат во внутренний дворик, откуда доносился голос шерифа. Судя по всему, сэр Ральф был сильно разгневан.

Развалившись своим грузным телом в неудобном кресле с высокой спинкой, шериф кричал на Гая:

— Вы идиот, Гисборн! И знаете почему? Кровь Господня! Я вам объясню! Всех ублюдков, которых вы захватили в Гнилухе, нужно было вешать незамедлительно! На месте!

Шериф замолчал и уставился на сэра Гая, немилостиво сощурившись.

«Терпение, терзаемое Высокомерной Глупостью», — подумал Хелот.

Воспользовавшись паузой, Греттир вышел вперед и произнес вежливое, но достаточно сдержанное приветствие. Шериф в ответ махнул рукой и уставился на Хелота, которого видел впервые.

— Позвольте вам представить моего друга. Доблестный Хелот из Лангедока, — произнес Греттир немного громче. — Рыцарь Ордена Храма.

Хелот поклонился.

— Счастлив видеть вас, сэр Ральф Ноттингамский, — сказал он по возможности звучным голосом. — Ибо наслышан о подвигах ваших, о смелости и вместе с тем осмотрительности.

— Рад познакомиться, — сказал сэр Ральф. Он смотрел на Хелота довольно приветливо, а последние его слова окончательно прояснили взор сэра Ральфа. — Садитесь, господа. Вина?

Господа сели, и вино было принесено, после чего беседа потекла сама собой.

— Сколь дивен сей туманный край, — завел Хелот, — поистине небеса эти притягивают взор и заставляют вспомнить о божественном.

— О да, — кивнул сэр Ральф. — Вы, видимо, обратили внимание на фигуры, установленные на фасаде моего дома. Они служат в назидание горожанам, ибо всякий раз проходя мимо, эти бедные люди поневоле задумываются над тем, что есть добродетель, а что порок.

— Чудесные фигуры! — согласился Хелот. — Как вы, должно быть, счастливы в этой стране...

— Увы, — сказал шериф с ноткой доверительности в голосе. —хлопоты, мой друг, хлопоты, ничего, кроме забот и неблагодарности людской. То какие-нибудь холопы бегут в леса, то мои рыцари совершают глупость за глупостью. Вообразите... — Он мелко захихикал, что никак не вязалось с его представительной наружностью. — Вообразите, мы до сих пор не можем поймать какого-то Робина из Гуда...

— Из Локсли, — угрюмо поправил Гай. — Но он-то как раз пойман...

— Поистине, — заключил шериф, не соизволив расслышать последней реплики, — счастлив лишь тот, кто предоставлен сам себе.

— К сожалению, таких обетованных уголков не найти более, — сказал Хелот.

— Я слышал, сэр, что на вашей родине сейчас тоже кипит война, — вставил Греттир и с еле заметным беспокойством повел на Хелота глазами.

Хелот кивнул:

— Святейший папа Иннокентий благословил воинов христовых на поход против лангедокской ереси. Увы, иного выхода он не нашел, ибо немислимо более терпеть процветающую в тех землях чудовищную проказу. Там, где я родился, говорят, более тридцати лет не служили мессу. К счастью, с ранних лет я странствую в обществе людей весьма благочестивых и чистых помыслами.

Шериф покивал:

— Сам я не имел несчастья видеть, но говорят, что эти отступники приносят в жертву младенцев, а храмы уродуют так, что они и на храмы-то не похожи. Я слышал об одной церкви, где при входе стоит омерзительная статуя князя злых демонов Асмодея. На стенах же этого богопротивного храма развешаны картины с изображением крестного пути, и в деталях рисунков сокрыто множество гнусных противоречий, неявных или откровенных отклонений от общепризнанного. Об этом рассказывала леди Марион, известная своим благочестием.

Хелот сдержанно пожал плечами:

— Не хочу, чтобы вы превратно меня поняли, сэр. Я не защищаю ересь. О, напротив! Однако позволю себе заметить, что тамплиеры не вмешиваются в события в Лангедоке.

— Позвольте вам не поверить! — горячо возразил сэр Ральф. — Мне достоверно известно о том, что многие рыцари Храма предоставляют убежище альбигойцам и даже защищают их с оружием в руках. И уж ни у кого нет сомнений в том, что альбигойцы вступают в ваш орден и занимают там высокие должности. Более того! Я знаю, что в Лангедоке среди высокопоставленных тамплиеров больше альбигойцев, чем католиков.

— Не знаю, — высокомерно сказал Хелот. — Я не принадлежу к числу высокопоставленных братьев, и

семья моя издревле была католической. Не стану отрицать: великий магистр в обращении к папе указывал на то, что настоящие крестовые войны следует вести лишь против сарацинов...

— Мудрое замечание! — воскликнул Греттир, которого так и передернуло при слове «сарацин».

Гай во время этого разговора молча потягивал вино. Встретившись неожиданно с ним глазами, Хелот уловил дружеское расположение. Этот спокойный, молчаливый человек начинал нравиться лжетамплиеру. Сейчас он замечал сходство сэра Гая с Дианорой: те же широкие скулы, светлые глаза, та же рыжина в волосах.

Разговор сам собой перешел на женщин.

— Не понимаю тех, кто дает обет безбрачия, — лукаво усмехнулся шериф и посмотрел на Хелота. — Как можно существовать без женщин? Без этих дивных созданий! Видели бы вы наших дам — леди Ровэна, леди Джен, леди Марион... Одна другой краше.

— ВИДЕТЬ женщин не запрещает никакой обет безбрачия, — улыбнулся Хелот и тронул крест тамплиера у себя на груди. — Одно лишь созерцание прелестного личика, пышных волос, гибкого стана — все это дарит высокое наслаждение...

Шериф откровенно расхохотался.

— Да вы гурман! — вскричал он. — Созерцание, смотри ты!.. Эдак и обет может рухнуть...

— Посрамление дьявола не в том, чтобы бегать от нечистого, — отозвался Хелот. — Напротив, следует смело идти ему навстречу, не убоившись решительной схватки. Взять хотя бы святого Сульпиция. Воистину великий святой этот отшельник святой Сульпиций, — заливался Хелот, а перед глазами у него так и стояла янтарная комната, пахнувшая луком. — Вот кто неоднократно посрамлял дьявола. Господь наделил его светлым разумом. Этот святой исцелил меня от раны и сопровождавшей ее трясучки.

— Не нравится мне этот ваш отшельник, — сказал Гай Гисборн. — Не верю я ему. Больно уж свят. Наверняка либо приворотными зельями приторговыва-

ет, либо кормится от разбойников. Я еще займусь им поближе, как только время будет.

Шериф сделал неудачную попытку сесть поудобнее в своем кресле с прямой спинкой, приятнейше улыбнулся и сказал:

— Повесим завтра их главаря, вот и будет время разделаться с остальными поодиночке.

Вскоре после этого беседа угасла сама собой. Хелот, Греттир и Гай вышли на улицу втроем и остановились возле ратуши. Каменный конный Георгий с копьем охранял городской колодец. Несколько женщин остановились с кувшинами, чтобы набрать воды, но увлеклись беседой, кивая в сторону виселицы, сооруженной загодя.

— А можно поглядеть на этого главаря? — спросил Хелот. — Столько разговоров, столько слухов... От благородного Греттира, сэр, я слышал, что это настоящее чудовище. И как мне сомневаться в том, если кровопийцы едва не перерезали ему горло...

— Это правда, — согласился Греттир и, подумав, добавил: — Бой был жаркий.

— О, я думаю, один вооруженный рыцарь легко может справиться с шайкой каких-то оборванцев.

Лицо Гая осталось неподвижным. Он не стал тратить времени на пустые возражения.

В этот момент какой-то школяр или подмастерье весьма гнусного вида остановился возле троих собеседников, поглазел на них нагло и неожиданно разразился бранной тирадой, понося норманнов и тамплиеров и призывая на их головы всевозможные кары Господни.

Гай выхватил из-за пояса кинжал и, не говоря худого слова, метнул в школяра. Однако парень, юркий, как юла, успел увернуться и мгновенно скрылся за углом. Подобрав свой кинжал, Гай обтер руки об одежду и брезгливо сказал:

— Житья не стало от студентов.

— А вы их сажайте в тюрьму и вешайте, сэр, — дружески посоветовал Хелот.

Греттир вдруг быстро шагнул в темноту аркады, окружавшей ратушу. Приученные войной к постоян-

ной бдительности, Хелот и Гай машинально последовали его примеру. Мимо них оживленно прошуршали две пышные дамы. Хвосты их туалетов подметали растоптанный снег мостовой. На лицах Гая и Гретти-ра появилось одинаковое выражение отвращения.

— Хвостатые, как дьяволицы, — прошептал Греттир, осеняя себя крестом.

— Кто это? — поинтересовался Хелот.

— Леди Ровэна и леди Марион, — сказал Гай. — Не знаю уж, которая из двух глупее. Если бы они нас заметили, нас ждала бы медленная смерть. Кстати, леди Марион собирается в монастырь и напоследок пустилась во все тяжкие.

Дождавшись, чтобы опасность миновала, все трое направились в сторону Голубой Башни.

— Однажды оттуда уже был совершен побег, — спокойно рассказывал по дороге Гай. — Сбежал мальчишка браконьер. По мне, так вообще не стоило с ним возиться. Но здесь несомненно одно: поработали эти так называемые лесные стрелки. Больше никому.

— Вы думаете, здесь нет заговора или... — начал было Хелот.

Гай невесело рассмеялся:

— Бросьте, сэр! Парнишка настоящий варвар из местных жителей, дикое и примитивное существо, обреченное прожить в тяжких трудах и умереть в грязи и неведении. Кому до него дело? — Помолчав, он добавил: — Кстати, эти лесные стрелки не лишены остроумия: стражник, охранявший вход, убит моим собственным кинжалом.

— Вашим? — фальшиво удивился Хелот, но в его темных глазах засветился огонек.

— Да, — подтвердил Гай. — Я думаю, это оружие попало к ним в руки месяца за два перед тем.

— Какие негодяи! — пробормотал Хелот, внезапно ощутив легкий укол совести.

Голубая Башня имела четыре этажа, причем последний был надстроен совсем недавно. Она была сложена из необработанного булыжника, а название

свое получила из-за крыши, покрашенной в синий цвет. Верхние этажи были отданы под склад, на втором помещались казармы, а подвалы занимала городская тюрьма.

Три собеседника миновали охрану и оказались перед тяжелой дверью в подвал. Вниз уходила узкая винтовая лестница, скользкая от нечистот. Каменные стены как будто смыкались, грозя поглотить любого, кто осмелится пройти по этому тесному пути. Спускаясь вниз, Хелот то и дело задевал плечом замшелый камень и всякий раз ежился.

Внизу открылось просторное помещение с земляным полом и двумя желобами вдоль стен — для стока крови. Здесь стоял старый, устоявшийся гнилостный запах. Дыба, вся в пятнах крови, небольшая жаровня, сейчас холодная и вполне безобидная на вид, острые козлы и грузила, предназначенные для растяжения суставов, — вот, собственно, и весь пыточный арсенал Ноттингамской тюрьмы.

От сопровождающего Гай отказался; впрочем, стража и не настаивала: солдатам лень было прерывать игру в кости. Гай зажег факел, безошибочно отыскав его на стене, и дал его в руки Хелоту. Пламя высвечивало то низкий свод, то грязные стены, то высокий столик для писца, которому надлежало записывать показания преступников.

— Сюда, — сказал Гисборн и, пригнувшись, вошел в длинный коридор. Возле двери, забранной решетками, он остановился. Увидев посетителей, одинокий стражник, изнывавший от скуки, заворчал и поднялся с соломы, где было задремал.

— Встань прямо, скотина, — сказал ему Гай.

На ленивой физиономии стражника явственно проступило недовольство. Гисборн ударил его по лицу перчатками. Хелот, который терпеть не мог стражников, невольно залюбовался.

— Открой, — велел Гай.

Стражник повиновался. Все трое вошли в маленькое, лишенное света помещение, откуда доносились запахи прелой соломы и человеческих испражнений.

Хелот поднял факел повыше и в углу, на грязной соломе, увидел Робина из Локсли. Его светлые волосы слиплись и в беспорядке падали на лицо. Руки были не скованы, а связаны так, что веревка впивалась в тело. Он сидел, прислонившись спиной к влажной стене камеры. При появлении посетителей Локсли только прикусил губу.

— Встань и подойди поближе, — приказал ему Гай.

Арестованный не шевельнулся. Небрежным жестом руки Гисборн подозвал стражника, зная, что тот все равно наблюдает. Голова в кожаном шлеме нехотя всунулась в дверь.

— Чего?

— Объясни этому мужлану, что от него требуется.

— Это мигом, — сказал стражник. Он вразвалку подошел к Робину, несколько раз ударил его и поднял за шиворот.

— Куда его? — спросил стражник.

— Сюда, ко мне, — ответил Гай.

Стражник швырнул арестованного Хелоту в ноги. Локсли молчал и не сопротивлялся — берег силы. Он остался лежать неподвижно лицом на каменном полу. Ухмыляясь, стражник пнул его в бок, затем схватил за подмышки и поставил на ноги.

— Ежели понадобится, позовете, — произнес он, удаляясь.

Теперь ясные серые глаза Робина остановились на детском лице Греттира. Разбитые губы знаменитого разбойника зашевелились.

— Я узнал тебя, щенок, — сказал Робин хрипло. — Зря я тебя не повесил тогда... — Он скверно улыбнулся. Хелот, ощутив, что Греттир оскорблен до глубины души, сжал в темноте руку юноши. — Гай Гисборн пожаловал собственной персоной, — продолжал Робин. — А вот кто третий? Свет бьет меня по глазам, я плохо вижу...

— Мы здесь не для того, чтобы ты разглядывал нас, смерд, — проговорил Хелот. — Мы сами пришли посмотреть на тебя.

С этими словами он опустил факел пониже и обратился к своим спутникам:

— Посмотрите, господа, на эти колени. О, ноги — великий предатель! Как они дрожат, высокочтимые господа! Приятно поглядеть, не так ли?

Локсли действительно вздрогнул, как от удара.

— Врешь, — еще более хрипло сказал он. — Не дрожат у меня колени.

Хелот сунул факел ему под нос.

— Зря ты надеешься на своих бандитов, — заявил он. — Им тебя не выручить. Клянусь девственностью святой Касильды, здесь ты и подохнешь. — После чего обернулся к Гаю Гисборну. — Сэр Гай, не было бы более осмотрительно заковать его в цепи? Веревки не кажутся надежными, когда речь идет о таком преступнике.

— Да, это была оплошность, — согласился Гай и крикнул: — Стражник! Разбойника в цепи!

В этот момент Хелот незаметно отстегнул от пояса кинжал. Гисборн двинулся к выходу, плохо видя в темноте и глядя лишь на узкую полоску света, сочившуюся в полуоткрытую дверь. Хелот подтолкнул Греттира и еле слышно шепнул:

— Сделай так, чтобы Гай дождался меня в камере пыток.

Греттир послушно шагнул вслед за Гисборном. Хелот воткнул факел в гнездо на стене и стремительно повернулся к узнику:

— Робин, руки!

Не раздумывая, Локсли протянул ему связанные руки, и Хелот полоснул по веревкам ножом, содрав попутно кожу с левого запястья. Стражник уже втискивался в дверь. Хелот оставил Робину кинжал, снова вооружился факелом и неторопливо пошел догонять своих спутников.

— Друг мой, — обратился он по пути к горе мяса и жира в кожаном шлеме, — разбойник... э... очень опасен.

— Это связанный-то? — ухмыльнулся стражник и пошел навстречу своей гибели.

Приятели-рыцари поджидали Хелота в камере пыток, оживленно беседуя.

— Сэр Хелот знает толк в тюрьмах, — донеслось до Хелота, когда он приблизился. — Ведь он был узником в замке моего отца. Я освободил его и клянусь вам, сэр Гай, за один этот добрый поступок был вознагражден трижды!

— Сэр Греттир, я прощаю вам неуместные восхваления лишь потому, что верю в искренность вашей дружбы, — произнес Хелот и сам удивился: вот это слог!

Тем временем «стражник», изрядно похудевший за столь недолгий срок, неторопливо выбрался из камеры и тщательно запер дверь, после чего лениво развалился на соломе. Подавляя острое желание удрать с места происшествия, Хелот лениво шел между Гаем и Греттиром, многословно повествуя о том, как сэр Тор преследовал белую суку и о сэре Петипасе из Винчелси, который был упомянутым Тором убит.

В день казни Робина из Локсли утро было превосходное, свежее, ясное. Знатные господа заняли места на галерее ратуши, откуда был прекрасно виден помост. По четырем углам эшафота стояли дюжие стражники. Палач деловито прогуливался под виселицей, постоянно задевая петлю, от чего она раскачивалась. Небольшой отряд лучников, расположенный на крыше ратуши, готовился встретить лесных стрелков, которые, по общему мнению, должны были вот-вот появиться.

Шериф лениво жевал, глядя на эту картину. Гай Гисборн, спокойный, бледный, мрачноватый, стоял неподалеку. Несколько рыцарей оживленно беседовали между собой, причем все они говорили одновременно.

Хелот из Лангедока в плаще тамплиера, суровый и строгий, замер несколько в стороне от остальных. Прямые черные волосы удерживал тонкий обруч из чистого золота. Темные глаза скользили по толпе, собравшейся внизу. Все это море светловолосых голов колыхалось и шумело в ожидании обещанного зрелища.

Слева от Хелота устроилась леди Марион, и он слышал ее басовитый голос, прерываемый хихиканием леди Ровэны. Леди Марион объясняла леди Ровэне, каким именно образом организовано покаяние для грешниц в монастыре святой Флавии и долго смаковала различные детали тоном знатока. Хелот даже не пытался отвлечься от жуткого рассказа, который жизнерадостная леди вколачивала ему в уши. Наконец леди Марион отчаянно зевнула.

— Ну где же он, этот Локсли? — громогласно поинтересовалась она и свесилась с перил.

На помосте и впрямь происходило что-то странное. Стражник, посланный за осужденным еще полчаса назад, вернулся один и теперь делал какие-то знаки.

— Что происходит, Гисборн? — спросил шериф.

Гай, ни слова не говоря, спустился на площадь. Толпа расступилась перед ним. Хелот не слышал слов, которыми обменивались стражник и норманнский рыцарь, но лжетамплиер и не нуждался в этом, чтобы понимать происходящее.

— Где Локсли, болван? — тихо спросил Гай.

Стражник молчал, блуждая печальными глазами.

— Что случилось? Отвечай, дубина! — Гисборн тряхнул его за плечо.

— Сбежал Локсли, — брякнул стражник. — Охранник убит.

Гай скрипнул зубами.

— Что еще? — спросил он, с трудом сдерживаясь, чтобы не начать бить этого насмерть перепуганного человека на глазах у шерифа.

— Он оставил странную ладанку, кровью на клочке рубашки...

Гай вырвал из пальцев стражника клочок ткани, на котором и в самом деле расплывались какие-то значки. Поскольку читать рыцарь не умел, то он просто сжал ткань в кулаке. Стражник стоял перед ним, втянув голову в плечи. Гай безразлично посмотрел на него.

— Надо бы тебя повесить вместо Локсли, — сказал он. — Зачем лишать людей удовольствия?

— Я не виноват, — пробормотал стражник.

— Исчезни, — с тоской сказал Гай. — Немедленно. Пока я ничего не сообщил шерифу. Иначе он сделает то, чем я тебе пригрозил. У тебя две минуты. И чтобы никто о тебе ничего не знал.

Он резко повернулся и пошел обратно к галерее. Сэр Ральф вытянул шею.

— Ну, что там, Гисборн? — крикнул он.

— Локсли бежал, — спокойно ответил Гай, с данным равнодушием ожидая криков негодования. Дав им улечься, продолжил: — Охранник убит. Помогите, сэр, здесь не обошлось без колдовства. Вот заклинание, написанное кровью, — оно, вероятно, и отворило двери.

Леди Ровэна взвизгнула и упала в обморок на руки сэру Гарсерану. Тот, похоже, не имел ничего против. Леди Марион несколько раз осенила себя крестным знаменем. Благородное собрание с интересом и ужасом передавало из рук в руки загадочный клочок ткани. Смутно догадываясь о том, кому адресовано послание Робина, Хелот подошел поближе к леди Джен, которая нюхала тряпочку, вонявшую кровью, потом и сеном. Хелот коснулся ее руки, и леди Джен устремила на него липкий взгляд из-под тяжелых век.

— Позвольте мне, сударыня, — произнес он и взял ладанку из ее розовых пальчиков.

Осенив себя крестом, Хелот разложил записку на ладони и прочитал корявые, неумело выписанные слова.

— Да, — сурово произнес наконец Хелот. — Это страшное заклинание, и, если мы не сожжем его на костре под виселицей, оно погубит нас. Проклятые языческие суеверия... — И он перешел на латынь, процитировав краткий отрывок из Светония.

Вокруг Хелота образовалось пустое пространство. Благородные лорды шарахнулись в ужасе.

— Сэр Хелот, вы как лицо отчасти духовное можете совершить этот обряд, — предложил шериф.

— Хорошо, — важно согласился тамплиер. — Мне должна помогать невинная девушка.

Дамы потупились, а леди Марион шумно вздохнула:

— Боюсь, сэр, здесь только одна невинная девушка. — И она томно протянула ему свою пухлую руку в веснушках и ямочках.

Худой, стройный, серьезный, Хелот помог ей взойти на помост. Леди Марион залихватски оторвала несколько досок и с треском переломила их о колено. Стоя под виселицей, Хелот задумчиво смотрел на толпу. А глашатай уже надрывался:

— И пусть еретики и язычники из Шервудского леса не рассчитывают на то, что их грязные чары могут поколебать устои нашей веры и нашей государственности!..

Вдруг в толпе мелькнуло знакомое лицо. Хелот бросил быстрый взгляд направо — и там тоже. И слева. Лесные стрелки явились помочь ему в случае разоблачения, а такое весьма возможно.

И тут Хелот сообразил, что стоит на помосте под самой петлей. Кое-кто из его друзей уже потихоньку изготавливался к бою. Хелот поднял руку и крикнул:

— Верные христиане! Друзья! Побывав у Гроба Господня и воюя с сарацинами... — Перед глазами Хелота на миг мелькнул Алькасар, его единственный знакомый сарацин, но видение тут же исчезло за несвоевременностью. — ...я дал нерушимые обеты, дабы совесть моя была чиста! Без страха и упрека предаем мы сожжению зловещее заклинание...

Он с облегчением заметил, что стрелки незаметно пробираются с площади в боковые улицы. И в этот момент кто-то снизу потянул его за плащ. Хелот обернулся и увидел горожанина средних лет, протягивающего ему охапку соломы.

— Возьми, славный защитник Ноттингама и веры, — тихо сказал он. — И пусть это будет моя скромная лепта в общее дело.

Его выгоревшие глаза смотрели так, словно он боялся, что его накажут. Рыцарь из Лангедока дрогнул. Он взял смиренное подношение, благословил горожанина и торжественно обложил сеном небольшой костерок, разложенный умелыми руками палача. Горожанин тихо плакал от счастья.

Хелот поднял высоко над головой зловещее заклинание и бросил его в костер. Леди Марион зажгла солому.

Через минуту все было кончено. Люди расходились притихшие, с таким чувством, будто их только что избавили от огромной опасности.

Поздно вечером, сидя у камина и потягивая из больших кубков красное вино, Хелот и Греттир Датчанин обсуждали странные события этого дня. Призрак Бьенпенсанты сидел на каминной полке, болтая ногами прямо у них перед носом. Хелот старался не замечать этого.

— Одного я не понимаю, сэр, — сказал Греттир Датчанин наконец. — Эта тряпочка... Страшное заклинание... Что это было на самом деле?

Хелот усмехнулся:

— Записка.

— Записка? Так Локсли, выходит, умеет писать? Как же он научился?

— Невелика хитрость, коли есть учитель.

— Кто же его научил?

Хелот в упор посмотрел на своего друга.

— Я, — сказал он после краткой паузы.

— И записка адресована тоже вам?

— Конечно.

Привидение свесилось с каминной полки и уставилось прямо в лицо Хелоту горящими желтыми глазами.

— Ух! — воскликнуло оно, выставив окровавленные клыки, которые, впрочем, тут же исчезли. — Разве ты не видишь, что ребенок сгорает от любопытства? Что там было написано, Хелот? Расскажи уж нам, не мучай.

— Санта! — покраснев, вскричал Греттир.

Бьенпенсанта захихикала.

— Помнишь, — начал Хелот, — когда мы навестили разбойника в его узилище, я сказал: «Клянусь девственностью святой Касильды, тебе отсюда не выбраться».

— Помню. Ну и что?

Хелот задумчиво поворошил угли в камине, бесцеремонно просунув кочергу сквозь бесплотное тело призрака. Бьенпенсанта злобно зашипела, но на это никто не обратил внимания.

— «Святая Касильда не была девственницей» — вот что он написал.

— Бог мой! При чем тут... — начал Греттир.

— Поаккуратнее выражайся, внук, — рассердилось привидение, мерцая то красным, то зеленым светом.

Хелот рассмеялся:

— А при том. Отец Тук рассказывал нам житие этой особы. Она была женою сарацинского конута. ЖЕНОЮ... Робин правильно меня понял.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Хелот решил пожить в Ноттингаме еще несколько дней. Было бы неразумно исчезнуть из города сразу же после того, как из Голубой Башни совершил побег знаменитый разбойник. Хелот, конечно, очень сомневался в том, что у кого-нибудь из цвета здешнего общества хватит ума связать эти два обстоятельства, однако лангедокский рыцарь не любил делать ничего лишнего.

На второй или третий вечер, когда Греттир отправился к Гисборну, преследуя одну-единственную, не скрываемую им цель — напиться, Хелот решил остаться дома, предпочитая общество сварливой Бьенпенсанты обществу пьяного мальчика. Впрочем, вслух Хелот выразился куда благопристойнее, и Греттир ушел, не обидевшись.

Как только он скрылся за дверью, в комнате материализовалась Бьенпенсанта. На сей раз она не пыталась никого напугать и вела себя мышкой, насколько это вообще было возможно для прабабушки Греттира.

Хелот подложил в камин дров. Слуг он отослал — мешали своим мельтешением. Сидя в кресле с ногами,

Санта наблюдала за ним с легким любопытством. Наконец она сказала:

— Хотите выпить? У моего внука здесь хороший запас вина.

Хелот повернулся к ней и неожиданно для себя улыбнулся:

— Разве призраки пьют? Я не знал.

— Я и сама не знала, пока не начала напиваться. Подождите здесь, не уходите. Я быстро принесу два бокала и бутылочку.

Бьенпенсанта поднялась, и ее просторные одежды зашуршали, как настоящие. Уже возле самой двери она обернулась, бросила на молодого рыцаря проницательный взгляд и добавила:

— А если вы вздумаете уснуть, сэр, я обещаю вам кошмары. Сами не обрадуетесь. Если проснетесь после этого седым, считайте, что повезло.

И скрылась в коридоре.

Но Хелот и не думал спать. Слишком многое заботило его в этот вечер, чтобы он мог уснуть. Когда Санта вернулась, держа в руках покрытую пылью бутылку с действительно хорошим красным вином, Хелот почти обрадовался. Привидение, когда хотело, было по-настоящему хорошим собеседником: чутким, умным, парадоксальным.

— Вы не обидетесь, сударыня...

— Можете называть меня «моя дорогая», — перебив, предложила Санта.

— Моя дорогая, — не стал спорить Хелот, — почему вы не остались в замке?

— Понятия не имею, — сказала Бьенпенсанта. — Я была проклятием рода, к которому принадлежит Греттир. Видимо, это оказалось важнее всего остального.

Хелот покачал головой.

— Я не верю в магию, — сказал он. — Я верю только в Бога. Но сейчас мне начинает казаться, что в нашем мире все далеко не так просто, и в игру вступили Силы, о которых мы с вами, моя дорогая, просто не подозреваем.

По телу Бьенпенсанты неожиданно пробежала волна красного жара, и она изогнулась и вздохнула.

— Может быть, — тихо сказала она. — Иногда мне кажется, что я способна улавливать изменения в балансе Сил, существующих в мире. И сейчас... — Она помолчала, и лицо ее изменилось. Так выглядела бы обыкновенная женщина, которая боится. Как будто открылась дверь на холодную улицу, и тянет сквозняком.

Гай Гисборн жил в своем доме Белого Единорога на Офицерской улице. Дом этот с двумя окнами по фасаду выглядел нарядно.

Дверь Греттиру открыла молодая девушка и склонилась, пропуская его вперед. Греттир вошел и растерянно огляделся в поисках прислуги, чтобы отдать тяжелый от мокрого снега плащ и длинный меч в ножнах, с которым юноша не расставался с той минуты, как Хелот посвятил его в высокий рыцарский орден. Однако никого больше не увидел.

— Будьте как дома, — сказала девушка, еще раз поклонившись. — Сэр Гай ждет вас, сэр.

— Дома у меня есть оруженосец, — сказал Греттир.

Вместо ответа девушка взяла плащ и оружие и, нагруженная железом и тяжелой зимней одеждой, ушла в глубь дома.

Греттир оказался в небольшой, очень чистой комнате. Под ногами хрустело и вкусно пахло свежее сено. Среди цветных стекол окна было даже три красных — Греттир не мог позволить себе подобной роскоши и потому по-детски позавидовал.

Гай вышел ему навстречу. Он был уже изрядно пьян, и молодой человек заметил это по чересчур твердой походке Гая и по тому, как решительно тот кивнул ему на кресло с прямой спинкой.

— Располагайтесь, сэр, — сказал Гисборн и, повысив голос, крикнул: — Дианора! Воды гостю!

Греттир уселся, вытянул ноги. Юному датскому рыцарю уже случалось напиваться в обществе Гая Гисборна, однако в гостях у него юноша был впервые.

Вошла девушка, неся в обеих руках чашу для умывания. В воде плавали засушенные лепестки роз. Она протянула чашу сперва Греттиру, потом хозяину дома. Гай отстранил ее небрежным движением и, не обращая больше никакого внимания на служанку, равнодушно спросил Греттира:

— Как вам живется вдали от родины, сэр Греттир?

— Мне здесь нравится, — ответил юноша. — Не говоря уж о том, что вы удостоили меня своей дружбой, сэр.

— Настоящий зверинец, а? — так же равнодушно сказал Гай, подавая Греттиру кубок с вином и взяв себе другой.

— Да, — согласился Греттир, — например, этот жуткий разбойник из леса и его подручные...

— Локсли? — Светлые глаза Гая вдруг засияли, и он рассмеялся. — Да это единственный нормальный человек во всем Шервуде...

— За что же, в таком случае, вы ненавидите его, сэр Гай?

— Честно говоря, я предпочел бы или повесить его без проволочек, — ответил Гай, — или заручиться его дружбой. Он умен и очень отважен. Моя бы воля, я бы взял его на службу.

Он потянулся и осушил кубок до дна одним махом. Заглянул в опустевший кувшин и снова рывкнул:

— Дианора!

Девушка показалась в тот же миг, так бесшумно, словно выступила из стены. Не обращая внимания на ее грустное лицо, Гай распорядился:

— Еще вина, и поживее. Не заставляй нас ждать.

И снова Греттир проводил ее глазами. Девушка была слишком хороша для служанки. Гай заметил его взгляд и усмехнулся.

— Что, лучше, чем эта корова леди Марион? — сказал он и неожиданно рыгнул. — Черт, напился как свинья, покуда ждал вас.

— Да, — сказал Греттир, думая о своем.

— Вы о чем, сэр?

— О девушке. Она действительно лучше, чем леди Марион. И чем леди Джен. И даже чем леди Ровэна.

— Тсс, — прошипел Гай. — Как вам не совестно так говорить, сэр? Она же простая...

— Какие волосы, — перебил Греттир, хмелея с каждой секундой. — Какие глаза...

— Она еще и на лютне играет, — хвастливо заметил Гай и снова возвысил голос: — Дианора!

Когда Дианора послушно села с лютней у окна, на ее щеке появилось красное треугольное пятнышко от драгоценного красного стекла. И это пятно тихо скользило по ее лицу и волосам, когда она склонялась над струнами. Голос у нее был тихий, немного хрипловатый, как будто треснувший, и в то же время очень ласковый.

*Пусть в кубках пенится вино,
забудьте о былом.
Пусть будет то, что суждено
нам на пути земном.*

*Забудьте кров, забудьте дом
и тот зеленый холм,
Где навсегда уже вдвоем
уснули мать с отцом.*

*Забудьте мир, забудьте сон
без страха и тревог.
Забудьте колокольный звон
и из трубы дымок...*

— Что это за песня? — спросил Греттир, спяну не соображая, что говорит слишком громко.

Неожиданно он увидел, что девушка смотрит ему прямо в глаза, и смутился.

— Это народная баллада, сэр, — ответила она, отставляя лютню. — Я подумала, что благородного лорда, быть может, развлечет музыка, которой благородный лорд никогда не слышал.

— Разумеется, — сказал Греттир. — Чудесная музыка. И вы сами, миледи, чудесная.

— Дианора, ступай вон, — приказал Гай, и она вышла.

Греттир проводил ее жадным взором, не замечая, что Гай хмурит брови и покусывает губу. Наконец,

вздохнув, юноша опрокинул в рот еще один кубок и взял с блюда сушеную яблочную дольку.

— Что, как не общество друзей, скрашивает наши дни, сэр? — проговорил он. — И я счастлив был обрести в Ноттингаме вас и своего старого друга сэра Хелота из Ордена Храма.

— Кстати, — сказал Гисборн. — Орден Храма. Скажу вам откровенно, сэр, темная личность этот ваш Хелот. Никто не знает, откуда он взялся...

— Из Лангедока, — пояснил Греттир.

— Это меня и настораживает. Он еретик, сэр, он еретик. Весь Лангедок пропитан вонючей проказой Юга. Мне не хотелось бы, чтобы вы...

Неожиданно внизу послышался осторожный шорох. Как ни был пьян Гай, он уловил этот звук и поднял палец, прислушиваясь. Шорох повторился. Гай поднялся с кресла, держась одной рукой за стену, чтобы не потерять равновесия, а другой нащупывая на поясе кинжал. Греттир попытался было сделать то же самое, но покачнулся и чуть было не рухнул на пол, подняв невообразимый грохот.

Тотчас же, яростно выругавшись, Гай с топотом бросился вниз по лестнице и на бегу крикнул в темноту:

— Дианора!

Кто-то мягко, как кошка, скользнул мимо Гая в темный угол, и снова воцарилась тишина. Однако теперь для Гая она была полна угрозы.

— Гай, — донесся тихий голос девушки.

— Стой где стоишь, не двигайся, детка, — хрипло сказал Гай. Опершись рукой о перила, он спрыгнул вниз. Снизу донесся его голос:

— Факелы! Греттир, черт бы вас побрал! Скорее!

Греттир неверной рукой ухватил факел и скатился по лестнице. Гай выкручивал руки человеку, который пролез в дом и тайлся у стены.

— Держите факел! — крикнул Гисборн, задыхаясь. Он был сильнее незнакомца и уже одолевал его. Дианора жалась у стены, держась обеими руками за горло, как будто ее терзало удушье. Глаза ее потем-

нели и были полны ужаса. Наконец Гай повалил преступника на пол и последним ударом по голове лишил его чувств.

— Посветите, — велел Гай, казавшийся теперь совершенно трезвым.

Греттир сунул факел, едва не опалив поверженному волосы. В багровом свете показалось смуглое лицо с горбатым носом.

— Проклятый сарацин, — пробормотал Греттир. — Я узнал тебя, клянусь распятием. Ты сгниешь заживо... Я отомщу. Я отомщу.

— Дианора... ты здесь? — Гай поднял голову и увидел, что девушка стоит рядом. — Возьми факел у сэра Греттира.

Свет запрыгал по стенам, как будто у Дианоры задрожали руки, когда Гай ударом ноги перевернул своего пленника на спину. Несколько минут он вглядывался в него, а потом перевел цепкий взор на Греттира, бледного как смерть.

— Так вы знаете этого человека, сэр?

— Да, — выпалил Греттир. — Это Алькасар, беглый раб. Он принадлежал сэру Гарсерану. Сообщник этого Локсли. Он чуть не убил меня там, в Гнилухе.

В темной прихожей пахло сеном, факельной смолой и кровью.

— Да, забавно, — задумчиво сказал Гай и принялся связывать пленнику руки. — Придется вызвать стражу и доставить его в Голубую Башню. Вы не зайдете в казарму, сэр? Я был бы вам очень признателен.

— Конечно, — пробормотал Греттир, которому страшно не хотелось куда-то идти. — Если дойду, сэр..

Гай закончил связывать пленнику руки и, выпрямившись, взял факел из рук Дианоры.

— Девочка, ступай спать, — сказал он ей.

Она поцеловала его руку и медленно пошла вверх по лестнице. Несколько секунд Гай смотрел ей вслед, потом перевел взгляд на Алькасара и сказал, вздрогнув:

— Как подумаю о том, что любой бандит может убить ее, оскорбить, похитить... Нужно бы отдать ее в хороший монастырь, да никак не могу расстаться.

— Вы ее любите? — решил наконец Греттир.
Гай улыбнулся.

— Конечно, — сказал он. — Ведь она моя сестра.

Бьенпенсанта развалилась в кресле, поигрывая кубком, в котором оставалось еще вино.

— Почему призраки могут напиваться? — спросила она. — Если бы призраки могли еще и обжираться, и заниматься любовью... Увы, эти радости нам почему-то недоступны...

Хелот улыбнулся. Вечер у камина вдвоем с привидением оказался гораздо приятнее, чем он мог себе представить. Санта поставила кубок на стол и подавалась вперед, упираясь острыми локтями в колени.

— Вы имеете большое влияние на моего правнука, — проговорила она. — Будучи его проклятием, я, естественно, не могу не беспокоиться за его судьбу. Мне хотелось бы видеть его серьезным, женатым человеком, богатым, с многочисленными наследниками, чтобы было, кого мучить впоследствии. А он, вместо того чтобы оправдать мои надежды, предается пьянству и совершенно отбился от рук.

— По-вашему, моя дорогая, здесь есть девушка, достойная стать женой сэра Греттира? — спросил Хелот.

— Если поискать, мой друг, то девушка найдет-ся, — твердо сказала Санта. — Нужно только хорошенько поискать. Девушки всегда находятся. В чем-чем, а в этом я совершенно уверена.

Тихо скрипнула дверь. Снизу слышались голоса: у входа с кем-то негромко переговаривался заспанный слуга. Хелот шевельнулся в кресле.

— Кажется, ваш правнук вернулся.

Санта покачала головой:

— Нет, это не он. Уж его-то приближение я бы почувствовала загодя. Нет, мальчишка продолжает губить свое здоровье в компании Гисборна. Надеюсь, там нет Гарсерана — этот вообще настоящая пивная бочка. Терпеть его не могу.

Поздний посетитель, похоже, настаивал на том, чтобы его впустили. Слуга отнекивался и бранился, доносилось нечто вроде «не требуется» и «не звали».

— Похоже, кто-то из простых домогается, — определила Санта и вдруг хитро шевельнула ноздрями. — Ба! Да это девица! — И, повысив голос, крикнула в темноту, да так пронзительно, что у Хелота заложило уши: — Впустить!

Через несколько минут по лестнице, задыхаясь, вбежала Дианора. Капюшон темного плаща ужал на спину, открывая золотистые волосы и совсем юное лицо с распухшими от плача веками. Слезы, не таясь, дрожали в глазах.

Хелот вскочил и бросился к ней навстречу:

— Бог мой, Дианора!

Дианора прижалась к нему, схватила за руки. Она дрожала с головы до ног, и Хелот осторожно поцеловал ее в макушку, чувствуя губами теплые, влажные от снега волосы.

— Хелот... — пробормотала она. — Господи! Неужели это ты? Я думала застать здесь Греттира и просить его... Но это похоже на чудо! Как ты здесь оказался?

— Мы с Греттиром приятели, — пояснил Хелот.

Теперь она отстранилась и взглянула на него с неожиданным подозрением. Хелот вздохнул:

— Это долго объяснять, Дианора.

— Вы... сэр, вы — тамплиер? — Теперь на ее лице показался страх. Она опустила голову и поклонилась. — Простите, господин, я не знала.

Хелот покраснел:

— Пожалуйста, Дианора, не бойся. Я просто Хелот из Лангедока, один из лесных стрелков. Не нужно называть меня «сэр». О чем ты хотела просить Греттира?

Призрак лениво поднялся с кресла и, сделав несколько шагов по направлению к девушке, повис в воздухе, не касаясь пола.

— Я же говорила, что в девицах недостатка не бывает, — заметила Санта и, усмехаясь, чтобы скрыть досаду, поплыла по воздуху к двери.

Дианора потянулась было рукой к маленькому косяному распятию, висевшему у нее на шее, но Хелот осторожно взял ее руку в свою и остановил.

— В этом нет необходимости. Эта леди не причинит тебе вреда. Посторонись, пропусти ее.

Призрак скрылся. Хелот усадил Дианору в кресло, оставленное прабабушкой Греттира, и налил ей вина. Она стала пить, едва не расплескав себе на платье. Потом отставила кубок и снова заплакала, прижимаясь лицом к рукам Хелота. Согнувшись перед ней, как в поклоне, Хелот не решался отнимать руки и чувствовал себя полным дураком.

— Что с тобой? — спросил он наконец. — У тебя беда, детка?

— И у тебя, если только Алькасар остался твоим другом, — сказала она и с трудом перевела дыхание.

Хелот уселся на пол у ее ног.

— Только что Греттир, твой приятель, и Гай Гисборн, еще один твой приятель, схватили моего Алькасара, — безжизненным голосом сказала она.

Повисла мрачная пауза. Наконец Хелот спросил:

— Где?

— У нас в доме.

— Какого дьявола Алькасара понесло в город? — взорвался Хелот.

Вместо ответа Дианора зарыдала так отчаянно, что он даже растерялся.

— Он приходил ко мне, — выговорила она в конце концов. — Ко мне. Я не пришла в назначенный день. Мы условились встретиться у отшельника, но я не смогла уйти. Гай напился, весь вечер то и дело звал меня прислуживать. Когда он пьян, с ним лучше не спорить.

Хелот поднялся на ноги. Она смотрела на него так, словно он мог ей помочь. Пометавшись по комнате несколько секунд, Хелот сказал:

— Лучше всего было бы обратиться за помощью к святому Сульпицию. Он, я думаю, даст дельный совет. Как только найдешь минутку, сходи к нему. Сам я не скоро выберусь. А просить Греттира не имеет ни

малейшего смысла. Греттир очень молод и очень горд. Он никогда не простит Алькасара. Сарацин его унизил, показал, что такое боль и страх смерти. Не надо ему ничего знать. Не плачь, Дианора.

Она встала, опустила капюшон на лицо.

— Хорошо, — сказала она совсем тихо. — Ты не забудешь?

— Дианора, — ответил Хелот. — Из-за тебя мы поссорились с Алькасаром. Он был мне другом, а стал соперником. Отшельник сказал: «Пусть девушка выберет сама». И ты выбрала его, а не меня. Что мне было делать? Я не хотел терять вас обоих. Ты возлюбленная моего друга, и я помогу тебе в твоём желании соединиться с ним. Клянусь!

Едва он выговорил эти слова, едва вытер слезы с ее щеки, как совсем рядом ослепительно сверкнула молния и в тот же миг пророкотал гром. В дверях показалась Бьенпенсанта. Она сама была подобна молнии: серебряно-белое одеяние струилось с ее плеч, как поток живого огня, длинные волосы разметались и стояли дыбом, глаза загорелись, с пальцев струилось пламя. Такой Хелот никогда ее не видел — даже в те дни, когда войска Рауля де Камбрэ стояли под стенами замка. И когда она заговорила, от одного звука ее голоса мороз прошел по коже.

— Ты поклялся, Хелот из Лангедока, — загремел ее голос. — Ты сказал: «Я клянусь». Ты произнес клятву в присутствии Сил. Я слышала ее, я отдаю ее Силам. Пусть они ведут тебя за руку, пусть следят за тем, чтобы ты не сбился с пути своей клятвы. Плохой ты выбрал час, если думал успокоить Дианору пустым обещанием! Сегодня открылись врата, о которых я прежде не ведала, и твоя клятва услышана.

— О чем ты говоришь, Санта? — закричал Хелот. — Какие врата? Кем услышана?

Но лицо призрака исказила гримаса страдания, губы Санты задрожали, бледное мерцание окутало ее саваном.

— Не знаю, — простонала Бьенпенсанта. — Силы сотрясают меня... Мне больно...

Она подняла руку, изливая потоки холодного пламени, и хрипло закричала. Дианора, дрожа, прижалась к Хелоту. Он прикрыл ее лицо рукой и сам отвернулся.

— Не бойся, — прошептал он ей на ухо. — Она не хочет зла... Она сама страдает и боится...

Спустя мгновение голубоватый свет, заливавший комнату, погас, и Бьенпенсанта с тихим вздохом опустилась на пол. Хелот смотрел на нее, не решаясь подойти. Привидение напоминало теперь просто бесформенную кучу шелковых одеяний. Прошло еще несколько секунд, и оно рассеялось, оставив после себя сильный запах озона.

— Вот и все, — сказал Хелот. — Теперь иди домой, детка.

Она отошла на несколько шагов и взглянула на Хелота с суеверным страхом.

— Вы колдун, сударь? — спросила она. — Кого вы только что призывали? Я не выдам вас.

— Никого я не призывал. Это старое привидение, безобидное, хотя и довольно надоедливое. Я вовсе не колдун. Что с тобой, Дианора?

— Не знаю, — медленно произнесла она. — Мне страшно. Мне хочется вам верить, господин. Простите.

Она спустилась по лестнице и вышла в темноту зимней ночи.

О том, что Алькасар захвачен в плен, и о своей роли в этой истории Греттир не обмолвился ни словом, а Хелот делал вид, будто ничего не знает, и вообще не заговаривал об этом.

Спустя день, когда Греттир оправился от похмелья, лангедокский рыцарь предложил провести приятный вечер у сэра Гарсерана, куда, по слухам, приглашены самые красивые леди Ноттингема.

— Леди Ровэна, говорят, превосходно играет на лютне, — добавил Хелот.

«Я знаю, КТО превосходно играет на лютне», — подумал Греттир, однако премолчал. Он не подозревал о том, что Хелот сейчас просто читает его мысли.

Странным было также отсутствие Бьенпенсанты. Прабабушка не являлась уже второй день. Но у привидения случались приступы меланхолии, и потому Греттир ничуть не удивлялся этому.

Вечер у сэра Гарсерана удался на славу. Леди Ровэна действительно щипала струны и выводила слабеньким голоском томную балладу о рыцаре, который неузнанным вернулся в родные края и узнал, что его возлюбленная вышла замуж за другого. Леди Марион вздыхала и вытирала рукавом проступившие слезы, заодно избавляясь от жирных пятен соуса, в изобилии оставшихся на ее щеках и губах. Благородные лорды вели свои беседы, а леди Джен не сводила с Гарсерана влюбленных глаз и была, по мнению последнего, решительно смешна, хотя и трогательна.

— Влюбленная женщина производит жалкое впечатление, — доверительно говорил Гарсеран, склоняясь к уху Хелота. — Впрочем, вас, сэр, это не должно затрагивать. Говорят, тамплиеры не только дают обет безбрачия, но и соблюдают его.

— В том, что касается меня, это, несомненно, так, — согласился Хелот и пристально посмотрел на своего собеседника. Гарсеран ему не нравился: когда Локсли потрошил его, он трусил, врал, заикался — от страха не смог проглотить ни кусочка браконьерски убитого оленя, хотя трапеза полагалась ему по священному праву ограбленного. В то же время, если послушать высокого лорда, ему случалось в одиночку расправляться с неисчислимыми ордами неверных. Многие, с великой охотой объяснял Гарсеран, обращались в бегство при одном только звуке его имени.

— Наварра! Наварра! Вот оплот истинно христианского духа! — восклицал он при этом. — Наварра стала надеждой христианства в великой борьбе с неверными. А что сказать о Лангедоке? Не тенью ли позора ложится на весь католический мир...

— Я бы не стал употреблять такие слова, — холодно перебил его Хелот.

— Ха! Но ведь вы не станете возражать, сэр, что в Тулузское графство проникли не только иудеи —

там процветает даже ислам! Что же касается Римской церкви, то она почему-то не пользуется там большим уважением. Что скажете?

— Скажу, что мы с вами не уполномочены обсуждать проблемы, которые находятся в ведении высших церковных иерархов. И вы, и я, сэр Гарсеран, — мы всего лишь воины. И пока наши руки держат оружие, мы будем защищать...

— Выпьем! — предложил Гай Гисборн.

— Отличная идея! — заметила леди Мармон, которая только сейчас начала проявлять интерес к разговору. Она подставила кубок виночерпию и сладко улыбнулась Хелоту. Тамплиер нравился ей, и пышущая здоровьем красавица этого не скрывала.

— Удивительно и другое, сэр Хелот, — проговорила она вполголоса и поднесла свой кубок к кубку тамплиера. — И вы, и я — мы оба дали обеты. Мы оба ведем почти монастырскую жизнь, заботясь лишь о своей душе и надев на плоть суровые оковы духа. Как это сближает!

Хелот поперхнулся и долго кашлял, пока Гай Гисборн участливо не постучал его по спине.

— Во всяком случае, сэр Гарсеран, — заговорил Хелот снова, выбрав лангедокскую ересь как менее опасную тему для беседы, — у меня на родине сейчас идет жестокая война. Мне больно думать о том, что Лангедок опустошен, урожай вытоптан, деревни стерты с лица земли.

— А разве здесь не война? — вмешался Гай Гисборн. — Лесные разбойники поистине бедствие не лучше чумы.

— И в этой войне мы с вами пока что терпим поражение за поражением, — сказал Гарсеран и пригорюнился.

— Я приготовил вам сюрприз, сэр Гарсеран, — сказал Гай. — Чтобы вы не думали, будто нас преследуют одни лишь беды. Я берег его на финал праздника, но пусть мой план сорвется, только бы поднялся боевой дух ноттингамского рыцарства! Один из этих злодеев был пойман на пороге моего дома.

— Человек из лесной банды? — взвизгнула леди Ровэна.

Леди Джен, видимо готовясь упасть в обморок, прикидывала расстояние до сэра Гарсерана, чтобы оказаться поближе к нему в момент слабости. Гарсеран заметил это и предусмотрительно отодвинулся.

— Да, это один из людей Локсли. Сэр Греттир узнал его. Даже среди лесного зверья, сбившегося в банду вокруг Локсли, этот человек выделялся своей изощренной жестокостью. И это не удивительно — он понятия не имеет о христианском Боге.

Леди Марион осенила себя крестом размером с могильный.

Греттир сидел ни жив ни мертв и боялся поднять глаза на Хелота. Тем временем Гисборн обернулся к слуге, стоявшему возле двери, и махнул ему рукой. Послышалась возня, топот, пыхтение — и Алькасара втащили в комнату, как мешок с песком. В качестве носильного груза сарацин был все-таки довольно тяжел, а идти самостоятельно отказался, как и следовало ожидать. Двое стражников с трудом пристроили его на коленях против кресла, на котором восседал хозяин дома — сэр Гарсеран из Наварры.

Полюбовавшись на смуглую физиономию с еле заметными рябинками после перенесенной болезни, Гарсеран расхохотался.

— Ты жив! Это новость для меня, к тому же приятная... Я был уверен, что ты сдох где-нибудь под кустом.

Алькасар еле заметно усмехнулся, за что немедленно получил удар ногой в подбородок. Стражники помогли ему снова обрести равновесие. Он склонил голову к плечу, вытирая кровь о рубашку. Гарсеран узнал на воротнике одежды узника брабантские кружева, некогда стоившие ему, Гарсерану, больших денег, и заскрежетал зубами.

— Думаю, он и помог бежать разбойнику, — сказал Гай и склонился к Алькасару. — Кто еще из лесных братьев орудует здесь, в Ноттингаме? Отвечай!

Алькасар не удостоил его даже взглядом. Он продолжал созерцать лицо Гарсерана, который, сам не зная почему, медленно краснел. Хелот видел, что в груди наваррского рыцаря зреет лютый гнев.

Леди Марион подошла поближе, беспрерывно осеняя себя мелкими крестиками и бормоча Ave Maria и Pater Noster.

— Как вы думаете, сэр, — обратилась она к Хелоту, — ведь он мог и передать этому Локсли талисман, срывающий засовы? Представить страшно, что могло бы случиться, если бы он оставался на свободе...

Алькасар повернулся на звук ее голоса и вдруг увидел Хелота. Черные пушистые ресницы пленника сблизились, когда тамплиер прикусил губу и отвернулся. Алькасар не знал, что Хелоту пришлось из всех сил стиснуть зубы, чтобы они не стучали.

— Какое ужасное зрелище, — прошептала чувствительная леди Ровэна и вытянула шею, чтобы лучше разглядеть страшного разбойника, руки которого были скованы за спиной, и кандалы крепились большим болтом к железному обручу на поясе. — Как вы думаете, его повесят, сэр?

— Это было бы правильно, — сказал Хелот, — но... неправильно! Я думаю, сейчас негодяй вполне безопасен. Разве у него есть друзья, родственники, люди, которые могут его спрятать в случае побега? Кто пустит такого на порог? Посмотрите на его богопротивную рожу...

(Рожа была действительно богопротивной: стражники разукрасили Алькасара на славу, — видно, парень долго не давался и заковать его в цепи стоило больших усилий.)

— Нет уж, — вступился за Алькасара сэр Гарсеран и еще раз потыкал в него сапогом. — Я не позволю переводить мое добро. За него плачено чистым серебром. И он послужит еще веселой Англии!

В этот миг сэр Гарсеран был воистину великолепен, и Хелот невольно залюбовался. «Жадность, терзаемая страхом за свое имущество». Для рыцаря сие чувство

было недостойным, однако сегодня оно пришлось очень кстати.

Гай махнул рукой:

— Слишком много внимания какому-то мерзавцу без роду и племени. Хотите совет? Отправьте его на соляные копи, сэр. Ноттингамская мэрия заплатит вам за каторжника, и вы вернете хотя бы часть денег.

Гарсеран слушал чрезвычайно внимательно и кивал. Хелот наконец решился:

— А вам не кажется, сэр Гарсеран, что вы могли бы выручить за него и больше?

— Каким образом? — Гарсеран живо заинтересовался. — Вы что, предлагаете мне продать эту образину? Да кто его купит? Уж не вы ли?

Гай так пристально смотрел в эту секунду на Хелота, что тамплиер тут же ответил, изобразив величайшее презрение:

— Избави меня Боже от подобной напасти. Нет, я предлагаю иное: давайте разыграем в кости право передать его на соляные копи.

Гарсеран от души расхохотался. У него был раскатистый, бархатистый добродушный смех.

— Ай да тихоня! Ай да обеты! А как же ваш суровый устав, сэр Хелот? Разве Орден не запрещает азартные игры?

Хелот криво ножал плечами и улыбнулся.

— Можно ведь купить индульгенцию, — заметил он. — Тоже богоугодное и спасительное для души дело. Да и что плохого в том, чтобы доверить воле случая такой незначительный эпизод? Все решает Господь на небе, а мы здесь, на земле, можем только загадывать, желать и молиться.

— Вы мне решительно нравитесь, дружище! — заявил Гарсеран и фамильярно хлопнул Хелота по плечу. Затем гаркнул, чтоб принесли игральные кости, куда-то в коридор, где толкались слуги, привлеченные слухами о том, что Гай Гисборн изловил в лесах не то лешака, не то гуля и собирается расчленить монстра пред светлыми очами юных леди, дабы развлечь их. Кости были немедленно доставлены (хозяин дома

не терпел проволочек), и Гарсеран погремел ими, болтая в воздухе стаканчиком.

— Я привез этих слуг Судьбы с Востока, — заметил он.

— Ненавижу неверных, — сказал Хелот. — Насмотрелся в Палестине...

Он плюнул и отмахнулся крестом.

— Все они подлецы, все до единого, — согласился Гарсеран. — И здесь мы с вами заодно, сэр Хелот. Я полагаю, что крестовые войны следует вести в первую очередь против сарацин, а лишь потом против лангедокской ереси...

Он расчистил место на столе и приготовился бросать кости. Лицо Алькасара стало сонным и тупым.

— А зачем вам право на моего раба, сэр Хелот? — спросил сэр Гарсеран неожиданно.

— Отвечу откровенно, — сказал Хелот и хватил по столу кулаком. Он успел подготовиться к этому вопросу. — Заручиться милостью шерифа — вот моя цель. Как видите, я ничего не скрываю.

— В такой цели нет ничего постыдного, — заметил Гарсеран. — А во-вторых?

— Во-вторых... — Хелот улыбнулся обезоруживающе. — Обожаю азартные игры! Ставлю золотой в обмен на ваше право передать преступника властям.

— Вот это по-нашему, сэр из Ордена Храма! — закричал Гарсеран и метнул кости. Хелот бросил взгляд на костяшки: тройка и пятерка. Не так уж хорошо, но и не плохо. Вознося мысленную молитву, Хелот взял в руки стаканчик. Он боялся даже взглянуть на своего друга. Происходящее казалось Хелоту затяжным кошмаром, и хотелось только одного: чтобы все поскорее закончилось. Как он мог тогда, на болоте, пошутить с такой вещью, как свобода Алькасара? Неужели боги слышали эти необдуманные слова и повернули так, чтобы сказанное в раздражении стало правдой?

Метнув кости, Хелот даже не взглянул на них — перед глазами стоял туман, в ушах звенело. То ли от

выпитого вина, то ли от волнения, но Хелоту чудилось, что он погружается в темноту.

И из этой темноты до него донесся холеный баритон наваррского рыцаря.

— Давайте ваш золотой, сэр, — произнес он с усмешкой. — Вы проиграли.

В Ноттингаме шел дождь. По улицам потекли бурные потоки, смывая грязь и мусор, накопившиеся за долгую зиму. Горожане, облачившись в деревянную обувь, звучно чавкали ею во время ходьбы.

Поздно вечером Хелот и Греттир, оба в плащах, мокрые до нитки, двумя черными птицами возникли на пороге известного в городе трактира «Казни египетские». Кабачок украшали разнообразные картины с изображением этих самых казней. Отец Тук, для которого не существовало незнакомых кабаков, уверял, что под саранчой безымянный художник подраزمевал норманнов, опустошающих саксонские земли. Хелот держался того мнения, что саранчой были для хозяев трактира господа посетители.

Как бы то ни было, упомянутый хозяин вышел навстречу двум приятелям, приседая от почтительности на каждом шагу. Мокрые плащи рухнули на пол, Хозяин бросился их поднимать и развешивать поближе к огоньку, чтобы высохли. Когда он суетился со вторым плащом, Хелот тронул его за плечо рукоятью своего меча.

— Ножку индейки на вертеле, — сказал он. — И последи, чтобы тут не очень шумели.

Он бросил на стол несколько монет, после чего господа заняли место в углу, под портретом Бернарда Клервосского. Святой был изображен благословляющим крестоносное воинство, которое уходило за горизонт и терялось в необозримой дали. Трактирщик поспешно принес свечу. Хелот с неудовольствием наблюдал за суетой, ожидая, пока она закончится. Улавливая волны неодобрения, трактирщик суетился еще больше и наконец окончательно вывел из себя таппиера. С храмовниками старались не связываться —

слишком зловещими казались их тайны, слишком велико было их могущество. Ощувив на себе раздраженный взгляд темных глаз тамплиера, трактирщик съехался и исчез.

Было слышно, как барабанит дождь. Совсем близко прозвучали молодые смеющиеся голоса — и снова канули в бесконечный поток влаги, низвергавшейся с небес.

Оба приятеля, потягивая недурное красное вино, помалкивали. Мимо прошла хорошенькая служанка в мокрой юбке, липнувшей к ногам. Она деловито тащила большой кувшин, и Хелот проводил ее глазами.

— У нашего трактирщика губа не дура, — сказал он и вздохнул. — Когда еще увидишь нежное личико девушки, которая не вышла из возраста ангела?

Он подумал о Дианоре и помрачнел.

Хозяин возник из темноты с двумя вертелами, возложенными на гнущее металлическое блюдо. Вкрадчиво подсунул их на стол и шмыгнул прочь. Хелот взял ножку индейки и впился в нее зубами.

— Сэр Хелот, — тихонько сказал Греттир. — Перед разлукой я должен вам сказать одну вещь. Я не хочу, чтобы осталась ложь. Со временем она может превратиться в стену и разделить нас навсегда.

— Говорите, — кивнул Хелот, догадываясь, о чем сейчас пойдет речь.

— Это я выдал вашего Алькасара. — Греттир единым духом выпалил это и замолчал с несчастным видом.

— Я знаю, — спокойно сказал Хелот.

— Давно? — прошептал Греттир.

— Почти сразу же. Дианора прибегала в ваш дом, хотела просить вас — уж не знаю, о чем.

— Вы знаете Дианору?

— Разумеется.

Юноша склонился к столу.

— Кто вы на самом деле, Хелот из Лангедока? — спросил он совсем тихо.

Хелот поднял на него глаза.

— Я рыцарь, — произнес он, и было видно, что говорит он чистую правду. — А почему вы спрашиваете об этом?

— Вы ни на кого не похожи. Колдун? Ясновидящий? Бродяга? Разбойник? Заговорщик? Может быть, вы еретик?

— Я рыцарь из старой, обедневшей, но почтенной католической семьи, — повторил Хелот. — Все дело в том, что я именно тот, за кого себя выдаю, и совершенно не тот, за кого меня принимают...

— Так вы не сердитесь?

— За что? За Алькасара? Вы сделали то, что должны были сделать. Он унижил вас, он ваш враг. Бог знает, почему в Гнилухе он не перерезал вам горло в тот самый миг, как последний стражник скрылся за поворотом. Думаю, он просто торопился и забыл о вас.

— Как — забыл? — От растерянности Греттир даже выронил вертел.

— Очень просто. Он не такой, как вы или я. Он дикарь и варвар. И Дианора любит его... а я люблю их обоих.

Хелот отставил кубок. Огонек свечи озарял его худое остроносое лицо.

— Скажите лучше, вы не видели сегодня свою прабабушку?

— Санту? Да, она промелькнула пару раз, но... почему вы спросили о ней?

Хелот тихонько подул на свечку, следя за тем, как трепещет огонек.

— Если бы она была живой, я бы сказал, что обеспокоен ее здоровьем. Не знаю, как это спросить, когда речь идет о призраке.

— Да, она какая-то вялая... Ничего, оправится. Один раз, еще в прошлом столетии, на нее брызнули святой водой. А эта истеричная дура, моя мамаша, наделала в ней дырок, когда раскрошила гостию и запустила в Санту, стоило той прошелестеть по библиотеке. Бедная моя бабушка всего лишь хотела взять бутылочку токайского. Однако после нападений она всегда восстанавливала силы.

Хелот погрузился в молчание. Он тянул красное вино, наслаждаясь теплом и радуясь тому, что не нужно сейчас, сию минуту, вставать и идти в морось и сырость по темному раскисшему Ноттингаму за городские ворота. Лес — это завтра. Сегодня — очаг, свеча и тихая беседа.

— Кем бы вы ни были, сэр, — мрачно сказал Греттир, — кое-кому в Ноттингаме будет вас очень не хватать.

— Я тоже привязан к вам, сэр, — ответил Хелот. — Но мне нужно еще отдать мои долги Локсли.

— Это из-за меня, — покаянно прошептал Датчанин.

Хелот налил вина себе и своему собеседнику и покрутил в ладонях кубок с заметной вмятиной на боку.

— Поменьше размышляйте о смысле жизни, сэр, — посоветовал он дружески. — И почаще слушайтесь советов Бьенпенсанты. Она вам добра желает.

— У вас в Лангедоке, — задумчиво сказал юноша, — был такой поэт, сэр Александр Баллок. Прабабушка читала мне его замечательную канцону, написанную от лица пленного рыцаря. Сэр Александр утверждает, что человек в горе и унижении становится как бы ребенком...

— Это очень верная мысль, — сказал Хелот, оторвавшись от вина. — Странно, что я не слышал стихов сэра Александра.

— Скажите тогда, почему этот Алькасар не стал ребенком? Почему ни Гарсеран, ни вы не казались ему всемогущими?

Хелот откинулся к стене, посмотрел на отлично прожаренную индейку, подтекающую жирком. Он хорошо знал, что Алькасар сейчас голоден. И долго еще будет голоден, если он, Хелот, не найдет способ вызволить его.

— Да, это очень верно, — повторил он. — Но сэр Александр не довел свою мысль до конца. Я думаю, с человеком такое происходит лишь в том случае, если он не готовил себя заранее к горю и унижению. — Хелот помолчал немного, собираясь с мыслями. — Ры-

царь, вероятно, мог и растеряться, оказавшись за решеткой. Я и сам вел себя не лучшим образом. Другое дело — мой Алькасар. Он беглый раб с большим опытом.

Хелот залпом допил вино. Греттир смотрел на него с обожанием.

— Но как можно ГОТОВИТЬСЯ к такой участи, как... — Греттир нервно глотнул. — Как соляные копи?

Хелот криво улыбнулся.

— Если ставить конечной целью не выжить, а остаться человеком, то можно продержаться где угодно, — сказал он без особой уверенности. — Даже на соляных копиях.

— Вы хотите сказать... от всего отказаться? От человеческих привязанностей? От своего дома? От всего?

— Ты так говоришь, Греттир, как будто это что-то ужасное. По-твоему, бездомность — это жизнь над вечной пропастью?

— Не знаю... — Греттир вдруг будто наяву услышал голос Дианоры и ее песню:

*Забудьте колокольный звон
и из трубы дымок...*

— Отец Сульпиций говорит, — добавил Хелот, — что по-настоящему одинокий человек спокоен и счастлив. Зачем ему дом? Зачем ему близкие? Он носит свою родину в себе.

— А он что, действительно святой, этот отшельник?

Хелот и сам не раз задавал себе этот вопрос. Он улыбнулся серьезному выражению, которое появилось в светлых глазах Греттира.

— Да, — сказал Хелот.

Заглушая шум дождя, трещала на столе маленькая свечка.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

В начале лета, когда заготовленные с осени запасы стали иссякать и голод опять подступил к деревням, Ноттингамшир затрясли беспорядки и волнения. Это повторялось из года в год и уже стало привычным, но

всякий раз Гай Гисборн находил, что смена времен года отнимает у него слишком уж много сил.

Весенним утром, почти на рассвете, он возвращался в свой дом из караула. Ударом ноги распахнул дверь и заорал в темноту спящего дома:

— Дианора!

Звать сестру было чистейшим эгоизмом, но Гай не в состоянии был переносить тупые рожи слуг. Не дожидаясь появления девушки, Гай швырнул на пол верхнюю одежду и оружие и, по скрипучей лестнице поднялся в спальню. В комнатах было сумрачно и душно. Гай раскрыл окно и снова позвал сестру, добавив несколько крепких слов, произнесенных на полтона тише.

— Где тебя носит? — рявкнул он вместо приветствия, увидев ее на пороге — сонную, ласковую. Вокруг Дианоры словно колыхались волны тишины. Она молча стянула с Гая сапоги и, пока он, босой, стаскивал с себя кирасу и возился с поясом, сбегала за водой для умывания. Гай плеснул себе в лицо, а потом, взяв глубокую медную чашу из ее рук, вылил воду себе за шиворот, чтобы остыть.

— Вы голодны? — спросила Дианора. — Я распоряжусь на кухне.

— Не надо, — резко ответил Гай и сунул ей чашу.

Он растянулся на кровати и уставился в потолок. Дианора пристально посмотрела на его бледное от пьянства и смертельной усталости лицо.

— Я больше вам не нужна?

— Убирайся, — сказал Гай, не шевельнувшись.

Девушка вышла. Гай закрыл глаза. Через пару часов — он был уверен — к нему ворвется гонец с сообщением о том, что еще одна деревня взбунтовалась. Он слышал, как Дианора осторожно, боясь его потревожить, ходит по дому, собираясь, видимо, за покупками. Потом ее легкие шаги прозвучали по лестнице. Тихонько захлопнулась входная дверь.

Был один из тех дней раннего лета, которые напоминают о существовании на свете осени. Моросил мелкий холодный дождь, было сумрачно и печально

на холмах веселой Англии. Несмотря на все это, Греттир велел оседлать свою лошадь, поскольку ровно неделю назад принял железное решение совершать прогулки верхом ежедневно. Окрестности Ноттингама были им уже хорошо изучены. Он направлялся по ноттингамской дороге до ручья Валявка, а затем продолжал прогулку по лесной тропинке вдоль ручья мимо деревьев Удавкино, Врагово, Сбродово, Лютово, Брюхово до Дериглазова, стоявшего несколько в стороне, а оттуда, минуя урочище Девять Изб, до Владыкиной Горы, что раскинулась сразу же за Гнилухой на большей ноттингамской дороге.

У шерифа Греттир краем уха слышал, что во Владыкиной Горе поднялся мятеж. Вроде, кого-то убили из властей — не то сборщика податей, не то монастырского надзирателя — и владыкиницы, надеясь на Локсли (а может, и из страха перед ним и его лесной бандой) упорно не выдают зачинщиков. Однако эти слухи не могли заставить молодого рыцаря отказаться от прогулки. Он не из тех, кто боится черни.

Греттир ехал не торопясь, нагнув камушон на лицо. И земля, и небо, и верткий ручей Валявка были серо-коричневыми. Страшный свет, исходящий с пасмурного неба, казался разбавленным влагой. Это освещение сбивало с толку. Греттира не оставляло чувство, будто он путешествует по таинственному подземному царству, где все вокруг вроде бы как на земле — и все же что-то неуловимое было не так, а вот что именно — не понять. И от этого становилось жутковато.

Ветер с криком, похожим на человеческий, мчался с холма на холм. Тяжелый мокрый плащ шелкал у юноши за спиной.

Он переехал ручей вброд и задумчиво углубился в чащу Шервудского леса. Вскоре потянулись деревни. Одинаковые черные дома тонули в лопухах и крапиве запущенных огородов — поработала оспа, скосившая два года назад не один десяток жизней. Часть домов пустовала; бревна завалились внутрь и торчали во все стороны, как обломки кости из открытой раны.

В Брюхово Греттир остановился возле покосившейся хижинки, явно обитаемой, и постучал в дверь рукояткой кинжала. После долгой паузы и мышиной возни за дверью на пороге появилась корявая фигура неопределенного возраста, облаченная в серую мешковину. Бесцветные глаза скользнули по ногам лошади и, не поднявшись выше стремени, снова уткнулись в грязь.

— Дай мне молока, — сказал Греттир.

Добрая женщина тупо молчала, пытаясь, видимо, сообразить, что происходит. Потом на всякий случай она вскрикнула и невнятно запричитала, сопровождая мольбы подвыванием. Слушать ее было жутко и противно. Греттир бросил ей монету. Схватив деньги, она поглядела куда-то мимо и, повернувшись, ушла, волоча ноги. Греттир стоял у провалившегося порога, поскольку заходить внутрь этого жилища ему совершенно не хотелось. Женщина не появлялась. Раздраженный, Греттир грохнул кулаком в шаткую стену хижинки. Снова послышалась слабая возня, и существо в мешковине, подслеповато шурясь, возникло вновь.

— Эй ты, горячего молока, живо! — грубо сказал ей Греттир.

На этот раз он встретил полное понимание. Возможно, даже одобрение. Почтительно перемещаясь к порогу задом, прелестная особа вновь пересекла границы своих владений и появилась с кувшином молока. Греттир обтер край его рукавом, от чего кувшин, разумеется, чище не стал, и начал пить. Сложив крупные, изуродованные работой руки на животе, женщина с подобострастием смотрела на него.

— Ну, — более милостиво сказал Греттир, — что там у вас стряслось во Владыкиной Горе?

Женщина взяла из его рук кувшин и поморгала.

— Гора, — невнятно отозвалась она, — а как же... Гора...

И уставилась себе под ноги, шевеля губами.

Так и не дождавшись ответа, Греттир уселся на лошадь и двинулся дальше по дороге. За околицей протекала речка, мутная после дождей. Греттир спу-

стился к ней, решив немного отдохнуть, спешился и сел на валун, поросший темно-зеленым, почти черным мхом. Чары заколдованного места обрушились на него с новой силой. В шуме ветра он слышал стоны, вздохи, рыдание. «Видно, так и родилось предание о Звере Рыкающем», — подумал Греттир, который слышал эту историю от Бьенпенсанты. Прогуливаясь по библиотеке старинного замка и время от времени заходя в воздухе, прабабушка оживленно размахивала руками, смеялась, горевала. Она очень увлекалась древними легендами. Бедный Зверь никому не делал плохого — так, изредка подцепит на рога пару-другую простолоудинов. Из интереса, может, из озорства, но не по злому же умыслу! Когда же он встречал девственницу, то лизал ей пятки своим шершавым языком. Однако обуреваемые жаждой подвигов рыцари, почуяв его присутствие, выпускали боевой клич и устремлялись в чашу для единоборства, думая лишь об одном: как воткнуть в теплый мохнатый бок свое железное копьё. Самый неистовый в этой погоне был сэр Паломид. От браконьерства отвлекала его лишь другая, не менее преступная страсть: любовь к прекрасной Изулт. Кстати, Паломид был сарацин. Его так и звали: сэр Паломид-Сарацин.

Греттир вздрогнул. Неприятные мысли сами собой полезли ему в голову, поэтому он снова сел в седло и поднялся на холм, откуда открывался вид на самую большую и богатую деревню на ноттингамской дороге — Владыкину Гору.

Он сразу увидел, что слухи о волнениях во Владыкиной Горе не были пустыми. На деревенской площади возле колодца стояли люди, окруженные плотным кольцом стражников, среди которых выделялся всадник. В отличие от солдат, он был без шлема, и его светлые волосы слиплись от дождя. Греттир тут же узнал в нем Гая Гисборна. Юноша тронул лошадь и неторопливо спустился с холма. Как только он оказался в низине, до него почти сразу же долетел знакомый, охрипший на ветру голос Гая:

— В последний раз говорю вам: выдайте убийц и разойдитесь!

Ответом было угрюмое молчание. Гай снова крикнул:

— Шериф приказал мне строго карать беспорядки!

В толпе переминались с ноги на ногу, но никто не трогался с места. Кто-то заорал петушиным голосом:

— Сволочь! Плюю на тебя!

— Прошу вас, разойдитесь! — повторил Гай.

Упорное топтание на месте продолжалось. Вести переговоры больше не было смысла. Гай взмахнул рукой, и стражники, обступившие площадь, двинулись на толпу, выставив вперед пики. Греттир стоял чуть в стороне, неподвижно восседая в седле, и смотрел. В разворачивающемся зрелище было что-то величественное и завораживающее. Гай прокашлялся и крикнул:

— Не щадить! Никого не щадить!

Избегая ударов, люди заметались. Несколько человек с криком рухнули и забились, сраженные ударами копий. Пролилась первая кровь. Стражники смешались с толпой. Один за другим люди ложились на землю лицом вниз, прямо в грязь, но и это немногих спасало от расправы. Их избивали, кололи, рубили мечами. Гай не принимал в избиении никакого участия, лишь время от времени он возвышал голос, чтобы еще раз повторить:

— Никого не щадить!

Неожиданно Греттир обнаружил у своих ног какое-то существо. Молодой крестьянин в широкополой шляпе с обвисшими от дождя полями был жестоко избит и истекал кровью. Греттир нагнулся к нему, и в ту же секунду раздался яростный окрик Гая:

— Не смей трогать! — Видя, что ослушник и ухом не ведет, Гай заорал, срывая голос: — Я сказал, не смей! Брось его!

Греттир поднял голову:

— Это я, Гай.

Лицо Гисборна, перекошенное ненавистью, с запавшими, почти черными глазами, показалось Греттиру страшным. Юноша даже не понял, узнал ли его Гай,

потому что тот, не желая пускаться в объяснения, молча махнул рукой и отвернулся.

Ударом в переносицу Греттир отшвырнул подбегавшего было к нему стражника, поднял с земли оборванное, окровавленное существо, перепачканное к тому же глиной, и перекинул свою ношу через седло. Затем сел на лошадь и двинулся прочь к речке, откуда путь его лежал к урочищу Девять Изб.

Спасенный им мальчик прижался к Греттиру и безмолвно дрожал всем телом. Греттир сидел в седле, слегка склонившись вправо, поскольку прямо перед его глазами качалась потерявшая всякую форму грязная шляпа, нахлобученная по самые уши.

Справа и слева от дороги в причудливых позах застыли мокрые деревья. Чахлые ели были словно черное кружево, изрядно побитое молєю. Дождь перестал, но холодный, пронзительный ветер трепал одежду обоих всадников, и мокрая ткань быстро высыхала.

Наконец Греттиру надоело сидеть перекосившись из-за того, что спасенная им личность предпочитает такие странные фасоны шляп. Не долго думая, он снял эту часть одеяния с головы своего спутника.

На черный плащ, скользнув, тяжело упали две темно-рыжие косы.

Греттир остановил лошадь и слез на землю. Девушка с рыжими косами продолжала безмолвно сидеть в седле. Последние сомнения Греттира рассеялись.

— Святой Бернард! — воскликнул он, все еще не веря своим глазам. — Дианора!

Она подняла голову, отерла со щеки грязь рукавом и посмотрела в лицо ошеломленному Греттиру. И снова Датчанин не понял, узнали ли его.

— Какого черта тебя понесло во Владыкину Горю? — сердито спросил Греттир.

Дианора перевела взгляд повыше, на макушки деревьев.

— Отвечай, когда тебя спрашивают! — прикрикнул Датчанин. На нее это не произвело ни малейшего впечатления. Она молчала, чуть прикрыв глаза, потому что ветер дул прямо ей в лицо.

Неожиданно она заплакала. Греттир окончательно растерялся и понял, что впадает в ярость.

— Прекрати реветь! — заорал он. — Господи милосердный, какая дура! Ведь тебя могли убить...

Она вся сжалась. Впервые Греттир заметил то, что она так долго скрывала. Страх. Она боялась датского рыцаря. Греттир скрипнул зубами.

— Куда тебя отвезти?

— Домой, — хрипло ответила девушка.

— В таком виде? — поинтересовался Греттир. — А что, сэр Гай извещен о твоих невинных прогулках по мятежным деревням? Кого ты там искала?

Дианора покачала головой.

— Делайте со мной, что хотите, — вымолвила она. — Мне теперь все равно.

Греттир взгромоздился в седло и медленно двинулся в сторону Гнилухи. Он еще не придумал, как помочь девушке. В глубине души он тайно надеялся на то, что она, быть может, когда-нибудь полюбит его. И тогда он презрит ее происхождение и женится на ней. И в Датском Замке воцарится любовь на радость Бьенпенсанте.

Показались первые гнилухинские дома. Греттир направил лошадь к колодцу. Деревенские жители при виде всадника жались к стенам и заборам и низко кланялись. Греттир замедлил шаг возле уже покосившейся пустой виселицы — ее так и не убрали.

— Дианора! — окликнул он свою спутницу. — Смотри...

Девушка медленным взглядом окинула виселицу, затем посмотрела в горящее на ветру лицо Греттира.

— Виселица... Зачем вы мне это показываете?

— Смотри, не отворачивайся! — Греттир стиснул ее плечо. — Здесь один из лесных бандитов хотел перерезать мне горло...

У нее дрогнули губы.

Греттир повернул лошадь к Ноттингаму, решив, что приютит девушку у себя и, быть может, приручит это дикое существо. Он уже рисовал себе приятные картины: вечер, камин, сладкое вино, голос Дианоры,

поющий под тихое бряцанье струн, и ее благодарные глаза, обращенные на него, Греттира...

Но не успел он проехать и нескольких ярдов, как откуда-то с небес донесся веселый голос:

— Посмотри, сын мой, вот едет норманн и везет с собой эльфа.

Другой голос, низкий и раскатистый, отвечал тоже из поднебесья:

— Воистину, отец мой, наши эльфы не для норманнских волчар.

Из ветвей раскидистого дуба захихикало, засвистело и заулюлюкало. Трудно было представить себе, что такие звуки издает только один человек. Греттиру чудилось, что в ветвях скрывается по меньшей мере дюжина бородатых и волосатых злодеев.

— Ха, сын мой, Господь обделил тебя умом, но не обидел чутьем на истину, — пророкотал первый голос. — А теперь ответь мне, отрок: не отбить ли нам эльфа у безмозглого норманна?

Дерево зашумело, и сверху прямо на дорогу спрыгнул великан со взъерошенными волосами и нечесаной бородой. В руках он держал длинный лук. Греттир остановил коня и оглянулся назад. Сзади он обнаружил внушительных размеров монаха с красной физиономией. Вооружен святой отец был изрядной дубиной.

— Ты кто такой, а? — поинтересовался монах, подбираясь к Греттиру сзади и бесцеремонно рассматривая его лошадь. — Вроде, мы с ним уже встречались, Джон?

— Вроде, — согласился Джон. — А вот за то, что ты похитил девушку...

Он угрожающе потянулся к кинжалу.

— Наши девушки не для таких, как ты, — сказал отец Тук. — Наши девушки — невинные цветы, полевые, лесные, но никак не садовые.

Он протянул руки к Дианоре и бережно снял ее с седла. Грубой лапищей провел по ее щеке:

— Не бойся, дитя мое. Здесь тебя не обидят.

Джон уже норовил стащить с седла Греттира и прирезать его, когда Дианора слабо пошевелилась на руках отца Тука и тихо сказала:

— Не трогайте его. Пусть идет с миром.

Джон и отец Тук обменялись недоуменными взглядами. Потом отец Тук пожал плечами и кивнул Джону, чтобы тот отпустил поводья лошади.

— Желание дамы да будет для нас законом. Ты свободен, норманн, но помни, кому обязан жизнью.

Греттир пустил лошадь галопом, не оглядываясь. Его душила обида.

Завидев лесных стрелков, хозяин трактира «Зеленый Куст» выскочил на порог и расцвел.

— Это ты, Тук, — сказал Тилли, — вот и молодец, что не забыл нас... А девочку ты совсем заморил, старый проходимец. — Он привстал на цыпочки и заглянул в лицо Дианоре, которая провалилась в забытье. — Какая она у тебя хорошенькая, пастырь народов... только немножко неумытенькая...

— Чем болтать, принес бы лучше горячей воды и чистого полотна... Это совсем не то, что ты думаешь, болван! — сердито сказал отец Тук.

— Боже мой, кровь! — возопил Тилли и мгновенно исчез за дверью.

Отец Тук простонал.

— Теперь он станет распространять слухи о том, что я совращаю малолетних девиц... — Он склонился к Дианоре. Она приоткрыла глаза. — Детка, откуда ты?

— Я... шла к святому Сульпицию, — ответила она. — Если можно, добрый человек, доставь меня к отшельнику.

— Хорошо, хорошо, но не в таком же состоянии...

— При чем тут мое состояние, — ответила она и, уже теряя сознание, тихонько простонала.

— Да, твое состояние тут явно ни при чем, — пробормотал отец Тук. Он прижал ее к себе и, толкнув дверь трактира ногой, вошел в комнату, сумрачную и пустую.

— Тилли! — крикнул отец Тук с Дианорой на руках. — Да где же ты?

Тилли появился в комнате, двигаясь спиной вперед. Он с усилием волок за собой из кухни огромную

дохань с водой. Вода плескала на пол и заливала его кожаные башмаки. Почтенный хозяин, крихтя, распрямился и, обратив к отцу Туку покрасневшее лицо, сказал деловито:

— Так что будем делать с барышней, отче?

— А где Мелисанда? — спросил отец Тук.

Тилли смутился:

— Понимаешь, какая беда... Ты прости уж. Ушла Милли. Кто знал, что она может понадобиться? Понесло ее на хутор к родне. В такую-то погоду! Ох, говорил я ей, говорил... — Тилли принялся многословно сокрушаться, расписывая непредусмотрительность жены.

Отец Тук взглянул на бесчувственную Дианору, потом перевел взгляд на хозяина трактира.

— Значит, придется мне ее и умыть, и врачевать, и переодевать. Тащи-ка сюда какую-нибудь Мелисандину одежду.

Теодор подошел поближе и сочувственно поглядел на девушку.

— Бедный ребенок, — сказал он с шумным вздохом.

Отец Тук набычился:

— Уж не думаешь ли ты, что это я ее так отделал? Да мы с Малюткой Джоном только что отбили ее после кровавого и бесшадного боя у отряда свирепых, вооруженных до зубов норманнов! Благочестивое дитя направлялось к святому Сульпицию, дабы провести несколько дней в молитвах и заботе о душе своей, когда эти варвары... — И неожиданно рявкнул: — Да что ты стоишь, разинув рот! Одежду и горячее питье, живо!

Тилли моргнул несколько раз и убежал.

Дианора пришла в себя поздно вечером. Она открыла глаза. Темнота и тишина обступили ее. Девушка села. Запуршала солома. Все, что случилось в мятежной деревне, ушло в далекое прошлое. Она вспомнила о том, как тайно ушла из дома, пока Гай спал беспокойным сном; как пробиралась лесными тропами, как во Владыкиной Горе неожиданно появились

стражники, оттесняя всех к колодцу; как боль и страх обрушились на нее.

Тишина и темнота могли иметь только одно объяснение — она в тюрьме. Перед глазами мелькнуло детское и серьезное лицо Греттира Датчанина. Юный рыцарь спас ее от расправы только для того, чтобы отдать на казнь. Теперь помочь ей может только брат — если, конечно, захочет.

Дианора торопливо провела руками по платью и обнаружила, что на ней чужая рубаха, просторная и длинная, до пят, сшитая из грубого полотна. Неизвестно, откуда она взялась. При мысли о том, что кто-то из стражников касался ее руками, раздевал, глазел, покуда она оставалась в забвении, ей стало дурно.

Девушка встала, шатаясь от слабости, подошла к двери, несколько раз ударила кулаком и без сил опустилась прямо на пол. К ее удивлению, почти сразу же скрипнули плохо смазанные петли. Мелькнула свечка, над которой смутно угадывалось чье-то лицо. Стражник вошел и остановился, подняв свечу повыше. Из темноты выступила камера — небольшая, без окон, с охапкой свежей соломы в углу, заменяющей постель.

— Я здесь, — негромко сказала Дианора и, цепляясь за стену, встала.

Стражник стремительно обернулся и подошел к ней поближе. Девушка рассмотрела его молодое лицо с веснушками, веселый рот. Глаза стражника терялись в темноте, но она чувствовала на себе их пристальный взгляд.

— Зачем ты встала, детка? — спросил он ласково. — Тебе нужно как следует отдохнуть, набраться сил...

Она нахмурилась, принимая его слова за издевательство.

— Я хочу видеть Гая Гисборна, — сказала она.

От неожиданности человек чуть не выронил свечу.

— КОГО? — переспросил он, словно не веря своим ушам.

— Сэра Гая Гисборна, — повторила девушка. — Помоги мне встретиться с ним, добрый человек, и я

тебе хорошо заплачу. Передай ему, что его хочет видеть Дианора.

Стражник поставил свечу на полку и повернулся к девушке. После короткой паузы он проговорил:

— Боюсь, что я не смогу выполнить твою просьбу, Дианора. Видишь ли, мне не хотелось бы встречаться с Гаем...

Она вздрогнула. Неожиданно ей показалось, что она догадывается, с кем разговаривает.

— Кто ты?

Незнакомец истолковал ее вопрос по-своему.

— Не бойся, детка, — сказал он. — Здесь ни сэр Гай, ни его подручные тебя не найдут. Ты среди друзей.

— Кто ты? — повторила девушка.

— Я Робин из Локсли, — был ответ.

Дианора слабо улыбнулась в темноте.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

— Хелот, я принес тебе отменный эль, — сказал Робин, возникая в логове.

Предававшийся меланхолии Хелот молча лежал на кровати. Он даже не пошевелился при появлении Локсли.

— Слушай, Хелот, — начал Робин, подсаживаясь на кровать. — Думаешь, я не понимаю, что с тобой творится? Согласен, твой Алькасар славный парень, и мы все полюбили его.

— Ой, полюбили... — донесся голос отца Тука, который откровенно подслушивал.

— Тебе не удалось спасти его сейчас. В этом же нет твоей вины, Хелот. Понимаешь?

— Понимаю, — нехотя выдавил Хелот. — Мне-то от этого не легче.

— Алькасару тоже, — прогудел отец Тук. — Могу даже предположить, что это «не легче» для него куда тяжелее, чем для тебя.

— Замолчи, Тук! — рассердился Робин. — Хелот, я пришел за тобой. К северу от болота Кочковая Ляга беспорядки... Выпей и поедешь с нами. Нужно помочь.

Хелот сел, взял наконец кувшин и хлебнул. Эль был действительно хорошим — где только взяли?

— Как болото называется? — переспросил он, оживая.

— Кочковая Ляга. А деревня — Чертоуголье. К северу от Владыкиной Горы.

— А что там случилось?

— Обычная история, довольно нудная, если, конечно, ты в ней не участвуешь. Обитель Великомученика Себастьяна захватила луга, принадлежащие деревне. Документы какие-то нашли, королевскую дарственную или еще что-то в этом роде. А может и состряпали. Это у них называется «благочестивый обман» — все делается в интересах Господа, как они говорят.

— Поэтому я и расстался с отцом аббатом, — скорбно заметил отец Тук, появляясь в логове следом за Локсли. — У нас были непримиримые расхождения по подобному же вопросу.

— Словом, настоятель сказал деревенским: косить косами будете только для монастыря, а для своей скотины траву можете рвать руками..

— Какая дикость, — сказал Хелот и снова глотнул из кувшина.

Робин скривил рот.

— Да ты погоди. Ты слушай. Тогда деревенские ушли на болото, пригрозив сжечь обитель. Солдаты уже там. Обитель, несмотря на солдат, трясется от страха. Сидят небось и ждут резни.

— Представляю себе это собрание пудингов, — мечтательно произнес отец Тук и как бы невзначай потянулся к кувшину с элем, позабытому Хелотом. Рыцарь заметил это лишь в последнее мгновение и успел отдернуть кувшин.

— Откуда ты все это знаешь, Робин?

— Пришел один парень из Чертоуголья. Так идешь с нами?

— Да, — сказал Хелот, вставая.

— Отлично. Действуем как всегда, — сказал отец Тук, весело хлопая Робина по плечам. — Стражу перебьем, обитель спалим.

Хелот еле заметно дернул уголком рта — вспомнил свое первое сражение. Тогда тоже была весна и тоже лютовал голод; разъяренные мятежники громили монастырь, а мальчик по имени Хелот по мере сил отбивался от них... Он потрогал старый шрам, потом спросил:

— А с деревенскими что будет?

— Хуже им уже не будет, — успокоил его Робин. — Все плохое, что могло с ними случиться, уже случилось.

Небольшой отряд из двенадцати стрелков к полудню вышел на тропинку, едва заметную среди холмов, поросших колючим кустарником и крапивой в человеческий рост. Лес то подступал совсем близко, то расступался перед полянами. В распадках между холмами неторопливо текли обмелевшие реки. Отряд возглавлял невысокий коренастый парень с грубым и злым лицом. Он шел ровно, не оглядываясь.

К вечеру вышли на край огромного болота и побрели, увязая в воде почти по колено. Проводник безошибочно находил дорогу, проложенную здесь еще в прошлом веке. Болото почти поглотило ее.

Через час идти стало легче. Дорога становилась постепенно все лучше и наконец привела их к охотничьему домику, построенному каким-то вельможей прошлого столетия для невинных утех на лоне девственной природы.

Перед порогом домика трепетал маленький костер. Человек, сидевший на корточках у огня, встал и, обернувшись к дверному проему, громко сказал:

— Пришли!

На пороге показались люди — пятеро мужчин, две молодые женщины и детишки, человек семь. Они посыпались из дома желудями. Лица у всех были тревожные и радостные — ни следа тупой покорности, которую Хелот привык наблюдать в веселой Англии.

Они обступили Робина, который принялся развивать свои стратегические планы:

— Пожрать — и спать!

Женщины засуетились вокруг костра. Хелот зашел в дом, сопровождаемый двумя мальчиками, которые следовали за ним на почтительном расстоянии.

В доме было темно и пахло кислятиной. Хелот сел на лавку возле стены, отстегнул ножны, положил меч на колени. Да, домик не был предназначен для жилья. Здесь не потрудились даже сложить печь. Видно, приезжали летом на часок-другой, а дольше не задерживались.

Две веснушчатые детские физиономии маячили неподалеку робко, но настырно. Хелот без улыбки поднял к ним глаза — чужие, темные.

— Как вас зовут, дети? — спросил он.

— Меня Тэм Гили и его Тэм Гили, — последовал ответ. — Мы братья.

— Мама думала, что кто-то один точно уж померет, — пояснил второй мальчик. — Вот и назвала одинаково. Пусть хоть один останется. А мы оба остались.

Они несмело улыбнулись и приступили к расспросам.

— А вы пришли с Робин Гудом?

Хелот кивнул:

— Конечно. Почему вы об этом спросили?

— Потому что... вы не отсюда. Вы другой. Не такой, как все.

— Вы не из этих мест, да? — добавил второй Тэм.

— Я сарацин, — неожиданно для самого себя заявил Хелот.

— И прежде вы жили в Сарацинии?

— Несомненно.

— Там война, — высказался Тэм-постарше.

— Там моя родина, — грустно ответил Хелот.

Дети мгновенно почувствовали, что незнакомец проявил слабость, и воспользовались этим. Тэм-помладше уже вцепился в оружие.

— Можно потрогать? — спросил он.

Немытые детские пальцы благоговейно коснулись острия.

— Рыцарский, — уважительно шепнул Тэм-постарше.

Дверь в дом распахнулась, и вошли стрелки в сопровождении обитателей Чертоуголья. Они шумно переговаривались. Один из них нес факел. Хелот стряхнул с себя детей и встал. Робин почти сразу же отыскал его глазами.

— Хелот, ты где? Завтра отправишься в обитель. Будешь развлекать враньем отца настоятеля, а ночью откроешь нам ворота.

— Ох, не по душе мне это, Робин.

— Назад дороги нет, — ответил Локсли. — Обитель должна сгореть, иначе все эти люди погибнут. И дети тоже.

— Я же не спору, — вздохнул Хелот.

Настоятель обители святого Себастьяна был человеком худым и вид имел суровый и неприступный — полная противоположность отцу Туку, который вместе с храмовником из Лангедока попросил приюта на одну-две ночи.

— Время трудное, — заметил настоятель. — Как откажешь собрату в хлебе насущном и крове!

— Да, — согласился отец Тук. — По мне так пора опять вводить поголовное рабство для смердов. Нужна твердая рука! Хватит потакания холопам — вот что я вам скажу, отец настоятель.

— Совершенно справедливо! — подхватил настоятель. — Я воистину слышу речи духовного лица, озаченного благом Церкви. Существуют незыблемые столпы — престол, отечество... Что будет, если их убрать? Что будет, если червь неверия и бунтарского духа подточит их? В Лангедоке, говорят, светские власти в своем богохульстве дошли до того, что стали привечать дьяволопоклонников... — Настоятель кашлянул и совсем другим тоном произнес: — Прошу в трапезную.

Отец Тук шепнул Хелоту на ухо:

— А кушают здесь славненько... Зря ты не хотел идти.

— Обитель наша невелика, всего семь братьев, — говорил между тем отец настоятель.

Хелот машинально подсчитывал число стражников, без дела слонявшихся по монастырскому двору. Отец Тук, видимо, занимался тем же самым, потому что поинтересовался, махнув в сторону солдат рукой:

— А сии миряне тоже попросили у вас ночлега в трудное переломное время?

Отец настоятель остановился и скорбно вздохнул:

— О, если бы так... Эти благородные люди пришли на помощь тем, кто денно и ночью возносит к престолу Господа молитвы о процветании нашего королевства, которое без этого окончательно пришло бы в упадок. До чего дошло вольномыслие! Девятеро наших холопов ушли на болота, угрожая оттуда священному покою обители. Остальных, хвала Всевышнему, мы повесили.

Хелот перекрестился и пристально посмотрел на настоятеля:

— Что же вынудило их совершить столь ужасное кощунство?

— Нежелание работать на благо Святой Матери Церкви, разумеется, — ответил настоятель, хмурясь.

Отец Тук кивал сочувственно и заодно не забывал глазеть по сторонам. И вдруг не выдержал:

— Ох, какое благоухание, отец настоятель! Клянусь милосердием святой Ирины, сегодня у вас на ужин, должно быть, карпик и славный монастырский кларет!

— А вы, я погляжу, знаток, — удивился отец настоятель.

— Практика, — скромно пояснил Тук. — Я страдаю грехом чревоугодия.

— Это невинный грех, — улыбнулся настоятель, — и после ужина я с удовольствием отпущу вам его.

Монахи и солдаты уселись за длинный стол. Отец настоятель прочел молитву, суть которой сводилась к просьбе избавить обитель от наглых посягательств взбесившихся хамов. Если же Господь услышит скромную просьбу смиренных монахов и выполнит ее, то он, отец настоятель, обязуется построить часовню святым

Себастьяну и Ирине и отремонтировать крышу в деревенской церкви за счет монастыря.

— И заново позолочу в ней распятие, — расщедрился он под конец.

— Отец настоятель пытается всучить взятку Господу Богу, — прошептал Хелот на ухо отцу Туку.

— Молчи, еретик из Лангедока, — шепнул в ответ отец Тук. — Слушай, что скажет тебе духовный наставник. После вечерней молитвы устроишься на ночлег вместе с солдатами. Я отправлюсь на молитвенное бдение. Ворота мои, солдаты твои.

— Да их одиннадцать морд, — сказал Хелот. — Я один не справлюсь.

— Ребята тебе помогут, не беспокойся. Ты только начни драку, когда я открою ворота.

— Как же я узнаю, что ты их уже открыл?

Отец Тук неопределенно хмыкнул:

— Услышишь...

Больше всего Хелот боялся встретить среди этих солдат Гая. Но, к счастью, отряд возглавлял какой-то не слишком высокородный и не блещущий достоинствами болван, имени которого Хелот не знал. Болвану предстояло погибнуть первым, и поэтому Хелот пристроился на ночлег поближе к нему. По случаю летнего времени солдаты спали во дворе. Хелот улегся под боком придела святой Ирины, откуда доносились покаянные молитвы отца Тука, неприятно раздражавшие вечернюю тишину.

— О милосердная дева, врачевавшая раны истерзанного Себастьяна, — заливался лицемер. — Грешен я, прожорлив, ленив и жаден! Не восхотелось мне, ироду, питаться осокой да камышом, на карпиков монастырских меня, проглоты поганого, потянуло... Слаба плоть моя, да воссияет над нею дух!

— Чисто шакал воет, — сказал невысокородный болван, зевнул и прилег на травку. Хелот притворился спящим, а чтобы не заснуть на самом деле, стал перебирать в мыслях различные способы затеять безнадёжную схватку и остаться в живых.

Хуже всего было то, что их одиннадцать. А поднять руку на спящих он почему-то не мог.

Ударил колокол. Хелот лежал у остывающей после дневного жара стены и сквозь ресницы смотрел, как наливаются синевой небо, как появляются звезды. Отец Тук прекратил наконец завывать над ухом, и из придела донеслись почти искренние рыдания кающегося грешника. Если не знать Тука, можно было подумать, что он заливается слезами. Затем рыдания стали тише, тише и в конце концов смолкли. Послышались крадущиеся шаги. Грузная фигура духовного наставника замаячила на пороге. Он постоял в неподвижности, вслушиваясь в нестройный храп, а затем Хелот услышал, как под его тяжелым шагом заскрипел песок. Хелот приподнялся, сел, положил на колени обнаженный меч.

Голос отца Тука нахально разнесся по сонной обители:

— Джонни, сын мой, — громогласно поинтересовался он через стену, — готов ли ты к свершению подвигов?

— Готов, — ответил бас Малютки Джона.

— Вот и славно, — одобрил отец Тук.

Ворота адски заскрипели. Привратник было вскочил, но удар могучим кулаком по голове погрузил его в глубокую задумчивость, и лесные стрелки с воплями ворвались в монастырь. Когда стражники продрали глаза, Хелот уже ждал их. Их командир, как и предполагал рыцарь из Лангедока, погиб первым. Хелот выдернул из его руки оружие и, прислонившись спиной к стене, закрылся двумя мечами. Осиротевшие солдаты набросились на него с проклятиями. Хелот сосредоточил все свое внимание на клинках, пытавшихся поразить его со всех сторон. Первые несколько секунд он оставался невредим. Затем левая рука стала чересчур тяжелой. Скосив на нее глаза, Хелот увидел кровь на рукаве. Солдаты взревели от радости. Понеслись крики: «Глядите, подбили!», «Сдохни, кабан!».

— Нечестивец! — надрывался один, самый образованный. — Всем! Известно! Что тамплиеры! Знаются! С дьяволом!

Это были его последние слова. Однако второй меч Хелоту пришлось отбросить — он стал слишком тяжел для раненой руки. Хелот заложил левую руку за спину. Спасения ему не было. Стиснув зубы, он отбивался и заставлял себя думать не дальше следующего выпада. Второй удар хлестнул по ребрам. Эту рану он почувствовал сразу и зарычал от злости. Ему показалось, что на бок плеснули кипятком. Освященные луной, перед Хелотом мелькали шесть или семь физиономий, искаженных яростью и возбужденных запахом крови.

— Хелот, ты еще жив? — заорал откуда-то из темноты отец Тук.

— Жив! — рывкнул Хелот.

— Держись, сын мой, — пыхтел brave монах. По участвовавшему стуку мечей Хелот понимал, что он приближается, продираясь сквозь наседающих стражников. Их было чересчур много для одиннадцати человек. Появление отца Тука оказалось как нельзя более кстати, потому что третий удар Хелот получил в грудь и упал на траву.

Дальнейшее представлялось ему в виде топающих вокруг ног, обутых в кожаные и деревянные башмаки и босых. Трава в лунном свете казалась серой.

Из рук в руки перелетел, прочерчивая в темноте дугу, горящий факел. И почти мгновенно вспыхнули деревянные пристройки возле келий. Огонь вырвался из монастырских окон в почерневшее перед его ядовитой желтизной небо и вдруг переметнулся на трапезную.

По двору при свете пожара с криками металси полуодетые люди, словно привидения. Пока стрелки отчаянно наседали на стражников, крестьяне гонялись за святыми отцами и молча, деловито, убивали их.

Когда вся обитель пылала так, что происходящее стало видно словно при ясном солнце, Хелот сумел, держась за стену, подняться на ноги. В темноте он разглядел пятно на том месте, где только что лежал.

Огонь трещал, оранжевые вымпелы пламени победно развевались в ночном небе, затмевая звезды. Обе женщины из Чертоуголья стояли тут же и смотрели, как горит обитель. Их лица были строгими и вдохновенными, как будто они глядели в глаза великой тайне бытия. Они показались Хелоту молодыми и прекрасными, как безжалостные богини судьбы.

Откуда-то из подвала выскочил отец настоятель, растерзанный и жалкий. Он пытался спастись от огня. Копоть размазалась по его лицу, глаза обесцветились от ужаса. Угрюмый парень — тот, что приходил в Шервудский лес за помощью, — возник перед ним из-за угла. Настоятель шарахнулся от него и ударился спиной о дерево. Парень подошел к монаху, беззлобно, равнодушно схватил за горло и придавил к корявому стволу яблони своим тяжелым плечом. Затем спокойно вынул из-за пояса нож и с силой воткнул его в живот отца настоятеля. Тот страшно закричал. Парень выдернул нож, наклонился, обтер его о траву и сказал, дружески кивнув Хелоту:

— Орет, сволочь, как роженица.

— Останови мне кровь, — попросил его Хелот.

Парень разорвал на нем рубашку и сжал края раны грязными пальцами. Перед глазами Хелота поплыли красные и желтые кольца, растворяясь в темноте, которая сгущалась с каждой секундой.

Сопrotивляясь отчаянной слабости, Хелот выругался, но не удержался на ногах и рухнул прямо на руки парню. Уже теряя сознание, он успел понять, что крестьянин тащит его прочь от пожара, в болото, росистую темноту.

— Трудно работать святым Себастьяном, — сказал Хелот. — Надо, чтоб не было в нервах изъяну.

— Тебе идет быть умирающим, — заметил Робин.

— О, пустяковая царапина, — небрежно ответил рыцарь. — Я, кажется, немного раскис от потери крови. Когда умру, когда скончаюсь, тогда на кладбище приди и у креста моей могилы на память розу посади.

— Чертополох я посажу, — отозвался Робин сердито. — Скажи-ка мне, Хелот, почему это наши друзья чертоугольцы таращатся на тебя, точно на диковину? Что ты еще учудил?

— Откуда мне знать, Робин? Это же ты у нас знаток угнетенной вилланской души. — Он призадумался. — Может быть, они считают меня великим героем? — предположил Хелот.

Но Робин покачал головой:

— По-моему, они считают тебя магометанином.

— Меня?!! Милосердное небо, как это могло прийти им в голову? А я-то думал, что англичане начисто лишены фантазии!

Локсли прищурил серые глаза:

— Да ведь ты сам болтал...

Хелот почесал в затылке:

— Я? Болтал? Сомнительно... При моей-то молчаливой натуре... — Вдруг он рассмеялся. — Слушай, я действительно сказал какому-то мальчику, что я сарацин.

— Зачем ты это сделал? Поведай мне, убогий.

— Да так...

Хелот отвел глаза.

— Хелот, когда ты умрешь, мне будет недоставать того приятного разнообразия, которое ты вносишь в мою скучную жизнь.

— Мне приятно это слышать, Робин. Ибо я собрался вас покинуть.

— Брось. Тук говорит, что ты вне опасности. Скоро встанешь на ноги.

— Вот именно. Встану на ноги. Я уйду. — Хелот поморщился. — Середина лета. Истекает срок моей службы у тебя.

Наступило тяжелое молчание. Робин смотрел на этого странного человека, которого так и не сумел понять, и молчал. Неожиданно он понял, что вместе с Хелотом из Шервуда уйдет что-то очень важное.

— Ну что ж, — сказал наконец Робин. — Воля твоя, Хелот.

И больше не добавил ни слова.

ЧАСТЬ II

Невыносимый Гури

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В 1207 году на праздник Пятидесятницы шериф Ноттингамский устроил грандиозный турнир. Гай Гисборн сбил с ног и издергался еще за неделю до торжества, поскольку на него возлагалась нелегкая задача обеспечения правопорядка во время праздника. Необходимо было не допустить народных волнений.

Когда Греттир, томимый скукой и одиночеством, все-таки разыскал его возле казармы, Гай не нашел в себе сил на разговоры с юным датчанином. Ругаясь через слово, Гай втолковывал солдатам, кто из них на каком углу должен обеспечить упомянутый правопорядок. На вежливый вопрос подъехавшего Греттира, будет ли сэр Гай сражаться на копьях во время предстоящего турнира, Гай несколько мгновений молча смотрел на юного норвежца (или кто он там), а потом, с заметным усилием совладав с собой, сдержанно покачал головой. Греттир считал за благо retirar.

Таким образом в день Пятидесятницы Греттир оказался в совершеннейшем одиночестве. Он вернулся домой с турнира поздно вечером, когда уже стемнело, отстегнул на ходу шлем, бросил пробитый щит, расшвырял обувь и босиком прошел по каменному полу через галерею в спальню.

В спальне царил беспросветный мрак. Натыкаясь на предметы, число которых резко возросло с наступлением сумерек, Греттир добрался до свечи в медном шандале и зажег ее. Огонек наполнил комнату слабым

розовым светом. Греттир поставил на стол медное зеркало, налил себе вина и уселся, мутно глядя в свое отражение.

— С праздником, старик, — сказал он серьезному беловолосому юноше, который с отрешенной грустью смотрел на него из зеркала.

Вино было терпким и душистым. «Чудесное вино, черт побери. Надо будет завтра велеть прислуге прикатить еще пару бочонков. — Греттир усмехнулся и покачал головой. — До чего я докатился, — подумал он. — Пьянствую ночью, в одиночку, с собственным отражением в зеркале. Вот бы покойный папаша порадовался, глядя на своего отпрыска!»

Покойный папаша Греттира, заметим мимоходом, обнаружив в малолетнем наследнике противоестественную склонность к размышлениям и столь же ненормальное отвращение к охоте и прочим доблестям, именовав сына не иначе как «выкормыш». Не признавать же в таком дурачке собственную плоть и кровь!

Что и говорить, детство Греттира было одиноким. Покойная матушка, пока ее не постигла жестокая участь вследствие роковой встречи с Брюсом Безжалостным (этого сексуального маньяка в течение двадцати лет не мог изловить весь цвет рыцарства, включая сэра Ланселота), воспитавшая сына не занималась, поскольку была занята паломничеством по различным святым местам. Она любила Бога куда больше, чем людей.

Папенька пытался было привить сынку навыки, достойные продолжателя рода, брал на охоту, но был жестоко разочарован. Подросток кривился от отвращения, когда барон совал ему нож и предлагал перерезать затравленному оленю горло. Греттир отталкивал нож, отворачивался, мотал головой. Барон попробовал было заставить мальчика глотнуть горячей крови, как это иногда делают охотники, опьяненные убийством, — но куда там! «Эдак ты и человека зарезать не сможешь», — удрученно подвел итог папаша и после того потерял к сыну всякий интерес.

Греттира воспитала прабабушка Бьенпенсанта — вернее, ее призрак, уже двести лет бродивший по старинному фамильному замку. В свое время она была жестоко убита своим супругом и превратилась в проклятие своего убийцы и всех его потомков.

Греттир налил себе второй кубок и стал потягивать вино медленно, наслаждаясь каждым глотком. Бьенпенсанта. Капризное, надоедливое существо. Избалованная до мозга костей, когда они у нее были. Порой она бывала невыносима. Греттир улыбнулся, поднял кубок:

— За тебя, дорогая моя прабабушка, милый мой призрак!

Он плеснул вином на пол и залпом допил остатки. Наливая себе третий кубок, Греттир вспомнил, что привидение предпочитало не показываться в дни христианских праздников. «Старый предрассудок, — оправдывалось оно, — никак не могу от него отделаться. Что ни говори, Греттир, а трудно избавиться от того, что воспитано с детства».

Целеустремленно напиваясь до потери сознания, Греттир предавался воспоминаниям. Вот ему восемь лет. Волосы выгорели на солнце, нос облуплен, физиономия, как всегда, бледная. В замке пусто, тихо. Господин барон, как водится, на охоте. Госпожа баронесса отправилась в какой-то монастырь, где открыли чудотворные мощи. Слышно, как внизу, на кухне, переругиваются слуги: повариха швыряется горшками в конюха, конюх пьян до безобразия...

Добравшись до неисследованного уголка фамильного замка, мальчик обнаружил плотно закрытую дубовую дверь. Запоров на ней не было, но вся она густо заросла паутиной, пыльной и черной от времени. Эти хрупкие нити, казалось, замуровали вход намертво. Греттир протянул руку, схватился за дверное кольцо и, разрывая многовековые творения пауков, изо всех сил дернул на себя. Послышался скрежет. Мальчик уперся ногами в каменные плиты пола, присел и повторил свою попытку. Дверь подалась. Из комнаты потянуло плесенью и пылью, как из погребца. Греттир

обтер грязные руки о штаны и решительно шагнул вперед. И увидел очень странные вещи.

Комната, в которой он оказался, освещалась двумя узкими прорезями в толстых стенах, сложенных, как и весь замок, из грубо обработанных булыжников. На стенах висели ветхие ковры, изъеденные насекомыми. Несомненно, на них были некогда вытканы сцены из Писания, потому что то тут, то там на обрывках мелькали благословляющие руки, удивленные глаза или длинные золотые локоны раскаявшейся блудницы. На полу горами лежали книги. А среди книг, поджав под себя ноги, восседала юная девушка в темно-синем биио.

— Здравствуйте, сударыня, — вежливо сказал мальчик.

Девушка подняла голову. У нее было детское и вместе с тем порочное лицо.

— Привет, — хрипло ответила она. — Ты кто такой?

— Я Греттир, — сказал мальчик, — сын хозяев замка.

Она шевельнула ноздрями.

— Чую вашу кровь, — сказала она и замолчала, видимо что-то обдумывая.

— Я неосмотрительно нарушил ваше уединение, благородная девица, — сказал Греттир. — Но это лишь потому, что не подозревал о вашем присутствии. Быть может, вы нуждаетесь в помощи? Если барон заточил вас...

Девушка пронзительно захохотала:

— Да я уже давно не нуждаюсь ни в какой помощи. Размышляю вот: выпить мне из тебя кровь... придушить?

Греттир отступил на шаг.

— Не бойся, мальчик, — вздохнула она. — Я пошутила. Я не вампир. Не уважаю вампиров, гнусные твари... Я просто привидение.

— Вы привидение? — удивился мальчик. — Но я никогда не слышал о том, что в нашем замке обитает привидение.

Призрак потянулся и зевнул.

— Потому что мне все давным-давно осточертело, — девица употребила более крепкое словцо и тут же предупредила: — Не вздумай креститься — хуже будет. Лет пятьдесят уж минуло с тех пор, как я бросила бродить по вашему замку и исполнять свои обязанности проклятия здешних мест. Сижу вот в библиотеке... Ты хоть книги когда-нибудь видел?

Греттир подошел поближе, с любопытством разглядывая фолианты...

...С того дня визиты Греттира в библиотеку (самую уединенную комнату замка, ибо никто здесь никогда не бывал — отцу и матери было не до грамоты, а слугам и подавно). Прабабушка научила его манерам и обхождению, обогатила память различными историями, приучила к словесности. Когда юноша отправился в Ноттингам, привидение ухитрилось переселиться вместе с ним.

— А сегодня ты бросила меня, Бьенпенсанта Злоязычная, называемая также Добронравной... — бормотал Греттир. — И ты, Гай Гисборн, и проклятый пьянчуга Гарсеран из Наварры, который, несомненно, пропадает в постели леди Джен или леди Марион... Но главное — меня оставил Хелот из Лангедока, мой первый и единственный друг...

Четвертый кубок Греттир посвятил своему исчезнувшему другу Хелоту. Прошло уже полгода с тех пор, как они сидели в кабачке «Казни египетские», ели индейку, слушали шум дождя и беседовали о поэтических творениях сэра Александра из Лангедока. Где ты, Хелот? По каким дорогам тебя носит сегодня?

Тоскливо было на душе у Греттира, тоскливо и одиноко.

— Спокойно, сэр, — сказал Греттир сам себе, заглядывая на дно кубка, где еще плескалось вино. — Спокойно. Хелот уехал в Шервудский лес, ибо из-за вас, сэр, он продался этим разбойникам и с присущей ему честностью помогает им выполнять их злодейские замыслы... Насколько я помню, впрочем, срок его службы недавно истек, а в Ноттингаме Хелот так и не появился. Уж не погиб ли он, храни его дева Мария?

— Так. — Греттир наполнил вином пятый кубок. — А теперь поразмыслим над тем, что увидели сегодня.

Сегодня, впрочем, мы ничего особенного не увидели. Гай Гисборн был на высоте, и правопорядок во время турнира царил образцовый. Леди Джен к ее великому торжеству над леди Марион была провозглашена королевой турнира. Греттир Датчанин, как того и следовало ожидать, был повержен на землю в первом же бою и с пробитым щитом и вывихнутой ногой устроился в шатре на краю ристалища.

Зрелище сражений было великолепно. Рыцари с топотом носились друг за другом на могучих конях, их разноцветные плащи взвивались в ярко-синее небо, слышался треск копий и лязг доспехов. Двое получили серьезные ранения. Дамы напряженно выясняли, кто чьи цвета носит. Словом, праздник удался.

Под конец произошло нечто неожиданное. Героем дня был уже почти окончательно признан сэр Гарсеран из Наварры, открыто носивший цвета леди Джен. Он поверг наземь пятерых противников подряд, сменил восемь копий и два щита, и, когда он под всеобщие овации в последний раз проехал по ристалищу, герольд выкрикнул:

— Доблестный Гарсеран из Наварры, сразивший сегодня всех своих противников и ни разу не коснувшийся спиной земли, бросает вызов тому, кто еще осмелится выступить против него!

В полной тишине из-за шатров на белом коне выехал совершенно незнакомый рыцарь и крикнул, что принимает вызов.

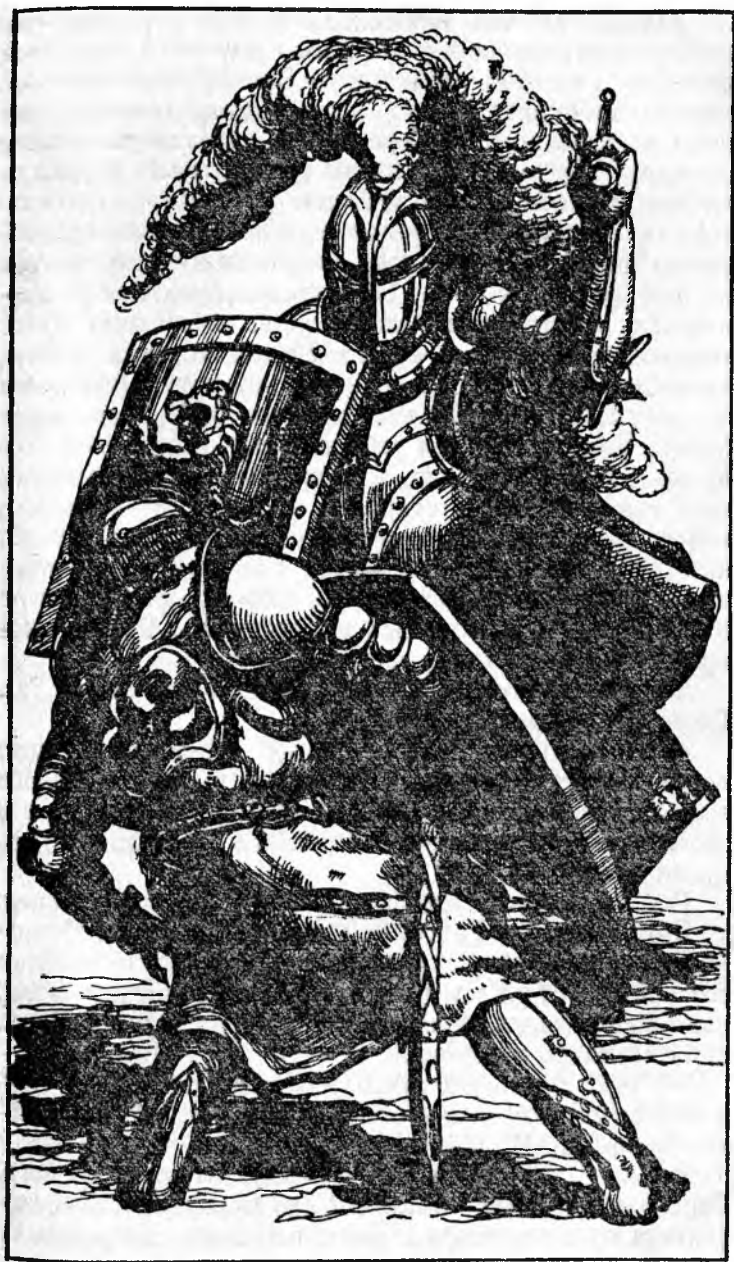
Шериф приподнялся, всматриваясь в его лицо (незнакомец был без шлема), потом повернулся к Гаю:

— А это кто такой, Гисборн?

Гай пожал плечами.

— Понятия не имею, — ответил он.

Тем временем неожиданный соперник Гарсерана подскакал к нему и на полном ходу бросил у ног Гарсеранова коня свою перчатку. Гарсеран поддел ее на копье и вознес над головой. Оба бойца разъехались

по разным концам ристалища и ринулись друг на друга, выставив копья. Раздался адский треск — и вот уже Гарсеран выбит из седла. Разъяренный наваррец забарахтался на земле. Слуги помогли ему подняться на ноги. Его противник, объехав ристалище по кругу под торжествующий рев зрителей, прыгнул на землю и обнажил меч. Рядом с высоким, атлетически сложенным Гарсераном незнакомец казался совсем хрупким, а доспехи на нем были куда легче, чем на наваррском рыцаре. Однако довольно быстро выявились преимущества незнакомца: он казался более умелым бойцом. К тому же Гарсерана, как всегда, подводило дыхание. Различные излишества, которыми он регулярно предавался, сделали свое дело: через десять минут Гарсеран уже начинал задыхаться. Поэтому он, как правило, наваливался на противника всей своей массой и старался поразить его тяжелым мечом, используя исключительно грубую силу. Легкий как перо соперник Гарсерана, вооруженный «мечом левой руки» вместо двуручного, свободно уклонялся от бешеных атак, не пытаясь их отражать. Наваррский красавец уже начинал дышать ртом.

Шериф, наблюдавший за схваткой, подозвал Гая Гисборна поближе.

— Посмотрите, Гисборн, какой трусишка принял вызов нашего Гарсерана! Ни одного удара, ни одного выпада! Сплошная беготня! — Шериф приподнялся в своем кресле и крикнул насмешливо: — Заяц! Петляющий заяц!

Гай пожал плечами. Он видел, что Гарсерану конец.

В этот момент Гарсеран оказался на земле. Незнакомый рыцарь упал коленом ему на грудь и, прижав его правую руку с мечом, отстегнул Гарсерану шлем, явно намереваясь перерезать ему горло. С леди Джен приключилась истерика.

— Черт знает что такое, — сказал шериф, поднимаясь со своего места. — Я повелеваю вам остановиться, сэры рыцарь!

Рыцарь наклонил голову в поклоне и встал на ноги. Гарсеран завозился на земле, перевернулся на четвереньки и, цепляясь за руку герольда, поднялся. У

герольда было усталое пожилое лицо, странно контрастирующее с яркими одеждами глашатая торжества.

— С согласия обоих доблестных бойцов, — прокричал герольд, — победа присуждается нашему гостю, благородному Гури Длинноволосому!

Это известное в рыцарском мире имя заставило всех зашуметь. Знаменитый Гури, получив из рук шерифа венок победителя, объехал зрителей, разглядывая дам и девиц, и, не желая ссориться с Гарсераном, объявил королевой праздника леди Джен.

Греттир, хромая, присоединился к толпе участников турнира, приглашенных к праздничному столу, и отыскал Гая Гисборна. Тот, как водится, держался особняком и помалкивал.

— Гай, — тихонько окликнул его Греттир.

Гай обернулся, и его твердое лицо слегка смягчилось.

— А, это вы, — отозвался он. — Ну что, досталось вам сегодня?

Греттир кивнул.

— При моей молодости и неопытности другого и быть не могло, — признался он. — Я ожидал гораздо худшего.

— Как вам понравился последний бой? — с деланным равнодушием осведомился Гай.

— Здорово! — честно признал Греттир.

Оба переглянулись и, не скрывая злорадства, обменялись улыбками.

— Как ваша нога? — спросил Гай после паузы. — Я заметил, что вы прихрамываете.

— Пустое, — отмахнулся Датчанин. — Пойдем лучше посмотрим на этого Гури. Известная личность. Я о нем кое-что слышал...

Гури Длинноволосый сидел рядом с шерифом и разглагольствовал. Приятным человеком романскую знаменитость не назовешь. Первое, что бросалось в глаза, — длинные светлые неопрятные волосы, падавшие на плечи и спину тонкими прядями. За это он и получил свое прозвище Длинноволосый (вернее, «Имеющий-Волосы-Как-Поводья»). Через все лицо Гури тя-

нулся уродливый рубец, так что рот его съехал на сторону. Голос у него был высокий, визгливый. После каждой фразы Гури заливался хохотом, запрокидывая голову и теребя прядь своих похожих на конскую гриву волос.

Некоторое время Греттир смотрел на него, широко раскрыв глаза от изумления. Ему не верилось, что столь вульгарная личность могла служить образцом для подражания славным рыцарям. Этот человек словно насмеялся над детской мечтой Греттира.

Наконец Гури, заполонивший собой все пространство пиршественной залы, стал настолько отвратителен, что Греттир тихонько вышел вон.

— И вот я сижу здесь и пью в полнейшем одиночестве, — бормотал молодой человек, — но, клянусь девственностью святой Касильды, это намного лучше, чем пить в обществе Гарсерана... или Гури... имеющего волосы как поводья... Этот тип — валлиец, так он сказал. Говорят, валлийцы — предки саксов. Или саксы предки валлийцев? Франки завоевали Галлию. Карл Великий провозгласил себя императором... Датчане завоевали Англию. Но тогда там уже были валлийцы.

Рассвет застал мертвецки пьяного Греттира спящим в кресле. Голова Греттира была запрокинута, рот раскрыт, дыхание с трудом вырывалось из его груди. Ему снились кошмары.

Ненастным ноттингамским утром Греттир Датчанин проснулся от лютой головной боли. Он сел в постели, морщась, и сжал ладонями виски. «Если бы здесь был Хелот, я не напился бы вчера как свинья», — подумал он. Досада на исчезнувшего друга вспыхнула и погасла. Он снова улегся, стараясь поменьше двигать головой.

— У, хронь, — произнес ненавистный женский голос.

Греттир застонал:

— Уйди ты, Христа ради...

Послышалось злобное шипение, затем возле постели страждущего материализовался призрак Бьенпенсанты.

— Санта, — безнадежно взмолился Греттир, — аминь, рассыпся...

— Ну ты наглец, — протянула Санта, поудобнее устраиваясь в кресле напротив постели.

— Ведь петухи уже были... тебе в замке надлежит обитать, призрак!

— Скотина, — хладнокровно отозвалось привидение. — Ты же пьешь, животное! Ты каждый день пьешь. В твоём возрасте — и так надираться. Зачем ты, например, связываешься с этим Гарсераном? Он гнусный тип, спаивает подростка...

— Замолчи, нечистый!

Призрак встал, прошёлся по комнате, шумя платьём так, словно оно было настоящее. Вместо того чтобы, подобно всем неприкаянным душам, желать вечного успокоения, прабабушка Греттира явно не рвалась в могилу.

— Правильно тебя прадедушка кокнул, — сказал Греттир, поглядывая на призрак с бессильной злобой.

Санта подошла к окну и оперлась на подоконник, подняв острые плечи, с которых складками ниспадало её старинное одеяние. Отозвалась ехидно:

— Тебе-то этот подвиг повторить не удастся...

— Господи, за что?! — возопил беспомощный страдалец.

— Не ты первый задаешь этот вопрос, — задумчиво проговорила Санта, — не ты последний. «За что?» Действительно — за что?! Но ты кричишь это, опухший от пьянства, лежа в своей постели. А ведь могло быть и иначе. Подумай, сколько людей пытались узнать: «за что?!» За что их пытали, ничего не спрашивая, а потом казнили, ничего не доказав...

Греттир застонал в голос.

— И только я одна не спросила твоего прадедушку, за что он меня задушил. Потому что знала. И в этом мне повезло больше, чем многим. — Привидение подошло к Греттиру на кровать и обиженно отвернулось. — Мог бы быть со мной и откровеннее. Мы все-таки не чужие...

— Ах, как мне плохо, Санта... — сдался Греттир.

Бьенпенсанта тотчас оживилась:

— Дай слово, что бросишь пить.

— Честное слово.

Прохладные ладони призрака скользнули по лбу и вискам, снимая боль.

— Дружил бы с Гисборном, он такой положительный...

— Гай вечно занят в казарме. И потом, Санта, ты же знаешь, у меня есть настоящий друг. Хелот из Лангедока. Но он уехал. И такая без него тоска, право... Поневоле потянешься к первому встречному.

— Твой Хелот — подозрительный тип, бродяга, — назидательно сказала Санта. — С разбойниками водился... ужас.

Исцеленный от похмелья Греттир даже подпрыгнул в постели.

— Водится с разбойниками! Это идея!

Он вскочил и забегал по комнате, собирая разброшенную одежду. Санта, сидя на кровати, с удивлением следила за воскресшим правнуком. Ее бледное личико выражало крайнее неудовольствие.

— Что ты задумал, убогий?

Греттир уже гремел оружием.

— Поеду в лес, — объяснил он. — Может быть, там о нем слышали.

— Что-о? Да ты с ума сошел!

— Возможно, Санта. Возможно.

Впервые со времени исчезновения Хелота юноша ощущал такой подъем. Он ласково взял привидение за подбородок и поцеловал в бесплотный лоб.

— Хелот — мой друг, поняла?

Санта качнула гладко причесанной головкой.

Четким движением Греттир отправил в ножны свой недлинный меч.

— Если меня убьют, я составлю тебе компанию, — легкомысленно сказал он. — Буду завывать в камине, а ты примешься рыдать в шкафу у шерифа сэра Ральфа. Надеюсь, он не пересыпает свои тряпки нафталином.

Бьенпенсанта тяжело вздохнула:

— Не так уж просто быть призраком, как тебе кажется, Греттир.

Но правнук уже скрылся за дверью.

Санта поднялась и в развевающихся темно-синих одеждах стремительно прошла из спальни в галерею, оттуда вниз, на кухню, где прихватила светлое токайское, и снова вернулась в спальню. Она разлеглась поудобнее на кровати и принялась потягивать вино, думая о своем.

Ее беспокоили странные изменения Силы, которые она впервые ощутила в ту ночь, когда Хелот клятвенно обещал Дианоре найти и освободить возлюбленного девушки. Маленький мирок Санты нарушился. В нем как будто распахнули настежь дверь и окно, и потянуло сквозняком.

Внизу загрелись дверные засовы. Послышались шаги. Слуга сказал кому-то, тщетно пытаясь остановить вторжение: «Почивать изволят». Шаги неуклонно приближались, и Санта поморщилась. Посреди галереи шаги замерли. Видимо, визитер никак не ожидал, что хозяин дома в такой ранний час может куда-то уйти. Он стоял в недоумении, не вдруг сообразив, где же спальня. «Почивать изволят», как же!

— Сэр Греттир, где вы? — позвал голос, и Бьенпенсанта, узнав Гарсерана, скривилась.

— Явился... — проворчала она, вздохнула и устроилась поудобнее на мягких шкурах. Заложив за голову руки, она уставилась на паутину под потолком и деликатно, по-кошачьи, пару раз зевнула.

Дверь спальни скрипнула. Вот ведь наглец.

— Вы спите, сэр?

«Настырный тип, — подумала Санта. — Но показываться ему ни в коем случае нельзя. Донесет, подонок, на Греттира, решит, что мальчик привечает ведьму или водится с нечистой силой. И никто, ха-ха, не поверит, что я привидение и проклятие его рода. Связываться с ними, инквизиция, то-се...»

— Сэр, я пришел пожелать вам доброго утра.

Красавец Гарсеран открыл дверь и встал на пороге.
— Merde!* — выругалась Санта и немедленно дематериализовалась.

Робин из Локсли сидел на поваленной березе, поджав под себя одну ногу, и мучительно ставил заплатку на свой зеленый плащ. Заплата вздувалась, напоминая пузырь на месте ожога. Пальцы разбойника были исколоты иглой, веснушчатая физиономия кривилась. Собственно говоря, можно было бы и не ставить никаких заплаток, а заново кого-нибудь ограбить, но все так просто только в рассуждениях дилетантов. Локсли продолжал трудиться, скрипя зубами.

Было начало лета, но жара стояла немилосердная. Комары и прочие летучие гады бурно праздновали начало брачного сезона, летали тучами и сделались совершенно невыносимы. Чтобы отпугнуть от себя кровососущих, Робин разложил маленький костерок. Когда дым летел в его сторону, мошка временно отступала, зато на глазах появлялись слезы. Стоило дымной завесе отклониться, как насекомые тучами облепляли уши и шею. К тому же жарило солнце.

— Нет, это какой-то ад, — пробормотал Робин, в очередной раз втыкая иглу себе в палец. Он сунул палец в рот и оглянулся по сторонам. Пиршество природы продолжалось. Ей не было никакого дела до страданий отдельно взятого разбойника.

Робин горестно вздохнул, подбросил в костерок гнилушку, которая тут же отчаянно задымила, и, кашля, снова уткнулся в работу.

За его спиной затрещал под чьими-то тяжелыми шагами хворост. «Интересно, — подумал Робин, — кто там ломится — лось или отец Тук?» Робин обернулся, и тут костерок внезапно подпрыгнул и лизнул Робина за пятку. Разбойник отдернул ногу, потерял равновесие и упал по другую сторону березового поляна, на котором сидел.

— Все, — сказал он, — мое терпение лопнуло.

* Merde — убийца (лат.)

— Привет, Робин! — крикнул, появляясь на поляне, отец Тук. Его круглая красная физиономия была покрыта капельками пота. Робин поднялся на ноги, расправил свой плащ с уродливым горбиком заплатки, встряхнул его, потом присел и пошарил в траве. Отец Тук подошел поближе, с любопытством вытянув шею. Сидя на корточках, Робин торжествующе улыбнулся.

— Иголка потерялась, — объявил он. — Теперь моя совесть чиста, ибо утрачено орудие труда.

— И ты еще говоришь мне о совести, бездельник, — укоризненно заметил Тук. — Да пока ты тут занимаешься не своим делом, в харчевню Тилли и Милли нагрянули многочисленные враги.

— Пойдем лучше выпьем, — предложил Робин. — Тебе необходимо восполнить запасы утраченной влаги, Тук.

— Я не шучу, — ответил бывший монах. — Ко мне прибежала Милли вся в слезах...

— Эх удивил, Милли вечно вся в слезах, — сказал Робин и нехотя встал. — Ладно, поглядим, что там у них случилось.

Оба затоптали костер и двинулись в чашу леса. Милли, сидевшая на пеньке в самом начале тропинки, поспешно встала.

— Как хорошо, что ты пришел, Робин, — зачастила она. — Представляешь, он явился к нам в харчевню... Ох, сама не знаю, как и удалось выскользнуть, Робин, ведь он такой глазастый, и все высматривает, высматривает, и все вынюхивает, вынюхивает...

— Успокойся, — сказал ей Робин, видя, что Мелисанда даже приседает от волнения. — Все будет хорошо. Кто к вам пришел? Гай Гисборн, говоришь?

— Да нет, какой там Гисборн... Уж этого-то мы знаем, слава Богу...

Все трое двинулись по тропинке к харчевне: впереди отец Тук, за ним Робин, который внимательно слушал Мелисанду, то и дело с громким хлопком убивая на шее комаров.

— Приехал на коне, — рассказывала Милли, — сам бледный как смерть, и глаза СТРАШНЫЕ. Как

будто смотрят не наружу, как у всех нормальных людей, а внутрь, в себя. Такой зарежет и не заметит. — Она понизила голос. — Заказал, между прочим, оленину, хоть это и запрещено!

— Как одет? — обернувшись через плечо, спросил Робин.

— Богато и во все черное, — заторопилась Милли. — И вооружен. Меч у него и два кинжала. И что такому нужно в нашей таверне, Робин?

— Да ведь он один?

— А кто его знает? Может, с ним засада какая пришла?

Урочище Зеленый Куст открылось сразу же за мелким, пересохшим в жаркое время года ручьем, черное русло которого тонуло в душных белых цветах. Дальше начиналась поляна, край которой цепляла ноттингамская дорога.

Робин остановил своих спутников, осторожно осмотрел окрестности, держа лук наготове, но ничего подозрительного не обнаружил. Все трое, озираясь, пересекли поляну и подкрались к двери харчевни.

— Ну, чего стоим? — сказал Робин. — Вперед!

Он толкнул дверь и остановился на пороге.

За столом действительно сидел богато одетый человек в черном и спокойно, без особенного, впрочем, аппетита, поглощал стряпню Мелисанды. Он сидел спиной к двери — не то от беспечности и глупости, не то от дурацкой самоуверенности.

Посетитель не мог видеть вошедших, однако перед ним на стене четко обрисовались их тени, и человек этот уверенно произнес:

— Здравствуй, Локсли.

На лице Робина мелькнуло удивление. Нахальство беловолосого норманна, сидевшего к нему спиной, неожиданно начало нравиться разбойнику. Он окинул эту спину оценивающим взглядом. Могучей, при всем желании, ее не назовешь. Посетитель, словно догадавшись, обернулся:

— Приглядываешь, куда лучше воткнуть нож, Робин?

Робин прищурился:

— А, да это же приятель нашего Хелота. Ты сильно возмужал, парень, с той поры, как Алькасар хотел перерезать тебе глотку.

— Я искал тебя, Робин, — смущенно отозвался Греттир. Он знал, что краснеет, и это ему совсем не нравилось. К тому же он не ожидал, что его сразу узнают.

Локсли уселся на скамью, поставил острые локти на стол. Монах и хозяйка, стоя в дверях, наблюдали эту мирную сцену.

— Вот видишь, Милли, все путем, — пробасил отец Тук и потащил ее по направлению к кухне.

— Так ведь они подерутся? — нерешительно спрашивала хозяйка, тщетно пытаясь вывернуться из цепких объятий святого отца.

— Подерутся, ох подерутся, — гудел бравый служитель церкви уже издалека. Донеслось приглушенное расстоянием взвизгивание Милли, которую, видимо, ущипнули.

Локсли сказал:

— Ну что, Греттир, побеседуем? Зачем явился?

— Ты, стало быть, помнишь даже мое имя?

Робин усмехнулся:

— Еще бы не помнить. Ведь это ради тебя Хелот провел с нами целый год... Не забыл?

— Будь я проклят, если забуду это.

Вошел хозяин с двумя кружками доброго эля и плюхнул их на стол. Пена качнулась, но не расплескалась. Робин кивнул.

— Твое здоровье, Тилли.

Хозяин улыбнулся и затопал прочь. Проводив его глазами, Робин повернулся к Греттиру:

— Как, будешь пить напиток грубых саксов?

— Почему бы и нет? — храбро ответил Греттир и потащил к себе кружку. «Я же обещал Бьенпенсанте не пить», — мелькнуло у него в голове.

— Так зачем ты сюда явился? — спросил Робин.

Сосуд с напитком грубых саксов на мгновение замер на полпути к цели.

— По делу, — ответил Греттир и спокойно глотнул. — Послушай, Локсли, мы с тобой, конечно, заклятые враги, но Хелот — он был моим другом. Он ушел из Ноттингама к вам, в лес. Я бы очень хотел его видеть...

Робин поставил свою кружку на стол и прищурился.

— Я тоже хотел бы его повидать, Греттир Датчанин.

— Что ты имеешь в виду?

— Хелот стал лесным стрелком не по своей воле. Мы все тут привязались к нему, полюбили его чудачества, его стихи. Кто из нас помнил, что он связал себя сроком всего на один год? Для нас тут год — это уже целая жизнь, прожил и радуйся, благодари Бога за явленное чудо. А он помнил. И когда год прошел...

— Хелот с вами распрощался? — Греттир не верил своим ушам.

— Ушел, — подтвердил Робин. — Честно говоря, я-то думал, что он ушел к тебе, в город. Он говорил мне, что считает тебя своим другом.

— Он так говорил? — переспросил ошарашенный Греттир.

Робин заметил за его спиной отца Тука, который воззрился на Греттира, целого и невредимого, с искренним удивлением. Серые глаза Робина вдруг заискрились, словно он предвидел нечто забавное.

— Сын мой, почему этот вражина еще жив? — загремел отец Тук возмущенно. — Мы с Милли уже отслужили по нему панихиду...

— Это не вражина, — ответил Робин, — а всего лишь друг нашего Хелота.

Отец Тук обошел стол кругом и уселся напротив Греттира.

— Ах, этот... норвег... Хелотище носился с ним как дурень с писаной торбой... Ладно, пусть дышит. — Он разочарованно махнул рукой. — Станный он был тип, наш Хелот, — добавил духовный отец после паузы. — И ненависти не признавал, и меня убедил в том же.

— Ты теперь тоже ее не признаешь?

Святой отец помотал головой:

— Не признаю. Только с позиций гуманизма. Только так.

— Хелот писал хорошие стихи, — задумчиво сказал Робин. — Нет, все-таки очень жаль, что он ушел.

— Куда же он мог деться? — спросил Греттир осторожно.

Локсли пожал плечами:

— Может, в Лангедок уехал?

За дверью трактира послышалась отчаянная возня. Кого-то явно не то тащили, не то не пушали. Робин поднял голову и звучно произнес:

— А ну прекратить!

— Робин! — взмолился пронзительный детский голос. — Скажи ей, чтоб открыла дверь!

— Не велено! — бубнила Милли. — Люди разговаривают, дело важное, а ты тут лезешь с пустяками...

— Кем не велено? — надрывался голос. — Ну скажи, кем? Робин!

— Милли,пусти его. Ты что, с ума сошла? — крикнул Робин через закрытую дверь.

В трактир ворвался рыжий сын вдовы. Он был неправдоподобно красен и дышал тяжело. За ним следом вошла и Милли и неодобрительно уставилась на мальчишку, распустив губы и скрестив на поясе руки, покрытые веснушками.

— Где?! — спросил мальчишка.

— Что «где»? — поинтересовался Робин.

— Куда дели? — уточнил рыжий.

— Скажи мне, Робин, что именно ты ожидал здесь увидеть? — спросил Локсли.

— Как это что... Хелот же вернулся! Я сам слышал, что вы тут с ним сидите и пьете... И вот я прибежал. А где Хелот?

— Это всего лишь я, — сказал Греттир.

Сын вдовы разочарованно скользнул по нему глазами.

— А говорили, что Хелот...

Он уселся рядом с Греттиром и покосился на него мрачно. Греттир улыбнулся ему, но мальчишка был занят совсем другими мыслями.

— Раз уж я зашел сюда, Милли, — вкрадчиво начал рыжий, — накормила бы ты меня?

— Тебя кормить — даром продукты переводить, — ответила матрона.

— Милли, душечка. Ведь ты могла бы быть моей бабушкой. Доброй бабулечкой.

Милли открыла рот, чтобы достойно ответить, но тут вмешался Локсли:

— И в самом деле, накорми его, Милли.

Хозяйка нехотя ушла на кухню, откуда донеслось гневное грохотание медной посуды. Робин-второй радостно сопел.

— Здорово ты ее, Робин.

— Мало тебя мать порет, — отозвался Локсли.

— Меня?! Я ее последняя отрада.

С небес упала миска бобов, сопровождаемая презрительным «ходят тут всякие». Рыжий притянул ее к себе обеими руками.

Греттир сидел молча, опираясь подбородком на ладонь, и смотрел. Среди этих людей жил Хелот, его друг, рыцарь до мозга костей. Что же общего могло быть у рыцаря с этим народом?

Отец Тук фамильярно облапил Греттира:

— Норвег, не сучай. Давай еще выпьем.

— Я датчанин, — машинально поправил Греттир.

Он все еще думал о своем.

— А где это — Дания? — спросил Робин-второй с набитым ртом.

Но тут в трактир ворвался Малютка Джон и осведомился громогласно:

— Ну, кого вешаем?

— Тебя, — сострил отец Тук и захохотал.

Джон грузно плюхнулся рядом с ним на лавку и допил вино из кружки духовного отца.

— А говорили, что поймали какого-то лазутчика и негодяя, — заметил он с явным разочарованием.

— Кто говорил? — спросил Локсли.

Джон пожал плечами:

— Люди...

— Ты опять все перепутал, Малютка, — сказал отец Тук. — Никаких лазутчиков нет в помине. Вот сидит вполне приличный датчанин, который полагал найти у нас Хелота.

— Ха! Чего захотел. Хелота сам черт теперь не найдет, — ответил на это Малютка Джон. — Куда его ветром понесло? Странствует... А еще был у него дружок из неверных — тот тоже пропал. Сгинул на соляных копиях, только и вспоминай. Хорошие они были ребята — вот что я вам скажу.

Отец Тук в тоске грохнул кулаком по столу:

— Погубили человека! Погубили! Это говорю вам я, ваш духовный наставник. И все мы виноваты в том, что он пропал. — Будучи уже в сильном подпитии, отец Тук вонзил толстый палец в бок Греттира: — А это что за гнус? А?

— Не гнус я тебе, — обиделся изрядно пьяный, но все еще гордый Греттир. — Сам вонючка.

— Это друг нашего Хелота, — объяснил Локсли. — Друг Хелота не может быть гнусом.

— Кто может быть гнусом, а кто не может — это вопрос философии. Я квадравиумов не заканчивал. Я на тривиуме сломался.

— Хелот был гуманист. С позиций гуманизма, только так.

— Что такое гуманизм, Тук?

— Откуда я знаю?

— Сплошные тайны, сплошные загадки — вот что я вам скажу.

— Нет, вы послушайте меня! Сэр Александр из Лангедока писал...

— Лангедок — это не в Англии.

— Еще раз плеснешь мимо кружки — руки оторву.

— Меня толкнули.

— «Забудьте колокольный звон и из трубы дымок...» Каково?

— Он был замечательный поэт...

— Почему «был»? Почему «был»?

- Он умер — вот почему.
- Сам ты умер. Он в Палестине.
- Он в Лангедоке.
- Ребята, датчанин упал.
- Он умер.

Над распростертым на полу Греттиром возникла чья-то веснушчатая физиономия. Блаженно улыбаясь, Греттир попытался встать, и вдруг на его лице появилась тревога. Заметно волнуясь, он заговорил:

— Скажи, Робин... скажи честно... Святая Касильда — неужели она не была девственницей?

Потом все исчезло.

Наутро Греттир взгромоздился на свою лошадь и, пожав руки лесным разбойникам, шагом двинулся в сторону Ноттингама.

— Если встретишь его, скажи нам, хорошо? — крикнул вслед Малютка Джон.

Локсли провожал Греттира глазами, пока тот не скрылся за поворотом лесной дороги.

Греттир же предвидел встречу с призраком прабабушки, и было ему тошно.

Когда он поднялся по лестнице своего дома, перемога боль в затылке, и вошел в спальню, он увидел Санту, сидящую в кресле. Покачивая тufелькой и склонив голову набок, она пристально смотрела на него. Совесть проснулась в Греттире и принялась его терзать.

— Вернулся, — сказала Санта почти ласково, — живой...

— Чуть живой, — уточнил Греттир.

Но Санта уже учуяла, в чем дело, и заметно разозлилась.

— Опять с похмелья. И где же это ты так набрался на сей раз?

— В лесу, — ответил Греттир. — Я пил с Робин Гудом.

Призрак поперхнулся и впервые за двести лет не нашелся, что ответить.

С корзинкой, полной еловых шишек, Дианора шла по болоту знакомой дорогой, направляясь к урочищу Дальшинская Чисть. Подол ее платья из грубой холстины вымок, в башмаках хлюпала болотная влага. Уже несколько недель она жила в доме отшельника. Гай пока что не приходил забрать ее, но девушка ни на минуту не сомневалась в том, что брату известно, где она скрывается. Молчание Гая было для нее куда страшнее, чем яростное вторжение. Дианора терзалась догадками: что затевает брат? Она не решалась признаваться в своих страхах святому Сульпицию — не хотела огорчать его попусту. Впрочем, отшельник и так почти обо всем догадывался.

Дианора свернула на старую гать. И в этот момент ей показалось, что за ней кто-то следит. Она огляделась по сторонам, но никого не заметила. Пожав плечами, сделала еще несколько шагов. И тут небо как будто слегка потемнело, хотя ни тучки не было видно. словно Бог взял да прищурился, а после вновь широко раскрыл глаза.

В кустах, слева от дороги, зашуршало. Похолодев, Дианора замерла, уставившись в эти кусты. Наконец, с трудом совладав с собой, выдохнула:

— Кто здесь?

Неизвестный подумал немного, а потом ответил низким голосом:

— Я.

То, что наблюдатель был, очевидно, всего лишь человеком, неожиданно успокоило ее. Она выпрямилась и крикнула:

— «Я» — это всего лишь слово.

— Более полного определения не подберешь, — возразил голос. — Я — это я. Точнее не скажешь. Все иное было бы уклонением от истины.

Затем из кустов выбрался человек. Был он высок ростом и худ как палка. И безобразен... Впрочем, нет, тут же поправила она себя, он просто странный. И чем больше всматривалась Дианора в это необычное

лицо с очень тонкими, неправильными чертами, тем красивее оно ей казалось. Незнакомец как будто хорошел на глазах.

Он отбросил со лба светлые волосы, падавшие неровными прядями. Один его глаз, золотисто-карий, смотрел прямо на девушку; второй, полускрытый припущенным веком, находился как бы в тени.

— А ты разве могла бы что-нибудь сказать о себе, кроме того, что ты — это ты? — полюбопытствовал он.

Неожиданно для самой себя Дианора улыбнулась.

— Конечно могла бы, — тут же ответила она.

— Отлично. — Незнакомец выбрался на тропинку и предложил ей руку. — Тогда начнем. Это будет нечто вроде турнира... У вас здесь бывают турниры? Ты удар — я удар. Ты будешь говорить о себе то, что хотела бы услышать от меня о себе. Посмотрим, будем ли мы после этого знать друг о друге хоть что-нибудь. Я лично не надеюсь даже на «кое-что», — добавил он, — не говоря уж о «чем-нибудь». Но посмотрим. Начинай.

— Мое имя Дианора, — сказала девушка.

— Красивое имя, хотя смысла в нем немного, — отозвался незнакомец. — Ты его заслужила?

— Мне дал его крестный, — с вызовом ответила девушка. — Ему лучше знать. Я-то была в ту пору неразумным дитятей.

— Значит, у вас дают имена людям, которые еще ничем себя не проявили? — Незнакомец задумался на секунду. — Станный обычай. Если в имени нет смысла, то и давать его нет смысла. А если смысл есть, он может отбросить тень на формирование личности... Странно, странно...

— Ты не сказал, как зовут тебя, — напомнила Дианора.

— А? — Незнакомец с трудом очнулся от задумчивости. — Ах да. Меня зовут Морган Мэган. Давай дальше, Дианора. Рассказывай о себе.

— Моя мать была рабыней, — сказала девушка и покосилась на своего спутника. Но Морган Мэган и ухом не повел.

— Ну, и что это доказывает? — поинтересовался он.
Дианора пожала плечами

— Собственно, ничего...

— Мне показалось, что ты ждешь от меня чего-то определенного. Я должен тебя жалеть или презирать за твою мать? Как у вас принято?

— И то и другое, — созналась Дианора. — Не будем больше об этом. Расскажи лучше о своей матери.

— Она считалась богиней, — заявил Морган Мэган, — хотя я склонен думать, что она была всего лишь полубогиней, да и то узко местного значения. Ее звали Боанн, и она жила в реке...

— Ты или безумен, Морган Мэган, или безбожен, — сказала Дианора, вырывая свою руку из руки незнакомца.

Он казался искренне удивленным.

— Почему, девушка? Я вовсе не безумен... Что же касается безбожия, то, милое дитя, откуда же мне знать, какие в этих землях боги?

— Господь един, и да простит Он тебе твои неразумные речи, — прошептала Дианора.

— Ты безнадежна, девушка. — Морган Мэган махнул рукой. — Лучше рассказывай о себе дальше. Что еще представляется тебе важным?

— Многое. Я крестница святого Сульпиция.

— А я колдун, но ведь и это ничего не объясняет.

Дианора побледнела. Когда Морган Мэган шагнул к ней, на ее лице показался ужас. Быстро пошарив под плащом, она извлекла из-за ворота крест и подняла его перед собой.

— А это что такое? — с любопытством спросил Морган Мэган, протягивая руку к крестику Дианоры. — Местный обычай?

— Аминь, рассыпсья, — немеющими губами выговорила она. — Сгинь...

Колдун преспокойно коснулся распятия тонкими пальцами. Дианора закрыла глаза, ожидая, что сейчас из маленького крестика вырвется молния и поразит нечистую силу. Однако ничего не произошло, и спустя несколько секунд она перевела дыхание. Встретив спо-

койный, немного удивленный взгляд колдуна, девушка тихо спросила:

— Так ты не от нечистого?

— Мне не вполне понятен смысл последнего слова, — признался Морган Мэган. — Если можешь, объясни.

— Колдуны все от нечистого. Что еще объяснять?

Морган Мэган покачал головой:

— Станные верования в вашей земле. Я колдун, значит, наделен Силой. Что значит «нечистый»? Табу? Я не понимаю. Спроси как-нибудь иначе, чтобы я понял.

— Ты добрый или злой?

Станный человек улыбнулся, и девушка увидела, что у него очень плохие зубы.

— Сила сама по себе не бывает доброй или злой, — ответил он. — Добрыми или злыми бывают лишь человеческие намерения. Но смертный чаще всего не может отличить одно от другого. Такое под силу лишь богам.

Дианора опустила голову. Этот странный разговор утомлял ее и сбивал с толку.

— Тогда скажи хотя бы, какие у тебя намерения, Морган Мэган.

— А никаких, — ответил колдун беспечно. — Я искал Путь между мирами. Я его нашел. А у вас что, так сильно боятся колдунов?

— У нас их сжигают на костре, — сказала Дианора мстительно.

Если она и ожидала увидеть, как Морган Мэган испугается, то была разочарована. Он лишь передернул острыми плечами.

— Очень глупо, — отрезал он. — Очень глупо и очень трусливо. Да и колдуны у вас, поди, все дрянь да мелочь.

Дианора боязливо смотрела на Моргана Мэгана. Наконец вымолвила:

— Расскажи еще о себе, Морган Мэган. Сколько тебе лет?

— Ты задаешь трудные вопросы, Дианора. По какому летоисчислению я должен тебе отвечать? Вашего

я не знаю, наше тебе не понятно. Да и позабыл я его. Болтаюсь по Пути с тех пор, как открыл его... — Он призадумался. — Да и откуда же мне помнить, сколько мне лет? Даже моя мать этого, я думаю, не помнит...

— Ты бессмертен?

— Понятия не имею.

Дианора вздохнула:

— Темны твои речи, Морган Мэган.

Колдун бросил на Дианору быстрый испытующий взгляд:

— Мне кажется, что ты испытываешь страх, Дианора. По-моему, у вас здесь жестокий мир, и тебя научили бояться.

Дианора решила посмотреть ему в глаза. Колдун взирал на нее с искренним участием, и она решила:

— Да, — сказала она. — Я боюсь. Я постоянно боюсь.

Колдун задрал подбородок, взглянул на небо.

— Ты знаешь, детка, тот мир, откуда я пришел, тоже жесток, — сказал он. — Я знаю, о чем говорю, потому что много лет проторчал на свинцовом руднике. Оставил там половину зубов. Одна язва на руке до сих пор гноится. Ищу вот, кто бы совершил чудо исцеления. — Он закатал рукав и показал повязку чуть ниже локтя.

— Что значит «твой мир»? — спросила Дианора, перекладывая тяжелую корзину в другую руку. — Да откуда же ты родом? Неужели из Кордобы?

— Еще один трудный вопрос. Если позволишь, Дианора, я возьму твою корзину. Руки у тебя устали, а разговор долгий.

Он взял корзину и повесил ее на сгиб локтя. Затем пошарил в мешочке, висевшем у него на поясе, и извлек оттуда несколько странных на вид плодов — размером с яблоко, но покрытых плотной кожицей темного цвета.

— Я прихватил это по дороге. Попробуй. Вроде вашего крыжовника.

Аппетитно чавкая сочной зеленой мякотью (Дианора от сомнительного угощения отказалась), колдун заговорил:

— На рудники меня отправили за злоупотребление Силой. Я не скрывал того, что колдую, так что когда я начудил, виновного искали недолго.

— А что ты сделал?

Он сморщил нос.

— Я ждал, что ты спросишь. По-моему, ничего особенного я не сделал. Подумаешь — всего-то прогнал за сутки сотню лет. Не во всем же городе, только в нашем квартале! Зато как интересно: утром город просыпается, а у нас три поколения сменилось... — Колдун потрянул неровно обрезанными прядями волос. — Словом, не сладко добывать свинцовую руду. Поверь мне, Дианора. И я затеял бежать. Да так, чтобы не сыскали.

Девушка неожиданно напряглась. Не замечая, насколько важным вдруг обернулся для нее разговор, Морган Мэган увлеченно продолжал:

— Удрать от стражи — еще полбеды. А вот где спрятаться? Я долго пыхтел над этим вопросом. Не дикий же я зверь, чтобы скитаться по дуплам и пещерам. Идти к матери? Нужен я ей больно, она же богиня. К тому же речная. Еще утопит, чего доброго. От Боанн всего можно ожидать. Высокомерная, злющая и вечно от нее пахнет рыбой и водорослями... Если же податься в город, то там меня сразу схватят. Нет, все это не подходило. И вот что я надумал, Дианора, пока катал свою тачку. — Морган Мэган понизил голос, как заправский заговорщик. — В книгах писали, да и сам я всегда был убежден в том, что боги — или Бог — в неизреченной мудрости своей сотворили не один лишь мир, полный людских несовершенств и бессмысленной жестокости, но великое множество. И та же божественная мудрость положила между мирами крепкие границы, дабы оградить слабых от соблазна.

Слабых — да, но слаб ли я? Так спросил я сам себя однажды ночью в вонючем бараке и посмотрел сперва на своего соседа слева — у него вырваны ноздри, а умом он немногим отличался от горного медведя; а после на соседа справа — тому выжгли каленым железом один глаз, после чего он повредился

в рассудке. Нет, сказал я себе, Морган Мэган не слаб. И если есть другие миры, я открою туда Путь.

Так я решил. И тогда я призвал свою Силу, чтобы снять с нас троих оковы. Мы выбрались на плац, где по утрам нас пересчитывают, а по вечерам одевают мисками с поганим пойлом. И там я сказал своим товарищам: «Много месяцев жили мы рядом и тянули одну лямку. Вы ни разу не спросили, кто я такой. Сегодня настало время сказать. Я Морган Мэган, колдун, и вся моя Сила со мной. Я уйду. Вы вольны идти со мной и вольны остаться».

Одноглазый сказал: «Я пойду с тобой, Морган Мэган». А тот, что без ноздрей, сказал: «Я останусь».

И я вызвал всех стражников, бывших при бараке, спящих и бодрствующих, и всех умертвил, а после отобрал у них мечи. Их было десятеро, а мне потребовалось одно-единственное слово. Такова была в те годы моя Сила.

И мы с моим спутником отправились в леса...

— Разве за вами не было погони? — спросила Дианора, слушавшая очень внимательно.

— Говорю же тебе, дитя, что мне удалось открыть Путь. — Морган Мэган развел руки в стороны. — Если есть заслон, должны быть и ворота. А коли есть замок, то подберется и ключ, к каждому замку свой.

— Говори яснее, — потребовала Дианора.

Колдун усмешливо покосился на нее:

— Неспроста твои расспросы, девушка. Я и так говорю яснее ясного. Свои первые ворота я открыл кровью. Я был тогда молод и шел путем жестокости, потому что ничему другому меня пока что не научили. На первом же привале я убил своего спутника и вонзил в его распростертое тело все десять мечей, один за другим. И с каждым новым ударом звезды на небе надо мной меняли свое расположение, а когда в бесильную плоть вошел последний меч, я услышал плеск воды. Гор и леса как не бывало. Я сидел на берегу великой реки, и безымянной была она в тот час. Так открылись первые врата, и я вошел в молодой мир,

где еще не было имен и не было людей. Для этого мира я был богом...

Дианора с отвращением и страхом отшатнулась от колдуна.

— Замолчи! — проговорила она, задыхаясь, и вырвала у него свою корзинку. — Ты богохульствуешь! Я ненавижу тебя! Убийца!

Морган Мэган, Открыватель Пути, озадаченно смотрел вслед убегающей девушке. Он ничего не понял.

Когда Гарсеран из Наварры удостоил Греттира приглашением на дружеский ужин в компании валлийской знаменитости, молодой человек не нашел в себе силы отказаться. Напрасно Бьенпенсанта метала громы и молнии, взывая к совести Греттира и напоминая ему об обещании не пить, тем более с паршивцем Гарсераном. Напрасно взывал призрак прабабушки к семейной гордости.

— Может быть, этот Гури не такой уж противный? — сказал Греттир, слабо оправдываясь.

Призрак утратил прозрачность и замерцал ядовито-желтым светом.

— Как бы не так! Гури, может быть, и не противный, зато твой Гарсеран — настоящая пивная бочка без стыда и совести.

— Я помню, как Хелот рассказывал о подвигах Гури Длинноволосого, — задумчиво проговорил Греттир, надевая красивую рубашку с разрезами на рукавах. — Не может быть, чтобы Хелот ошибался. Он говорил, что Гури — великий герой и знакомство с ним — честь для любого рыцаря.

— Хелот голодранец и бродяга, — отрезала Бьенпенсанта.

— Он странствующий рыцарь, — возразил Греттир, но прабабушку это не убедило.

— Одно и то же, — сказала она. — Что бродяжить, что странствовать. Суть от этого не меняется.

Но Греттир уже спускался по лестнице.

Узенькое ущелье, именуемое улицей Кружевниц, привело его в знакомый всем ноттингамским пьяницам

Столярный переулоч. Юному датчанину эта местность была хорошо известна.

— Вот так встреча! — донеслось до Греттира из недр переулоча.

Поскольку подобные возгласы раздавались здесь постоянно, юноша не придавал этому никакого значения. Однако спустя мгновение вздрогнул и остановился возле обшарпанной стены кабака, игриво названного «Блудница Мария». Навстречу Греттиру мчался, простирая руки, хромя и натываясь на прохожих, валлийский рыцарь Гури Длинноволосый. Он был еще безобразнее, чем вспоминался Греттиру.

— А мы с вами, кажется, встречались на турнире, сэр? — вопил он своим пронзительным голосом, перекрывая уличный шум. — Помните, когда я поколотил этого верзилу? Ха-ха! Он, кстати, славный малый, только любит приврать. А я видел вас у шерифа, сэр! А вы меня помните, сэр?

— Разумеется, — сдержанно ответил Греттир, когда Гури подлетел к нему поближе.

Валлиец был невысок ростом, но все же повыше Греттира, который еще продолжал расти. Лицо его, изуродованное шрамом, беспокойно дергалось, Гури суетился и вообще производил крайне неприятное впечатление.

— Представьте себе, сэр, — сказал Гури, повисая на локте Греттира всей тяжестью. — А я тут заблудился! Это даже смешно!..

— Ведь вы идете к Гарсерану Наваррскому? — уточнил Греттир.

Гури энергично закивал головой, размахивая длинными белыми волосами.

— В этом проклятом городе, сэр, невозможно узнать дорогу у местного населения, — громко говорил он, не смущаясь тем, что упомянутое население превосходно слышит все его разглагольствования. — Все либо безнадёжные тупицы, либо отпетые негодяи. И никто не желает помочь попавшему в беду чужеземцу!

— В какую беду? — не понял Греттир.

Гури крепче уцепился за его локоть.

— А что я заблудился! — объяснил он и визгливо захохотал.

Датчанина передернуло, как будто он услышал скрежет ножа по тарелке.

— А сами-то вы знаете дорогу, сэр? — с внезапной тревогой спросил валлиец. И вдруг выпустил Греттира из своих костлявых объятий, забежал вперед него на дорогу и остановился так внезапно, что Греттир налетел на Гури и наступил ему на ногу. Гури, проделавший этот сложный маневр исключительно для того, чтобы заглянуть своему спутнику в лицо, сиял как медный грош. — Меня осенила гениальная идея, сэр! — вскричал он. — Давайте проникнем к Гарсерану через черный ход! Вы еще никогда не ходили через черный ход? Ведь это совершенно новое ощущение, черт побери! Я всегда ищу новых ощущений. А вы нет, сэр?

Греттир растерянно моргал. Острый палец Гури уперся в его грудь.

— Вы совершаете колоссальную ошибку, сэр! — заявил валлиец. — Давайте испытаем. Вот Гарсеран-то удивится! Он будет думать, что это какой-нибудь трубочист пришел, а это мы!

И, хихикнув, Гури снова повис у датчанина на локте. Греттир потащил его на себе по узким улочкам Ноттингам. Многие были уже замощены, и там запрядалось выливать из окон помой, что весьма украшало Ноттингам. Когда впереди замаячила улица Кружевниц, юноша почувствовал такое облегчение, что радость перекрыла даже его отвращение к развязному валлийцу.

— Видите эту дверь, сэр? — спросил Греттир.

Валлиец вытянул шею, поморгал и мотнул головой. Неопрятные волосы взметнулись и опали на плечи.

— Неважно, — вздохнул Греттир. — Дверь существует, и мы в нее войдем.

Гарсеран, ожидавший гостей, которые по непонятным причинам опаздывали к маленькому дружескому ужину, дал себе честное слово не напиваться до их прихода и теперь отчаянно боролся с собой. Неизвест-

но, чем бы завершилась эта борьба, если бы внезапно до него не донеслась странная возня у черного хода. Кухарка с раздраженным криком «А я говорю, что плотника не вызывали!» отказывалась отпирать дверь, но кто-то настырный продолжал грохотать дверным кольцом, призывая себе на помощь всех духов ада и преисподней.

Гарсеран спустился вниз. Вспотевшая, багровая от негодования кухарка гневно указала ему на дверь.

— Извольте сами убедиться, господин, — сказала она, приседая и тяжело дыша. — Ломятся и ломятся. Никакого почтения к благородному дому. Не иначе, бандиты.

— Эй! — возмущенно загредел Гарсеран. — Какого черта тебе нужно, мерзавец?

Услышав проклятье из уст господина, кухарка втихую осенила себя крестным знамением.

За дверью кто-то восторженно захихикал и негромко проговорил, обращаясь ко второму громиле: «Я же вам говорил, что ощущения будут что надо!»

— Я сверну тебе шею, скотина! — рявкнул Гарсеран и, отстранив кухарку, распахнул дверь настежь.

Он оказался лицом к лицу с Гури Длинноволосым, который расплылся в счастливой детской улыбке и радостно простер к нему руки. Гарсеран застыл в недоумении.

— Вы поражены, сэр? — возопил Гури. — Вы никак не ожидали? А это мы с Греттиром, славным Греттиром Датчанином! Представьте себе, сэр, я заблудился в вашем Ноттингаме! Если бы не этот отважный юноша, я сгинул бы в недрах... нет, лучше сказать, во чреве этого города!

И Гури расхохотался, запрокинув голову и дергая кадыком.

— Боже мой, — растерянно произнес Гарсеран. — А я тут жду вас, жду... Проходите, господа. Какая незадача... Вы должны простить меня, но я никак не мог предположить...

— О, напротив, — возразил Гури, фамильярно хлопая Гарсерана по плечу. — Напротив, мы с сэром Греттиром так повеселились, так повеселились...

Глядя на унылую физиономию Греттира, в справедливость последнего утверждения верилось с трудом. Но Гарсеран не утруждал себя взглядами на унылую физиономию Греттира. Он был счастлив принимать у себя в доме валлийскую знаменитость.

Все трое вошли через черный ход, причем Гури вломился одновременно с Гарсераном, зацепился за косяк и отдал Гартсерану ногу своим тяжелым сапогом. Гартсеран тихо взвыл.

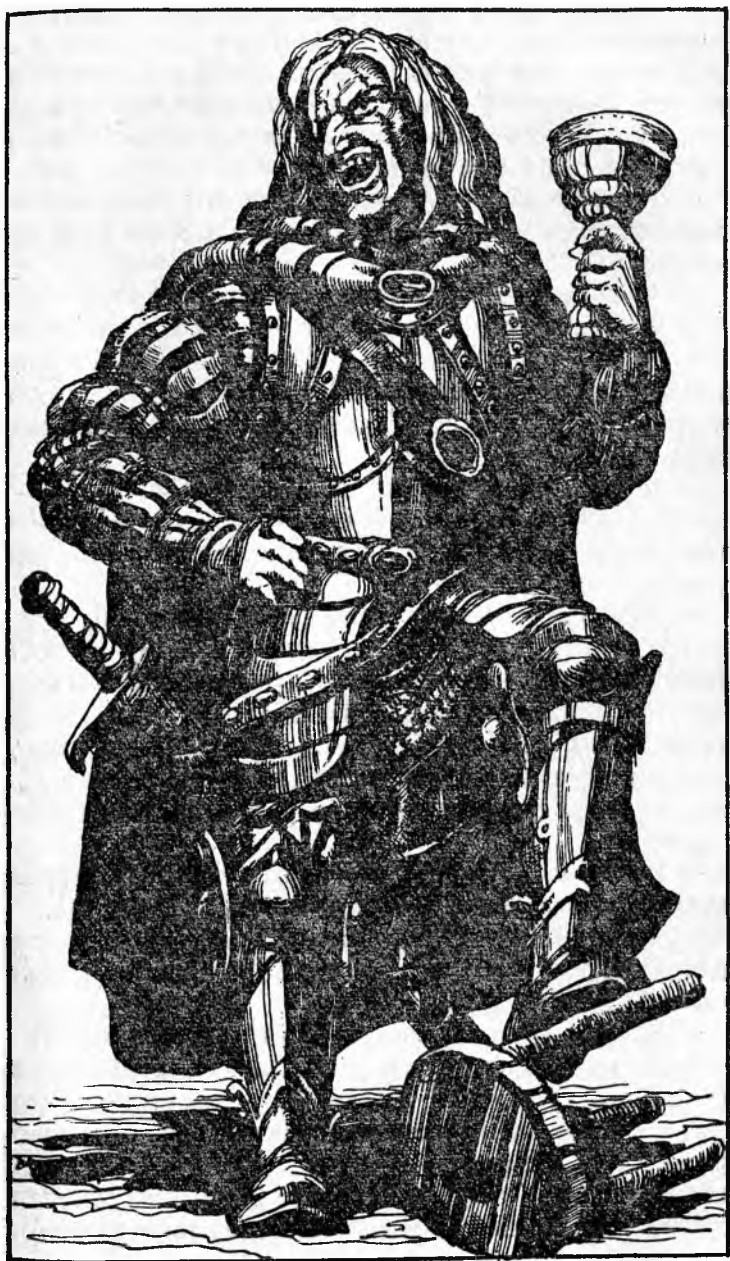
Несмотря на эти мелкие неприятности, ужин вполне удался. Хозяин дома и валлиец в разное время участвовали в походах на Восток, и Греттир Датчанин, обожавший рыцарские истории, получил возможность послушать их воспоминания об этих славных деньках. Его, правда, коробили манеры Длинноволосого, но если отвлечься от манер, то Гури был вполне терпим.

Они сидели за столом в комнате, освещенной четырьмя факелами, и беседовали, пока языки не начали заплетаться. Впрочем, беседой назвать это было трудно, поскольку основную тяжесть разговора отважно взял на себя болтун Гури Длинноволосый. То гладко и ровно, то запинаясь, как бы с трудом подбирая английские слова, то на чистом ноттингамширском диалекте, то с чудовищным валлийским акцентом Гури зудел, зудел, зудел...

— Обожаю новые впечатления, — говорил он, раскачиваясь на стуле. Греттиру все время казалось, что валлиец вот-вот рухнет, и это страшно нервировало впечатлительного юнца. — Я уже имел честь доложить сэру Греттиру из Дании, что нет ничего замечательнее неизведанного прежде.

— Чем же новым может поразить Ноттингам? — осведомился Гартсеран. — Мне казалось, что город этот скучен, тривиален и ничем не блещет, кроме, разве что, нескольких отважных рыцарей и цветника прелестных дам. Впрочем, в дамах нигде нет недостатка.

— Вот именно, сэр, вот именно! — подхватил Гури и с сопением выпил вино из своего кубка. Отставив

кубок в сторону, он неожиданно заорал: — Еще вина! Слуги!!

Греттир вздрогнул и поперхнулся. Он кашлял до тех пор, пока Гури услужливо не похлопал его по спине, после чего у юноши загудел позвоночник, а из глаз сами собой брызнули слезы.

— Говорят, сэр, — снова обратился к Длинноволосому Гарсеран, — что вчера вас видели возле Голубой Башни...

— И что я творил там непотребства? — Гури мелко захихикал, затряс длинными волосами и макнул в вино непослушную прядь. — Да? Ведь именно так вам донесли? Ах, сэр, скажу откровенно: до чего же трудно, до чего хлопотно быть знаменитостью! Как тяготит порою бремя славы!

— О да, — значительно кивнул Гарсеран.

Гури бросил на него странный взгляд, но тут же отвел глаза и вновь заговорил еще более визгливо, чем прежде.

— И ничего особенного, поверьте, я не делал. Слухи, как водится, все преувеличили. Да, таков жребий героев! Я прогуливался с очаровательной леди Марион. Кажется, ее зовут Марион. Красавица, в теле, хохо-тушка — и какое целомудрие, высокочтимые сэры, какое потрясающее целомудрие! Сия превосходная девица оказала мне любезность и составила компанию в прогулке...

— Не после ли этой прогулки на теле леди Марион остались синяки, сэр? — лукаво спросил Гарсеран.

— Синяки? НА ТЕЛЕ? Откуда вам знать, сэр, что находится на теле такой девственной леди, какой является...

— О, не поймите превратно. Леди Марион показывала их леди Джен, а та рассказала мне, ибо мы с ней давние друзья...

Гарсеран многозначительно усмехнулся. Гури покраснел как вареный рак, причем шрам на его лице стал еще белее, чем был. Греттир мысленно отметил эту странность, но тут же выбросил ее из головы. Не

хватало еще ломать голову над странностями этого придурочного Гури. Как будто своих забот мало.

— Сэр Гарсеран, — начал Гури зловеще, — как прикажете понимать ваши слова? Леди была, есть и осталась девственной, если вы об этом. И я ее не щипал, если вы об этом. Все, что она наплела вашей леди Джен, — чушь и глупость. Просто леди Марион застряла, когда мы лезли с ней через забор в Дровяном переулке, и мне пришлось подталкивать ее сзади...

— Зачем вы лезли через забор? — ошеломленно спросил Гарсеран.

Гури посмотрел ему в глаза с непередаваемым лукавством, а потом разразился лающим хохотом.

— За новыми ощущениями, сэр! — крикнул он. — А потом мы направились к Голубой Башне, где пус-товали колодки для наказанных, и я всунул голову и руки в колодки. Забавно посмотреть на мир сквозь орудие пытки, знаете. Вы никогда не пробовали, сэр?

Теперь поперхнулся Гарсеран.

— Вы хотите сказать, сэр, что стояли в колодках на потеху толпы?

— Я хочу сказать только то, что говорю, — если я правильно выразился по-английски, сэр... — ответил Гури с гнусавым валлийским акцентом. — Словом, как вы понимаете, — масса впечатлений, сэр. Нужно только уметь их найти среди серого течения будней. Конечно, куда интереснее махать мечом, но — увы, увы, увы, не каждый день предоставляется возможность...

— Говорят, вы много и отважно сражались на Востоке, — вставил Греттир, чтобы перевести разговор на другие, более интересные темы.

Гури тотчас впился в юношу взглядом.

— О, любознательность есть добродетель молодого возраста, а рассказы о деяниях героев возбуждают воинский дух в каждой груди, не так ли? — Гури усмехнулся. — Да, сэр, славные деяния крестового воинства...

Слуга как раз наливал ему вино в рассеянно подставленный кубок. Гури неожиданно взбрела в голову

идея вдохновенно взмахнуть рукой, в результате чего и сам он, и слуга, и пол — все вокруг было залито вином. Возникла суматоха. Слуга побелел как полотно, — валлийский рыцарь, известный своей кровожадностью, был вооружен изрядным кинжалом. Несчастный лакей умоляюще уставился на своего господина. Не обращая на это внимания, Гарсеран вскочил и начал шумно успокаивать Гури — тот возмущался неловкостью слуг, брызгал слюной и размахивал руками, как ветряная мельница. Две служанки, примчавшиеся на крик, уже обтирали его полотенцами — одна ползала у ног Гури, вторая суежилась возле плеча.

Наконец инцидент был исчерпан, вино налито, Гури успокоен и усажен на место. Пофыркав еще немного, валлиец стих и сердито налег на вино.

— Вам доводилось бывать у крепости Алеппо? — спросил Гарсеран, чтобы занять внимание валлийца.

— А? Э? Алеппо? — Гури высунул нос из бокала и снова погрузил его туда. — Не припоминаю.

— Она стоит недалеко от границ Антиохийского княжества и графства Эдессы, — напомнил Гарсеран.

— Я не был в Эдессе, — сказал Гури. — Я... э... не занимался торговлей с Востоком. Мы, знаете ли, прошили по нему огнем и мечом... Да, огнем и мечом во славу Божью. Аминь.

— Торговать выгоднее, чем воевать, — заметил Гарсеран.

Гури поднял палец, испачканный в соусе.

— Но воевать интереснее, — сказал он, после чего облизал палец. — Погодите-ка, сэр... Алеппо... Не та ли это крепость, что носит название Халеб? У меня, кстати, была рабыня, которую звали Халеб. Славная девушка. Я потом обменял ее на хорошую лошадь.

Греттира передернуло. Вспоминая рассказы Хелота о знаменитом валлийце, юноша никак не мог поверить, что эта вульгарная личность и есть тот самый известный подвигами Гури, Имеющий-Волосы-Как-Поводья. Впрочем, тогда валлиец был помоложе. Может

быть, испытания, перенесенные им, сделали его столь циничным и грубым.

Между тем, Гури продолжал с набитым ртом:

— Да, я помню знаменитую цитадель Халерб. Ее называли женским именем и облекли покровом юной девы, хотя я, убей Бог, не понимаю, что это означает. Не раз склонялась она перед победителем, не раз блистала, как невеста, отвоеванная мечом Ибн-Хамдана... Цитадель эту называют еще аш-шахба, что значит «серая». Стены венчает множество теснящихся друг к другу башен. Внутри крепости есть два колодца с хорошей водой. В толще стен скрыты великолепные чертоги с узкими оконцами...

Греттиру казалось, что он уже где-то читал подобное же описание какой-то из восточных крепостей. Но пронзительный, въедающийся в уши голос не давал сосредоточиться, не позволял вспомнить, и в конце концов Греттир сдался и просто представил себе эти серые стены среди бесконечных песков... Счастливцев Гури, он побывал там, ему доводилось отстаивать там мечом слово Божье.

— Ненавижу неверных, — сказал Гарсеран. — Ах, сэр Гури, что за народ! Вы говорите об этом Ибн-Хамдане так, словно он вызывает вашу симпатию...

— Да нет, какая уж тут симпатия, — отозвался Гури. — Убил бы гада... Да он уж сто лет как помер.

— Ненавижу, — повторил Гарсеран. — Вот вам пример. Во время похода у меня погиб оруженосец. Дело привычное, погиб и погиб. Меня и самого могли... — Он сделал страшные глаза.

Гури замахал рукой, в которой сжимал ножку индейки. Несколько жирных капель попали на белоснежную рубашку хозяина дома. Гарсеран вздрогнул так, словно это были капли раскаленного свинца, который защитники осаждаемой крепости имеют обыкновение лить со стен на штурмующих.

— Ох, не говорите, сэр, не говорите! — завопил Гури и вдруг подавился. Он долго кашлял, плевался индейкой на пол, обтирал рот и тяжело переводил

дыхание. — На войне всякое может быть. Даже самое ужасное.

— Ну вот, — продолжал Гарсеран. — Вы понимаете, господа, что благородному человеку всяко необходима прислуга. Хотя бы сапоги вечером снять, не говоря уж об остальном.

— Разумеется, — вставил Гури, хотя Греттир втайне подозревал, что валлиец-то как раз ни в какой прислуге не нуждается.

— Что делает в таком случае цивилизованный человек? — задал риторический вопрос Гарсеран из Наварры.

— Идет на рынок, — тут же ответил Гури Длинноволосый, — чтобы купить раба.

— Правильно. Что я и сделал. Купил по дешевке какого-то сарацина. Они же там еще между собой воюют, разногласия у них какие-то, вот и продают лишних, чтобы с пленными не возиться. И что же? Почти сразу же выяснилось, что мне всучили негодный товар.

— Какие негодяи! — поддакнул Гури, но как-то совсем тихо.

— А потом эта тварь ухитрилась бежать. И вот что удивительно, господа: он бежал уже здесь, в Англии!

— Не может быть! — вскричал Гури. — Каков болван! Да ведь в Англии решительно негде спрятаться, в натуре! Здесь все рыжие...

Гарсеран печально покачал головой:

— Это отдельный рассказ, сэр. Вы, должно быть, уже слышали, что Шервудские леса кишат разбойниками. А им все равно, рыжий или не рыжий, лишь бы был безбожник и злодей...

— Невероятно, — сказал Гури и чуть не упал со стула. Слуги едва успели его подхватить.

— Увы, это правда. К счастью, злоумышленник был вовремя изловлен. Героем этого события можно считать сэра Греттира. Благодаря ему...

Гури уставил на Греттира свои странные темные глаза, и юноше стало не по себе. Слишком уж тяжелым был взгляд у валлийца. Спустя несколько секунд

Гури усмехнулся, дернул перекошенным ртом и снова принялся пить.

— Благодаря отважному сэру Греттиру это чудовище было схвачено и препровождено туда, где ему самое место, — на соляные копи.

— Ба! — вскричал Гури. — Соляные копи! Стало быть, Ноттингамшир — богатое графство, а? У вас тут, я погляжу, соль добывают. И выгодно ли ее продавать?

— Разумеется, — снисходительно улыбнулся Гарсеран. — Еще как выгодно. Однако сами копи считаются собственностью города Ноттингам...

— Стало быть, управляет ими шериф, — заключил Гури. — Что ж, неплохо придумано. Рыцарский кодекс рыцарским кодексом, но ведь и кушать хочется, не так ли? — Он мерзко хихикнул.

Греттир поглядывал на Длинноволосого с искренним отвращением. Крайне утомительный тип. «Если он будет мне надоедать, — внезапно подумал Греттир с оттенком мстительного чувства, — я натравлю на него лесную братию. Пусть Робин Гуд с ним разбирается».

Он чувствовал какое-то беспокойство, словно оставил на неопределенное будущее очень важный вопрос.

Между тем Гарсеран уже пустился в правдивые рассказы о своей героической борьбе с лесными разбойниками. Гури, развалившись в кресле с кубком в руках, слушал, склонив голову набок и опустив глаза.

— Вообразите себе, сэра, — вкусно звучал в полупустом зале низкий, хорошо поставленный голос красавца Гарсерана, — и тут я выхватываю свой двуручный меч и поражаю сразу семерых бандитов! За шесть минут с плеч слетело шесть голов! Оставшиеся корчатся на земле и умоляют о пощаде...

Трудно было усомниться в правдивости этого рассказа, глядя в мужественное лицо красавца Гарсерана. Однако Гури Длинноволосый внезапно поднял на него глаза, и Гарсеран смутился и начал врать, вдаваясь в совершенно излишние подробности. А валинец все молчал и не опускал глаз, и это принуждало наваррского героя изобретать все новые и новые под-

робности своей истории. Наконец, к великому облегчению вконец запутавшегося Гарсерана, Гури отвел глаза в сторону.

К Греттиру была обращена та сторона лица валлийца, которую не пересекал уродливый рубец, и неожиданно что-то в этом лице показалось Греттиру странным. Но он не успел понять, что именно, потому что Длинноволосый разразился хриплым хохотом, оборвал его, чтобы поковырять в зубах пальцем, а потом с громким чавканьем допил свое вино.

— Жуткая история, в натуре, — заявил он и хватил кубком по столу, оставив вмятину на гладкой крышке стола. — А не пойти ли нам повеселиться, господа? Я жажду новых ощущений!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Дианора ставила на стол глиняные плошки, когда в окно скромного отшельничьего дома постучали. Девушка вздрогнула и бросила на отца Сульпиция умоляющий взгляд.

— Это не Гай, — сказал отшельник. — Не бойся, Дианора.

— А я не боюсь, — храбро ответила она и направилась к двери, чтобы открыть ее. На крыльце маячила чья-то длинная тощая фигура. Сперва Дианоре показалось, что это кто-то из лесных стрелков явился за помощью — люди Локсли часто обращались к святому с просьбой залечить рану или исповедать умирающего, если тот не вполне полагался на святость отца Тука. Но через мгновение она поняла, что ошиблась, и, отступив на шаг, тихо вскрикнула:

— Морган Мэган!

— Ты меня знаешь, девушка? — Пришелец казался удивленным. — У меня нет друзей в этом мире, как нет и врагов.

— Я Дианора, — сказала она. — Что тебе нужно в святом месте, колдун?

— Впусти меня, — попросил Морган Мэган. — Я не знаю, что значит «святое место» и почему мне нельзя войти на порог, если я замерз и голоден и готов хорошо заплатить за ночлег и ужин.

Дианора посторонилась.

— Входи, — сказала она. — Место это свято, ибо здесь обитает отшельник, человек, посвятивший себя Богу, размышлениям и добрым делам. Денег за ночлег и ужин он не возьмет, ибо Божья милость сама по себе великая награда. Что же касается того, что ты, колдун, можешь осквернить...

— Стоп, — оборвал ее Морган Мэган. — Я буду вести себя пайнкой, Дианора, обещаю тебе.

— Ты нечист сам по себе, — возразила она. — Что бы ты ни сделал, как бы себя ни вел, во всяком твоём деянии будет скверна.

— Ты узколобая фанатичка, — сказал Морган Мэган.

Кряхтя, святой Сульпиций поднялся со своего места и направился к выходу.

— Проходи в дом, добрый человек, если ты замерз и голоден, — приветливо сказал отшельник. — Если девица сия показалась тебе излишне суровой, то прости ее: она добродетельна и не прощает другим, если те, по ее мнению, недостаточно добрые христиане. Это от молодости и невинности.

Дианора вспыхнула.

— Отец Сульпиций, вы не знаете, кто он, — сказала она.

Морган Мэган вошел в дом и поежился.

— А вечера у вас здесь довольно свежие, — заметил он и с любопытством огляделся по сторонам. Простой, чистый дом, видимо, понравился ему, а отшельник, разглядывавший пришельца с веселым любопытством, был удостоен почтительного поклона. Морган Мэган кланяться не умел, но проделал это чрезвычайно старательно и едва не своротил с поставца горшок с рассадой.

Подхватив горшок, отшельник проворчал:

— Пожалуйте в трапезную.

Дианора поставила на стол третью плошку. Морган Мэган повертел ее в руках, понюхал тушеную фасоль, потыкал в нее пальцем, после чего принялся есть, хватая еду зубами из миски, как животное. Дианора, красная от возмущения, отвернулась. Отшельник долго сдерживал смех и наконец расхохотался так, что слезы потекли по его щекам. Морган Мэган поднял лицо и, встретив взгляд святого, застенчиво улыбнулся.

— Простите, — сказал колдун. — Я не знаю ваших обычаев, о чем уже сообщал суровой и добродетельной девице по имени Дианора, которая так негодует на меня. Я голоден. Не знаю, как у вас принято вкушать подобную пищу...

— Ничего страшного. — Отшельник махнул рукой. — Какие только дикари тут не обедали и не ужинали... Я же отшельник, служитель Господа. Моя дверь должна быть открытой для каждого.

— Замечательный обычай, — одобрил Морган Мэган. — А чудеса вы творить умеете?

Святой Сульпиций пожал плечами:

— Я стараюсь это делать по мере возможности.

— Понимаете... — Морган Мэган обтер лицо и придвинулся поближе к отшельнику. — У меня на руке гноится язва, не к столу будь сказано. До сих пор гноится. Я пытался ее вылечить, добрался даже до Урд... Вы знаете, что такое Урд?

Отшельник покачал головой:

— Мои познания, сын мой, весьма скудны и ограничены, и чем дольше я живу, тем больше убеждаюсь в этом.

Морган Мэган пошевелил бровями, а потом пояснил:

— Это источник Судьбы. Там сидят три перезрелые девки-Норны и прядут нити Судеб. Чаще всего препоганейше прядут, между нами говоря, скручивают нити кое-как, свивают через пень-колоду. Так и тянут — в узлах, в комках... Все криво, косо, смотреть тошно. Их и замуж-то потому никто из нормальных богов не берет, а ненормальные боги — кому они нужны? Они даже Норнам не нужны. Надоест им с такой загубленной нитью возиться — возьмут да и оборвут. Совершенно не думают о том, что это всякий раз чья-то

жизнь обрывается. Безответственные, ленивые, глупые девки. Ну, я пришел туда со своей раной. Они, конечно, обрадовались моему появлению. Еще бы, можно покамест не работать, языки почесать. Думали, наверное, что я свататься пришел. Морды умильные скроили, неряхи. Я и говорю: так и так, девицы прекрасные, ранка на руке у меня уже столетий пять как гноится, нельзя ли залечить. Говорят, если прополоскать в источнике Судьбы, то само затянется. Они сразу взъелись: и работать-то я им помешал, и источник Урд не для того, чтобы его всякий беглый каторжник грязнил своими ранами... Словом, выгнали меня. Так вот и хвораю до сих пор, ищу чудотворца...

Святой Сульпиций почесал подбородок:

— Насчет чуда не могу сказать, а кое-какими травками пользую... Покажи, дружок, что там у тебя загноилось, а я пока подумаю.

Морган Мэган размотал повязку и продемонстрировал язву. Святой Сульпиций осмотрел ее, осторожно коснулся пальцем покрасневшей кожи, окружавшей нагноение, поскреб лысинку.

— Погоди заматывать, я схожу погляжу, чем тут можно помочь.

И ушел в погреб, где хранил свои мази и настойки. Морган Мэган сел, откинувшись к стене, и прикрыл глаза. Дианора заметила вдруг, что бродячий колдун выглядит очень уставшим. Интересно, сколько ему все-таки лет? Ему можно было дать от тридцати до сорока. Вздыхнув, девушка поднялась и стала собирать со стола. Морган Мэган даже не пошевелился.

Отшельник вернулся с двумя коробками в руках.

— Сейчас посмотрим, — пробормотал он. — Положи-ка локоть на стол, я тебе смажу одним составом, сам разработал...

Он аккуратно наложил мазь ровным слоем. Морган Мэган взвыл от боли и широко раскрыл глаза.

— Ты что, чудотворец, с ума сошел? — закричал он, дергая рукой, в попытке вырвать ее из цепкой хватки святого. — Что я тебе сделал плохого? Я ничего здесь не осквернил, как опасалась благородная

девица! Я был учтив и благонравен! Да если бы меня сейчас видели мои сограждане, не говоря уж о моем начальстве с рудника, они бы умылись светлыми слезами, такой я хороший! Ай, как больно...

Он хлюпнул носом и замолчал. Отец Сульпиций стянул повязку на ране и усмехнулся.

— Я давно уже заметил, что хуже всех переносят боль такие лихие парни, как ты, Морган Мэган, — сказал он. — А вот всякие хворые да сырые — у тех терпения на двоих, если не на троих.

— Я не хворый, — сквозь зубы проворчал Морган Мэган. — Я Морган Мэган, сын богини. Она родила меня и бросила на берегу реки, а колдунья Фад воспитала и дала образование. Ох, как жжет...

— Терпи, — сказал святой Сульпиций. — Рассказывай дальше. Где ты вырос?

— Ай... я вырос в городе и жил там, покуда не нашалил больше, чем следует, и не попал на каторгу. Оттуда я бежал... Нельзя ли сделать так, чтобы не жгло? Ты меня как будто в очаг рукой сунул, святой Сульпиций.

— Нельзя, — твердо сказал отшельник. — Терпи.

— Клянусь моей матерью, богиней Боанн... Я бежал с каторги и открыл Путь. Я открыл Путь между мирами. Ты понимаешь меня, отшельник? Я Морган Мэган, Открыватель Пути. А ты меня пытаешь...

— Ты трусишка и хлюпик, — сказал отшельник. — Другие и не такую боль выдерживали. Говори, говори, не думай о своей руке. Скоро боль уляжется.

— Скорей бы уж. Твоя благонравная девица Дианора повстречала меня на болоте, но чего-то испугалась и убежала. Славная девица. Я не знаю обычаев, святой Сульпиций. Ты поправляй меня, если я невежлив. Это не по грубости, клянусь.

— Расскажи о Пути, — попросил отшельник. — В одной еретической книге я читал о множественности миров, но никогда не думал, что можно попасть из одного мира в другой.

— Я рад, что тебе известно хотя бы малое, — сказал Морган Мэган, криво улыбаясь. — Другие не

понимают вообще ничего и просто пугаются. Да, миров множество, и это становится понятно, хоть и не сразу, особенно когда сталкиваешься с богами. Впрочем, я уже слышал, что здесь лишь один Бог и с ним очень сложно встретиться.

— Да, похоже на истину, — согласился отшельник.

— Я нашел множество способов открывать врата между мирами, — сказал колдун, — а главное, усвоил одну истину. Есть множество ключей для каждых ворот, но существует Ключ Ключей. Назовем его отмычкой.

— Говори, говори.

— Так вот, чтобы завладеть им, нужно научиться отказывать себе в самом желанном. Предположим, у тебя есть заветная цель. Так?

— Так, — подтвердил отшельник.

— Хорошо. Ты стремишься к ней, идешь сквозь все преграды, ломаешь любое сопротивление, в том числе и себя самого. И когда ты достигнешь ее, когда останется лишь протянуть руку и взять... Откажись. Не воспользуйся. И тогда тебе откроются врата. Есть и другие пути, но этот — главный. Нельзя зачерпнуть воду сжатыми руками. Раскрой ладони, и тогда в них войдет вода... вода великой реки Адунн.

Он устало прикрыл глаза.

— Я хочу спать, — пробормотал он. — Позволь мне переночевать в твоём доме, святой Сульпиций. Я могу спать на полу, на пороге — где у вас принято? После свинцового рудника любой камень покажется мне мягким.

— Идем. — Отшельник помог ему подняться и проводил в комнату, где обычно останавливались на ночлег знатные рыцари и лесные разбойники — все те, кого vyhаживал по доброте своей маленький святой с болота Дальшинская Чисть.

— ...Адунн — так я назвал поток, на берегу которого очнулся после того, как десятый меч вошел в тело жертвы. Кровь поврежденного умом каторжника с выжженным глазом и язвами, разевшими руки до

костей, текла и текла и светлела с каждым мгновением, и вскоре не стало уже ни трупов, ни мечей — один лишь бесконечный равнинный поток под новыми звездами в новом мире, — рассказывал Морган Мэган, сидя на крыльце возле святого Сульпиция.

Отшельник слушал не перебивая, ибо это была не первая в его жизни странная исповедь, полная жутких, подчас чудовищных признаний.

Белые облака собирались над лесом, болото парило. Отшельник поглядывал на зеленые кочки и думал о том, что нынче осенью уродится много клюквы, а если Бог даст, то и брусники.

— И я пошел по берегу великой реки, — продолжал Морган Мэган. — И мне понадобилось много лет и много скитаний, чтобы понять: Адунн — это всякая река, и если идти по берегу — с умом, конечно, идти, а не шляться нога за ногу, — то в один прекрасный миг озарения перед тобой откроются врата, и ты окажешься в новом мире... Потому я и говорю, что моя Адунн — великая река. Она во всех водах, и все воды — в ней...

А отшельник все думал и думал о своем. Гай Гисборн сейчас слишком занят: народные волнения, турниры, женитьба сэра Гарсерана на леди Джен, которая неожиданно получила большое наследство. Вряд ли брат Дианоры появится на болоте в ближайшее время. Но рано или поздно он придет. О том, чтобы отдать этому человеку Дианору, отшельник и думать не хотел. Гай пугал его приступами необузданной злобы. Да и сама Дианора была создана для лучшей участи.

Чудаковатый незнакомец с его рассказами о дороге между мирами и о великой реке Адунн нравился святому. Рана на руке у него заживала хорошо, хотя никаких чудес явлено не было. Морган Мэган норовил объявить святого Сульпиция магом и колдуном, однако отшельник решительно отрекся.

— Я просто святой, — заявил он, — а творить чудеса — моя работа.

Морган Мэган смирился и сейчас послушно тешил своего спасителя поучительной беседой. Отшельник размышлял. Наконец он прервал словоизлияния Мэгана вопросом:

— Скажи, Морган Мэган, мог бы ты опять открыть ворота и отправить в безопасное место мою Дианору?

— Открыть ворота — дело нехитрое, — ответил Морган Мэган. — И для этого не обязательно всякий раз проливать кровь. Но какое место ты считаешь безопасным для такой девушки, как Дианора?

— Не знаю... — Отшельник покачал головой. — Зло царит везде, и я не вижу способа избавиться от его власти.

— Расскажи, — жадно попросил Морган Мэган. — Я много думал о Зле, но так ничего и не понял. Мне говорили: «Ты злой», и я соглашался. Мне говорили: «Ты не злой», и я не находил возражений. Сам-то я не хотел ни добра, ни зла и даже не думал об этом. Я просто шел своим Путем, а люди потом подбирали названия для моих поступков.

— Зло... — Отшельник немного подумал. — Мне всегда казалось, что Зло существует независимо от нас. В нашем мире существует огромный его сгусток. Оно висит над головами, как грозовая туча. Мы ненавидим друг друга и не понимаем почему. У нас нет сил сопротивляться его давлению. Темные, беспомощные, жалкие, мы бредем во мраке неведения. В этой темноте мы натыкаемся друг на друга, нечаянно раним, нечаянно убиваем, совершаем бессмысленные жестокости. Как освободиться от власти этого Зла? Только верой Христовой, да у кого она есть...

— Ты говоришь страшные вещи, отшельник.

— Не страшнее, чем то, что ты совершил, Морган Мэган. Мне думается, все миры одинаково жестоки. И вряд ли можно найти убежище для Дианоры.

— Так-то это так, но в одних мирах твоя Дианора будет просто незащищенной девушкой, а вот в других... Тебе не приходило в голову, отшельник, что она не похожа на человека?

Святой Сульпиций поперхнулся:

— О чем ты говоришь, Мэган? Что значит «не похожа на человека»? А на кого она, по-твоему, похожа?

— В свое время и в других мирах я встречал эльфов, обитателей холмов, и они были точь-в-точь как она. Пойми правильно, — Морган Мэган провел пятерней по своему худому лицу, — схожи не цветом волос и не разрезом глаз, — выражением лица, складкой губ, молчанием, взглядом... В ней что-то есть от Древнего Народа, поверь. Может быть, в жилах ее матери текла кровь жителей холмов.

Святой Сульпиций покачал головой и подумал о том, что ведет святотатственные разговоры.

— Да нет, Морган Мэган, ты ошибаешься. Ее мать была...

— Да, Дианора говорила. Но какое это имеет значение? Я говорю о древности крови.

— Откуда же взяться древней крови?

— Кто знает... Скажи, здесь жили другие боги, прежде чем появился этот ваш единый Бог, в которого вы все дружно верите?

Святой кивнул.

— Мне не положено в них верить, — добавил он нехотя, — но я знаю, что они живы и до сих пор. Некоторые люди умеют их видеть.

— Так я и знал. Боги ведь тоже бродяжничают по мирам. Я мог бы отправить ее в такой мир, где она была бы богиней, — задумчиво сказал Морган Мэган. — Позови ее, пусть скажет, что думает об этом.

— Сиди, — остановил колдуна отшельник. — Не говори ей ничего. Я возьму грех на свою душу и приму решение за нее.

— Почему? — Приспущенное веко Моргана Мэгана поднялось, и два глаза, с трудом съехавшись к переносице, уставились в лицо святого.

— Потому что она откажется от любой помощи. Она не захочет оставлять в этих мирах одного человека, который, боюсь, уже погиб.

— Любовь?

— Боюсь, что да.

Морган Мэган хищно подобрался:

— Кто такой?

— Лесной разбойник, иноверец, очень добродетельный и благовоспитанный молодой человек, — сказал святой Сульпиций убежденно. — Достойный юноша. К несчастью, его схватили и отправили на соляные копи...

К великому удивлению святого, Морган Мэган откинул голову назад и оглушительно захохотал.

— Теперь я понимаю, почему ее так интересовал мой побег со свинцового рудника! — пояснил он, немного успокоившись. — Я так и знал, что это неспроста. Нормальная девушка пришла бы в ужас, узнав, что разговаривает с беглым каторжником, а эта, стоило мне обмолвиться о руднике, уставилась мне в рот, будто я пророк какой-нибудь...

— Мой вопрос о вратах остается в силе, — напомнил отшельник.

— Если не секрет, какая опасность угрожает ей здесь?

— В моем доме — никакой, но у Дианоры есть хозяин. Он может прийти сюда и забрать ее. Если она не пойдет по доброй воле, он уведет ее силой, и никто не сможет вступиться.

— Ужасно, — скривился Морган Мэган и потянулся, подставляя лицо солнышку. — Ладно, я подумаю, что можно сделать...

Гай Гисборн и Греттир Датчанин целенаправленно напивались в трактире «Казни египетские». Не так уж часто выдавался у Гая свободный вечер, который он мог бы провести в компании младшего друга. Теперь оба они, расположившись возле самого очага под картиной, изображающей Бернарда Клервосского, потягивали вино и наслаждались тишиной и покоем. В трактире в этот час было безлюдно. Редкие посетители, обнаружив здесь грозного Гая, считали за лучшее немедленно скрыться из виду. Непонятливых брал на себя хозяин трактира, который хоть и терпел на этом значительные убытки, но зато был уверен, что не произойдет убийства, драки или поджога.

Был уже поздний вечер. Оба приятеля слышали, как закрывают городские ворота. Донеслись протяжные голоса стражников — караул сменился. Скоро через улицы протянутся заслоны и город погрузится в безмолвие ночи.

От размышлений Греттира отвлек голос Гая.

— Не пей больше, — сказал он. — Тебе сегодня заступать в караул.

Греттир омрачился.

— Помню, — отозвался он.

— Не пей, — повторил Гай.

В этот момент тишину трактира пререзал визгливый голос Гури Длинноволосого, который квартировал здесь на втором этаже, заняв лучшие апартаменты. Он призывал хозяина и отчаянно ругался по-валлийски.

Собутельники переглянулись в глубокой тоске, но бежать было поздно. Последние полчаса перед ночным караулом будут отравлены присутствием этого надоедливого типа, а когда друзьям придется расстаться, неизвестно, к кому из двоих прилипнет валлийский герой. Во всяком случае, кто-то из них обречен на его невыносимое общество.

Кошмарный Гури был не один. Вцепившись мертвой хваткой в плечо своего спутника, Гури безжалостно тащил его за собой по лестнице. Тот тихонько упирался и, опустив лохматую голову, смотрел себе под ноги.

— Ах! Вот это радость! Друзья мои! — визгливо закричал Гури, увидев две мрачные физиономии за столом под святым Бернардом.

В ответ физиономии приняли откровенно погребальное выражение. Гури расцвел своей кривой улыбкой и, хромая, подбежал к ним, волоча за собой чахлого белобрысого подростка.

— Добрый вечер, дорогие сэры! — рявкнул Гури. — Вы что, не слышите меня?

— Отнюдь, — сказал Гай с ненавистью. — Мы вас очень хорошо слышим. Может быть, даже лучше, чем следовало бы.

Ничуть не смущаясь холодностью приема, Гури плюхнулся на скамью напротив Гая и, перекрутившись всем телом, заорал в пустое пространство трактира:

— Хозяин, черт тебя дери! Принеси пожрать, в натуре!

Хозяин появился почти мгновенно с огромным блюдом на вытянутых руках. Гури облизнулся и причмокнул.

— Пахнет неплохо, — сообщил он, засовывая голову под крыло печеной утки, которую ему подали.

Греттир отвернулся, чтоб только не видеть этого. Но, отвернувшись, он встретился глазами с перепуганным белокрысым парнишкой, одетым в черт знает какие лохмотья. К тому же на шее у того болтался ошейник, а через лицо тянулась красная полоса от плетки. Мальчик в ужасе таращился на изуродованного в сражениях валлийца. Казалось, от страха ребенок не может двинуться с места.

Гури с хрустом оторвал от утки жирную ножку и поманил мальчика пальцем.

— Эй, как тебя, — сказал он голосом менее противным, чем обычно. — Иди сюда. Иди, не бойся.

Мальчик осторожно подошел. Гури сунул ему в руку кусок утки.

— И ступай куда-нибудь в угол, — велел он, — подальше с глаз моих. Господи, какой ублюдок!

Длинноволосый откинул со лба челку рукой, перепачканной утиным жиром, и одарил своих собеседников радостным взглядом.

— Представьте себе, господа, — начал он, хихикнув, — иду я сегодня по улицам, ищу новых впечатлений. Вы же знаете, как это важно для меня. И такая, право, скука! Я совсем уж было задумал зарубить несколько простолюдинов или вызвать кого-нибудь из благородных господ на честный бой, как вдруг встречаю сэра Гарсерана.

— Какая приятная неожиданность! — сказал Гай.

— Этот доблестный воин сразу понял, что я томлюсь и терзаюсь и вот-вот совершу нечто самоубийст-

венное, — ничуть не смущаясь, продолжал Гури, жуя и брызгая слюной. — Он предложил мне нечто новое и повел в Дровяной переулочек. Масса впечатлений!

— Вы посетили эти трущобы? — удивился Гай, которого уже тошнило от постоянных скандалов, происходивших в Дровяном переулочке и Соляном тупике.

Там останавливались на ночь те, кого отправляли на соляные копи, там вечно гостевали наемники, а также околачивались безземельные крестьяне, еще не выбравшие себе стезю: то ли разбойничать, то ли податься в солдаты; там не было проходу от изгнанных за нерадивость подмастерьев, бродячих школяров и прочего сброда. Чуть ли не каждый вечер добропорядочные граждане вопили к городским властям и умоляли их установить там порядок.

— Ну да, я был там! — вскричал Длинноволосяй. — Столько интересного! Столько поучительного! Я ужасный транжира и мот, — добавил Гури с обезоруживающей откровенностью. — Эту рыцарскую доблесть, к сожалению, я освоил еще в юности... Но я — жалкий дилетант по сравнению с одним моим предком. Да будет вам известно, милорды, что, когда моего предка обвинили в скупердяйстве, он, дабы опровергнуть сей гнусный навет, собственноручно засеял целое поле золотыми монетами... Смерды, наблюдавшие за этим доблестным поступком, немедленно набросились на поле тучей саранчи. Ну, передрались, разумеется, зарезали человек пятнадцать, зато остальные набили кошельки. Неправедливое обвинение было с моего предка снято. После этого пять поколений не могли купить себе приличной лошади...

— Весьма поучительно, — сказал Греттир и, подумав о Гарсеране, хмыкнул: наваррец наклонился бы даже за медным грошом — не мог не поднять своего, не говоря уж о чужом.

— Стало быть, о чем я? А, о расточительности. Купил мальчишку, потратил кучу денег... Как справедливо заметил сэр Гарсеран, благородному господину необходима хотя бы какая-то прислуга.

— Бог мой, но не такая же, — сказал Гай.

— Да? — Гури искренне удивился. — А чем плох? И достался дешево. Эй, ты! — позвал он.

Из темного угла выступила тощая фигурка.

— Ближе! — приказал Гури.

Белобрысый подошел к самому столу и медленно зажмурился, изнемогая от страха. Гури с шумным вздохом откинулся к стене.

— Сирые мы и убогие, горести гложут нас многие, — констатировал он. — Ничего, я его немножко откормлю, немножко поколочу — вот и будет то, что надо. Как тебя зовут, несчастный?

— Тэм Гили, — был ответ.

— В другой раз получишь по шее, если не будешь добавлять «сэр», — обещал Гури. — Ты разговариваешь с благородным лордом, щенок, а не с каким-нибудь болваном из конвоя, которому и без «сэра» сойдет.

— Да, сэр, — прошептал мальчик. Судя по его лицу можно было подумать, что он сейчас потеряет сознание.

— Вот и ладно, — смиловившись Гури. — Гили, говоришь, твое имя? Ты не валлиец?

— Я... нет, сэр.

— «Гили» — значит «слуга вождя», — сказал Гай. Гури немедленно вонзился в него взглядом.

— Вот видите, а вы говорили, что из него не получится сносной прислуги, — торжествуя закричал валлиец. — А вы говорили! Да у него небось все предки были в услужении у благородных господ! Кровь, господа, кровь и происхождение — это всё! Кровь! — выкрикнул он еще раз, и Тэм Гили содрогнулся, услышав, с каким удовольствием его господин произносит это слово. А Гури неожиданно успокоился и снова перевел свой тяжелый взгляд на мальчика. — Откуда ты родом, Тэм Гили?

— С Кочковой Ляги... сэр.

Гури запрокинул голову и расхохотался. Греттир с ненавистью смотрел на его горло.

— Как? Как ты сказал, Тэм? С какой Ляги?

Тэм Гили почувствовал, что у него немеют руки, и прошептал:

— Кочковая...

Гури вытер слезы, выступившие на его глазах от смеха, и строго посмотрел на мальчика. Тэм был близок к обмороку.

— Ладно, ступай вон.

Тэм с видимым облегчением удрал в свой темный угол.

— Ну и народ, — проворчал Гури, вновь наваливаясь на печеную утку. — Ляга какая-то... кошмар. Дикари-с. — Он плеснул себе вина. — И вы спросите меня, господа, — продолжал он, хотя господа были далеки от подобных поползновений, — почему это хилое дитя оказалось в Дровяном переулке? Вообразите! — Гури фыркнул, брызнув утиным жиром. — Это существо — опасный мятежник! Его гнали на соляные копи.

— Эта деревня уничтожена после того, как там подавили опасный бунт, — спокойно сказал Гай, отодвигаясь подальше от Гури. — Для меня это не новость, сэр.

Гури с откровенным любопытством посмотрел на Гая:

— И много деревень здесь вот так уничтожается?

Гай кивнул.

— Вероятно, вы слышали о мятеже во Владыкиной Горе, — добавил он. — Впрочем, вам это, должно быть, неинтересно...

— Напротив! — решительно возразил Гури, поставив локти на стол и зарываясь ими в тарелку. — Но разве это не необоснованные слухи?

— Слухи? — не выдержал Греттир. — Хороши слухи! Я был там, когда... — Он прикусил язык, но было поздно: Гури вцепился в него мертвой хваткой.

— Вы были там во время мятежа? Клянусь кишками святого Бернарда! Святые угодники! Я ведь никогда еще не участвовал в настоящем мятеже, а это, — Гури доверительно склонился к уху Греттира, — это становится модным, мой юный друг. Решительно модным! И если я не поучаствую хотя бы в самом захудаленьком восстании, это ляжет пятном

позора на мою репутацию... — Внезапно, отшатнувшись, валлиец посмотрел на Греттира с недоверием. — Но позвольте! Позвольте, сэр! Для участия в подобном деле необходимо мужество! Безоглядное мужество! Вперед! Ура! — Он ударил по столу кулаком, и полуобглоданная утка подскочила на своем блюде. — Я, как человек, несомненно, им обладающий, позволю себе усомниться, что вы...

Греттир в волнении вытянулся:

— Что? Что вы сказали, сэр?

Длинноволосый успокаивающе похлопал его по плечу.

— О, ничего особенного, дорогой сэр. Возможно, я неудачно выразил свои мысли по-английски...

— Я был там, — мрачно повторил Греттир. — Я стоял и смотрел. И сэр Гай был там. Мы все, все... Они ложились лицом в грязь, а солдаты убивали их. Отвратительное зрелище, сэр...

Он уронил лицо на стол и заплакал.

Гури поерзал на скамье, устраиваясь поудобнее. Из угла на него с нескрываемым страхом смотрел Тэм Гили.

— Ну и зря, сэр Гай, — сказал наконец Гури и почесал жирным пальцем ухо. — Напрасно вы, в натуре, столько народу положили. Они еще послужили бы вашей веселой Англии. Ох, до чего она веселая, ваша Англия, обхохочешься!

Гай поднялся. Часы на ратуше пробили полночь.

— Господа, — произнес Гисборн сдержанно, — я вынужден расстаться с вами, несмотря на приятность компании и легкость выпивки. Мне пора в караул.

Он пожал Длинноволосому руку и чересчур твердой походкой направился к выходу. Гури с непонятной нежностью посмотрел на страдальческое лицо Греттира, лежащего щекой на столе. Во сне губы юноши вздрагивали. Гури отвернулся и негромко позвал:

— Тэм Гили!

Мальчик выбрался из своего угла.

— Сбегай к хозяину и скажи, чтобы помог этому господину. Его необходимо освежить и отправить домой.

Тэм убежал. Гури облокотился на стол и о чем-то тяжело задумался. За его спиной возник хозяин. Гури поднялся, демонстративно бросил на стол золотой.

— Позаботься об этом высокородном лорде, — распорядился он и, оскалившись, добавил омерзительным голосом: — А то я сам о тебе, в натуре, позабочусь.

Гури двинулся по лестнице на второй этаж к своим апартаментам, прихватив по дороге за шиворот окончательно запутанного Тэма с Кочковой Ляги.

Ночью Ноттингам, как и все обычные европейские города, ошетикивался перегородками, воротами, заборами и наводнялся большим количеством стражников, призванных охранять покой честного обывателя. Честный же обыватель, чувствуя постоянную заботу о своем благе, не вылезал по вечерам из дома и сидел в тепле и уюте. И то верно: зачем по глупости шастать по улицам?

Один только Гури Длинноволосый, обитавший на втором этаже трактира «Казни египетские», казался чем-то недовольным. Сидя в кресле, он мрачно грыз ногти. Тэм Гили, забившись в угол, старался не привлекать к себе внимания, но в конце концов у мальчика затекли ноги, и он пошевелился. Этого легкого звука оказалось достаточно, чтобы тяжелый взор валлийца остановился на мальчике. Тэм снова замер, но было уже поздно.

— Поди-ка сюда, — сказал ему Гури.

Тэм подошел и втянул голову в плечи, явно ожидая оплеухи. Гури подцепил своим железным пальцем ошейник Тэма, на котором было написано название обители святого Себастьяна. Ошейник болтался на гущей шее и успел уже натереть ее в двух местах. Лево́й рукой Гури пошарил у себя на поясе и из какого-то потайного кармана вытащил предмет, с точки зрения Тэма, устрашающий. Во всяком случае, мальчик содрогнулся, увидев его так близко от своей шеи. Гури Длинноволосый, не обратив на это ни малейшего внимания, зашаркал по ошейнику, довольно быстро перепилил его и, разогнув, снял.

Тэм ощутил у себя на плечах его тяжелые руки. Голос валлийца прозвучал куда более мягко, чем раньше.

— Ну что, — сказал он, — ты все еще меня боишься?

С полуоткрытым ртом Тэм посмотрел в изуродованное шрамами лицо и едва заметно кивнул. Гури уловил этот жест.

— Ладно. — Гури вздохнул и вновь откинулся в кресле. — Скажи мне, Тэм с Кочковой Ляги, есть ли у тебя родные?

Мальчик прикусил губы и не ответил. Гури легонько толкнул его в бок ногой.

— Отвечай, малыш, когда тебя спрашивают. Нехорошо отмалчиваться. Я все-таки твой господин. Может, мне лучше отправить тебя к твоим близким?

— Мои близкие утонули в болоте, сэр, — тихо сказал Тэм. — Если вам угодно утопить меня, то... — он замаялся и поспешно добавил: — Сэр.

— А твоя мать? Она тоже погибла в болоте? — настойчиво спросил Гури.

Тэм в ужасе перекрестился.

— Лучше не вспоминать, какой была ее смерть, сэр, — сказал он еле слышно.

— Братья, сестры? — не отставал мучитель. — Отвечай! — Он снова подтолкнул Тэма ногой.

— У меня был брат, — с трудом сказал Тэм и взмолился: — Пожалуйста, сэр!

— Я жду, — безжалостно напомнил Гури, накручивая на палец длинную белую прядь. — Я задал вопрос и жду на него ответа. Что стало с твоим братом, Тэм Гили?

Слезы сами собой потекли по грязному лицу Тэма. Он прижал ладони ко рту и впился в палец зубами, чтобы не разреветься. Гури смотрел на него с непонятым выражением: не то сочувственно, не то брезгливо.

— Мой брат был младше меня на два года или около того, — выговорил наконец Тэм. — Нашу деревню сожгли, а нас загнали в болото. Мать утонула... Мы с братом потерялись и долго плутали по лесу, а

потом выбрались на большую дорогу. Он умер от голода, сэр. Мне повезло, меня схватили стражники. Они дали мне хлеба, а потом заковали в цепи, сэр.

— Ты знаешь, куда тебя вели? — спросил Гури после долгой паузы.

— Да... они говорили про соляные копи.

— Тебе было страшно?

Тэм замялся. Гури вдруг хихикнул и улыбнулся своей неприятной улыбкой.

— Ты думаешь, что соляные копи — это лучше, чем такой господин, как я?

Тэм сжался и стиснул пальцы в кулаки. Гури тихонько вздохнул, словно от усталости, встал и, сильно хромя, прошел через комнату, как будто совершенно позабыв о Тэме. Он раскрыл свой дорожный сундук и принялся рыться в нем. Вскоре в Тэма полетела необъятная рубашка из тонкого полотна. Не оборачиваясь, Гури сказал:

— Наденешь вот это, а твои лохмотья — в печку! Завтра подберу тебе что-нибудь поприличнее.

Он расстелил на плоской крышке сундука несколько теплых плащей и обернулся. Тэм все еще стоял посреди комнаты в недоумении, прижимая к себе рубаху.

— В чем дело? — осведомился Гури. — Неужели я так плохо говорю по-английски?

Полумертвый от страха перед Гури и не видя рядом никого, кто бы помог, кроме того же Гури, Тэм внезапно бросился к нему, вцепился в одежду валлийца и отчаянно зарыдал.

Гури провел рукой по растрепанным соломенным волосам, а потом отстранил от себя всхлипывающего Тэма и, не обращая на него больше никакого внимания, бросился на свою кровать. Через минуту Гури уже спал, натянув на голову одеяло, сшитое из желтых козьих шкур.

Полуденное солнце припекало лысинку святого Сульпиция, когда отшельник поднялся на холм, опираясь на руку долговязого Моргана Мэгана. Странная

это была парочка: низкорослый отшельник, облаченный по всем правилам в рубище, и чудаковатый колдун из чужих миров в заплатанном плаще. Оба стояли неподвижно и всматривались в заливные луга, принадлежавшие обителю святого Себастьяна. Трава уродилась хорошая: Мэгану по пояс, а отшельнику едва ли не до плеча. Еще не косили. Одурающе пахли цветы, воздух гудел от насекомых.

— Где она? — Морган Мэган шептал, хотя рядом на несколько миль никого не было.

— Вон. — Отшельник указал на маленькую фигурку, теряющуюся среди трав и цветов. — В низине.

Морган Мэган вытянул шею и прищурил здоровый глаз.

— А, вижу... Красивая девушка твоя Дианора.

— Ты уверен, что не причинишь ей вреда? — спросил отшельник.

— Разумеется. — Морган Мэган взглянул на святого с искренним удивлением. — Я видел только добро и от нее, и от тебя. Как же я могу даже помыслить о том, чтобы навредить вам?

Отшельник пожал плечами.

— По неведению, по неумению... — нехотя пояснил он.

— Ерунда. Совсем маленькое колдовство, неоднократно испытанное на себе и других. Обыкновенные врата. Я называю их «Радуга». Мне не раз случалось открывать их. Не следует опасаться того, что доказало свою безопасность.

Он хмыкнул, потешаясь от души над высокопарностью своих слов.

За поясом у колдуна были чаши. Десять глиняных чаш, вылепленных им за долгие часы бесед с отшельником.

Как только стало ясно, что рука у Мэгана заживает, он воспрял духом и предложил святому Сульпицию открыть врата, если это необходимо для спасения Дианоры. Несмотря на просьбы поторопиться, Мэган не спешил, работал тщательно. Он долго подбирал нужную глину, для чего обошел все окрестности. Затем

принялся изготавливать сосуды, делая это неумело, но с великим старанием. Несколько дней десять корявых чаш сохли. По утрам колдун выставлял их на солнышко, а вечером заботливо убирал, оберегая от ночной прохлады. Потом раскрашивал в семь цветов.

Святой Сульпиций, уверенный в том, что ему и без того не замолить своих грехов во веки вечные, решил положиться на добрую волю колдуна и не препятствовал ему творить чары. Морган Мэган даже не подозревал о том, какую страшную борьбу выдержал христианский подвижник с самим собой и своей совестью, когда позволил колдуну делать все, что тот сочтет нужным.

И вот сейчас Морган Мэган вынимал чаши из-за пояса одну за другой и медленным, точным движением руки отправлял их вверх. Они не падали — одна за другой повисали над горизонтом, постепенно складываясь в радугу. Святой Сульпиций, раскрыв рот, следил за магом. А тот больше никого и ничего не замечал. Сосредоточенный, спокойный, он видел только десять чаш, слившихся одна с другой. Разноцветные полосы окрасили синее небо, в котором не было ни облачка. Дуга уперлась в цветущий луг и преградила путь Дианоре.

Девушка остановилась, подняла голову. На мгновение святому Сульпицию страстно захотелось, чтобы она заподозрила неладное и повернула назад, прочь от этих прекрасных ворот в другие миры. Но спустя несколько секунд он увидел, что Дианора подхватила длинное платье обеими руками и медленно пошла навстречу радуге. Высокие травы сплетались вокруг нее, мешали идти — они словно хотели задержать ее. Какое-то время, глядя девушке вслед, отшельник думал, что колдовство не удалось. Но вот Дианора сделала еще шаг — и пропала. Ее больше не было.

«Может быть, она упала? Может быть, ее скрыли травы?» — в смятении подумал отшельник. Но Морган Мэган, прочитавший его мысли, слегка улыбнулся и покачал головой.

— Она ушла, твоя дочь, — сказал он. — Ушла в тот край, где высокие деревья. Там ей будет хорошо. — Его тонкое бледное лицо затуманилось грустью. — Край, где высокие деревья... — повторил он. — Давно я там не был. Там другое время. Там до сих пор жив Древний Народ... ах, как там чудесно... — Он прищурился и протянул руки к небу.

Радуга распалась. В небе вновь стали видны десять чаш, но сейчас они поражали великолепной правильностью формы, как будто их изготовила рука мастера. Тонкостенные сосуды из редчайшего, драгоценнейшего фарфора светились, озаренные солнечным светом. Но они излучали и свой собственный свет. Каждая полоска из семи цветов радуги горела и переливалась. Мэган тихо вздохнул от восторга, а потом развел руки в стороны, и две чаши, самые крайние, влетели в его раскрытые ладони. Святой Сульпиций увидел, что они опять превратились в грубо вылепленные глиняные поделки. Колдун сунул их за пояс и вновь простер руки. Он разбирал радугу так, как древние язычники снимали после священной ночи украшения с дуба, посвященного божеству. И вскоре все десять были за поясом Моргана Мэгана. И все стало на залильном лугу по-прежнему, и только Дианоры не было больше в этом цветущем летнем мире. Отшельник провел рукой по лицу и вдруг с удивлением понял, что оно залито слезами.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

В конце июня Греттир Датчанин бросил пить. Город Ноттингам остался равнодушен к очередному повороту в судьбе этого молодого человека. Результатом же такого решения стало усугубившееся одиночество юноши. Гай Гисборн напивался без него. Трезвый же Гай околачивался в казармах или отсыпался. Сэр Гарсеран был поглощен предстоящей женитьбой на леди Джен. Леди Марлон оставила грешный мир и

отправилась в монастырь, к великому огорчению леди Ровзны, которая разом лишилась всех своих подруг.

Греттир слонялся без дела по Ноттингаму и предавался самой изощренной чернухе. Мир казался ему обиталищем враждебных сил, прошлое — насмешкой, будущее — черной дырой, полной ядовитых шипов, настоящее — издевательством. И не было рядом никого, кто объяснил бы ему, что все эти ужасы пройдут вместе с тем мрачным периодом жизни, имя которому — «Пятнадцать лет».

Наконец Греттир сдался, и ноги сами понесли его в сторону «Казней египетских». Однако не успел он переступить порог этого заведения, как его охватило жгучее раскаяние. Словно в отместку за нарушение обета, судьба немедленно столкнула его нос к носу с Гури Длинноволосым.

Валлиец сидел под изображением святого Бернарда, благословляющего крестовое воинство. Он положил ноги на стол и изучающе смотрел на какой-то документ, оттопырив нижнюю губу. Не успел Греттир непроизвольно метнуться к выходу, как зоркие глаза знаменитости уже зацепили его, а кривой рот валлийца расплылся в улыбке.

— Мой юный друг! — вскричал Гури, делая ему знак садиться рядом. Греттир тихо застонал, но бежать было поздно. Гури убрал ноги со стола и заботливо дунул на крышку там, где они только что лежали. Ругая себя за податливость, юноша принял приглашение.

— Я бросил пить, сэр, — предупредил он.

Станный взгляд валлийца насторожил его, однако Гури тотчас поспешил заверить:

— Я по утрам тоже не пью, сэр.

Он задрал голову, и пустой по случаю раннего утра трактир огласился его пронзительным воплем, обращенным к слуге:

— Тэм!!!

Не успело отзвенеть последнее эхо, как по лестнице, грохоча деревянными башмаками, сбежало то самое полупрозрачное замученное существо, которое Греттир

однажды имел случай наблюдать. Впрочем, существо стало намного менее прозрачным и запуганным. Не оборачиваясь к слуге, Гури отрывисто спросил:

— Завтракал?

— Да, сэр.

— Лошадь для меня, — распорядился Гури.

— Вы куда-то отправляетесь, сэр? — с затаенной надеждой спросил Греттир.

— Угадали. — Гури мерзко хихикнул.

— И куда же, если не секрет?

— Не секрет. Я еду с инспекцией на соляные копи.

Греттир вздрогнул:

— Куда?

— Ага, ага, испугались! — закричал Гури, фамильярно тыча в Греттира пальцем. — Конечно, вы же у нас бунтарь известный! Участник мятежа, ха-ха!

Соляные копи, принадлежавшие городу Ноттингаму и отданные под отеческий присмотр городских властей во главе с шерифом, находились в пяти часах езды на хорошей лошади от ворот святого Лаврентия.

— А вы знаете, сэр, — очень сдержанно сказал Греттир, — что эти леса кишат разбойниками?

Гури ответил не сразу. Он молчал так долго, что Греттир решил было уж приписать это невежливое молчание очередному чудачеству ненормального валлийца, однако ответ все же прозвучал — и как раз в тот момент, когда Греттир уже перестал ждать.

— Знаю, — уронил Гури. — Но надо же расширять свой крутозор. Новые впечатления, сэр, новые ощущения, новые чувства — я хочу в старости вспоминать как можно больше.

— Но почему шериф отрядил именно вас, сэр?

— И не только отрядил, но и снабдил полномочиями! — Гури помахал в воздухе пергаментом. — Сэр Гай, как вам известно, занят с солдатами. Сэр Гарсеран... гм... Ну, сами знаете. Вас он просить не решился, из уважения к вашей знатности... А может быть, нисходя к вашей молодости, мой друг.

Тэм Гили мялся за спиной своего господина. Наконец он отважился:

— Сэр...

Гури резко обернулся к мальчику:

— Ну, что еще?

— А я, сэр? Я поеду с вами?

— Гм... Ну что ж... и ты тоже... Стало быть, две лошади.

К немалому удивлению Греттира, Тэм Гили в ответ на взор своего господина расцвел обожающей улыбкой и умчался на конюшню. Перекошенное лицо Гури было на удивление задумчивым. Он свернул свой документ в трубку, сунул его за пазуху и поднялся.

— Счастливо оставаться, сэр, — сказал он Греттиру и вышел.

Соляные копи открылись всадникам с высокого холма. От пронзительной белизны белых уступов заломило глаза. Фигуры людей облепили их, как мухи сахарную голову. По гребням отвалов наверху маячили фигуры вооруженных стражников. На самом дне горной выработки были грязные мелкие лужи. Сюда и отправляли тех, кого необходимо было по тем или иным соображениям загнать в могилу кратчайшим путем. Соль — богатство города.

Тэм Гили, который не попал сюда только потому, что один расточительный валлиец перекупил его у конвоя, подъехал к Длинноволосому поближе. Тот негромко спросил:

— Что, Тэм, страшно?

Тэм кивнул безмолвно. У него уже постукивали зубы. словно угадав это, Гури больно сжал ему пальцы, а затем тяжело вздохнул и тронул коня, начав медленно спускаться по уступам. Его спутник следовал за ним.

Навстречу высокородному лорду, гремя шпорами о крутые и ветхие деревянные ступени, поднялся молодцеватый начальник стражи. Гури спешил, махнув рукой Тэму, чтобы тот сделал то же самое, и вынул из-за пазухи свиток. Начальник торжественно развернул документ, но даже не стал делать вид, будто читает, а бросил взгляд на печать и, признав ее

подлинной, столь же торжественно вернул свиток Длинноволосому.

— Рад приветствовать вас, сэр, — сказал он. — Я имею честь видеть Гури С-Волосами-Как-Конская-Сбруя, не так ли? Счастлив. Решительно счастлив.

Он прижал к сердцу руки и низко поклонился. Гури хмыкнул.

— Вот именно, — сказал он. — Это мое имя. Вы знаете валлийский?

— О нет, не смею похвастаться... — Начальник стражи расцвел. — А чем обязан?..

— Кратко изложу вам цель моей миссии, уважаемый. Знаете ли, не стану скрывать: шерифу до сих пор не известно, кто убил сборщика налогов. Правда, один из бунтарей под пытками проговорился, будто зачинщики уже здесь, на соляных коях. Прикидываются обычными бунтовщиками, серенькими мышками. Мол, как все, так и мы. А показательная казнь для подстрекателей? Вы понимаете, о чем я говорю. Это очень важно. Таково мнение сэра Ральфа, шерифа Ноттингамского.

— Я целиком и полностью согласен с сэром Ральфом. Вы надеетесь отыскать здесь главарей?

— Разумеется, — сказал Гури. — Для того и направлен.

— Прошу, — сказал начальник стражи.

Дюжий стражник, вызванный с поста, взял на себя заботу о лошадях. Все трое — начальник стражи, Гури и Тэм, жмушийся к валлийцу, — спустились по ступенькам до горизонта, где велись работы. Яркая белизна, высвеченная солнцем, болезненно резала глаза. Навстречу то и дело попадались грязные личности с тачками. Тэм заметил, что руки и ноги у них изъедены язвами, и до крови прикусил губу.

Гури был полон энтузиазма. Он с удовольствием осматривал выработку. Когда они остановились у штольни, вход в которую был кое-как укреплен вертикальными столбами, Гури радостно полез туда и лишь в самую последнюю секунду был ухвачен за

плащ и почтительно извлечен наружу начальником стражи.

— В чем дело, милейший? — осведомился Гури. Одна щека у него была уже белой.

— Не стоит вам туда ходить, сэр, — пояснил начальник стражи, тщательно подбирая выражения.

— Милостивый государь, — гордо заявил Гури, — я никогда еще не лазил в штольни. Вы что, хотите лишить меня нового ощущения?

— Видите ли, там опасно. Может обвалиться в любую минуту.

— Обвалиться? Да ведь там кто-то работает, а? — упрямылся Гури.

— Ну и что с того, что работает? — возразил начальник стражи. — Весь вопрос ведь в том, НА КОГО обвалится. Мне разрешено иметь столько-то трупов на тонну соли. Это нормально и от этого никому не будет хуже. Другое дело — вы, сэр. Простите, что я вынужден был предположить самую возможность несчастия.

Они спустились по лесенке еще ниже. Здесь уступы были намного шире. В одном месте, где, видимо, случился обвал, была навалена груда камней.

— Соль дороже золота, — рассуждал начальник стражи. — Без соли никуда. Верно я говорю? Соль — она всем нужна. Недаром и Господь наш говорил: «Вы — соль земли».

— Он говорил это отнюдь не вам, милейший, — заметил Длинноволосый.

Начальник обиделся, но Гури уже заинтересовался обвалом, и бедняге пришлось проглотить это замечание. Спорить с валлийцем не приходилось — о нем и его подвигах все уже были наслышаны. Поэтому, подумав, начальник стражи заговорил вновь:

— Да и добывать ее труднее, чем золото.

— А много народу у вас тут гибнет? — поинтересовался Гури, проводив глазами очередную личность с тачкой.

«Босяк — он и есть босяк, — подумал начальник стражи, — даром что лорд и известный герой». Вслух же сказал:

— Порядком. — И лицо его стало таким суровым, будто он потерял здесь всех своих близких и сам ожидает подобной же участи.

— А где вы их хороните?

— Есть тут одно кладбище... Но их, как правило, хоронить не приходится... — Начальник стражи выразительно покосился на обвал.

— Скажите, — продолжал свои расспросы Гури Длинноволосый, сталкивая вниз камешки носком сапога, — а случались тут у вас побеги?

Прищуренные глаза Гури при этом мгновенно раскрылись и уставились на начальника стражи. Тот возмущенно фыркнул:

— Ни-ко-гда, — отрезал он. — Вы уже имели возможность убедиться, сэр, что охраняют этих головорезов не на страх, а на совесть. Правда, был тут один, который пытался бежать...

— Он еще жив? — Гури даже подпрыгнул от удовольствия.

— Да... Хотите посмотреть?

— Конечно!

Гури легко зашагал следом за начальником стражи. Тэм заметил, что нынче покалеченный в боях валлиец как будто совсем не хромает. Но он давно уже перестал обращать внимание на странности своего господина.

— Идемте, посмотрим, — сказал Гури. — А потом, с вашего позволения, мы вас покинем. Я доложу шерифу о том, что соляные копи, как всегда, являют собой образец порядка и благолепия.

— Мы вас так просто не отпустим, сэр. — Начальник стражи позволил себе подобострастное лукавство. — А отобедать с нами, сэр?

Гури покачался на носках.

— Баланды вашей похлевать, что ли? — насмешливо спросил он.

Начальник затрясся в почтительном хохоте.

— Ладно, идем, — милостиво разрешил Гури.

Они обогнули осыпь и вышли к ровной площадке, сделанной, видимо, специально для проведения пуб-

личных экзекуций. Посреди стоял добротный столб, к которому надлежало привязывать провинившегося. Сейчас возле этого столба сидел в тяжелых, покрытых темными пятнами колодках какой-то истощенный, до черноты загорелый тип, весь облепленный оводами и мухами. Он сидел, свесив голову. Рядом с ведром воды дежурил солдат, в обязанности которого входило следить за тем, чтобы наказанный не умер раньше времени.

Тэму, который мучительно страдал от солнца, стало дурно — так подействовало на него зрелище и сопутствующий запах. Мальчик побледнел, сжал зубы, в ушах у него нарастал звон. Прежде чем Тэм понял, что с ним происходит, это понял Гури. Он ударил мальчика по лицу и, схватив за шею, пригнул его голову вниз, подержал в таком положении несколько секунд, а потом отпустил. Выпрямившись, Тэм в изумлении посмотрел на валлийца.

— Ты теряешь сознание, Тэм, — сказал Гури.

Тэм покачнулся. Гури схватил его за плечи и обратился к начальнику стражи:

— Да проводите же его в тень, милейший!

Начальник стражи стоял с разинутым ртом и не двигался с места. До сих пор Гури не обращал на мальчика никакого внимания, и начальник грешным делом принял его за слугу.

— А этот молодой... э... лорд... он кто? — промямлил начальник стражи.

— Мой сын, — отрезал Гури Длинноволосый. — Внебрачный. Делайте, что вам говорят.

Вконец растерявшись, начальник стражи подхватил Тэма под мышки. Обремененный шатающимся, покрытым испариной мальчиком, он исчез за осыпью. Оставшись один, Гури Длинноволосый взял у солдата ведро и плеснул водой на умирающего. Затем склонился над ведром и жадно отпил. Человек в колодках завозился, но головы не поднял.

— И сколько времени он тут сидит? — поинтересовался Гури, оторвавшись от ведра с водой.

Солдат не сразу понял, что вопрос обращен к нему, но, когда это обстоятельство стало для него очевидным, деликатно прокашлялся и ответил:

— Четвертый день, сэр.

— Гм... и недохнет? — с любопытством спросил Гури и зачерпнул еще воды, чтобы вылить себе за шиворот. — Ну и жара тут у вас, — проворчал он себе под нос.

— Живуч, сэр, — бодро отрапортовал солдат, обретенную выправку. — Если б я попал на его место, спаси меня Дева Мария, я бы давно сдох, сэр.

Гури потыкал в пленника ногой.

Человек в колодках поднял голову. Его лицо распухло от укусов насекомых. Он раскрыл черные глаза и, увидев как в тумане перекошенный рот, уродливый шрам и длинные белые волосы Гури Длинноволосого, хрипло прошептал:

— Хелот... это ты...

Солнце садилось. До дома отшельника святого Сульпиция оставалось полчаса езды. Хелот изрядно устал за этот день — то ли верховая езда, то ли разговоры с дураками измучили его до полусмерти. Дураков он по-прежнему не любил, хотя от всей души пытался относиться к ним по-христиански.

«Себя загонял и Тэма замучил», — думал он с раскаянием. Мальчишку с болот он усадил в седло позади себя, и, судя по тому, как тяжело он навалился Хелоту на спину, лжеваллиец догадывался, что паренек уснул. Алькасар был усажен на лошадку Тэма. Гури Длинноволосый признал в нем одного из зачинщиков мятежа во Владыкиной Горе и забрал в Ноттингам, дабы предать показательной и ужасающей казни. Начальник стражи тихо радовался тому, что так легко отделался от зануды валлийца. О, у Гури Длинноволосого такая репутация, что связываться с ним ни один самоубийца не захочет.

Хелот свернул на болото. Пахло мхом и голубикой. Становилось свежо. Тэм Гили проснулся и завозился у Хелота за спиной. Алькасар тяжело навалился на

шею терпеливой лошадки. Хелоту пришлось привязать его к седлу, чтобы он не упал, — сил у пленника уже не оставалось.

Знакомые бревенчатые стены отшельникова дома, как и в прошлый раз, словно выросли из глубины болота при появлении путников. Хелот спрыгнул на дорогу, снял с лошади Тэма и с мальчиком на руках поднялся на высокое крыльцо.

— Мир вам, отец Сульпиций, — крикнул он, заглядывая в темноту.

— Это кого принесло? Хелот, что ль? — донесся голос святого. Слышно было, как отец Сульпиций отодвигает стул и идет к двери. — Ты один, сын мой?

— Нет, — ответил Хелот.

Святой появился на пороге и, прищурившись, посмотрел на Гури Длинноволосого, на сонного мальчика, на безмолвного всадника, который даже не пытался выпрямиться в седле. Святой нахмурился.

— Откуда ты привез эти человеческие обломки, Хелот? — полюбопытствовал он, указывая подбородком на Алькасара.

— С соляных копей, вестимо, — отвечал Хелот, подумав о том, что, несмотря на всю свою святость, отец Сульпиций порой бывает невыносим. — Одолжите мне нож, святой отец.

— Откуда в обители божьего служителя нож, еретик из Лангедока? — хмыкнул отшельник и тут же снял с полки жуткого вида тесак. При этом он посмотрел на Хелота с неожиданным уважением и приняв из его рук мальчика. Тэм мгновенно проснулся и уставился на Хелота тревожным взглядом.

С ножом в руке Хелот направился к Алькасару. От усталости его пошатывало, и не оставляло дурацкое предчувствие, что вот сейчас он оступится, неудачно упадет и нож воткнется ему в живот. Однако до сарацина Хелот добрался вполне благополучно.

Тэм, разинув рот, смотрел на него. Хелот улыбнулся краешком рта: он-то думал, что успел отучить мальчика удивляться.

Хелот перепилил веревку и разматал с рук Алька-сара последний обрывок.

— Слезай, — сказал Хелот. — Можешь сам?

Алькасар с трудом открыл глаза. Веки у него распухли и гноились. Капельки собрались у основания ресниц. Красивые ресницы у Алькасара — пушистые, черные. Даже сейчас они торчали как стрелы. А глаза смотрели и не видели.

— Ты красив, как архангел Гавриил, — грустно констатировал Хелот.

Алькасар с трудом слез с седла, постоял, глядя себе под ноги и хватаясь за стремя спокойной лошадки, потом, не поднимая головы, спросил:

— Где мы, Хелот?

— У святого Сульпиция.

Вдруг Алькасар посмотрел в глаза своему другу и произнес громко и мучительно, как будто слова, предназначенные только для Хелота, никто больше не мог расслышать:

— Я боюсь.

Отшельник и Тэм сидели на крыльце. Отшельник повыше, Тэм у его ног, пониже. Святой рассеянно поглаживал подбородок. Выгоревшее за день летнее небо стремительно наливалось синевой. С болота доносились вопли лягушек.

Алькасар дрожал и хватал Хелота за руки, а Хелот никак не мог его успокоить.

— Алькасар, идем же. Пошли в дом. Я помогу тебе. Ты же голоден, отшельник тебя накормит.

— Я боюсь, — повторил он немного тише. — Не отдавай меня им, Хелот. Я больше не выдержу.

Хелот покачал головой, сгреб его в охапку и силой поволок в дом. Алькасар не сопротивлялся. Отшельник и Тэм шарахнулись в разные стороны, освобождая дорогу, и два друга оказались в «луковой» комнате. Лука там уже не было, по стенам висели пустые веревки и стоял слабый, но ощутимый запах псины, оставшийся от луковой шелухи. Комната была тускло освещена догорающим закатом.

Хелот выпустил сарацина, и тот остановился, озираясь по сторонам. Когда на пороге показался святой Сульпиций, Алькасар метнулся к Хелоту, едва не сбив того с ног.

Отшельник заворчал:

— Снимай-ка обувь, Хелот. Натаскаешь мне грязи...

Голос святого звучал буднично, как будто ничего особенного не произошло. Как будто Хелот не был переодет и загримирован с головы до ног в придурочного валлийского рыцаря, как будто только что не был совершен самый дерзкий за всю историю ноттингамширских соляных копей побег...

Пока Хелот разувался, отшельник зажег свечи и повернулся к Алькасару со свечкой в руке. Не обращая внимания на то, что горящий воск стекает ему на пальцы, святой принялся разглядывать сарацина. Хелот заметил, что Алькасар понемногу успокаивается.

— Ты узнаешь меня, сын мой? — спросил отшельник.

После короткой паузы Алькасар ответил:

— Вы святой Сульпиций.

— Тебе здорово досталось, Алькасар, — сказал святой Сульпиций. — Но сейчас-то все в порядке, верно?

Помолчав, Алькасар отозвался:

— Конечно, святой отец.

Хелот вспомнил про всеми брошенного Тэма и босиком вышел на крыльцо. Мальчишка уныло грыз ногти. Хелоту захотелось дать ему по шее, но он вовремя вспомнил о том, что грызть ногти — это дурная привычка обожаемого господина Гури, и ограничился тем, что подтолкнул его под локоть. Тэм вскочил на ноги. Хелот лениво сел и потянул его за штаны. Тогда и Тэм осторожно пристроился рядом на ступеньке. Оба молчали.

Потом Хелот спросил:

— Устал, Тэм?

— Да, сэр, — ответил Тэм и откровенно прибавил: — Очень.

— Я тоже. — Хелот от души зевнул.

— Кто такой Хелот, сэр? — спросил Тэм внезапно. Хелот в изумлении повернулся к нему. Тэм, видимо, решил, что каким-то образом прогневал своего грозного хозяина, и стал путано извиняться, покуда Хелот не толкнул его ладонью в лоб.

— Прекрати, — сказал он сердито. — Веди себя по-человечески. Забудь, что я тебя купил. Ты больше не раб.

— А кто я, сэр? — простодушно спросил Тэм, и Хелот понял, что совершенно не готов к ответу.

— Ты Тэм Гили, свободный человек, — сказал он наконец, но это прозвучало не убедительно.

Тэм помолчал немного и снова решился:

— Так кто такой Хелот?

— Откуда ты взял этого Хелота, Тэм?

— Видите ли, сэр, отшельник называл это имя, и я не понял... Какой-то Хелот был у нас в деревне, когда мы... когда нас...

— Во время бунта? Когда вы сожгли обитель и перебили всех монахов?

Тэм кивнул в темноте и добавил:

— Так звали одного сподвижника самого Робин Гуда. Он был... не такой, как все. Он разговаривал с нами...

— С кем это — «с нами»?

— Ну, со мной и моим братом. Помните, сэр, я говорил, что у меня был брат. И еще этот Хелот — он сарацин. Он так сказал.

— Он соврал тебе, Тэм. Он католик.

— Так вы его знаете, сэр?

— Да, — сказал Хелот, краснея под гримом. «Еще как знаю», — подумал он.

— Он храбрый как лев, — задумчиво произнес Тэм. — Когда мы напали на обитель святого Себастьяна, он один дрался со ста стражниками.

— С одиннадцатью, — поправил Хелот, радуясь тому, что в темноте Тэм не видит выражение его лица.

Мальчишка завозился на крыльце — забеспокоился.

— Он ваш близкий друг, сэр?

— Хелот — это я, — сознался Хелот.

— Не может быть! — неосторожно брякнул Тэм. — Хелот же был такой темноволосый... Такой загорелый... Вы поседели от испытаний, сэр? — прошептал он, окончательно смутившись.

— Да нет, это парик, — сказал Хелот. — Из конского волоса. И шрам тоже ненастоящий. Идем-ка в дом, простудишься.

Хелот встал, Тэм последовал его примеру. Уже в прихожей, в темноте, путаясь в скамейках и ведрах с ключевой водой и мочеными яблоками, Хелот услышал детский голос:

— Сэр, а почему вы сказали, что вы сарацин, если на самом деле католик?

Хелот как раз опрокинул себе на ногу березовый чурбачок, тускло отсвечивающий во мраке белизной, и разразился неприличной бранью. Тэм отцепился.

В «луковой» комнате никого не было. Хелот взял со стола горящую свечу и смело двинулся дальше, но тут дверь, которую он намеревался открыть, вдруг распахнулась, и рыцарь с отшельником с размаху налетели друг на друга.

— С тобой, Хелот, вечно какие-то недоразумения, — заявил отшельник.

Хелот поплелся за ним к столу с притворно-покаянным видом. Они со святым Сульпицием уселись за стол и дружно уставились на Тэма, который, приподнявшись на цыпочки, разглядывал колбы, пробирки, расставленные на полке возле входа, диковинные сосуды в виде грифонов, змей, василисков, фениксов и прочих сказочных, совсем не страшных чудищ. Святой Сульпиций собирал этот бестиарий долгие годы. Почувствовав на себе взгляды, мальчик воровато втянул голову в плечи и шмыгнул носом.

— Какая прелесть, — сказал святой Сульпиций. Он жестом подозвал Тэма к себе и, пока мальчик карабкался на высокое деревянное кресло, повернулся к Хелоту. — Это существо утверждает, сын мой, что ты КУПИЛ его по случаю в Дровяном переулке.

— Врет, — ответил Хелот, не моргнув глазом. — Лучше скажите, святой отец, где мой сарацин?

— В уютном сыром подвале с крысами, — ответил отшельник. — И как это тебе, Хелот, удалось довести человека до такого состояния?

— Я его не доводил, — мрачно произнес Хелот. — Я его преданно искал. Шрам этот дурацкий... Сняли бы вы его, отец Сульпиций. Ужас как надоел.

— Ладно тебе, — перебил отшельник. — Ступай на кухню и принеси горячей воды.

— Я? На кухню?

— Ты не в баронском замке, которого у тебя нет, голодранец. Так что оставь свои рыцарские замашки и марш на кухню.

Хелот покорно отправился куда велено.

— Оружие-то сними, — крикнул ему вслед отшельник. — Тоже мне, крестоносец липовый...

Над очагом висел большой медный котел с носиком вроде клюва с одного бока и ручкой, похожей на петушинный хвост, — с другого. Хелот взялся за ручку и склонил котел клювом вниз над деревянным ведром. Слушая плеск воды, Хелот думал о том, что нынче в Дальшинской Чисти скончался Гури Длинноволосый. И ему даже взгрустнулось на миг.

Он взял тяжелое ведро и потащил его в комнату. Святой Сульпиций, возившийся у стола с различными снадобьями, извлеченными из многочисленных склянок, обратил к нему лицо, тронутое усмешкой.

— Что, тяжеленькое? — поинтересовался он. — Пыхтишь? Это тебе, брат, не к Гробу Господню ходить...

Он подал Хелоту моток веревки и велел привязать к дужке ведра, а сам отодвинул сундук, открыл подпол и стал спускаться вниз.

— Давай сюда ведро, — крикнул он из подвала.

Хелот повиновался. Подвал был далек от самых скромных представлений о будуаре, но кровать, на которой лежал Алькасар, отнюдь не являла собой образец аскетического ложа. Хелот спрыгнул вниз, на

солому. Отшельник зажег еще два факела и вставил их в гнезда над кроватью.

— Господи, какой он грязный, — со вздохом произнес отшельник, склоняясь над беглым каторжником, лежавшим безжизненно, в неловкой позе. — Беда с вами... И когда это рыцари научатся уважать правила гигиены?

— Откуда же мне знать, святой отец? К тому же он не рыцарь...

— Вот и я не знаю, — ворчал святой Сульпиций, ковыряя палочкой в стеклянном сосудике, сделанном в виде бамбукового колена. — Как-то раз забрел ко мне один барон в совершенно антисанитарном состоянии. А я, к сожалению, служитель Господа, отшельник, и пришлось пустить этого вонючку в дом. Он, видишь ли, поклялся не менять сорочку и вообще не раздеваться, пока не вернутся воины крестового похода. Этим он надеялся оказать им неоценимую помощь. И девиз у него был запоминающийся: «От грязи недохнут».

Отшельник отставил в сторону сосудик.

Хелот потрогал Алькасара за руку:

— Он не умрет, святой Сульпиций?

— Дурацкий вопрос, сын мой, — сказал отшельник и разорвал на Алькасаре одежду. — Вполне подходящий для такого идиота, как ты.

Алькасар был в полном сознании, но сил у него не было. Он только дергал ртом, когда отшельник, человек неделикатный, прикладывал и привязывал к его многочисленным ранам всякую дрянь. Под конец святой велел ему выпить какое-то жуткое на вид варево, укрыл вторым одеялом и сообщил Хелоту, очень довольный собой:

— Проснется здоровеньким и сразу потребует еды.

Они забрали с собой все факелы и выбрались из подвала.

Тэм, взъерошенный, озаренный тихим лунным светом, жадно глотал горячее молоко, припасенное святым для больного.

— Я недооценил этого юношу, — изумленно сказал отец Сульпиций.

Тэм одарил его сияющим взглядом поверх кувшина и слизал с губ пенки.

Отшельник повернулся к Хелоту:

— Так где ты нашел это чудо, Хелот?

— В ноттингамской грязи, — был ответ.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Наступило утро, похожее на сумерки. Дождь еле слышно шуршал по крыше. Окно, затянутое бычьим пузырем, пропускало мало света, и отшельник постоянно жег свечи, поэтому в доме сильно пахло воском.

В отшельниковой постели в углу, на охапке соломы, под теплым одеялом, мирно сопел Тэм Гили. Он спал под приглушенные голоса Хелота и святого Сульпиция, которые проговорили всю ночь.

Хелот уже содрал с себя белый парик. Отшельник ликвидировал шрам, изготовленный им собственноручно с помощью хитроумного клея. По его замыслу, шрам должен был изменить внешность Хелота до неузнаваемости. Красный след от шрама остался, однако отшельник обещал, что это пройдет.

— Я хотел спросить вас, святой отец, — сказал Хелот, опуская голову, — вы не знаете, где сейчас Дианора?

— Знаю... — ответил отшельник. И, увидев, как вскинулся его собеседник, грустно улыбнулся. — И в то же время не знаю, сын мой. Она далеко отсюда.

— Где?

— Далеко. Не могу сказать точнее, потому что просто не знаю. Видишь ли, несколько дней назад произошла странная история. На болоте появился человек, который утверждал, будто он маг из рода магов, сын богини-реки. Довольно безалаберный парень, надо сказать. Волей обстоятельств ему удалось открыть Путь между мирами. Я знаю, мои слова

отдают язычеством и ересью, но тебе я могу сказать все это без боязни.

— Путь между мирами? — недоверчиво повторил Хелот и вдруг побледнел. Ему вспомнилась Санта, охваченная белым сиянием. Что она говорила тогда? Странные изменения в балансе Силы... Хелот наклонился вперед, пристально всматриваясь в лицо отшельника. — Говорите же, отец мой.

— Ты поверил? — удивился отшельник.

— Да. Мне кажется, я понимаю, что произошло... Да говорите же!

— Если принять слова этого молодого человека за истину, а я склонен поступить именно так, то существует не один только наш мир, но целое множество ему подобных. Способом, о котором я не хочу тебе рассказывать, Морган Мэган — так зовут странствующего колдуна — открыл дорогу из мира в мир. Она пролегает по берегу великой реки Адунн. Он утверждает, что любая река, в конечном счете, может оказаться Адунн, нужно лишь только идти по берегу.

— Где Дианора? — перебил Хелот.

Отшельник рассеянно уставился на руки Хелота, беспокойно перебиравшие четки.

— Она в другом мире, — ответил святой Сульпиций. — Что мне оставалось, как только довериться Мэгану? Здесь ее рано или поздно схватили бы. Мне не хотелось отдавать девочку в руки Гая.

Отшельник замолчал. Хелот тяжело задумался.

Тэм Гили открыл глаза и не сразу понял, где находится. Он увидел оплывшую свечку, прилипшую к деревянному столу, и два силуэта на фоне рассветного окна: неказистого лысенького отшельника и странствующего рыцаря, похожего в профиль на галку — черноватого, с острым носом.

Он. Сеньор. Господин. Тот, что вместо погибшей на болотах матери. Который кормит и наказывает, учит доброму и злему. Тэм чуть сощурил глаза, чтобы лучше рассмотреть его без шрама. Сам Робин из Локсли доверяет ему. Он храбро сражался один против ста стражников и победил их всех, хоть и был

жестоко изранен. Таким господином можно гордиться, от такого можно принять и брань, и побои, буде таковые обрушатся в дурную минуту.

Тэм завозился под одеялом. Оба собеседника немедленно обернулись. Хелот приветливо кивнул.

— Мы разбудили тебя? — спросил он.

Тэм вылез из кровати и, путаясь в длиннейшей рубаше, которая придавала ему сходство с ангелом, подошел к Хелоту и доверчиво уткнулся ему в бок. Бывший рыцарь сгреб его за плечи.

— Ты рабовладелец, сын мой, — заметил святой Сульпиций с оттенком зависти в голосе.

— Отнюдь, — тут же отозвался Хелот.

— Есть хочешь, Тэм? — спросил отшельник.

Тэм ответил утвердительно.

— Я тоже, — сказал святой Сульпиций. — Так что, Хелот, поджарь-ка ты на вертеле хлеб и принеси кувшин с кларетом. И не надо хмуриться. Смирение украшает христианина.

Хелот встал и уже привычной тропой направился на кухню. Тэм шмыгнул следом. Вскоре из кухни повалил дым, с каждой минутой все более чадный. Святой Сульпиций призвал на помощь все свое христианское смирение, дабы вынести и это ниспосланное ему испытание. Через полчаса пытки на пороге появился чрезвычайно серьезный Тэм Гили, по-прежнему ангелоподобный, однако с пятнами сажи на лице и рубаше. В руках он держал огромный поднос с поджаренным хлебом. За ним возник и сам Хелот с кувшином монастырского вина.

— А вот и мы, святой отец.

— Не будь я святым, — сердито сказал отшельник, — я бы с удовольствием врезал вам обоим по шее. Дыму напустили, хоть топор вешай.

Он махнул рукой и отвернулся. Бывший рыцарь подмигнул мальчишке, и оба уселись за стол.

— Присоединяйтесь, отец Сульпиций, — гостеприимно произнес Хелот, придвигая к отшельнику блюдо.

Святой Сульпиций фыркнул:

— А говорят еще, что в жизни отшельника не бывает приключений...

— Да будет вам сердиться... Лучше скажите, где этот Морган Мэган?

— Ушел куда-то. Откуда мне знать, Хелот, в каких краях носит этого бродягу?

— Какой он человек?

— Безответственный он человек. Сперва делает, а после думает. И не всегда понимает, что именно сотворил. Хотя, по-моему, он не злой. Может быть, даже добрый. Если его попросить, то поможет. Да только как его теперь найти?

— По берегу реки, — сказал Хелот. — Вы же сами говорили.

Хелот ушел к Локсли, чтобы попросить у того одежду для Алькасар и немного еды в дорогу. Он сказал, что вернется через день, и велел Тэму оставаться с отшельником. «Наберись хоть немного ума у святого отца», — велел он мальчишке. Хелоту не хотелось таскаться по лесу с Тэмом. К тому же он считал, что Локсли незачем знать подробности из жизни Гури Длинноволосого. Тэм наградил своего хозяина несколькими злыми взглядами, но в конце концов вынужден был подчиниться.

Святой Сульпиций снова спустился в подвал, прихватив с собой свечку. Алькасар спал. Мазь сняла отек, оставшийся после укусов насекомых. Бледное лицо, заросшее черной бородой, было сплошь покрыто красными точками. Ресницы слиплись, и отшельник пошарил на полках в поисках травы, отваром которой неплохо было бы их промыть.

Неожиданно отшельник наткнулся на какие-то незнакомые ему сосуды и нахмурился.

— Похоже, я впадаю в старческий маразм, — пробормотал он, — раз не могу даже вспомнить, когда поставил сюда эти чашки. Но их здесь не было, черт... то есть спаси меня, Дева Мария.

Он взял одну из чашек и поднес ее к огоньку свечи. В неверном свете показалась грубо вылепленная из

глины чаша, расписанная в семь цветов. Отшельник тут же узнал работу Мэгана.

— Зачем он их оставил мне? — спросил отшельник спящего Алькасара. — Что я буду делать с этой посудой? Терпеть не могу лишнего хлама... А выбросить страшно. Честно говоря, мне с самого начала не нравилась затея с колдовством. Никогда не знаешь, чего можно ожидать от таких штуковин. И в доме их хранить как-то боязно...

Он повертел чашку в руках и поставил ее обратно на полку. «Интересно, — подумал он, — каким же путем ушел отсюда Морган Мэган?» Однажды утром его просто-напросто не оказалось в доме. Даже не простился — исчез и все тут. Отшельнику снова вспомнился рассказ о десяти мечях, и мороз прошел у него по коже.

И тут он услышал, что наверху кто-то барабанит в дверь. Поспешно выбравшись из подвала, святой Сульпиций крикнул:

— Входи с миром, сын мой!

Щеколду высадили. Дверь была распахнута так стремительно, что плохо смазанные петли не успели даже скрипнуть. По деревянному полу застучали сапоги, звякнули шпоры. Под окнами дома загалдели голоса. Святой Сульпиций услышал бряцанье оружия, скрип кожаных кирас.

На пороге, бледный, разгневанный, стоял Гай Гисборн.

— Здравствуйте, святой отец, — резко сказал он.

— Мир тебе, сын мой, — отвечал отшельник, склоняясь перед гостем и не сводя с него глаз. — Садись, угощайся от скромной трапезы. Голодны ли пришедшие с тобой люди?

Лицо Гая исказилось. Он оттолкнул в сторону Тэма, подошел к отшельнику вплотную и схватил его за горло:

— Чем ты тут занимаешься, бесовское отродье? Где моя сестра? Люди говорили, что она ушла к тебе. Я не приходил, потому что верил твоей святости, думал, она в добрых руках. Что ты сделал с ней?

— Я ничего не делал... — Отшельник захрипел. — Да выпусти меня!

Гай немного разжал пальцы.

— Говори, — потребовал он. — Ты занимался сатанинским колдовством! Что с ней?

— Я не знаю. Я не занимался сатанинским... выпусти меня наконец!

— Не раньше, чем получу ответ. Люди видели, как твой дом светился на болоте темной ночью, как из него вырвалась молния, как среди ночи на небе расцвела семицветная радуга, горевшая так ярко, будто по ней струился жидкий огонь. А потом она распалась на семь разноцветных бокалов, и из каждого вылезло по дракону... Чем ты занимаешься здесь?

— Это не я... Гай Гисборн, поверь, я не сделал твоей сестре ничего дурного. Она ушла от нас, и я не знаю куда. Никто не желал ей добра больше, чем я.

Гай отшвырнул от себя отшельника и тяжело опустился на лавку. С мокрого плаща натекала лужа. Все молчали. Потом Гай поднял голову и спросил, ни на кого не глядя:

— Чей мальчик?

— Я — Хелота из Лангедока, — сказал Тэм гордо.

Отец Сульпиций взглянул на Гая острыми, пронизательными глазками и потер горло. Морган Мэган здорово начудил, если люди побежали за помощью к Гисборну. Зачем только этому полоумному понадобилось устраивать видения?

Гай медленно расстегнул пряжки своего плаща, налил себе вина и глотнул старого кларета, видимо совсем не чувствуя вкуса. Тэм протянул ему блюдо с поджаренным хлебом. Гай машинально захрустел корочкой. Неожиданно он сказал в упор:

— К тому же, святой отец, мне донесли о ваших связях с лесными разбойниками.

Отшельник пожал плечами:

— Докажите.

— Вы прячете их у себя. Вы их лечите. Даете им лекарства.

— Докажите, — повторил отшельник.

— Святая инквизиция докажет все, что угодно, — сказал Гай. — Я отомщу вам за Дианору. Если она мертва, вы позавидуете ее участи.

Гай налил себе еще вина и обернулся к Тэму, который забрался с ногами на сундук:

— Подойди сюда, мальчик.

Тэм удивленно посмотрел на Гая, но тот повторил приказание, и Тэм подчинился.

— Так кто твой господин, говоришь? — поинтересовался Гай.

— Хелот из Лангедока, сэр.

— Да? — Гай казался удивленным. — Насколько я припоминаю, дружок, мы с твоим господином встречались в городе Ноттингаме. И звали его совершенно иначе. — Он больно сжал Тэму плечо. — Ты удрал от Гури, приятель! А Хелот по своей доброте и глупости тебя приютил. Так было дело, а?

Тэм не отвечал.

— И отправил сюда, к этому старому сатанисту. Может быть, Хелот тоже участвует в этих адских играх?

— Нет... — выдавил Тэм.

— Гури Длинноволосый покинул веселую Англию, — вмешался отшельник. — В некотором роде он даже умер. Мальчик не виноват, сэр Гай. Отпусти-те его.

Гай не ответил. Он увидел нечто, заставившее его побледнеть от ярости. На полу возле постели валялся белый парик из конского волоса. Прежде чем святой открыл рот, чтобы соврать, Гай спросил:

— Стало быть, вы нас всех одурачили, отец Сульпиций?

— Да, — сказал отшельник. — Я одурачил вас. Скажу больше, я дурачил вас и раньше. Я помогал бедным невежественным людям, которые умирали целыми деревнями, потому что никто, кроме меня, не знал, как их вылечить. Я спрятал у себя книги, обреченные на сожжение, потому что убежден: через много лет люди будут счастливы открыть их и погрузиться в сокровищницу этих познаний. Я дурачил вас

много лет, сэр Гай. Идите домой. Мне неприятно вас видеть.

Гай неторопливо вышел под проливной дождь, и до отшельника донесся его голос:

— Окружить дом! Никого не выпускать! Осмотреть подвалы!

Несколько стражников ворвались в дом и принялись шарить по всем углам, выбрасывая на середину комнаты все, что находили на полках и шкафах. Зазвенели склянки. На полу стало скользко от разлитых настоек и мазей. Один из стражников поскользнулся, грязно выругался и, падая, налетел на сундук. Сундук отъехал в сторону, открывая лаз в подпол.

Святой дернулся в руках другого стражника. Тот равнодушно ударил его несколько раз в грудь кулаком с зажатой в нем тяжелой рукояткой кинжала. Отшельник закашлялся и задохнулся.

Заверещав, Тэм бросился к лазу. Тем временем дом уже начал гореть — в спешке стражники перевернули две свечи, оставленные на столе. Воск трещал, сухое дерево грозило вот-вот вспыхнуть. Не помня себя, Тэм метнулся влево, вправо, схватил кого-то за ногу, получил сильный удар по лицу и на мгновение потерял сознание. Затем его подняли за волосы. От адской боли он очнулся и закричал. Кто-то, ругаясь на чем свет стоит, поволок его прочь из дома. Тэм кусался и отбивался.

— Звереныш! — с отвращением произнес голос Гая Гисборна. Гай сбросил Тэма с крыльца в мокрую траву. Не помня себя, Тэм начал карабкаться по ступенькам, скаля зубы и поскуливая, как побитый щенок.

Гай еще раз ударил его ногой, сбрасывая вниз. И снова Тэм пополз наверх. Он задыхался от плача. Тогда Гисборн наклонился и взял его на руки. Не обращая внимания на то, что мальчик принялся извиваться и норовил его лягнуть, Гай сказал:

— Дурак твой Хелот...

После чего сильно ударил его по голове кулаком и вышвырнул на болота, благословив отборными ругательствами.

Дом уже лизало пламя. Гай бросился в комнату и споткнулся о труп, брошенный у порога. Это был отшельник. Кто-то из стражников, видимо опасаясь колдовства, перерезал ему горло. Гай перекрестился. Если Сульпиций и впрямь был колдуном, то не следовало убивать его как обычного человека. Мертвый колдун еще опаснее живого.

Но думать об этом времени не оставалось. Дом был охвачен пожаром, а в подполе отшельник кого-то прятал. Гисборн был уверен, что добрался до истоков зла, которое обитало в Шервуде уже не первый год.

Он увидел разоренную постель, на которой только что кто-то спал. Сейчас она была пуста. Сняв с полки свечку, Гай осветил вокруг. Дым уже проникал в подвал, времени оставалось совсем немного. Но он никого не увидел. И, однако же, у Гая не было ни малейших сомнений в том, что здесь кто-то прячется.

Он поднял свечу повыше и наконец разглядел того, кого искал. Человек стоял, прижавшись к стене, под полками, где была расставлена коллекция диковинных сосудов в форме различных фантастических зверей и грубо слепленных чашек, расписанных в семь цветов. В руке у человека был нож. Всклобоченные черные волосы и клочковатая черная борода придавали ему в темноте зловещий вид. Гай плюнул и перекрестился, приняв его в первую секунду за демона.

Тот тихонько засмеялся, скаля зубы.

— Страшно тебе? — спросил он. — Ты ведь испугался, Гисборн? Ваши люди крестятся, когда боятся.

— Я узнал тебя, — сказал Гай и скрипнул зубами. — Хелот обманул меня. Я убью сначала тебя, а потом его.

Алькасар шагнул вперед, выставив нож. Он все еще улыбался, скаля в черной бороде белые зубы. Гай выхватил из-за пояса кинжал и метнул его, метя в грудь своему противнику. Алькасар отшатнулся, но не рассчитал движения и сильно ударился спиной о стену. Полки задрожали, несколько фаянсовых колбочек упало на пол и разбилось.

А глиняные чашки вдруг подскочили и повисли в воздухе. Потом они начали сами собой раскачиваться и ударяться одна об другую, как будто руки невидимого жонглера перебрасывали их из одной ладони в другую. И наконец они полились меж невидимых рук — влево-вправо, влево-вправо, и семь цветов стали сливаться в семь полос радуги, и Гисборн понял, что не может сделать ни шагу. Он еще видел сарацина, исчезающего в стене, но дотянуться до него рукой уже не мог. И когда Гай сделал еще один шаг, на него неожиданно посыпались глиняные чашки и две или три больно ударили его по голове.

Трактир был пуст. Хозяин, встретивший Греттира у двери, немедленно ушел, шаркая разбитыми кожаными башмаками, и унес с собой единственную горящую свечу. Юноша постоял некоторое время в крошечной тьме, потом глаза привыкли, и он различил впереди себя лестницу. Осторожно поднялся на второй этаж. Дверь комнаты, занимаемой Гури Длинноволосым, была распахнута, и Греттир пошел на тусклый свет. Он остановился на пороге. Сегодня одиночество замучило его настолько, что он согласен был терпеть даже невыносимого Гури, лишь бы не оставаться наедине с Сантой и своими печальными мыслями.

Но Гури он не обнаружил. Прямо перед Греттиром на сундуке сидел и сосредоточенно грыз ногти Хелот из Лангедока.

— Привет, — сказал он равнодушно.

— Хелот! — Греттир бросился к нему навстречу и вдруг остановился как вкопанный. Таким он своего друга еще никогда не видел. Ни после плена в баронском замке, ни после сражения в Гнилухе, когда его хотели повесить. — Вы убили его, сэр? — прошептал Греттир. Другого объяснения отсутствию Гури он найти не мог.

Хелот тускло посмотрел на него:

— Кого я убил?

— Ну, этого негодяя... Гури.

— Я и есть Гури, дурачок, — ровным голосом, без интонации ответил Хелот. — Зачем пришел?

— Я рад вас видеть, и... — Греттир опустился в кресло. — Тянуло, вот и пришел.

— Бросай ты этот Ноттингам, — сказал Хелот с визгливой интонацией Гури Длинноволосого. — Дохлое дело, в натуре. Поезжай лучше в отцовский замок.

Хелот слез с сундука и вышел из комнаты. Свесившись с перил, крикнул в темноту:

— Хозяин!

К великому удивлению Греттира, внизу тотчас мелькнул огонек.

— Хозяин, принеси нам, пожалуйста, вина. И чего-нибудь на ужин.

— Остались только бобы, сэр. И эль. Это для простонародья, — неуверенно отозвался хозяин и подавил зевок.

— Сойдет и это, — одобрил Хелот.

Хозяин покорно замаркал на кухню.

— Зачем вам понадобился этот Гури, сэр? — нетерпеливо спросил Греттир.

— А ты меня узнал?

— Нет. — Юноша покраснел. — Как я мог узнать вас, сэр, ведь вы были со шрамом и в парике... А как вам удалось сделать шрам?

— С помощью клея.

— Так для чего вы это сделали?

— У меня было одно дело на соляных копиях, — спокойно ответил Хелот. — На днях я его успешно завершил. После чего собственноручно прирезал старицу Гури. Тебе его будет не хватать?

— Избави Боже. Я так рад, что вы здесь, сэр.

— Это ненадолго, — утешил его Хелот. — Я наломал здесь столько дров, что не сносить мне головы. — Его лицо передернуло, как от боли, и он добавил совсем тихо: — Я не могу больше видеть эти болота. Может быть, если я уйду отсюда, я перестану думать...

Греттир осторожно коснулся его руки:

— Почему вы так мучаетесь?

Хелот обернулся — тощий, бледный, под глазами круги, скулы торчат.

— Я должен был предвидеть, что Гай явится в дом отшельника. Уверен, что это его рук дело, уверен так, будто видел все своими глазами! Ты хоть знаешь, малыш, что я сделал? Я украл с соляных копей своего Алькасара. Да, понимаю, почему кривишься. Я отвез его в надежное, как мне казалось, место — к отшельнику. Как-то раз я лечил тебя его травами. Я оставил там этого несчастного ребенка, который мне поверил.

— Какого ребенка?

— У Гури был слуга, помнишь?

Греттир поднял брови:

— Как не помнить... Гури запугал его так, что бедняга и пошевелиться не смел.

— Не думал, что ты обратил на это внимание. Как бы то ни было, мальчик остался на болоте. Я сам велел ему пожить у отшельника. А когда я вернулся туда, чтобы забрать их с Алькасаром и убраться из этих краев подобра-поздорову, я увидел... — Горло у Хелота перехватило, и он замолчал.

За спиной послышались шаги. Хелот резко обернулся:

— Кто здесь?

— Да я это, я, господин, — ответил трактирщик. С подносом в руках он осторожно карабкался по лестнице. На подносе оплывала свечка. Хелот забрал у него поднос, и хозяин канул в темноте.

— Совсем я загонял его, — пробормотал Хелот. Он поставил поднос на плоскую крышку сундука. — Хочешь есть?

Греттир кивнул.

— Тогда садись поближе.

Они устроились прямо на полу. Хелот аккуратно разлил по кружкам эль.

— Что вы увидели на болоте, сэр? — напомнил Греттир, решив довести разговор до конца.

Хелот поднял голову и посмотрел ему в глаза, словно удивляясь наивности вопроса.

— Пепелище, — ответил он. — Я нашел там простое пепелище. Дом сожгли, а людей, как я понимаю, просто перерезали. Господи, они даже не могли себя защитить! Отшельник человек мирный, Алькасар был болен, руки поднять не мог, а Тэм... — Он прикусил губу.

Они помолчали немного. Греттир допил свой эль и тихо сказал:

— Почему же вы не доверились мне, сэр? Почему не рассказали все с самого начала?

— Боялся, что проболтаешься, — признался Хелот. — Ты слишком много пьешь, Греттир.

— Я бросил, — машинально ответил Греттир.

Хелот залпом допил свой эль, грохнул кружку на сундук и сказал горько:

— Ничего нельзя вернуть. Я ушел и бросил их на произвол судьбы. Никогда нельзя доверять ощущению безопасности.

Хелот вспомнил, как шел под дождем по лесной дороге, как впереди замаячила внушительная фигура Малютки Джона. Тот всматривался, не понимая, кто это движется ему навстречу под моросящим дождем, не замедляя и не убыстряя шагов, забрызганный глиной до колен. А потом Джон улыбнулся во весь рот и крикнул:

— Да это же Хелот вернулся!

И лес ожил. Лес зашумел, затрещал, на дороге один за другим стали появляться вольные стрелки. Загорелые веселые лица обступили со всех сторон, и каждый что-то говорил, скалился, толкался. И Локсли стоял в толпе стрелков, конопатый, сероглазый, в мокром зеленом плаще с откиннутым капюшоном...

В этот момент дом на Дальшинской Чисти уже горел.

— Зло, — сказал Хелот угрюмо, — Зло гнет нас и ломает, как ему вздумается, оно превращает нас в диких зверей... Кто здесь?! — Он снова резко повернулся к двери.

Там никого не было. Но Хелот осторожно протянул руку к своему оружию, лежавшему на полу, за сундуком, взял тяжелый нож и неслышно подкрался к

выходу. Греттир наблюдал за ним с недоумением: он не замечал ничего подозрительного.

Однако за дверью действительно кто-то был. И этот кто-то сказал жалобно:

— Мне нужен Хелот из Лангедока, господин.

Хелот толкнул дверь ногой:

— Я здесь.

Дверь стукнула незваного гостя по лбу. Он охнул, схватился за голову и покачулся. Выронив нож, Хелот бросился к нему:

— Мать Эпона! Тэм Гили! — Он обнял мальчика за плечи. — Ты жив!

Тэм сказал тихонько:

— Ага... Только голова болит.

Хелот вздохнул:

— Ты голоден, Тэм?

Тэм покивал. Хелот снова устроился на полу. Тэм, робея, вошел, поклонился Греттиру. Тот смерил его взглядом, но вынужден был смириться с тем, что грязный и оборванный мальчишка-раб сидит рядом и жадно ест из его тарелки.

— Кто еще жив? — спросил Хелот.

— Не знаю, сэр... По-моему, святой Сульпиций погиб. Гай кричал что-то о колдовстве, о порче, о том, что его сестру принесли в жертву каким-то... как он сказал? Что-то о сатане.

Слезы Тэма закапали в тарелку. Хелот высморкал ему нос двумя пальцами и велел продолжать.

— Я не знаю. Он избил меня и вышвырнул из дома, когда начался пожар.

— Кто?

— Гай Гисборн.

— Господи... — простонал Хелот. — Почему он это сделал?

— Не знаю. Мне показалось... мне показалось, что он сделал это ради вас, сэр. Потому что он назвал ваше имя.

— И что он сказал?

Тэм нахмурился, стараясь припомнить получше.

— Кажется, он сказал: «дурак твой Хелот» или что-то в этом роде...

— Что ж, — вздохнул Хелот, — это, пожалуй, лучший подарок, какой только можно придумать. Ты ешь, Тэм, ешь. На рассвете мы с тобой уходим из этого города.

Моросил дождь. Дорога вывела двоих путников из леса к полю. За полем снова начинался лес. Небо еще светилось, но в лесу было уже темно. Хелот и Тэм остановились на краю поля.

Греттир провожал их целый день. Он вел своего коня в поводу и непрерывно мучил Хелота разговорами, пытаясь наговориться напоследок. Когда путники остановились, Греттир как раз говорил:

— Бьенпенсанта распоясалась. Является уже днем, когда вовсе не положено. И делает мне замечания.

— Замуж хочет, — лениво предположил Хелот.

— Ну это уж слишком! — возмутился Греттир. — Ей же двести лет.

— Для призрака это не возраст.

— Вы так думаете, сэр?

— Я ничего не думаю, — сказал Хелот. — Я ухожу. Иди домой, Греттир. Когда-нибудь встретимся. Ты хороший, честный мальчик. Лет через десять из тебя вырастет замечательный воин и добрый хозяин. Постарайся разбогатеть и женись.

— Да подождите же, — отчаянно сказал Греттир. — Куда же вы уйдете вот так, пешком, ночью? Возьмите хотя бы лошадь.

— Там внизу река, Греттир. Иди домой. Мне не нужны попутчики.

— А Тэм? Зачем вы тащите с собой мальчишку?

Тэм невнятно пробормотал, что он, Тэм Гили, свободный человек и идет туда, куда ему вздумается.

Хелот взял мальчика за руку, и они пошли через поле. Потом Тэм оказался впереди. Греттир крикнул им вслед:

— Хелот!

Хелот обернулся. Греттир все еще стоял на дороге. Хелот пожал плечами и исчез во мраке столетий.

ЧАСТЬ III

Высокие деревья леса Аррой

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Лес назывался Аррой, и то же имя носил замок, высившийся на краю леса, над петляющей по равнине реке. Близились осень, и, когда двое путников вошли в лес под сень высоких деревьев, зарядил холодный назойливый дождь. Это было очень некстати: старший из двоих еле держался на ногах, того и гляди свалится. А валиться, покуда не нашли, где провести зиму, было бы непозволительной роскошью.

Ветки размокли, бересты они не нашли, и, несмотря на все старания и очевидную сноровку, развести огонь так и не удалось. Кое-как устроились под еловыми, низко нависающими лапами, выкопали вокруг дерева мелкий желобок для стока воды и заснули, прижавшись друг к другу под плащом с меховой опушкой.

Хелот был болен и хорошо знал, что силы его на исходе. Утешало одно: не оспа. Святой Сульпиций растолковал невежественному отроку еще год назад, что хворь сия дважды не постигает. И то ладно. Но в глазах беспрестанно стояла чернота, в голове гудело, и Хелот почти не соображал, куда идет и, соответственно, к какой доле тащит за собой своего спутника.

Спутник. Одиннадцатилетнее чахлое существо с бесцветными, как болотный мох, клочковатыми волосами и бледненькими веснушками на остром носу. Еще одна головная боль. Не раз и не два Хелот успел проклясть свою мягкотелость, которая заставила его поддаться на уговоры Тэма и взять его с собой, вместо

того чтобы оставить в Ноттингаме под опекой такого мудрого наставника, как Греттир Датчанин. Сейчас мальчишка превратился для Хелота в чудовищную обузу. Приходилось постоянно принимать в расчет мальчика — это когда и за одного-то думать казалось трудом непосильным. Как можно принимать толковые решения, когда в памяти постоянно звякает: в случае ошибки расплачиваться придется не только ему, Хелоту, но и ни в чем не повинному ребенку.

Дважды Хелот пытался избавиться от него. В первый — пристроил в зажиточный дом. И хозяева были люди добросердечные, и жизнь Тэму предстояла сытая и необремененная заботами о хлебе насущном и еще более насущном ночлеге. Однако Тэм, проснувшись однажды утром в «своей» комнате и обнаружив отсутствие Хелота, показал себя сущим волчонком. Он визжал, метался по дому, отказывался от еды, и в конце концов затею сделать из него домашнего мальчика оставили.

Второй раз Хелот поступил более сурово: прочитал Тэму нотацию, внушил идею беспрекословного послушания и продал паренька странствующему лекару, человеку мудрому и воздержанному. Поначалу все шло хорошо. Хелот пустился в свои странствия с легкой душой и успел о Тэме позабыть. Но через неделю, оборванный и сияющий, Тэм нагнал своего прежнего господина. Подавив стон отчаяния, Хелот выдрал его за уши, каковое наказание было принято едва ли не с восторгом. После чего Хелот вынужден был вернуться, разыскать лекаря и возратить ему деньги.

Больше устраивать судьбу Тэма Хелот не решался. Только и сказал с тихой покорностью судьбе: «Со мной ты пропадешь». Стояло лето, по молодости лет Тэм полон был добрых предчувствий и потому лишь застенчиво улыбнулся и поведал, что лучше уж пропасть в обществе обожаемого господина, чем процветать вдали от него.

Теперь же, застигнутый холодным осенним дождем в лесу Аррой, где высокие деревья, Тэм смотрел, как беспокойно мечется во сне Хелот, и все яснее понимал:

получается так, что прав был тогда рыцарь из Лангедока. Пропадут они оба. Похоже, сегодня Хелот уже не встанет.

Однако устыдившись недостойных мыслей, мальчишка покачал головой. Хелот — самый отважный и самый добрый человек на свете, и пусть все божьи кары, какие только возможно, обрушатся на Тэма, если он не сумеет помочь тому, кого почитал как отца. (Тэму и в голову не приходило, что Хелот никак не годится ему в отцы: разница в возрасте между мальчиком и его хозяином была не больше десяти лет.)

Занималось утро. Тусклый свет едва просачивался сквозь толщу дождевых туч. Тэм ощутил страшный голод, пошарил в мешке, изрядно подмокшем за ночь, и вытащил кусок хлеба, завернутый в кусок дубленой шкуры. Предусмотрительно спрятав то, что считал нужным оставить Хелоту (чуть ли не вдвое больше, чем отломил себе), Тэм жадно проглотил свою долю. Сейчас бы поискать орехов или обтрясти дикую яблоню. Но он боялся оставить Хелота одного.

Неожиданно Тэм замер с недожеванным куском во рту. Ему почудилось, что кто-то следит за ним исподтишка. Очень осторожно, стараясь двигаться по возможности бесшумно, он поднялся на ноги и вытянул шею. Выглянул из-за елки, осмотрелся. Никого.

Но теперь незримый наблюдатель переместился и сверлил взглядом затылок. Тэм похолодел. Так явственно ощущал он на себе чьи-то недобрые глаза, что мурашки побежали у него по спине. Справа в кустах что-то прошуршало, и Тэм вздрогнул и задел плечом тяжелую еловую лапу. Тотчас на него пролилась холодная вода, скопившаяся за долгий дождь. Тэм невольно охнул.

И тут вокруг него зашелестело, залопотало, засуетилось. Справа и слева, спереди и сзади — повсюду насмешничали и издевались невидимые голоса. Слов не разобрать, но ошибки быть не могло: над ним откровенно потешались.

Откуда-то сверху прилетел орешек и больно ударил по голове. Тэм вскрикнул и схватился за лоб. И снова взорвалось недоброе веселье.

Туча тучей, мальчик вынул из ножен меч и уселся возле спящего, положив оружие на колени. Всем видом он выражал решимость защищать Хелота до последнего своего вздоха.

А вокруг продолжалось суетливое, хотя и скрытное движение. Хлюпали по лужам шажки, несколько раз доносилось характерное пение тетивы. Этот звук и разбудил Хелота. Не пытаясь даже подняться на ноги, он пошевелил пересохшими губами и с трудом прошептал:

— Тэм... уходи отсюда, пока не началось.

Тэм показал себя достойным учеником знаменитого упрямымством лангедокца. Он тоже не двинулся с места и с деланным равнодушием отвечивал:

— Поздно уходить. Началось уже.

Словно желая подтвердить его слова, над головой у Тэма в еловый ствол ударила стрела. От пчелиного ее звона у Тэма заныли зубы. Он встал, удерживая слишком тяжелый для себя меч обеими руками. Вокруг по-прежнему шелестели кусты, однако никого не было видно. Напрягая голос, Тэм выкрикнул:

— Кто вы?

— А вы кто? — отозвался сердитый тонкий голос.

— Мое имя Тэм Гили, — сказал мальчик. — Почему вы хотите убить нас?

— Грязные дакини, — с отвращением сказал голос. — Как вы посмели ходить по нашему лесу? Мы еще не убиваем вас, о нет! Когда мы начнем убивать вас, вы это почувствуете...

— Покажитесь! — крикнул Тэм с вызовом. — Я не хочу говорить с невидимками!

Кусты пошевелились, словно бы в раздумье, но потом опять сомкнулись. Донеслось ожесточенное перешептывание. Тэм разобрал несколько отрывистых фраз: «Безмозглые дакини...» — «Пристрелить, покуда не очухались...» — «Мальчик-то вроде из Народа... Не наделать бы ошибок...»

Наконец кусты раздвинулись, и на поляне показались два низкорослых человечка. Ростом они были чуть повыше Тэма, а годами — немногим старше Хелота. Бесцветные волосы и очень светлые, почти белые

глаза странно роднили их с жителями деревушки Тэма. Из-под башлыков выглядывали бледные лица с мелкими острыми чертами. Оба лесных жителя были одеты в теплую, удобную в лесу одежду, сшитую из беличьего и кроличьего меха. Один, вооруженный длинным луком, выступил вперед и вскинул голову.

— Теперь ты можешь видеть нас, — произнес он.

Тэм заметил, что шебуршание в окрестных кустах стихло, но ни на мгновение не обманывался: соплеменники этих странных существ, настроенных явно враждебно, оставались поблизости, готовые напасть в любую секунду.

— Тэм Гили — всего лишь имя, — сказал человек с длинным луком. — А я спрашивал, кто вы такие и что делаете в нашем лесу.

— Мы не сделали ничего плохого, — сказал Тэм.

— Ничего **ХОРОШЕГО** от таких, как вы, ждать не приходится, — отрезал человек с луком. — А этот дакини, который даже не изволил встать, — он кто такой?

— Он мой господин, — ответил мальчик. — Пожалуйста, не трогайте его. Он болен.

— Клянусь ликом Хорса, вот это речи! — фыркнул человек с длинным луком и еще более суровым тоном спросил: — Как случилось, что ты стал слугой дакини, предатель?

— Я не понимаю, — сказал Тэм. — Почему я предатель? И что значит «дакини»?

— «Верзила», — презрительно сказал человек. — Вот что это значит. Твой хозяин — дакини. Сами они называют себя, кажется, «людьми».

— Да... — Тэм совсем растерялся. — А вы кто?

— Мы — Народ, — прознес человек с луком и выпрямился. — Если я не обманываюсь, мальчик, если глаза не сыграли со мной злой шутки, то ты тоже принадлежишь к Народу. Даже если ты и вырос на чужбине, среди долговязых, ничто не мешает теперь тебе вернуться к своим. Оставь этого грязного дакини и ступай с нами. Солнечная женщина решит, как с

тобой быть. Она добра. Свет мудрости озаряет ее речи и деяния.

Тэм покачал головой.

— Я ничего не понял, — признался он. — Там, откуда мы пришли, мы оба принадлежали к одному народу. Почему же сейчас ты хочешь, чтобы я бросил его?

— Если ты не оставишь своего дакини по доброй воле, мы освободим тебя от него силой, — сказал человек с луком. — Ибо никто из Народа не служит долговязым.

Краем глаза Тэм уловил движение наверху, на одной из веток огромной ели. Молнией пролетел в памяти тот орешек, что ударил его по лбу, упав откуда-то сверху. Не раздумывая, Тэм бросился к Хелоту и обхватил его руками. Спрыгнувший с ветки белобрысый человечек в зеленой бархатной куртке и зеленой охотничьей шляпе с утиным пером (все это Тэм разглядел в один миг) замахнулся было ножом, но нанести Хелоту смертельный удар не посмел.

— Отойди! — с досадой закричал он на Тэма и схватил мальчика за плечо. — Оставь его!

Оскалив мелкие зубы, как крысенок, Тэм взвизгнул и бросился в атаку. Тяжелый рыцарский меч был плохим оружием в неумелых детских руках, но яростный бросок Тэма заставил человечка отступить. Из кустов вылетело еще несколько стрел.

— Беги же, болван, — прошептал Хелот, глядя на мальчишку в бессильной злобе.

Беловолосые низкорослые воины высыпали из леса с горохом и окружили двух путников плотным кольцом. Куда ни падал взор, повсюду были хмурые бледные лица с плотно сжатыми бесцветными губами и неподвижными глазами — светло-зелеными, светло-голубыми, светло-серыми. Вооруженные луками и короткими мечами, лесные люди безмолвно ждали, готовые в любую секунду убить.

Тэм попятился и, споткнувшись, с размаху сел на землю возле Хелота. Бывший рыцарь нашел руку своего слуги и сжал ее.

— Прощайте, сэр, — сказал Тэм еле слышно и, всхлипнув, закрыл глаза. Но и с закрытыми глазами он продолжал видеть эти злые, полные недоброй насмешки лица, глазающие на него со всех сторон.

— Хо! Хо! — донесся чей-то сочный бас, который не мог принадлежать никому из этих злых карликов. Тэм почувствовал, как Хелот рядом с ним вздрогнул. А бас между тем приближался. По лужам чавкали копыта, разбрызгивая грязь. С треском раздались кусты, и вот уже мохноногая рыжая лошадка с белой гривой выносит на поляну могучего всадника.

Одного взгляда на его внушительную фигуру было достаточно, чтобы определить: кем бы он ни был, к Народу он, во всяком случае, никакого отношения не имеет. Он был высок, широкоплеч и наделен обширным брюхом. Кожаные штаны едва не лопались на толстых ляжках. Румянец щек пробивался даже сквозь огненную бороду, а всклоченные красные волосы торчали из-под туго натянутого по самые брови кожаного шлема. Из-за тяжелого плеча торчала рукоять гигантского меча. Упираясь в бедро кулаком, он откинулся в седле и захохотал еще громче и жизнерадостнее.

— Кого вы изловили на этот раз, Отон? — обратился он к низкорослому воину с луком, — видно, предводителю.

— Это наш лес, — гневно сказал Отон, и на его бледных щеках выступила едва заметная краска.

— Хо! Хо! — захохотал великан. — Опять Народ развоевался! Опять Народ собрал большое войско, чтобы извести одного-единственного дакини! Узнаю своих доблестных соседей! Храбрость их не знает пределов, предусмотрительность их вождей повергает в завистливую дрожь!..

— Это наш лес, — повторил Отон упрямо, не позволяя себе поддаться соблазну и разозлиться по-настоящему. — Уходи, Теленн Гвад. Дай нам совершить то, что велит сердце.

— А злое у вас сердце-то, — сказал Теленн Гвад. — Потому я и примчался, едва госпожа Имлах заметила, что вы там, внизу, опять засуетились.

— Госпожа Имлах любит смотреть в телескоп не на звезды... Грех это, — назидательно проговорил другой человек, стоявший за спиной Отона.

Великан даже не заметил этих слов. Он соскочил с седла на землю и, пригнувшись, нырнул под ель. Почти сразу же в его круглую, багровую от натуги физиономию уставился перепутанный Тэм Гили. Хелот продолжал лежать неподвижно, полуприкрыв глаза.

— Ой! Кто здесь? — дурашливо удивился великан и, подцепив Тэма пальцем за ворот, выволок мальчишку из-под укрытия на свет божий. — Что это ты тут прячешься?

Отон сделал шаг вперед.

— Он предатель, — сказал маленький лесной житель так спокойно, что у Тэма от страха онемели руки. — Он из Народа, разве ты не видишь? Он один из нас, а служит какому-то дакини.

— Да-а? — протянул великан и с новым интересом воззрился на Тэма. — Если он из Народа, это меняет дело...

— Я сам дакини! — закричал Тэм, извиваясь в попытке вырваться на волю из великаньих лап.

— Дакини — презренная раса, — отрезал Отон.

— Ну и пусть! — вопил Тэм. — Пусть презренная! Я не хочу принадлежать к вашему Народу! Я хочу остаться с ним...

Великан хрюкнул носом и неожиданно толкнул Тэма в руки Отона.

— Подержи-ка этого звереныша, Отон, — сказал он. — А я покамест погляжу, кого это он так яростно защищает.

Тэм содрогнулся, когда маленькие крепкие руки взяли его за плечи. Затем одна ладонь сжала запястья мальчика, да так сильно, что он, как ни старался, выдраться так и не сумел. Вторая ухватила за волосы. Тихий голос проговорил над самым ухом:

— Лучше не дергайся, ты... раб дакини.

Великан выпрямился, придерживая Хелота, чтобы тот не рухнул. Глаза у лангедокца были мутные и ничего не выражали. При виде своего хозяина Тэм

скрипнул зубами, однако, помня наказ, дергаться не посмел.

— Этого дакини я забираю с собой, — объявил Теленн Гвад. — Он, кажется, умирает. Госпожа Имлах будет в восторге. Она обожает хворых. Хо, хо!

— Что ж, честный дележ, — заметил Отон. — Дитя Народа пусть останется с Народом. Ты ведь не станешь препятствовать этому?

— Когда это я чинил препятствия Народу? — сказал великан и затрясся от хохота.

— Господин! — закричал Тэм и бросился вперед, увидев, как великан усаживает Хелота в седло. Бесильно мотнув головой, Хелот опрокинулся на шею лошади и обхватил ее руками. Великан весело махнул Отону и затопал по кустам, ведя терпеливую мохноногую лошадку в поводу. Глотая слезы, Тэм смотрел им вслед, покуда Отон не дернул его за волосы и не потащил за собой в противоположном направлении.

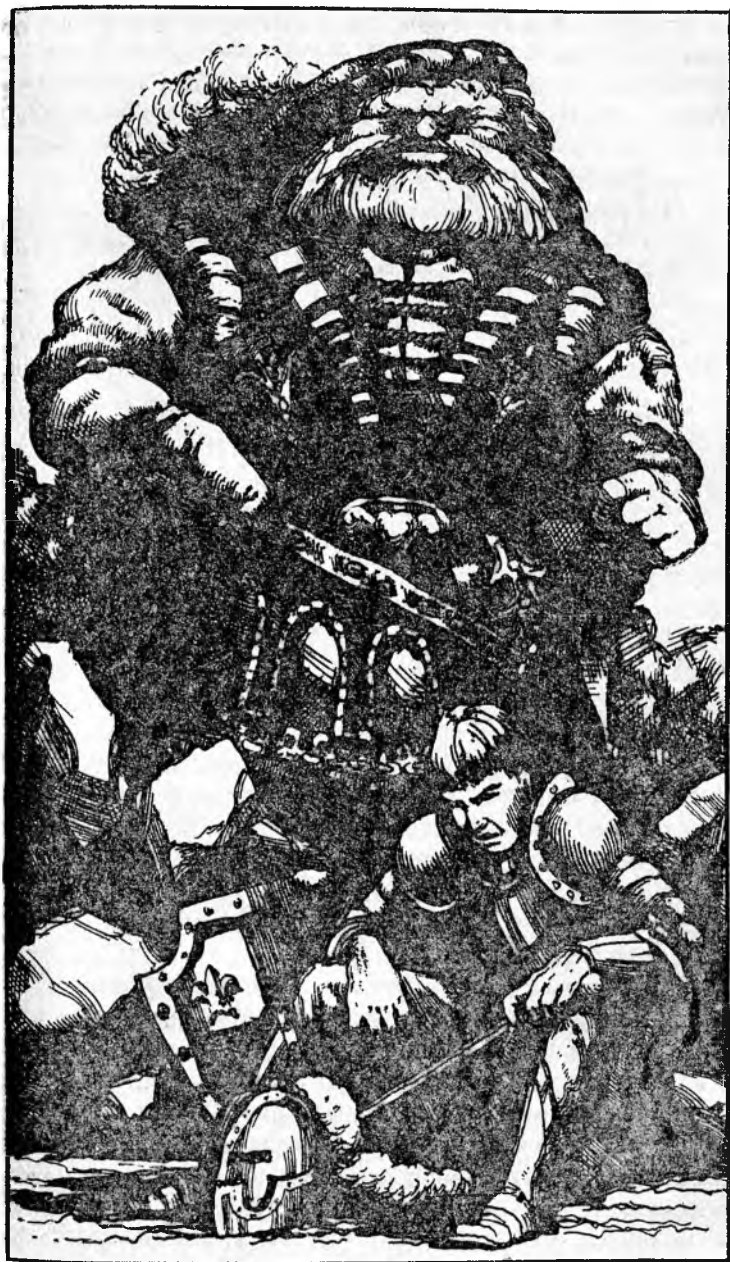
Гулкий бас прокатился по замку Аррой, отзываясь в самых дальних его уголках:

— Имлах! Имлах! Имлах!

По каменной лестнице дробно застучали деревянные башмаки. Задрав бороду, великан смотрел, как навстречу несется Имлах: полосатые юбки вздымают тучи пыли, соломенные косицы прыгают по плечам, большой детский рот растянут в счастливой улыбке. Спрыгнув с последней ступеньки и едва не своротив огромный ушат, наполовину заполненный водой, госпожа Имлах бросилась ему на грудь. Росточка она была для великанши небольшого — и двух метров не наберется.

— Хо, Имлах! — прогрохотал рыжебородый, хватая ее за талию и поднимая в воздух. С одной ноги Имлах слетел деревянный башмак, когда она задержалась, хохоча и пытаясь высвободиться.

— Пусти! — пискнула она наконец, чувствуя, что ребра ее трещат. И едва очутившись на полу, поинтересовалась: — Что там затеял Отон? Опять с тобой воевать надумал?

— Нет, не угадала. — Великан покачал головой. — Отон нашел в лесу одного несчастного заблудившегося дакини и собрал целую армию, чтобы извести его. — И увидев, как дрогнули губы жены, быстро добавил: — Хорошо, что ты вовремя утлядела. Я поспел раньше, чем они перерезали ему горло.

— Так он здесь?

— Да, у порога валяется. Опробуешь на нем свое новое заклинание, а? Ведьмочка ты моя...

Подскочив к нему, Имлах от души чмокнула своего могучего супруга и, прихрамывая, как была, в одном башмаке, выскочила во двор.

Хелоту подумалось, что его разбудил запах. Непривычный медвяный аромат, сладостный и томный, как будто он вдруг очнулся в гареме среди одалисок, благоухающих мускусом. Или в раю среди гурий. Ему как-то рассказывал об этом Алькасар. Но не успел он сообразить, что католика вряд ли пустили бы в мусульманский рай, как рядом, почти над самым его ухом, кто-то оглушительно чихнул и захыхтел. Хелот предположил, что райская дева, во всяком случае, подобных звуков издавать не может, и рискнул приоткрыть глаза.

Он обнаружил себя в большой полутемной комнате с низкими сводами. Колонны и потолок были украшены резьбой: как будто виноградные лозы вползали наверх по стенам и свисали с низкого потолка спелые грозди. Сам Хелот лежал в углу, зарывшись в вороха медвежьих шкур. Ему было тепло. Сам не зная почему, он вдруг разом воспрял духом.

Приподнявшись, он увидел большой дубовый стол, заваленный книгами в кожаных переплетах in-folio и in-quarto, свитками и восковыми и глиняными табличками. По всему столу были расставлены пять или шесть оплывших разномастных свечей, которые горели — одни чистым пламенем, другие нещадно чадя. А над столом, как разобрал Хелот, когда привстал, маячило в полумраке чье-то лицо. Белокожее и круглое, с большим ртом, широко расставленными светлыми

глазами, обрамленное двумя лохматыми косами. Существо казалось гигантской девочкой. Но чувствовалось в этой девочке нечто нечеловеческое. Не то, чтобы это отталкивало, — просто Хелот сразу и очень ясно осознал: она не человек.

Склонив голову к плечу и время от времени покусывая зеленое яблоко, она деловито царапала острой палочкой по восковой дощечке.

Возле Хелота опять чихнули. Он отвел глаза от странной девушки и увидел наконец, что из-под медвежьей шкуры высовывается острый нос какого-то маленького зверька, не больше кошки. Черные усы зверюшки воинственно топорщились.

Затем зверек потянулся и медленно выволок из-под шкуры свое длинное узкое тело. Он показался Хелоту диковинным и в то же время смутно знакомым, как будто ему доводилось видеть нечто подобное, только очень давно. Шерстка у забавного существа была желтоватая, как старинный, когда-то белый шелк прабабкиного подвенечного платья. Очень короткие лапки, более темные, чем бока, заставляли горбить спину. Пригибая к полу острую мордочку, зверек обжегал вокруг Хелота и неожиданно, взбив носом одеяло, нырнул обратно в постель.

Этот зверек и источал странный медвяный аромат. Засмеявшись, Хелот сунул руку под шкуры и вытащил маленького проказника. Шевеля усами и глядя на человека черными немигающими глазками, зверь задвигал носом: принялся изучать новые для себя запахи.

Два или три таких же зверя, среди них один был почти коричневым, а другой белоснежным, промчались по залу и сгнули, топоча коготками, где-то в недрах замка. Еще одна усатая мордочка неожиданно высунулась из-за плеча женщины, — видно, зверек сидел, пристроившись у нее за спиной на спинке кресла.

Хелот вспомнил наконец, где он видел таких зверьков, — на гербе Греттира. Королевский горноста́й. В роду Датчанина были когда-то короли.

Горностай увлеченно жевал руку Хелота. Он продельывал это с изрядной долей спешки, опасаясь, видимо, что человек передумает и отберет руку. Так и произошло, когда горностай тяпнул слишком сильно.

Женщина отложила в сторону дощечку, согнала с плеча горностая, и ее светлые глаза встретились с темными глазами Хелота. Она спокойно улыбнулась:

— Добро пожаловать в замок Аррой.

— Благодарю, госпожа.

— Мое имя Имлах. Не называй меня «госпожа». Ты — дакини, и я тебе не госпожа.

Хелот призадумался. Он уже не в первый раз слышал это слово, и оно сбивало его с толку.

— Ведь ты дакини, мы не ошиблись? — настойчиво продолжала женщина.

— Если бы я знал, что это такое, Имлах, в мой ответ не вкралась бы ошибка.

Она прищурилась, с откровенным интересом разглядывая своего гостя.

— Коли не лукавишь своим незнанием, объясню. Скажи, ведь ты и я — мы с тобой разных корней?

Хелот кивнул и торопливо добавил:

— Если вас это не обидит, госпожа Имлах, мне почему-то сразу так и подумалось...

— Верно, — согласилась она. — Вот смотри. Этот мир называется Аррой. Это старый мир, очень старый. И время здесь медленное, тягучее. Мы живем долго, века, даже больше. У нас медленная жизнь. Как мед, капающий с ветки... В мире Аррой много народов. — Она подняла руку и растопырила пальцы, загибая один за другим. — Лесной Народец, они называют себя попросту Народ. Хозяева леса Аррой. У них белые волосы и гордый нрав. Коварны они, но и благородны, если уж на то пошло.

Хелот имел свое мнение по поводу благородства Лесного Народа, но решил пока попридержаться его про себя. Имлах загнула второй палец:

— Далеко от нас живут гномы, Горный Народ. Да воссияет ярче свет Истарь за то, что их нет в лесу Аррой! Я говорю тебе о них лишь для того, чтобы ты

не перепутал Народ с гномами. Отомстят так, что костей потом не найдут, да и искать некому будет. У гномов — свои пути, своя мудрость, свое вероломство. Забудь о них.

— А вы, госпожа Имлах? — спросил Хелот. — Как называется ваш род, чтобы мне впредь не допустить невежливости?

— Не «госпожа» Имлах, а просто Имлах, — поправила она. — И не во мне дело, дело в бароне, хозяине замка, ибо он из рода великанов. Нет племени у них, одиноко селятся великаны, ибо так велики, что незачем им сбиваться в кучу. Теленн Гвад — его имя.

Неожиданно для себя Хелот понял, что из этого объяснения, отнюдь не блиставшего четкостью характеристик, ему стало все предельно ясно. Он действительно был ДАКИНИ, существом для здешних обитателей чужим и, возможно, опасным.

— Как твое имя, дакини? — спросила Имлах. В ее устах это прозвище не звучало оскорблением, хотя Хелот подозревал, что такое здесь встретишь нечасто.

— Хелот из Лангедока, так меня зовут, — ответил он.

Имлах призадумалась.

— Из Лангедока... — повторила она.

Обеими руками притянула к себе свиток, бережно развернула его, уставилась в написанное, потом поднесла к Хелоту глаза.

— Ты можешь встать и подойти ко мне? — спросила она. — Если еще слаб, то лежи.

— Я постараюсь, — ответил Хелот. Он начал было выкарабкиваться из своего мягкого ложа, когда Имлах предостерегла его:

— Только будь осторожен. Я лечила тебя своим новым заклинанием и не вполне уверена в том, как оно подействовало. То есть ты, конечно, жив и, кажется, сохранил здравый рассудок, но я не могу сказать наверняка, какими могут оказаться побочные действия.

Хелот, заметно побледнев, поднялся на ноги. Имлах снова уткнулась в свиток. Когда он сделал несколько шагов, она пробормотала себе под нос:

— Да нет, вроде бы с тобой все в порядке...

Хелот приблизился к столу и ухватился за край дубовой столешницы.

— Вот, смотри, — сказала Имлах, поворачивая к нему свиток. — Самая подробная карта нашего мира. — Ее длинный палец с розовым ногтем в «счастливых» пятнышках уперся в извилистую синюю ленту, пересекавшую почти всю карту. — Это Великая Река Адунн. Вот Аррой. Где Лангедок, покажи?

Хелот склонился над картой. Странная женщина — великанша, раз она так уж настаивает, — указывала ему на те места, где, по мнению Хелота, должны были быть расположены болото Дальшинская Чисть и город Ноттингам. Он вгляделся в витиевато выписанные латинские названия, силясь отыскать Ноттингам, но тщетно. Такого наименования на карте попросту не было.

Имлах с любопытством покосилась на него:

— Так где твой Лангедок?

— Здесь не обозначено... Наверное, слишком далеко отсюда. Где-то на юге. Я другого не понимаю: где Ноттингам? Я был в нескольких часах езды от этого города, когда сбился с дороги.

— Как ты сказал? Ноттингам? Ты что-то путаешь, Хелот-дакини. Города с таким названием нет.

У Хелота вдруг потемнело в глазах, и, чтобы не упасть, он вцепился в подлокотник кресла. Имлах тотчас встала, поддержала его под руку.

— Садись-ка, — сказала она. — Прости, я совсем забыла, что ты еще не окреп.

Хелот рухнул в предложенное ему кресло. Из-под стола в тишине донесся яростный хруст — там явно что-то грызли. Имлах пошарила на полу и выволокла еще одного горностаю. Прижимая к голове круглые белые ушки, зверек крепко держал в зубах полуобглоданную птичью кость.

— Лаймерик! — крикнула Имлах, заполнив своим звучным голосом весь огромный свод.

На противоположной стороне большого зала немедленно раскрылась дверца, до сих пор не замеченная

Хелотом. Оттуда, прихрамывая, важно выступил маленький человечек. Судя по всему, он принадлежал к Народу. Длинные белые волосы человечка были тщательно заплетены в множество тонких косиц, и одет он был весьма щегольски и вычурно. Приблизившись к Имлах, он замер, скрестив на груди руки.

— Забери вот это, — велела Имлах. — Совсем распустил паршивцев. Я недовольна, Лаймерик. Они пакостят уже в моем кабинете.

— Слушаюсь, ясная Имлах из Серебряного Леса, повинуюсь, мудрая Имлах из Серебряного Леса, — торжественно произнес Лаймерик, с достоинством повернулся и вышел все в ту же дверь.

Приоткрыв от удивления рот, Хелот наблюдал за этой сценой. Имлах ждала, не выказывая ни малейших признаков нетерпения. Зверек, тряпочкой свисавший из ее рук, все так же цепко держал свою драгоценную кость и только время от времени шевелил носом, и тогда его усы воинственно топорщились.

Затем снова показался важный человечек. Он шел размеренным шагом и на вытянутых руках нес клетку с тонкими частыми прутьями. Туда и был водворен горноста́й, который, ничуть не смущаясь лишением свободы, тотчас улегся и снова взялся за птичью ногу. Ступая медленно, как на церемонии, Лаймерик удалился и унес с собой горноста́я.

Хелот слегка улыбнулся, встретившись с Имлах глазами, однако великанша и не думала разделить с ним веселье. Похоже, такие сцены разыгрывались в замке по несколько раз на день.

— Ты голоден? — спросила Имлах.

— Не знаю. Вроде бы, нет. Я хотел задать вам один вопрос.

Имлах склонила голову к плечу.

— Конечно, дакিনি. Ты можешь спрашивать все, что угодно, и получишь честные ответы или не получишь никаких.

— Спасибо. Со мной был мальчик, когда Народ напал на нас...

— Не напал, дакини. Народ осуществил свое суверенное право.

— Мне неважно, как это называется. Со мной был мальчик по имени Тэм, и я хотел бы знать, где он и что с ним стало.

— Он жив. Народ взял его к себе.

Хелот подскочил.

— Святой Бернард! — вырвалось у него. — Вы хотите сказать, что малыша захватили в плен эти низкорослые варвары?

Имлах смотрела на него во все глаза. Дакини был по-настоящему огорчен. Похоже, он близок к тому, чтобы взорваться: кусает губы, хмурится, отворачивается, шарит руками по поясу. Наконец заговорил:

— Где мой меч? Я могу попросить вернуть мне оружие?

— Зачем тебе оружие?

— Госпожа, — произнес Хелот, мрачно глядя ей прямо в лицо, — в таком случае, могу я хотя бы узнать, свободен ли я?

— Я тебе не госпожа, дакини, — снова поправила его Имлах.

— Простите. — Но глаз не опустил.

— Я отвечу тебе по мере моего разумения, — медленно проговорила Имлах. — Многое зависит от того, что именно ты называешь «быть свободным». Свободен ли ты взять свое оружие, пойти ночью к Народу и устроить кровавую бойню? Тебя, конечно, убьют, но сколько погибнет тех, кого ты считаешь варварами! Нет, не свободен ты сделать это. Ты ведь об этом спрашивал?

— Если я свободен, — упрямо повторил Хелот, — то никому не должно быть дела до того, чем я собираюсь заниматься и как воспользуюсь своей свободой.

— Ошибаешься, дакини. — В тоне Имлах прозвучали металлические нотки. — Если мое предположение — правда, то лучше тебе сидеть в цепях, Хелот из Лангедока.

— Простите, но мне показалось, что лесные жители — враги замка. Разве вы не говорили, будто господин барон время от времени воюет с Народом?

— Это так, — не стала отрицать Имлах. — Но отсюда вовсе не следует, что Народ можно истреблять, особенно в мирное время.

— Но я не собирался никого истреблять, гос... Имлах. Однако когда я вышел в путь, со мной был...

— ...один из Народа, — заключила Имлах. — С ним не случится ничего плохого, поверь мне.

Хелот опустил голову на сплетенные пальцы рук и задумался. Он видел, что великанша уверена в своей правоте... И на краткий миг ему показалось, что он, Хелот, заблуждается. Нет никакого Ноттингема, нет на белом свете ни Лангедока, ни Иерусалима, ни деревни под названием Локсли... Остался в мире лишь бесконечный лес Аррой, где живут странные белобрысые дикари и где сам он, Хелот, — всего лишь презренный дакини.

— Имлах, — проговорил он глухо, цепляясь за последнюю надежду, — но ведь там, откуда мы пришли, мы с этим мальчиком принадлежали к одному племени...

— Странные, должно быть, это земли, — сказала Имлах.

Когда низкая дверь бревенчатого дома, где был заперт Тэм, приотворилась, мальчишка забился подале в угол и съежился. Его приволокли сюда силой, по дороге несколько раз вразумляли добрым ударом кулака, после чего бросили одного в доме и заложили прочные засовы на дверях и ставнях. Ничего хорошего он от этих нелюдей и не ждал. Хотя они продолжали упорно навязывать ему родство, Тэм скорее дал бы себя удавить, чем отрекся бы от своего господина. В его темном варварском уме жило только одно светлое воспоминание, и оно носило имя Хелота.

Поэтому он заранее набычился и сердито уставился на дверь, ожидая увидеть Отона или кого-нибудь из его подручных. Однако вошла женщина, и вместе с ней, казалось, в тесное маленькое жилище ступила неземная тишина. Тэм вытаращил глаза. Он не мог даже понять, красива ли она, потому что был ослеплен. Ощущение

свежести и покоя, исходившее от нее, было таким сильным, что Тэм начал задыхаться. Сквозь пелену он видел светлые косы, большие зеленые, как крыжовник, глаза. На голове она носила узкую кожаную повязку, украшенную бахромой, бисером и кусочками пестрого меха. Необыкновенно чистое лицо смотрело на Тэма участливо и в то же время отстраненно.

Затем, видимо уловив, как в мальчике бьется неосознанный ужас, она передумала подходить ближе и села у самого порога. Тэм с облегчением перевел дыхание и украдкой сотворил крестное знамение. Однако, против всех ожиданий, женщина не рассыпалась прахом, не заверещала, не обернулась куницей или рысью. Она попросту ничего не заметила.

— Мое имя Фейдельм, — сказала она очень тихо, чтобы не испугать ребенка еще больше.

— Кто вы? — прошептал Тэм. Он хотел назвать ее по имени, но подавился. Эти звуки как будто обжигали ему губы, застревали в горле.

— Я разговариваю с богами и духами от имени Народа. Я голос леса Аррой, знакомый Силам.

— Так вы ведьма? — хрипло спросил Тэм.

Она не обиделась, — скорее всего, просто не поняла.

— Мне многое ведомо, — был простой ответ. — А многое и не ведомо. Не знаю, кто я. Много лет я живу, но до старости еще вдвое больше осталось, чем прожито. Я была всегда. Но пребуду ли всегда? Вот тайна.

— Помогите мне, — сказал Тэм и снова поперхнулся на ее имени.

— Для того и призвали меня, чтобы я помогла. Твое имя Тэм Гили — так мне сказали. Но это всего лишь имя. Мне надо узнать, кто ты. Нетрудно сделать. Ты недавно живешь, я быстро найду исток твоего ручья, откуда он не влился в Великую Реку.

— Госпожа... хозяйка, — сказал Тэм. — Мне нужно только одно. Отпустите меня. Там, в лесу, в руках великана остался один человек. Я должен быть вместе с ним. Он болен, он умирает.

Ее лицо вдруг дрогнуло, и перед глазами Тэма все поплыло, как будто он смотрел в воду и отражение нарушилось всплеском.

— Каждый должен быть со своим народом, — тихо прозвучало в ответ. — Всякая потеря ослабляет Народ. Если мы рассеемся, мы утратим Силу и боги не услышат нас. Забудь своего дакини. У него другая дорога.

— Но ведь я не из вашего народа, госпожа. Если вы действительно добры, то помогите мне.

Фейделем задумчиво проговорила:

— Добра ли я? Вот тайна. Трудно сказать. Я не добрее, чем Лес. Я не жестче, чем Гроза. Я не милосерднее, чем Солнце. Я не суровее, чем Ветер. Я — голос, слышимый богами. Ты боишься меня?

Ее образ снова стал четким. Тэм смотрел на Фейделем, не отрывая глаз. Внезапно он разглядел ее всю: платье без рукавов и украшений, прямое и длинное, загорелые руки с двумя берестяными браслетами на запястьях — и нестерпимо прекрасное юное лицо с глазами, глядящими из древней древности...

— Встань, Тэм Ги́ли, — сказала она властно. — Подойди ко мне, Тэм Ги́ли.

Он поднялся на ноги и осторожно шагнул к ней навстречу. Ему казалось, что он идет против течения, — что-то мешало, и он с трудом преодолевал сопротивление. Лицо ведуньи приближалось, как будто придвигалось к нему толчками. Наконец Тэм остановился, тяжело дыша. Зеленые глаза смотрели, не мигая, и в них не было больше ни сострадания, ни интереса.

— Коснись моей руки, — велела она, и Тэм повиновался. В тот же миг словно молния взорвалась между ними. Тэма опалило огнем, отшвырнуло к стене. Он закричал так, будто хотел выплеснуть всю душу в этом предсмертном вопле, и ему почудилось, что в легкие вошел раскаленный воздух. Задыхаясь, кашляя, заливаясь кровью, хлынувшей изо рта и ушей, он рухнул на пол, и сознание оставило его.

Хелот налил себе вина и откинулся на спинку кресла. Мебель в замке Аррой была под стать хозяевам — такая же прочная, массивная. Спинка возвышалась над головой человека на добрых полтора лок-

тя, а резные остроконечные башенки по углам — и того выше.

Барон восседал справа от него, баронесса — слева. Имлах задумчиво ковыряла в ухе обглоданной утиной косточкой и, казалось, была погружена в свои думы. Десятка два горностаев с кудахтаньем носились по полу под ногами пирующих, гоняя огромный мосол. В воздухе стоял крепкий мускусный дух.

— Как самочувствие, друг мой? — благосклонно обратился к своему гостю барон.

— Превосходно, — ответил Хелот. Он и впрямь чувствовал себя бодрым и крепким, как никогда.

— Это хорошо, — одобрил барон. — А то ведь никогда наперед не знаешь, как обернется новое волшебство моей Имлах. Она у меня умница, шалунья, все ковыряется да возится с чарами, снадобьями, книжками. Много всякого изобрела, да вот на ком попробовать? Мы потому так обрадовались тебе, дакини, что ты чужой. Если помрешь — не очень-то и жалко.

Имлах поперхнулась. Барон повернулся к ней:

— А что, разве не так, Кукушкин Лен? Кто бы дал тебе испытывать непроверенные чары на ком-нибудь из Народа?

— Не только же в этом дело... — начала Имлах, покраснев.

Барон отмахнулся. В этот момент один из горностаев, разыгравшись, ухватил хозяина за палец и больно укусил. Показалась кровь. Рассвирепев, барон отшвырнул зверька и наподдал ему вдобавок ногой. Раздался отвратительный скрежет, как будто кто-то нарочно шаркал ножом по фаянсовой тарелке. Даже не верилось, что подобные звуки мог испускать такой нежный зверек. Он сжался в пушистый меховой шарик и орал, орал, орал... До Хелота донесся самый отвратительный смрад на свете — святой Сульпиций сказал бы ему, что так пахнет нашатырный спирт.

— Он еще и развонялся! — возмущенно завопил барон, вскакивая из-за стола и едва не опрокинув при этом гигантское блюдо, где в великом множестве плавали по озеру соуса кости четырех уток. Пылая гне-

вом, Теленн Гвад бросился было на зверька, как вдруг, словно из-под земли, перед ним вырос все тот же маленький высокомерный человечек в причудливой одежде — Лаймерик.

— Остановись, Теленн Гвад! — вскричал он, протирая руки. — Не прикасайся более к несчастному созданию!

С этими словами он наклонился над зверьком. Барон постоял, покачал в воздухе ногой как бы в размышлении, не пнуть ли заодно и этого наглеца Лаймерика, но затем передумал и аккуратно поставил ногу на пол.

Лаймерик взял зверька на руки. Тот злобно зашипел и испустил вторую струю омерзительной вони.

— Бедная зверюшка, — пробормотал Лаймерик, исчезая вместе с горностаем.

Покряхтев, Теленн Гвад уселся на свое место за столом и залпом осушил еще кубок.

— А ты знаешь ли, дакини, — обратился он к Хелоту, — кто принимает тебя в гостях?

— Щедрый, великодушный и могучий великан, — предположил Хелот. Он решил быть вежливым, насколько у него это получится. Гури Длинноволосый изрядно подпортил ему манеры, и Хелот не раз поминал валлийскую знаменитость незлым тихим словом.

— Не только великан! — вскричал барон. — Я спою тебе мою боевую песнь, юноша из рода дакини, дабы ты оценил... — Он поперхнулся и долго кашлял, пока не стал совершенно багровым. — Я спою ее тебе на древнем языке моего народа! Внимай!

И он заревел, напрягая шею и колыхаясь брюхом. Хелот не понимал ни слова, но этого было и не нужно.

Песнь была воинственна, архаична и, без всякого сомнения, сочетала в себе похвальбы и угрозы. Кроме того, барон явно не попадал в такт и был не в ладах с мелодией. Но пел он от всей своей великаньей души, и это тоже было весьма ощутимо.

Наконец он замолчал и с торжеством уставился на Хелота:

— Ну, понял что-нибудь?

— Да, — сказал Хелот и привел свою версию перевода:

*«Я — Теленн Гвад из замка Аррой,
Я убил много-много врагов.
Я убью еще больше врагов...»*

— Верно, — озадачился Теленн Гвад. — А ты умнее, чем я думал, дакини. Тебе ведом язык великанов? Ты знаешь древние наречья?

— Нет, что вы, сэр. Мне ведомы нравы воинов, — скромно отозвался Хелот. — Я и сам воин...

— Да, это было сразу заметно, — сказал Теленн Гвад. — Поэтому я и пришел тебе на помощь. Да, я сразу понял, кто ты такой. А знаешь ли ты, кто я такой?

— Вы, сэр, — Теленн Гвад, который убил много врагов, — сказал Хелот и поднял свой кубок. — И я хотел бы выпить за процветание вашего рода.

— Благодарю. — Теленн Гвад вылил в себя еще полпинты эля и заговорил снова: — Даже боги с уважением относятся к нам, великанам. Знаешь ли ты, кем была моя мать? Могучая великанша Скади — так ее звали. Когда она потеряла отца, то, не помня себя от горя, надела лыжи, подбитые мехом куницы, и помчалась по снежным холмам, все выше и выше, покуда не добралась до крепости, за стенами которой отсиживались боги. Ибо трусили они, прослышав о том, что Скади идет. Мстить за отца бежала она на лыжах, и все трепетали. И вот Скади предстала перед богами, пылая гневом, ужасная в своей печали по отцу. И тогда боги сказали: «Сейчас ты рыдаешь, Скади, но ведь настанет время, когда вновь будешь ты смеяться». Но безутешная дочь отвечала: «Нет, никогда не перестану я убиваться по отцу». Так она сказала, гордая, непреклонная Скади, и приготовилась уничтожать богов своим могучим копьём.

Барон вытащил из тарелки горностаю, подержал его за шкурку и выронил на пол. Пискнув, зверек умчался.

— И тогда боги сказали: «Хорошо, убей нас, Скади. Но ответь сперва: если нам удастся развеселить тебя,

откажешься ты от своей мести?» И она дала слово оставить злые думы на богов, если им удастся насмешить ее в час великой скорби по убитому отцу.

— И что? — спросил Хелот. — Удалось им заставить смеяться безутешную сироту?

— А как же! На то они и боги, — ответил барон и звучно рыгнул. Один из горностаев, сидевших возле его ноги, приподнялся на задние лапки и встал столбиком, прислушиваясь и припихиваясь. — Один из них, лиса лисой, самый хитроумный из всех, сделал это. Славной была его шутка! Он привязал к причинному месту бороду козла... И, увидев это, рассмеялась Скади и утерла слезы. Радость жизни вернулась к ней. Такова целительная сила веселья. Много лет жила она и родила много детей, в том числе и меня.

Заключив этими словами рассказ о семейном предании, Теленн Гвад повозил пальцем в соусе, облизал руку и встал.

— Беседа с вами была весьма поучительна, — сказал он своему гостю. — Мы рады гостям. Ты интересный собеседник, дакини. Завтра мы снова встретимся за пиршественным столом.

И, сопровождаемый пятью или шестью зверьками, норовящими ухватить его за ноги, Теленн Гвад размеренной поступью удалился.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Было так: много сотен лет назад мира Аррой не было, а река Адунн не носила имени и была просто безымянным потоком. Но потом Морган Мэган бежал со свинцовых рудников и открыл свои первые ворота. Вот так и случилось, что Демиургом этого мира стал беглый каторжник, и сотворил он свой мир так, как это любо было человеку, доселе запертому между четырех стен, одна из которых была голод, другая — страх, третья — каторжный труд и четвертая — неуспынный надзор.

А что мог сотворить такой человек?

Сначала он создал одиночество. Благое одиночество, исполненное покоя и неторопливости. И время в мире Аррой стало тягучим и неспешным.

Потом он сотворил деревья. Высокие хвойные деревья, пахнущие смолой. А потом и веселые лиственные рощи зашумели среди молчаливых елей. Под ноги легла трава. И теперь можно было лежать на траве в тиши и одиночестве и смотреть, как в вышине раскачиваются макушки деревьев.

Хорошо! Чего еще желать человеку, бежавшему со свинцового рудника? Он жевал хвою, ел ягоды и орехи, спал под еловыми лапами, пил из реки.

Но потом ему захотелось немного поговорить с кем-нибудь. А никого не было. И никто не восхищался тем, как замечательно устроил свой мир Морган Мэган. И никто не давал ему бестолковых советов. Никто не задавал дурацких вопросов. Мэгану стало скучно. И он сотворил Народ.

Почему Народ так высокомерен? Потому что он первым появился в мире Аррой, когда здесь не было еще ни одной разумной души. Потому Народ и стал хозяином леса, что Морган Мэган вызвал его из небытия, желая отвести душу в разговорах.

И они появились. Низкорослые, дружные между собой, враждебные всем остальным, воинственные, обуйные гордыней. Ох, как славно было ругаться с ними! Демииург упоенно бранился со своим творением день и ночь. Он мог переорать все племя, но предпочитал схватки один на один. И так продолжалось много дней, покуда весь Народ не сорвал себе глотку, пытаясь переспорить творца. Порой кое-кому это стало удаваться. И вдруг Морган Мэган понял, что его это раздражает.

— Как вы смеее победять меня в спорах? Я вас сотворил, обормоты! — закричал он как-то раз.

Но племя, лишенное чувства благодарности, в ответ лишь заулюлюкало и начало потрясать дротиками.

И проклял Морган Мэган свою глупость, благодаря которой создал Народ высокомерным, хитроумным и неуступчивым.

Долго бродил он по лесу, слушал, как шумят ветви деревьев, но все никак не мог успокоиться. Понял он тогда, что не на шутку разобиделся на собственное творение. И решил Демиург отомстить. Но не просто так отомстить, а по-настоящему. Месть его была воистину местью демиурговой: он создал второе племя — гномов.

Эти оказались настолько зловредными и коварными, что на короткое время Морган Мэган примирился с Народом и помог ему вытеснить гномов в горы. Недолго, однако, продолжался союз Демиурга и Народа; они снова разругались. И тогда Демиург сотворил третье племя: великанов. Эти были огромны, добродушны и на свой, довольно грубый и варварский лад, миролюбивы.

И стóлкнул Морган Мэган свой Народ с великанами, а сам сел в сторонке и начал смотреть: что будет.

Народ собирался большим войском, вооружался, исполнял ритуальные пляски, дабы обеспечить себе победу. Это нравилось Моргану. Это его забавляло. Он даже пришел в селение, чтобы увидеть все как можно лучше.

И увидел, на свою голову. Посреди селения воздвигли идолище и вовсю поклонялись. Этого Морган Мэган уже вынести не мог. Он выскочил в разгар идолопоклонства и заорал:

— Эй вы, мерзавцы! Что творите, паскудники? Зачем озоруете? Кому это вы тут поклоняетесь?

— Отойди, Морган Мэган, и не богохульствуй, — строго сказали ему. — Мы поклоняемся нашему богу.

— Я ваш бог! — гаркнул Мэган. — Вы что, с ума сошли? Забыли, кто вас сотворил? О неблагодарные!

И он горько зарыдал.

Но без всякого сострадания взирал Народ на слезы своего Демиурга.

— Сотворил — спасибо, — сказали ему еще строже. — Низкий тебе поклон за то, что сотворил. А теперь не мешайся не в свое дело. Мы сами знаем, кому молиться.

— И кому же вы молитесь?

— Великому Хорсу, солнечному диску, — был ответ. — Не тебе же, озорнику и шалопая, молиться? К тому же хоть ты и Демидур, а прошел слух, будто с каторги ты бежал. Что сие значит, мы не очень понимаем, но, говорят, каторга — это наказание за дурные поступки.

— Самый дурной мой поступок — это то, что я вас сотворил, — сказал Морган Мэган, утер слезы и плюнул. — Разбирайтесь, как хотите. Будете меня поносить, сотворю драконов.

И ушел он в слезах и расстройстве. Потому что Народ распустился и стал богов творить, а это было уже паскудство.

Ну вот, Народ долго сшибался с великанами. Накатит волной, ушибется о великаньи колени (а кто повыше — и о бедра) — и откатит, откатит... Морган Мэган потешался, наблюдая, и злобные словеса говорил, обижал Народ свой. А потом и вовсе из мира Аррой ушел.

И не вспоминал о своей первой неудаче много-много лет, пока не возникла нужда в богине. Попросили его по-хорошему пристроить молодую девушку так, чтобы сочли ее богиней, на худой конец полубогиней, и обид не чинили, а, напротив, всячески почитали. Тут-то и пришел на память Моргану его первый мир — Аррой. Старым стал уже тогда Аррой, но не забылся: первая Вселенная для Демидурга все равно что первая любовь для потаскухи.

Лаймерик возился со щенками горностаев. Они недавно появились на свет и копошились в ящике, норовя забраться друг другу на голову. Малыши были похожи на крысят — с тонкими хвостиками, круглыми головами, длинными телами. Но когда они пригибались к земле, распластываясь и растопыривая пальцы на широких черных лапах, становилось заметно: это детеныши хищника. Беспомощные сейчас, они будут опасны потом.

— Хорошо, что они размером не с дога, — задумчиво сказал Хелот, наблюдая за парой горностаев,

рвущих острыми зубами кусок сырого мяса. — Иначе страшнее зверя не придумать.

Лаймерик выпрямился и посмотрел на рыцаря с неудовольствием.

— Ходят всякие, бездельничают, с разговорами дурацкими пристают, — проворчал он.

— Извини. Я просто хотел посмотреть на щенков.

Лаймерик вытащил одного из них за шиворот и бережно положил на ладонь.

— Смотри, только не сильно трогай. Они очень хрупкие.

Хелот осторожно провел пальцем по выгнувшейся спинке щенка.

— Скажи, Лаймерик, зачем барону столько горностаев?

— Господин барон любит их, — отрезал Лаймерик. — А когда господин барон что-то любит, ему нужно, чтобы этого было как можно больше. Неужели ты думаешь, что такому великому барону, как Теленн Гвад, требуются еще какие-то причины?

Хелот пожал плечами.

— Имлах разрешила мне задавать любые вопросы, — сказал он. — Вот я и спросил.

Выражение лица Лаймерика мгновенно изменилось. Только что маленький человечек поглядывал на Хелота с нескрываемым раздражением, норовил нагрубить и наговорить гадостей — и вдруг расплылся в улыбке.

— Ах, это госпожа Имлах позволила... Тогда конечно. Спрашивать — твое право, и ты можешь им пользоваться. Что еще тебе хотелось бы узнать?

— Прости, мой вопрос может показаться тебе бестактным. Я хотел узнать, ведь ты принадлежишь к Народу, Лаймерик?

— Во всяком случае, по праву рождения — да. — Лаймерик гордо выпрямился. — И знай, дакини, что это большая честь — принадлежать к Народу.

— Могу я также узнать почему?

— Можешь, иначе будешь все время попадать впросак. Когда Демиург творил наш мир, первым он создал наш Народ, а потом все остальные племена, в том

числе и народ великанов. — Лаймерик невольно понизил голос и огляделся по сторонам — не слышат ли хозяева замка.

— Ваш Демиург? Вы что, лично знаете того, кто сотворил мир?

— Еще бы не знать! Время от времени он навещает нас... И каждый раз выходит какая-нибудь неприятность. То драконов к нам подселит, то поругается с кем-нибудь... Постой-ка, дакини, а ваш Демиург разве не возвращается к вам поглядеть, как вы без него живете-можете?

— Один раз он приходил, — сказал Хелот. — Вернее, он присылал к нам своего сына. Хороший был человек, этот его сын, умница, философ. Людей исцелял, бесов изгонял, самого Сатану в лужу посадил во время философского диспута...

— Сатана?.. А, понимаю. Это ваше название для Деструктора?

— Вероятно. — Хелот улыбнулся. Интересно, что сказал бы отец Тук, если бы увидел, как Хелот из Лангедока бодро ведет разговоры на богословские темы? «Еще немного, — подумал он, — и я начну посягать на дьявола...»

— И что было дальше с ним, с этим сыном? — поинтересовался Лаймерик. — Много начудил?

— Не так чтобы очень, но люди оказались очень злы к нему и по ложному обвинению в поджоге распяли.

— Поясни, — потребовал Лаймерик.

Хелот замялся. Ему вдруг стало неудобно за людей перед этим маленьким, забавным существом. Но волей-неволей приходилось отвечать, и он нехотя сказал:

— Гвоздями к большому кресту прибили и держали, пока не умер.

Лаймерик отшатнулся и прижал ладони ко рту. В его глазах показался неподдельный ужас.

— Великий Хорс, какие злодеи! А ты еще обижаешься, когда говорят, что дакини — низшая раса! Много непотребств чинил Народ, часто ругался со своим Демиургом, но такого зверства мы никогда не

допускали. Мы бы даже Деструктора, наверное, пожалели, не говоря уж о Демиурге, хоть он и безответственный тип. Ну а теперь ваш творец небось к вам и дорогу позабыл?

— Верно. — Хелот вздохнул. — И носу не кажет. А мы злодействуем себе каждый на свой лад, и всякий верит, что уж его-то возмездие не постигнет.

Лаймерик почесал кончик носа.

— Наш Демиург возвращался к нам неоднократно. И как появится, так неприятностей не оберешься. Такой уж нам творец достался. Я, кстати, всегда говорил, что Демиурга не выбирают. Что поделаешь, если нам выпал в творцы беглый каторжник?

— Что? — Хелот чуть не выронил щенка, и Лаймерик сердито отобрал у него детеныша.

— Очень просто, — сказал мастер горностаев. — Пойми меня правильно, дакини, это одни только слухи. Может быть, необоснованные. А может, и нет. Ведь дыма без огня не бывает, а про Моргана рассказывают, будто он горбатил на свинцовом руднике, куда угодил за свои прежние прегрешения... Кстати, он этого не отрицает. Может, он и сейчас в тюрьме сидит, потому что не верю я, что Морган Мэган может исправиться. Не такой он Демиург, чтобы не сотворить какую-нибудь пакость.

Хелот молча уставился на своего собеседника. Река Адунн. Мир Аррой. Морган Мэган. Все сходилось одно к одному.

Он так глубоко задумался, что вздрогнул, когда Лаймерик тихонько подергал его за рукав:

— Эй, дакини, тебе плохо?

— Нет. Скажи, Лаймерик, если Народ так горд, что никому не служит, почему же ты служишь Телену Гваду?

Лаймерик помялся, подумал немного, поводил подбородком по мягкой шерстке щенка, мирно спящего у него в ладонях. Потом спросил:

— Когда госпожа Имлах разрешила тебе задавать любые вопросы, что она говорила насчет ответов?

— «Ты получишь правдивый ответ или не получишь никакого», — процитировал Хелот.

— А... — Лицо Лаймерика выразило огромное облегчение. — Если она сказала именно так, тогда другое дело. Тогда хорошо.

— Ну так что?

— Ты не получишь *никакого* ответа, Хелот из Лангедока.

А было так. В лесу, неподалеку от частокола, за которым хоронились дома Народа, был выставлен дозор. Поговаривали о том, что на лесной дороге видели нескольких гномов. Может, и неправда это, может, померещилось кому-то, но только гномы — такой вредный народец, что даже слухами пренебрегать не следовало. Потому и отправили двух молодых воинов следить за дорогой.

Так они стояли час и другой. И тогда один дозорный сказал другому:

— Кто-то идет.

Они прислушались. По дороге действительно кто-то шел — не таясь, с хрустом наступая на сучья и опавшие ветки. Потом остановился и крикнул:

— Не стреляйте!

— Смотри-ка, заметил, — удивился первый дозорный.

Тем временем на открытое место вышел путник. Был он худ и высок ростом, хотя для великана недостаточно. Плащ на нем был в потеках грязи, но еще прочный. За спиной у него болтался холщовый мешочек с нехитрым скарбом, из-за плеча торчала рукоять меча. Несмотря на грозный меч, путник не производил впечатление человека, который чуть что — хватается за оружие и доказывает свою правоту клинком, а не словом. Казалось, он сам слегка потешается над своим воинственным видом. Он не понравился ни одному дозорному, ни другому — Народ всегда очень серьезно относился к таким вещам, как война и оружие, тем более благородное.

Между тем незнакомец остановился, огляделся по сторонам с веселым любопытством, заложил пальцы рук за пояс и крикнул:

— Ну, где вы там прячетесь? Я же знаю, что Народ не мог не выставить стражи перед своим селением!

— Ты неплохо осведомлен о привычках и обычн-
ованиях Народа, дакини, — сказал старший из дозор-
ных, показываясь из-за кустов.

— Еще бы! — согласился незнакомец и смешливо
фыркнул.

— Кто ты такой? — спросил дозорный. — Как
доложить военному вождю?

— Ого! У вас уже появился военный вождь? —
Незнакомец выглядел искренне удивленным. — Все
воюете? Позвольте узнать с кем?

Дозорный положил на тетиву своего длинного лука
стрелу с черным оперением:

— Отвечай, дакини!

— Ты сам ответил на свой вопрос, — сказал не-
знакомец. Его улыбка вдруг стала нехорошей. — Я
дакини. Могу я теперь узнать, с кем идет война?

— Нет. Иди за нами и не вздумай шутить. Народ
шуток не любит и не понимает.

— Да, это мой просчет, — вздохнул незнакомец,
завернулся в плащ и зашагал между двух маленьких
лесных воинов.

В поселке он снова остановился и начал вертеть
головой, осматриваясь. Казалось, ему нет никакого
дела до того, что он идет под стражей и что военный
вождь сейчас будет решать его судьбу. Это настора-
живало, и в толпе зевак уже начались перешепты-
вания.

Однако стражи сохраняли полное спокойствие. Не
так-то просто сбить с толку воина из Народа, если
тому что-то пришло в голову и он решил выполнить
свой долг до конца.

Оказавшись на площади перед идолом Хорса, не-
знакомец остановился и выпрямился, повернувшись
лицом к толпе. Народу все прибывало и прибывало.
Наконец вся площадь была заполнена маленькими

людьми. И тогда незнакомец глубоко вздохнул и заговорил звенящим голосом:

— Я ваш создатель. Я вернулся, дети мои.

Толпа ахнула. Одиноким юношеским голосом закричал, прорезая тишину:

— Это Морган Мэган!

Морган Мэган широко улыбнулся.

— Ну конечно, — сказал он просто. — Я пришел к вам посмотреть, как вы живете без меня.

Вперед протолкался Лаймерик Окраина.

— Здравствуй, Морган, — сказал он своему создателю. — Какая нелегкая занесла тебя в наши края?

Морган Мэган схватил его за руку и крепко обнял:

— Как я рад видеть тебя, дружище! Хотя вы все впали тут в мерзость идолопоклонства, а меня, вашего истинного бога, и за бога-то не почитаете, я все равно люблю вас!

Лаймерик осторожно высвободился из объятий Демиурга.

— Мы рады приветствовать тебя, Морган, — сказал он. — Отвечу искренне: твой приход — новая тревога для нас.

— Почему? Я пришел вас навестить...

— Ты хорошо создал этот мир. Не надо здесь ничего переделывать.

— Но я только...

— В прошлый раз тебе взбрело в голову сотворить драконов.

— А чем плохи драконы? — Морган Мэган воздел руки к небу. — Великий Хорс, что за народец вышел из-под моих рук! Непочтительны к своему Демиургу, чуть ли не на дверь ему указывают, едва пришел... Идола своего поганого небось и кровью обмазываете, и медом поите. А меня? Горе мне! Неблагодарное племя!

— Мы можем обмазать тебя кровью, Морган, но только думается, что тебе это не доставит удовольствия.

Морган Мэган обвел глазами толпу и всюду встречал хмурые, настороженные взгляды.

— Вы что, — медленно спросил он, — действительно мне не рады?

— Чему уж тут радоваться, — вздохнул в толпе женский голос. — Одни неприятности от тебя, создатель.

— Хорошо. — Морган Мэган немного подумал, потом сказал: — Я уйду от вас, как вы просите. Но не могу же я оставить свой народ без богов, с одним только кумиром несуществующего Хорса, которого вы сами себе выдумали.

— Не богохульствуй, Морган! — строго заметил Лаймерик.

Творец изумленно посмотрел на свое создание. Но военного вождя было трудно смутить. Лаймерик задрал голову и ответил на взгляд Демиурга прямым и твердым взглядом.

— Лаймерик Окраина, ты сильно рискуешь, разговаривая с Демиургом в подобном тоне. Я сотворил тебя своей Силой и своим Словом; я могу смять тебя, как комок глины.

— Знаю, — сказал Лаймерик. — И все же воздержись от поношения нашего божества.

— Может, еще прикажешь исполнять вокруг него ритуальные пляски? — язвительно поинтересовался Морган Мэган.

— Это не обязательно, — невозмутимо ответил Лаймерик, — хотя и желательно.

Морган Мэган перевел дыхание и покачал головой:

— Наглость твоя не знает пределов, Лаймерик.

— Что поделаешь, ведь меня, как и всех нас, сотворил беглый каторжник, — дерзко отвечал военный вождь. — Творение подобно творцу, не так ли?

— Так, — согласился Морган Мэган, — но творец всегда предпочтительнее, ибо совершеннее и больше в себе содержит.

— Содержать в себе много — еще не значит быть совершенством. Совершенство требует цельности.

— Отойди от меня! — закричал Морган Мэган. — Народ, не слушай его! Он лжепророчествует! Я — ваш истинный бог! Я настолько милосерден, что не призываю даже к свержению кумира! Я видел в мирах столько богов, что вам и не снилось, и все они были

хуже меня, поверьте! Ни один бог не разговаривает так со своим народом, ни один не был ему так близок! А сколько я вам прощал! Сколько добра принес в ваш мир! Неужели вы изгоните меня после этого?

Народ безмолвствовал. И в этом безмолвии отчетливо слышался утвердительный ответ. Морган Мэган перевел взгляд на Лаймерика.

— Это я, — тихо сказал военный вождь, — строил их против тебя. Это я сказал им: «Не нужно бояться Моргана, ибо только в Лесу, где высокие деревья, он строит из себя Демиурга, а в иных мирах он простой дакини, бродяга, поставленный вне закона. И если он придет к нам вновь, изгоним его, ибо одни только неприятности он приносит в мир Аррой».

— Ты посмел сказать такое? — Морган Мэган не верил своим ушам. — Ты... ты предал меня!

— Нет, Морган. Это ты предал свой Народ. Мы не игрушка для тебя. Мы хотим жить спокойно и счастливо. В последний раз ты сотворил драконов, и теперь наши девушки живут в вечном страхе, что их отдадут на съедение чудовищам. Ведь таковы обычаи драконов, не правда ли? Зачем ты сотворил этих монстров?

— Чтобы посмотреть, что получится, — хмуро сказал Морган. — Но на этот раз я пришел к вам совсем с другим. Я хотел, чтобы в вашем мире была богиня. Истинная богиня, не ложная.

— Нет! — резко сказал Лаймерик. — Я запрещаю тебе это делать.

И тут Морган Мэган не выдержал. Он выпрямился во весь рост, и даже упрямец военный вождь поневоле втянул голову в плечи. Серебряное сияние окутало высокую фигуру Моргана. Свет заструился с его волос, по плечам, по ногам, он стекал с кончиков пальцев, с полы плаща. Морган Мэган сильно вздрогнул всем телом и поднял руку.

— Будь ты проклят, Лаймерик, — сказал он совсем тихо, но таким низким голосом, что его слышали почти все из собравшихся на площади. — Я, создавший мир Аррой, я, сотворивший Лес, где высокие деревья, я, Демиург и единственный истинный бог

этого мира, говорю тебе: будь ты проклят, Лаймерик, за то, что не признаешь меня. Ты оскорбил меня не дважды и не трижды — неверием, подозрительностью, непочтительностью. Ты посмел отрицать, что твой бог — совершенство.

— Ты мне не бог, — сказал Лаймерик еле слышно.

— Слушай же, на что я обрекаю тебя! — повысил голос Морган Мэган. — Пусть отныне удача отвернется от тебя. Ты совершишь ошибку, командуя войсками, которых доверит тебе Народ. Ты попадешь в плен, и Народ не станет заботиться о твоём освобождении. Ты навеки превратишься в слугу долговязых дакини, которых так презираешь.

Лаймерик побледнел и упал на колени, закрыв лицо руками. Его трясло. Когда он поднял голову, все увидели, что лицо его залито слезами.

Белый свет медленно угас. Морган Мэган, точно очнувшись от сновидения, встряхнулся и посмотрел на военного вожда.

— Что, плачешь? — сказал он с ноткой презрительного сочувствия в голосе. — Раньше думать надо было. Кому ты дерзил? Я — Демиург, Лаймерик Окраина. Я могу смять тебя, как комок глины.

— Ты уже сделал это, — прошептал Лаймерик. — Но я и смятый скажу: плохой из тебя творец.

— Молчать! — побагровев, закричал Морган Мэган. Он поискал глазами в толпе воинов и указал пальцем на широкоплечего коренастого человека, вооруженного длинным мечом. — Тебя, Отон Осенняя Мгла, выберут вместо Лаймерика военным вождем. И ты дашь согласие.

Отон выступил вперед и склонил перед Демиургом голову.

— Я дам согласие и буду подчиняться твоим приказам, Демиург, но только при одном условии.

Морган Мэган вытаращил глаза:

— Ты смеешь ставить мне условия? Что за неслыханная дерзость? Разве я недостаточно устроил вас, непокорное вы племя? — Он ткнул носком сапога в Лаймерика. — Разве этого примера для вас мало?

— Любого примера будет для нас мало, — сказал Отон. — Мы подобны своему творцу, Морган Мэган. И я прошу тебя: пощади Лаймерика.

— Ни за что, — мрачно сказал Морган Мэган. — Его постиг гнев творца и нет ему спасения.

— Пусть он останется в плену, пусть утратит власть. Но только не делай его слугой презренных дакини.

Морган Мэган задумался. И поскольку он вовсе не был злым колдуном, как его многие пытались представить, то согласился.

— Хорошо. Встань, Лаймерик. Я снимаю часть своего проклятия. Дакини не наложат на тебя руку. Ты будешь слугой великана. самого великодушного и беспечного из всех великанов Арроя.

И Демидург поднял военного вождя на ноги и помог ему выпрямиться. И все увидели, как лицо проклятого вождя озарила улыбка.

Вечером, на пиру в честь Демидурга, Морган Мэган напился до белых чертиков в глазах. Ему все подливали и подливали доброго меда, а он все пил да пил и заплетающимся языком рассказывал о том мире, где побывал.

— Хорошо вам сидеть тут, в тишине и довольстве, — разглагольствовал пьяный создатель. — А вот тачку с рудой покатай — это каково? Это кому под силу? Да никому из вас не под силу, да! Я почему гномов создал? Они вредные, пусть руду добывают. Вредных не жалко. А вас — жалко, потому что я добрый и жалостливый, я свой Народ люблю...

Он упал головой на стол и полежал немного в неподвижности. Потом, приоткрыв глаз, заметил рядом со щекой кусок жареной свинины и впился в нее зубами. Пожевав немного, выплюнул на пол и заговорил снова:

— Теперь о деле. Я теперь мудрый и великодушный, я теперь кровавых врат не открываю. Я нашел вам богиню, дети мои. Пусть за вами настоящая богиня присматривает, коль скоро меня вы не признаете, а от ваших идолищ, прямо скажу, толку мало. Скоро

Река принесет ее вам. Она кристально чиста, ибо я не сотворял ее. На всех вас, своих творениях, я оставил, хотя и не нарочно, пятна своих пороков. К ней же я не прикасался... И она станет для Народа Солнечной Женщиной. Она будет слышать голоса богов... Хорс милосердный, как я напился...

Две молодые девушки приподняли Демиурга. Третья вылила ему за шиворот ковшик холодной воды. Морган Мэган дико заорал, вытаращив глаза.

— Прокляну! — вопил он. — Ведьмы! Чертовки! Так отвратительно обращаться с творцом! Ничего святого! А-а...

— Тебе лучше, Морган? — безукоризненно вежливым тоном осведомился Лаймерик. Он вновь обрел самообладание и возглавлял пиршественный стол, установленный прямо под деревьями. — Сии нарочито деликатные девицы получили приказание освежить тебя. Освежен ли ты?

— Несомненно, — буркнул Морган Мэган.

— Известие об этом наполняет наши сердца отрадой, — с невыразимым ядом в голосе провозгласил Лаймерик и поднял чашу. — Здоровье Демиурга!

— Виват! — гаркнул хор голосов, и чаши были осушены.

— Так вот, эта богиня будет... Боги, как мне плохо... — Морган Мэган мутно посмотрел на Лаймерика. — Эй ты, носящий демиургово проклятье! Есть у вас сказители или предсказатели?

— Разумеется, о Демиург.

— Пусть сочинят легенду. Не мне вас учить, о погрязшие в суевериях варвары. Богиня вам будет. Дайте ей какое-нибудь красивое имя. Если узнаю, что обижаете ее, я вернусь. Я... ах, боги, как я напился...

Они нашли ее на берегу Реки, спящей. Долго стояли, разглядывали: ростом она была немного повыше, чем любая женщина в Народе, волосом потемнее, порыжее. Она улыбалась во сне, а над ней тихо мерцала Радуга, время от времени заволакивая пеленой образ

женщины. Семицветные блики пробегали по ее лицу, волосам, загорелым рукам.

Потом она проснулась. У нее были зеленые, как крыжовник, глаза.

Вперед выступил один из беловолосых воинов, вооруженный длинным мечом, и склонил голову.

— Кто ты? — спросила женщина. — Что это за место? Я не помню такой реки...

— Я Отон по прозванию Осенняя Мгла, — сказал воин. — Я — военный вождь Народа, что первым пришел в мир Аррой.

— Аррой? — Женщина казалась удивленной. Она провела рукой по лбу и вдруг испугалась. — А я? — спросила она. — Кто я такая? Боже, я ничего не помню...

— Ты дар Реки, — сказал Осенняя Мгла. — Адунн принесла тебя на своих волнах. Мы будем называть тебя Фейдельм, если тебе нравится это имя.

— Мне нравится, — сказала она. — Но почему я ничего не помню?

— Ты чистый лист, — сказал Осенняя Мгла. — Ты богиня. Нам предсказано, что некогда Река принесет на своих водах Солнечную Женщину по имени Фейдельм, которая будет знать музыку сна, музыку смеха и музыку плача; сможет читать на камне, дереве и бычьей коже; сумеет вызвать Силы, остановить великана или гнома, предсказать завтрашний день и изменить по своей воле будущее. Это ты?

— Не знаю... — повторила она. — Здесь все так странно... Я молода?

— Ты была всегда и будешь очень долго, — торжественно провозгласил Отон Осенняя Мгла.

Глядя, как Дианора встает и медленно идет следом за беловолосыми лесными жителями, озаренная сиянием Радуги, Морган Мэган хмурился. Пожалуй, перестарался он. Пьян он был тогда. Поручил придумывать легенду варварским сказителям. Ну они и напридумывали, суеверы и мракобесы! Не навредило бы все это Дианоре... Но потом махнул рукой: что сделано, то сделано. Даже забавно будет посмотреть, что из всего этого получится.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Повозка грохотала по дороге, подскакивая на каждом ухабе. Мохноногая лошадка тянула ее все дальше и дальше от селения, по лесу, к баронскому замку. На повозке, на грудe соломы, под плащом, лежал Тэм Ги́ли, и голова его моталась по соломе. Белобры́сый воин по имени Танор вез его к колдунье Имлах в надежде, что та сумеет спасти Тэма.

Ничего этого Тэм не знал. Не знал он, как в дом, привлеченный шумом и криком, ворвался Отон, как Фейдельм сказала ему:

— Мальчик чужой в этом мире, Отон. Ты должен отпустить его.

Он не мог видеть, как Сила, точно разрядами тока, сотрясала тело Фейдельм, как она медленно прошла сквозь стену и исчезла, растворившись в раскаленном добела воздухе.

И никто не знал, что нарушение баланса Силы могло означать только одно: безответственный Демиург Морган Мэган снова открыл врата и сейчас находится где-то неподалеку.

А повозка скрипела, тряслась и катилась, и в бреду Тэму казалось, что это будет длиться вечно. Однако вдруг все замерло. Повозка остановилась.

Танор подобрал на дороге камешек и запустил им в стражника, уныло ковырявшего мох на стене своей алебардой.

Со стен замка донесся крик:

— Ты что, сдурел?

— Открой мне ворота! — закричал Танор совсем близко от Тэма.

Стражник свесился со стены, вглядываясь пристальнее в просителя:

— Что нужно воину Народа от Теленна Гвада?

— Помощи и милосердия! — был ответ.

— И как не покривятся уста, произносящие эти слова! — насмешничал голос со стены. — Неужто Народу ведомо, что такое милосердие?

— Не время шутить! — снова над ухом Тэма завопил Танор. — Со мной детеныш дакини, он умирает. Я прошу помощи у госпожи Имлах из Серебряного Леса, если она меня слышит.

— Только и дел госпоже Имлах, что слушать всякий вздор, — рявкнул стражник. — Какой еще детеныш дакини?

— Здесь, на повозке! — надрывался Танор. — Открой мне, иначе он умрет, а от Фейделъм мне не будет прощения. «Несправедливо, — сказала она, — умертвить живое существо только потому, что оно презренной расы».

— А кто мне поручится, что на повозке не оружие? — Стражник недоверчиво вытянул шею.

Вместо ответа Танор снял плащ и показал ему Тэма.

— Не знаю, — пробурчал стражник, — я спрошу у хозяйки...

И исчез.

Время шло, а никто не появлялся. Тэм завозился на соломе, несколько раз начинал хватать воздух ртом, как будто задыхался, потом затих, покрывшись испариной. Танор терпеливо ждал. Наконец кто-то начал возить ключом по замочной скважине, ругаясь и призывая на помощь всех богов. Ворота медленно раскрылись. Стражник махнул рукой: «Заводи свою повозку!» Танор взял поводья и повел лошадку за собой. Колеса снова загрохотали.

У ворот стояла Имлах — на щеке пятно от чернил, на плече белый горноста́й, которого она рассеянно гладила.

— Здравствуйте, госпожа баронесса, — произнес Танор, останавливаясь в пяти шагах от нее. — Благодарю за то, что снизошли к моей просьбе.

— Мы с вами сейчас не воюем, — ответила баронесса. — Помогать же соседям — наш долг.

— Взгляните на этого маленького дакини, — сказал Танор. — Ради него я посмел нарушить ваше уединение. Мы считаем, что он умирает.

Имлах склонилась над повозкой.

— Но я не вижу никакого дакини, — растерянно произнесла она. — По-моему, он из Народа...

— Мы тоже так считали, но Фейдельм разговаривала с ним, и Фейдельм нашла, что он чужой в нашем мире. Она велела Отону отпустить его. Мальчик был вместе с тем, кто сейчас гостит в вашем замке.

Имлах выпрямилась, поковыряла пальцем в ухе, потом обтерла руку о подол юбки и задумалась не на шутку. Не смея вторгаться в ее молчание, Танор стоял неподвижно и безмолвствовал. Наконец Имлах спросила:

— Разве Фейдельм, наделенная Силой, не может исцелить его?

— Сила Фейдельм оказалась для него губительной.

— Странно... — пробормотала Имлах. — Ты уверен, что никакие целительные чары еще не касались его?

— Откуда мне знать, госпожа? Отон велел просить помощи у вас. Он, наверное, знает.

— Отону-то как раз и неоткуда знать такие вещи. Он просто военный вождь, к тому же не слишком опытный.

— Есть и более опытный воин, — совсем тихо проговорил Танор. — В Народе болтают, будто Лаймерик... — произнося запретное имя, он понизил голос еще больше, — еще жив и полон сил, а из своей мудрости не утратил ничего, напротив, еще и прибавил. Если это так, то он неоценимый помощник.

— Это так, — сказала Имлах. — Но я не стану спрашивать у него совета. Нет смысла беспокоить его по пустякам. Я перенесу детеныша на кровать и подумаю, что можно сделать для него. Ты можешь отправляться домой. Скажи Отону, что выполнил свое поручение.

Танор еще раз поклонился и вывел лошадь из замка.

Морган Мэган шел по Лесу, среди высоких деревьев, которые сам сотворил, и душа его была полна печали. Только деревья не обманули его надежд и ожиданий; только они одни и остались верны своему создателю. Все так же шумели их кроны, все тем же покоем веяло

от их вековых стволов. Зачем он только создал этот Народ? Неблагодарные, заносчивые, упрямые существа! Они похожи на самого Моргана в дни его отрочества. И не надо было пытаться исправить ошибку и создавать гномов, чтобы потом загонять их в горы. И совершенно напрасно он создавал великанов. А зачем ему вздумалось добавить ко всему этому сброду еще и драконов — уму непостижимо. Просто взял в одно прекрасное утро и создал. И поселил их за рекой, которую назвал по имени своей матери — богини Боани. Зачем он, спрашивается, дал ни в чем не повинному потоку такое имя? Когда опомнился, было поздно: название уже закрепилось. Морган вздохнул. Так хорошо все начиналось. Такие славные пещеры он придумал, такие чудесные логова для драконов — черных, стремительных, гордых созданий, наделенных разумом и даром речи.

И вот все опять недовольны. Великаны благодушествуют и, по сути дела, предаются обыкновенному ничегонеделанию; гномы вредничают, скаредничают и накапливают богатства; драконы проявляют кровожадность и требуют себе ежегодно молодую девицу для поругания с последующим пожиранием; Народ же, естественно, ропщет и негодует на своего создателя...

Морган Мэган вздохнул и остановился. За валуном между корней огромной сосны он увидел источник, показавшийся ему странно знакомым. Мэган нахмурился. Кажется, он создавал этот участок леса с какой-то определенной целью, но не мог уже сообразить — с какой именно. Сосновая кора светилась здесь призрачным серебряным светом. Деревья казались колоннами огромного храма из полупрозрачного стекла. Серебряный Лес, вспомнил Морган Мэган. Источник Силы, вспомнил Морган Мэган. Но зачем? Этого он вспомнить не мог.

Он огляделся по сторонам. Печально и светло было у него на душе, должно быть, в тот день, когда он — еще молодой, еще не битый разочарованиями творец, — сказал себе: «А создам-ка я Серебряный Лес и помещу-ка я посреди него Источник Силы!» И со-

здал. И вернулся сюда спустя много лет, уже потрепанный жизненным опытом, перед которым тюремное прошлое кажется всего лишь репетицией генерального сражения с Жизнью.

Тяжело вздохнул Демиург и опустился на мягкий мох у самого источника. Послушал журчание воды, наклонился, взгляделся в серебристые глубины.

И вздрогнул.

Вода била ключом из земли, ледяная и синяя, унося под валун опавшую хвою и крошечные веточки. А на дне источника лежал и неподвижно смотрел на создателя нечеловеческий глаз. В том, что глаз был живой, сомневаться не приходилось. Он был круглый, большой, желтый, с расширенным зрачком.

Когда Морган склонился над глазом, глаз моргнул и зрачок сузился.

— Привет, — сказал Морган Мэган. — я Демиург.

Тут до него дошло, что глаз при всем желании не может ему ответить, и поэтому он лишь улыбнулся и по-собачьи прильнул к воде. Глаз наполнился светом. Прохлада пробежала по всему телу создателя, и вдруг он ощутил себя могущественным и великодушным — таким, каким и положено быть Демиургу. И ему снова захотелось улучшить свой мир, и только усилием воли он удержал себя от немедленного акта творения.

Растянувшись под сосной, Морган заложил руки за голову и, улыбаясь, уставился в высокое небо. Вот так он пролежал несколько месяцев еще до сотворения Народа, сразу же после побега с каторги. Только сейчас Мэган осознал, что это были лучшие дни его жизни. И он своими руками положил им предел, когда занялся усовершенствованием совершенного.

В воздухе настойчиво потянуло дымком. Морган насторожился. Где-то неподалеку жгли костер. И это было странно. В Серебряном Лесу никто не жил, это было место уединения и медитации Демиурга. Сейчас он вспомнил об этом. Морган поднялся и медленно пошел на запах.

Вскоре он вышел в черную сырую низину, где изредка мелькали среди обнаженной земли ядовито-зе-

ленные кочки болотной травы. На самом краю низины горел костерок, бледный в дневном свете, а возле него сидел какой-то человек. Он был очень высок — выше двух метров. Крупный, но не толстый, он не поражал и обилием мускулатуры. Однако же великаном его тоже не назовешь. Морган Мэган покачал головой. Он не помнил, чтобы творил подобную породу существ. Похоже, космогонический процесс совершенно вышел из-под контроля Демиурга.

Великан-невеликан помахал Моргану рукой и что-то крикнул громким веселым голосом, показывая на свой костер. Создатель осторожно прошел по краю низинки, ломая сухие ветки.

— Привет, — сказал незнакомец. — Мое имя Иллуги.

У него было круглое лицо и круглые светлые глаза, и казался он существом спокойным и добрым.

— Я Демиург, — мрачно отозвался Морган Мэган. — Откуда ты взялся, Иллуги? Я тебя не творил.

Иллуги улыбнулся:

— Я слышал о тебе, Морган Мэган. Добро пожаловать.

— Если ты слышал обо мне, то какого черта ты поселился в моем Серебряном Лесу? Тебе разве не говорили, что здесь заповедная зона?

— Что значит «заповедная зона»? Я поселился здесь потому, что в Серебряном Лесу никто не живет.

— Потому и не живет, что я запретил. Здесь я предаюсь размышлениям без помех, в тишине и уединении.

— Я не шумный сосед, — сказал Иллуги. — И тоже люблю уединение. Лес большой, Морган, вряд ли мы помешаем друг другу.

— Да как ты разговариваешь с создателем, ничтожное насекомое! — загремел Морган Мэган, который головы на две был меньше Иллуги ростом.

Иллуги ухмыльнулся.

— Я вежливо с тобой разговариваю, — заметил он. — Если прогневал тебя, извини. Я так редко вижу

живую душу, что уже отвык от манер. Говорю то, что думаю. Сейчас так не принято?

— Откуда я знаю? — буркнул Демиург. — Я тоже редко общаюсь с людьми. Впрочем, ты же не человек... А кто ты, собственно, такой?

— Я тролль, — сказал Иллуги и покраснел. — Ты, должно быть, знаком с моей дочерью, Имлах. Той, которую взял в жены Теленн Гвад.

— Имлах — тролльша? В первый раз слышу! — Морган Мэган уставился на Иллуги, полуоткрыв рот. — А откуда вы взялись, тролли? Хорс милосердный, я же вас не создавал!

— Мы сами создались, — пояснил Иллуги, — от союза великанов и гномов. Не смейся, — добавил он, видя, как Демиург побагровел и начал давиться, — такой союз оказался возможным и породил уродов и чудовищ, которых и Народ, и великаны, и гномы одинаково презирают. Мы презреннее, чем дакини.

— Но ты же не урод, Иллуги, — машинально пробормотал Морган Мэган, не удержавшись от того, чтобы скользнуть вороватым взглядом по лицу и фигуре своего собеседника. — По крайней мере, я ничего в тебе не замечаю.

— У меня был третий глаз, — сказал Иллуги.

— Ну и где же он? Почему на лице не носишь?

— Берегу, — пояснил Иллуги. — Это глаз провидческий. Мало ли что может случиться. Подерусь с кем-нибудь или зверь вышибет, а то и на ветку напорешься. Жалко... Я храню его в источнике, который бьет между корней большой сосны... Этим глазом я видел, как ты вошел в лес, как пил воду, как отдыхал возле ключа...

— Поселился в моем лесу, — горестно произнес Морган Мэган, — захламил мой источник своим ба-рахлом...

— Скажи, создатель, правду ли говорят, будто бы ты раскаиваешься в том, что создал драконов?

По серьезности тона, которым Иллуги задал вопрос, Морган догадался, что речь зашла о том, что волнует всех обитателей мира Аррой. Поскольку Морган еще

не успел посмотреть, как поживают драконы (он сотворил их в прошлое свое посещение и пока что не удосужился навестить), то ответа на этот вопрос у него не имелось. Тем не менее он сказал:

— В общем... Наверное, да. Главное — благо Народа. Если Народ недоволен драконами, Демиург обязан выяснить, в чем причины недовольства и принять меры.

— Разве ты уже не принял мер, создатель? — Иллуги казался удивленным.

Теперь Морган насторожился. Он привык, чтобы ему приписывали различные намерения, как правило греховные, но в данном случае ему пытались навязать чье-то безответственное деяние.

— Какие меры я принял? — очень осторожно спросил Морган.

— Разве ты не призвал в мир Аррой свою мать, царственную Боанн, речную богиню, которая взялась навести порядок и извести супостатов, сиречь драконов?

— ЧТО? — Морган Мэган подскочил, побледнев. Сердце у него упало. — КОГО я призвал?

— Боанн, речную богиню. Ты же создал реку и дал ей имя своей царственной матери!

— Да, я сделал это — сдуру или по пьяни, сейчас уже не помню. Кажется... — Морган призадумался, силясь извлечь из глубин памяти этот свой необдуманный поступок (а сколько их еще было! Ой-ой...) — Ну да, я посетил гномов в их подземных пещерах, полюбовался, как они катают тачки, обогащают руду... Охота пуще неволи — вкалывают так, что мои надсмотрщики на каторге рыдали бы от восторга, хоть они и бесчувственные монстры, лишённые человеческих чувств... Даже их бы проняло! Какое трудолюбие! Какая изумительная алчность! Потом гномы пригласили своего творца на пир. Они всегда меня кормят и поят до отвала, заискивают. И как я напьюсь до бесчувствия, так пристаю — то им золотиносную жилу сотвори, то алмазоносные кимберлитовые трубки. Я из-за них прочитал все геологические пособия, какие

только откопал в Александрийской библиотеке. В тот раз они здорово перестарались, накачивая меня вересковым медом. Я впал в слезливую сентиментальность и с тоски по материнской ласке создал реку Боанн... Протрезвел, ужаснулся, но было уже поздно. А теперь, говоришь, эта стерва прослышала и пробралась в мой мир?

Лицо Иллуги выражало ужас.

— Не говори так о правительнице! Она услышит, она придет, страшен будет гнев ее!

— Да прекрати ты! Не мракобесничай. Я — Демиург, так что ж ты боишься какой-то правительницы? Кто она предо мной? Да знаешь ли ты, что твоя любимая Боанн как только выродила меня, так сразу выбросила на берег и больше своим сыночком не интересовалась? Я рос как сорная трава. Беспризорно. И когда меня осудили на эти проклятые рудники, она и пальцем не шевельнула, чтобы меня вызволить.

— И все же Боанн — великая правительница. Она пришла в Аррой, встав из вод потока. Прекрасной была она, как утренняя заря. Одета во все алое, с волосами цвета зимнего заката...

— Розовыми, что ли? — перебил Морган Мэган.

Иллуги укоризненно взглянул на него.

— Золотыми, — поправил он Демиурга. — Она стояла на спине белой лошади и, подняв руки с обращенными вперед ладонями, так заговорила: «Ведомо мне, что создатель земель ваших, о тролли, гномы и великаны, Морган Мэган, называющий себя магом, необдуманно, в порыве гнева или же под влиянием горячительных напитков сотворил злобное племя драконов и поселил их за рекой...»

— Перед кем это она так распиналась? — снова встрял Морган Мэган.

— Перед народом холмов, — пояснил Иллуги. — Так рассказывают. Мне продолжать, или я вызвал твой гнев, и мне лучше не искушать судьбу?

— Продолжай, — мрачно разрешил Морган. — Ты же не виноват в том, что моя мамаша — набитая дура.

Иллуги покосился на Моргана с нескрываемым ужасом и пробормотал:

— Не говори так. Ты Демиург, тебе ничего не будет, а меня она покарает страшными карами за то, что я слушаю подобные речи.

— Ладно, не буду. Что она еще сказала?

— Она сказала, что всякий, кому дорог мир Аррой и Лес, где высокие деревья, не должен ни есть, ни пить спокойно, покуда жив хотя бы один дракон. И многие отправились в поход на супостатов, но мало кто вернулся — драконы уничтожили много гномов и троллей бесчисленно. Тогда гномы объявили, что не могут больше рисковать, ибо малым числом не смогут добывать драгоценные камни в потребных количествах, и ушли в свои горы. Но все же немало гномов осталось. А тролли никак не могли уговориться, но и второй поход не принес удачи... Тогда и пошла молва о девушках, отдаваемых драконам на растерзание. Я, правда, не видел ни одной такой девушки, но дыма без огня не бывает. Потому и отдал свою дочь Имлах за великана, лишь бы она ушла из этих краев.

— Так, так. Продолжай. — Морган был мрачнее тучи.

— Словом, ныне у Городищенской Лавы на реке Боанн стоит кордон. Следят, чтобы никто за реку не ходил под страхом смерти.

— Это еще чье дурацкое распоряжение? Тоже ма-тушкино?

— Разумеется. И оно не дурацкое, а очень предусмотрительное. «Одно дело доблесть, другое — удача» — так сказала царственная Боанн, когда призвала отказаться от священной войны, жалея свой народ.

— ЧЕЙ народ? — поразился Морган. — Это МОЙ народ! Ай да маменька! Всплыла из пучины водной спустя столько лет! Конечно, кому не охота прийти на все готовенькое и начать наводить свои порядки! Лучше попробовала бы сотворить что-нибудь свое! Трудиться-то никто не любит, всем дай попользоваться! Я ей покажу!

Он встал. Иллуги тоже поднялся на ноги. Непостижимым образом тролль вдруг стал ниже ростом, чем Демииург. Морган Мэган грозно заявил:

— Я ей объясню, что это МОЙ народ и что МОЙ народ свободен делать все, что ему вздумается. Хочет воевать — пусть воюет. Хочет лгать, красть, прелюбодействовать — пусть лжет, крадет и прелюбодействует, хоть это и не похвально. Это ЕГО дело, и незачем всяким земноводным дурищам вмешиваться со своими указаниями!

— Создатель! — отчаянно вскричал Иллуги. — Мне не следует слушать твои речи!

Но Морган уже рассвирепел, и его было не остановить.

— Молчи, презренный! — загремел он. — Не смей называть меня «создатель»! Я создавал несовершенных, но свободных и бесстрашных людей. Я не создавал трусов и лизоблюдов!

И оттолкнув от себя Иллуги, Морган Мэган бросился бежать в чащу Серебряного Леса.

Лаймерик сунулся в комнату, где Хелот был занят делом: изучал карту мира Аррой, взятую у баронессы.

— Хелот из Лангедока, — торжественно провозгласил маленький человечек, останавливаясь на пороге. — Имлах по прозванию Кукушкин Лен из Серебряного Леса приглашает тебя на приватную беседу в круглой гостинной замка Аррой, принадлежащего Теленну Гваду, величайшему из баронов Леса, где высокие деревья.

Эту тираду он выпалил единым духом, ни разу не споткнувшись.

Хелот улыбнулся и отнял карту у горностая, который вцепился в угол зубами и норовил утащить ее.

— Хорошо, Лаймерик, я иду.

— Я передам госпоже Имлах из Серебряного Леса, что Хелот из Лангедока оповещен о приглашении и направляется в круглую гостиную замка Аррой...

— Да, конечно, — перебил его Хелот, но Лаймерик лишь удостоил его взгляда исподлобья и непоколебимо завершил:

— ...замка Аррой, принадлежащего Теленну Гваду, величайшему из баронов Леса, где высокие деревья.

И, повернувшись к Хелоту спиной, величаво удалился.

Хелот свернул карту трубкой и последовал за забавным глашатаем баронессы. Имлах уже ждала его. Быстро кивнув Хелоту, она обернулась к Лаймерiku, который застыл в торжественной позе, не обращая внимания на двух горностаев, атакующих кисточки с его парчовых туфель. Распушив хвосты и прижав круглые ушки, звери с кудахтающим звуком предпринимали атаку за атакой, пока Лаймерик не схватил одного из них (второй тут же умчался прочь).

— Благодарю тебя, Лаймерик Окраина. Твои услуги замку Аррой неоценимы.

— Я рад, если это так, госпожа Имлах. Я могу идти?

— Разумеется.

Поклонившись, Лаймерик с достоинством отбыл, унося на руках притихшего горностаю.

Хелот проводил его удивленно-смешливым взглядом, но Имлах опять не поддержала веселости своего гостя. Она подняла брови и сжала рот, всем своим видом давая Хелоту понять: любая, самая невинная насмешка над Лаймериком не вызовет у нее одобрения.

— Скажи, Хелот, что ты намерен делать дальше? — заговорила Имлах.

— Не знаю. Я хотел бы отправиться в селение к Народу и потребовать, чтобы мне отдали назад моего оруженосца, но ты запретила мне это делать.

— Идти в селение не требуется. Сегодня прибыл посыльный и привез твоего мальчика. Его признали за дакини и возвращают тебе.

Выражение лица Имлах насторожило Хелота.

— С ним что-то случилось? — спросил Хелот, чувствуя, что сердце у него падает. — Они убили его?

— Нет. Они не хотели его убивать. С какой стати? Он не причинил им зла. Напротив, они думали принять его в свою семью. Ведь это великая честь — принадлежать к Народу.

Ответ Имлах понравился Хелоту еще меньше, чем тон, которым она говорила.

— Твои слова уклончивы, Имлах, — сказал он. — Что с ним? Он жив?

— Пока жив. Идем, я хочу показать тебе его.

Она поднялась и повела Хелота вверх по узенькой винтовой лесенке на верхний этаж башни, где возле узкого окна на большой кровати лежал очень маленький Тэм Гили. Хелот осторожно подсел к нему. Он заметил, что на ушной раковине мальчика запеклась кровь, и прикусил губу.

— Тэм, — позвал Хелот. — Это я, Хелот.

Мальчик открыл глаза и очень тихо сказал:

— Я рад, что это вы, сэр. Она больше не вернется?

— Кто?

— Фейдельм.

— Кто это?

— Она красивая и страшная, — прошептал Тэм. — Она как в тумане, как из-под воды... Я думаю, она ведьма, сэр.

— Это она тебя покалечила?

— Я не знаю. Она коснулась меня, и ударила молния. Мне показалось, что она не хотела этого. Я боюсь.

— Чего ты боишься, Тэм?

— Здесь была еще одна женщина. Кто она?

— Это госпожа Имлах, хозяйка замка Аррой. Она тебе поможет. Ты будешь слушаться ее, хорошо?

— Конечно, — сказал Тэм, — раз вы так приказываете. Я могу попросить одну вещь, сэр?

— Попробуй.

Тэм закрыл глаза.

— Я очень голоден, — сказал он. — Не могли бы вы принести мне немного хлеба?

Имлах, внимательно слушавшая этот диалог, подпрыгнула и захлопала в ладоши.

— Получилось! — крикнула она. — «Голод — первый признак жизнеспособности умирающего» — так говорит отец медицины Шумукан. Ай да Имлах! Ай да Кукушкин Лен! Получилось! — И, повернувшись к

Хелоту, зачатила: — Это было совсем новое заклинание, довольно рискованное. Я призывала Силы Радуги оставить его. Ведь Сила Фейдельм — в той Радуге, которая окружает ее, понимаешь, Хелот-дакини? Ах, как я рада! Сам Морган Мэган признал бы, что я права, если бы мог видеть мою работу.

И вдруг зевнула.

— Устала. Работа кропотливая. Да и кроме того, нервная: был страшный риск напороться на чужое заклинание, которое по какой-либо причине не сработало и застряло в... — Она щелкнула пальцами. — Не могу объяснить. В том поле, которое есть у каждого существа. Это было опасно. Но теперь все позади и...

Хелот прервал ее восторженные излияния:

— Я вынужден напомнить тебе, Имлах, что мальчик попросил хлеба. Нельзя ли позвать кого-нибудь из слуг...

Через несколько секунд в сопровождении пяти прыгающих горностаев в комнату церемониальным шагом вступил Лаймерик. На вытянутых руках он нес большую краюху хлеба с углублением в середине. Углубление было заполнено сметаной.

Склонившись, он поставил каравай на одеяло и отступил на два шага.

— Вкушай, отпрыск дакини, — проговорил Лаймерик.

Тэм принялся за еду, поблагодарив величавого слугу светлым взглядом. Хелот с удивлением заметил, что надменный мастер горностаев слегка улыбнулся.

По случаю очередного блистательного успеха баронессы Имлах в области магии и чародейства барон Теленн Гвад устроил грандиозное пиршество. Были приглашены также и соседи: военный вождь Народа Отон Осенняя Мгла, великий друид Народа Агафирс Медвежья Шкура, младшие вожди Онха и Харьян с женами и подругами.

Из Серебряного Леса прибыл Иллуги с четырьмя друзьями. Появление Иллуги вызвало всеобщий восторг. Имлах прыгала и целовала отца, барон от души

жал ему руку и представлял по очереди всех своих гостей, путая имена жен и подруг приглашенных вождей. Когда они заносчиво поправляли его, Теленн Гвад пропускал их замечания мимо ушей.

— Добро пожаловать, Иллуги, — гудел барон. — Я благословляю день и час, когда ты предложил мне в жены свою дочь. Кукушкин Лен — умница. А теперь вдобавок из нее получилась настоящая колдунья. Мало кто из великанов может похвалиться такой супругой.

Имлах стояла рядом, пунцовая от радости, и теребила белый фартук, накрахмаленный по случаю праздника. Фартук она надела не потому, что своими искусными ручками готовила огромного кабана, запеченного целиком и нашпигованного пряностями и яблоками. Вовсе нет! С тушей-то она как раз возилась без всяких фартуков. Но барон настаивал на том, чтобы во время торжества супруга владельца замка Аррой была облачена в национальный костюм. Имлах повязала белый кружевной фартучек поверх заляпанной жирными пятнами полосатой юбки, и туалет баронессы сочли вполне законченным.

— А это наши гости, — продолжал барон, вытаскивая вперед Хелота. Лангедокский рыцарь чувствовал себя немного не в своей тарелке среди этого сборища великанов. По случаю праздника Иллуги надел свой третий глаз, и это также смущало Хелота, к подобным вещам мало привычного. — Познакомься, Иллуги: Хелот из... Как там он называется, твой город?

— Лангедок, — ответил Хелот. — Это не город, это целая страна.

— Словом, оттуда. Хелот его имя. Он дакини. И с ним мальчонка... Как тебя зовут, ребенок?

— Тэм Ги́ли, сэ́р. — Тэм тарасился на диких гостей баронского замка с нескрываемым любопытством. Хелот заметил с долей зависти, что мальчик совершенно не испытывает страха перед этими существами, которые были, мягко говоря, не вполне похожи на людей. После болезни Тэм еще был довольно слаб,

однако это не могло умерить его восторгов: ему нравились великаны.

— Хо! — рывкнул барон. — Тэм Гили, что ж, неплохое имя. Я встречал имена куда менее благозвучные. Например, Онха...

И он оглушительно захохотал, заметив, как побагровел от гнева младший вождь и как вытянулась стрункой его надменная супруга.

— Мы пришли сюда не для того, чтобы выслушивать оскорбления, Теленн Гвад, — начал было Онха, но барон добродушно отмахнулся.

— Прости, Онха, сорвалось с языка. Я ведь немного выпил перед приходом дорогих гостей.

Иллуги с интересом разглядывал Хелота и мальчика.

— Вы тоже великан, Иллуги? — спросил Хелот.

— Нет, — ответил житель Серебряного Леса. — Я тролль. А вы...

— А я дакини, — улыбнулся Хелот. — Мне объяснили, что это презренная раса.

— И вас это не смущает?

— Ничуть. Ведь у меня на родине нет ни великанов, ни Народа...

Но поговорить им помешал неугомонный барон, который снова вмешался:

— Что ж ты, Иллуги, не представишь нам своих друзей? Явился не один, так познакомь почтенное собрание с гостями.

Иллуги поклонился и указал на маленького человечка с неприятной носатой физиономией, на которой сердито сверкали ярко-синие глазки. Он был облачен в кожаную курточку и кожаные штаны, заправленные в мягкие сапожки. Серые волосы человечка топорщились во все стороны.

— Гном Лозгайрэ, мой ближайший сосед, — провозгласил Иллуги. — Почтеннейший из рода гномов...

— В роду гномов не бывает почтеннейших, — заметил как бы между прочим великий друид Народа.

Гном яростно повернулся к нему и шевельнул кончиком длинного носа. Однако Теленн Гвад вмешался и предотвратил схватку:

— Иллуги, несомненно, хотел сказать, что для рода гномов Лозгайрэ является почтеннейшим. Что же касается Народа, то господин Лозгайрэ не имеет к нему никакого отношения...

— Что верно, то верно, — пробурчал Лозгайрэ. Они с друидом обменялись неприязненными взглядами, однако до открытой вражды дело не дошло.

— Другой мой ближайший сосед — Форайрэ из рода троллей, — продолжал Иллуги, положив руку на плечо коренастого рослого тролля с тремя глазами, приплюснутым носом и копной соломенных волос. Он был одет в кожаную юбку в складочку и кожаные сандалии с ременным переплетом до колена. Тролль растянул свою пасть в приятнейшей улыбке и молча протянул барону когтистую волосатую лапу.

Барон с чувством пожал ее.

— Приятно встретить поистине могучую персону, — сказал он одобрительно.

Тролль польщенно заржал.

Имлах хихикнула и прикрыла рот ладошкой.

— Хорошо, хорошо, — продолжал барон и окинул взглядом прочих своих гостей. — Господа, вы запомнили имена этих господ? Я спрашиваю так на всякий случай — вдруг вам вздумается выпить на брудершафт или еще что...

Он обернулся и посмотрел на двух троллей, которых также привел Иллуги. Те и вовсе не были человекоподобны: один напоминал трухлявый пенёк, другой был схож с валуном, поросшим мхом и лишайником и утратившим даже черты лица. Оба тролля застыли у дверей и никак не проявляли признаков жизни. Только глазки поблескивали из-под мха.

— Кто? Эти-то? А Деструктор их знает, Теленн Гвад. Увязались по дороге и никак не удалось избавиться... Думаю, они смирные. Я их гнал, гнал, ругал, ругал, бил даже. Сломал вон об того две дубины. А им хоть бы что. Только мычать начали, когда очень разлютовался. Я и бросил эту затею. Вреда от них все равно никакого...

— Ладно, пусть останутся. Для интерьера. — Теленн Гвад махнул рукой. — Прошу за стол, друзья мои! Кабан!

Имлах, румяная от удовольствия, внесла в зал огромного жареного кабана. Гости заметно оживились. Уже булькал эль, разливаемый по бокалам, уже суетились под ногами юркие горностаи, которые время от времени поднимались на задние лапки и стояли столбиком по несколько секунд, умильно заглядывая в лица едокам. Полетели под стол первые объедки, и зал наполнился пиршественными шумами: повсюду были слышны чавканье и бульканье, звуки поцелуев и невнятные угрозы, возня и деловитое кудахтанье зверьков, шарканье ног...

Тэм Гили уплетал за обе щеки. Он был счастлив.

Хелот почти не пил, с интересом поглядывал по сторонам, помалкивал. Тролли жевали, помаргивая третьим глазом. Лоэгайрэ, единственный гном за пиршественным столом, держался особняком и в чванливости мог поспорить с женами младших вождей. Впрочем, и Отон не спешил расслабляться и всем своим видом показывал готовность в любую минуту защитить честь великого Народа. Один только барон веселился от души. Барон и Тэм Гили.

Беседа стала общей, когда заговорили о драконах.

— Супостаты! — верещал Лоэгайрэ, брызгая соусом на себя и своих соседей. — Правильно говорила правительница Боанн: покуда живы драконы, ужасное порождение извращенного ума нашего Демиурга, не будет покоя на землях Аррой! Верно я говорю, Форайрэ?

— Угу, — мычал гигантский тролль.

— А вы никак ортодоксальный боаннит, уважаемый Лоэгайрэ? — поинтересовался великий друид Агафирс.

Лоэгайрэ уставился на Агафирса Медвежью Шкуру:

— Разумеется. Ведь я не принадлежу к Народу, чтобы мне можно было дурить голову вашим поклонением древесине, почтеннейший Медвежья Шкура.

Агафирс побагровел:

— Я согласен с вами в том, что Демииург наш — личность увлекающаяся и безответственная, но все же поостерегся бы так открыто становиться на сторону властительной Боанн.

— Говорят, она — мать нашего Демииурга. А кто, по-вашему, был раньше: курица или яйцо?

— Это философский вопрос! — завопил друид. — Философский!

— Покуда вы бегаєте от философских вопросов, — не унимался Лоэгайрэ, — дракон пожрет всех девиц и благородных дам в округе! Долой супостатов! Долой!

Он опрокинул в рот кубок с элем, поперхнулся и начал кашлять и давиться. Форайрэ услужливо похлопал его по спине, от чего Лоэгайрэ утратил равновесие и упал лицом на стол. Гигантский тролль заботливо потянул своего приятеля за волосы и заглянул ему в глаза. Обнаружив, что ясные очи друга помутнели, Форайрэ глубоко задумался, ковыряя пальцем в зубе.

— Драконы — это серьезно, — вмешался в разговор Отон. — Я даже думаю о новом походе на это племя. Нельзя же жить в вечном страхе перед ними.

— Говорят, они опять потребовали себе жертву. Раньше это не касалось нашего поселения, но кто знает, кого ныне затронет беда, — добавил младший вождь Онха.

Хелот наклонился к уху Имлах, которая увлеченно грызла кусок бараньей ляжки и успела до самых глаз забрызгаться жиром. Время от времени госпожа баронесса сгоняла с колен настырного горноста, который упорно забирался обратно и норовил вскочить на стол.

— Имлах, — шепнул Хелот, — а где Лаймерик? Почему его нигде не видно? Разве он в чем-то провинился и его лишили права участвовать в пиршестве?

— Тише, — ответила Имлах с набитым ртом. — Молчи, дакини. Ты говоришь о вещах, в которых ничего не смыслишь. Лаймерик не может быть *лишен права* участвовать в пиршестве. Он слишком почтенная личность для того, чтобы кто-то, будь то даже сам Теленн Гвад, посмел лишить его прав на участие в пиршестве. О нет, Хелот из Лангедока. Лаймерик

сам определяет, в чем ему участвовать, а в чем нет. И я думаю, что сейчас он предпочитает скрываться.

— Но почему?

— Не хочет встречаться с Отоном и остальными. Ему тяжело быть среди Народа. Ему тяжело показываться вождям.

— Я боюсь совершить какую-нибудь ошибку, — сказал Хелот. — Может быть, мне лучше задать вопрос и получить на него ответ, Имлах?

— Может быть, — неопределенно ответила она и залпом осушила огромный кубок. — Может быть.

Хелот перевел дыхание и решил:

— Лаймерик — предатель?

— Избави Хорс от такого! — отозвалась она. — Как ты мог подумать! Нет, разумеется. Он проклят Демииургом за свою дерзость и непреклонность, только и всего.

— ЧТО?

— Ах, милость небесная, чему тут ужасаться? Морган Мэган, сотворивший наш мир, — известный самодур. Нет ничего удивительного в том, что он кого-то проклял. Меня удивляет другое: почему он не проклял еще с десяток? Ведь не только Лаймерик посмел ему перечить.

— Иисусе... — прошептал Хелот. — Значит, этот маленький слуга имел мужество спорить с богом, а я считал его всего лишь...

— Вот поэтому мы и говорим, что дакини — низшая раса. Вы не умеете смотреть дальше очевидно. — Имлах налила себе и Хелоту еще эля. — Давай выпьем, Хелот из Лангедока. Пусть твой мальчик научится видеть глубже, чем ты. Он похож на одного из Народа. Кто родил его тебе?

— Мне? — Хелот машинально отпил из кубка. Этот эль был крепче и гуще, чем тот, что любили в Шервудском лесу, но тоже очень вкусный. — Ты что-то путаешь, Имлах. Я даже не был знаком с его матерью.

— Разве он не твой сын?

— Конечно нет.

— Тогда почему ты так беспокоился о нем?

Хелот растерялся. А Имлах продолжала свои расспросы:

— Как получилось, что он оказался твоим спутником? Разве дакини умеют беречь своих слуг? Разве у дакини вообще могут быть слуги?

— Вероятно, могут. У меня же есть.

— Но как вообще кто-то мог согласиться по доброй воле идти в услужение к дакини?

— Никто и не спрашивал его согласия. Я... — Хелот прикусил губу. — Я заплатил за него деньги, Имлах. Только и всего.

Она уставилась на него в недоумении:

— Как это «заплатил»? Ты что, купил живого человека?

Побагровев, Хелот кивнул. Он жалел, что не ответил великанше правду.

— А еще пытаешься уверить меня в том, что вы не низшая раса, — сказала она с горечью. — Нет, пока вы не изменитесь, быть вашему миру пусто. Вот и Морган Мэган так говорит. Он до сих пор свинцовые рудники вспоминает. Ведь Морган... — Имлах понизила голос и покосилась на барона, однако тот был увлечен кабаньей ляжкой. — Морган тоже дакини. Говорят, он совершил преступление, а потом открыл кровавые ворота и ушел в Аррой... Про него много что говорят. Но каким бы он ни был, нельзя было так с ним обращаться. Там, на руднике, ему выбили половину зубов, а один глаз у него с той поры почти не открывается... Жестокий мир. Нет, пока вы не изменитесь, ничего доброго от вас не жди.

И она налила себе еще эля.

Теленн Гвад поднялся и громким воплем потребовал внимания. Гости постепенно замолкали, уставясь на барона неподвижными глазами.

— Обетная чаша! — взревел барон. — Принесите обетную чашу!

Он обернулся, но слуг не обнаружил. Тогда в пьяной голове барона произошло просветление и он ука-

зал на большой медный таз, стоявший посреди стола. Таз был полон красной густой жидкости, которую вполне можно было бы принять за кровь, если бы не терпкий ягодный дух, исходивший от нее.

— Она здесь, господа! — провозгласил Теленн Гвад, ничуть не смущаясь. — И я хочу первым отпить из нее и дать обет. Итак... — Он взял таз обеими руками и поднес к своей огненной бороде. Хелоту показалось, что сейчас по жидкости побежит греческий огонь. — Клянусь, что найду настоящие барабант... брабан... как ты говорил, Хелот, какие кружева лучшие в мире?

— Брабантские, — улыбнулся Хелот.

— Во! — Барон обрадованно хлебнул вина. — Я найду для моей Имлах настоящие кружева! Ибо дама, сведущая и в чародействе, и в приготовлении кабанов, целиком зажаренных на вертеле, заслуживает самых драгоценных украшений.

И он передал чашу троллю Форайрэ. Тот заморгал всеми тремя своими глазами, но с места не двинулся, не вполне поняв, что от него требуется. Лозгайрэ, сидевший рядом, сердито толкнул его локтем. Тогда Форайрэ встал и, смущаясь под множеством взглядов, произнес:

— Клянусь... почию крышу моему соседу Лозгайрэ, ибо я ненамеренно сел на его дом нынче осенью и своротил трубу и десяток черепиц. Но я же не хотел! Я не нарочно.

И, показав в улыбке два торчащих клыка, тролль лакнул вина.

Лозгайрэ отобрал у него чашу, но в руках не удержал и бухнул на стол. Затем вскочил и, вызывая ослепительный свет сотрапезников, отбарабанил:

— Клянусь в будущем году отыскать алмаз, при виде которого Англай Алчное Сердце повесится на собственных кишках.

И плюхнулся на свое место.

Один за другим клялись гости барона Теленна Гвада. Женщины обещали родить сыновей, мужчины — сокрушить много врагов и одолеть свои слабо-

сти, а великий друид дал обет постичь тайну березы и руны «Беркана», что и означает «береза». Поскольку это было очень редкое дерево в лесах Аррой, то все отнеслись к его обету с благоговейным трепетом.

Хелот лихорадочно соображал, что бы ему такого обещать. Давать невыполнимый обет он не хотел, а какие обеты выполнимы — ума не мог приложить. Но чаша неуклонно близилась к нему, и, когда Имлах, поклявшаяся изготовить зелье, способное исцелить малярийную лихорадку, сунула ему чашу, Хелот медленно встал. Все глаза обратились к чужеземцу. Он понимал, что выглядит довольно незначительным в толпе троллей и великанов. Даже младшие вожди Народа поглядывали на него с нескрываемым пренебрежением. Хелот обвел взглядом пиршественный стол, поднял обеими руками чашу и заговорил:

— Как есть я рыцарь из презируемой вами расы, то клянусь во всеуслышанье: я совершу то, на что вы не решаетесь. Много за этим столом говорилось о драконьем иге и о кровавых обычаях этого племени, наделенного разумом, но обделенного состраданием. Я даю обет избавить Народ от страха перед драконами. Я отправлюсь за реку Боанн и уничтожу дракона, ожидающего свою жертву. Я клянусь вам в этом.

И в гробовой тишине отпил из чаши вина.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Морган Мэган выбрался на берег реки. Он почти не помнил, как творил эту местность. То и дело замечал признаки своего глубокого алкогольного опьянения, в котором пребывал, когда создавал эти раскоряченные деревья, уродливые валуны, заводи, нелепые болота, полные ржавой грязи. Да и речка сама получилась не ахти какая. Немудрено: попробуй создай что-нибудь приличное, когда в голове сплошной туман и обида неизвестно на кого.

Морган остановился, осмотрелся. Кое-что уже окультурили. Тут осушено болотце, здесь насажены

приличные деревца. На мгновение он умилился: хоть и уроды они, эти обитатели холмов, но толк с них все-таки есть.

И тут Демиург увидел нечто, от чего настроение сразу испортилось. У переправы, называемой Городищенская Лава, был выставлен кордон. Низкорослые, упрямые с виду человечки, вооруженные алебардами и пиками, с решительным видом расхаживали у лавы взад-вперед. Некоторые готовили на кострах еду, другие бдительно озирали окрестности. Судя по количеству пик и копий, поставленных в пирамиду, воинов на этом кордоне было довольно много, никак не меньше пятидесяти.

Морган Мэган направился прямо к ним.

— Стой! — гаркнул один из них, направляя копье Моргану в грудь.

Тот остановился, прищурил здоровый глаз. Большой мутно глядел из-под скошенного века куда-то в сторону.

— Кто таков? — требовательно спросил другой человечек, с золотыми пластинами на кожаной кирасе, — видимо, командир.

— Мое имя Морган Мэган. Трепещите, жители холмов, ибо я создал вас и вернулся посмотреть, как вы бережете мои заветы.

— Демиург, что ли? — недоверчиво прищурился командир кордона. — Морган Мэган, говоришь? А вот мы сейчас проверим, какой ты Морган. Руки за голову и ступай за нами.

Морган Мэган подчинился. Его забавлял серьезный тон, которым говорил человечек со своим божеством.

Демиурга привели в деревянную избушку и велели остановиться у порога. Когда он попробовал было опустить руки, острия пик в руках двух солдат угрожающе уставились ему в грудь.

— Что тебе нужно в этих краях, дакини, называющий себя Морган Мэган?

— Я пришел посмотреть, как живет мой народ. Направлялся сейчас в земли драконов.

В избушке все пришло в движение. Заерзал командир кордона, шевельнулись пики солдат, оконная рама — и та хлопнула.

— Ты шел в земли драконов? С какой целью?

— Справиться об их житье-бытье. Слишком уж много плетут небылиц про этот молодой народ. Надо посмотреть своими глазами.

— Значит, к драконам податься решил. А тебе ведомо, что сие велено расценивать как предательство?

— Меня не касаются ваши запреты. Я — Демиург.

— Думиург ты или нет, но предательство налицо. Твое вмешательство может спровоцировать новую грандиозную войну с драконами, в которой будет уничтожен цвет народа холмов. Из страха за свой народ правительница Боанн запретила нам переходить реку.

Морган Мэган опустил руки, отвел в стороны угрожавшие ему пики и заорал:

— Еще раз услышу об этой дуре, поотрываю головы вам всем! Мне нет никакого дела до Боанн и ее глупых запретов! Кто из вас хоть раз видел дракона?

— Все мы сражались с ними, — был ответ. — И если Боанн запрещает нам...

— МНЕ она ничего не может запретить, — зарычал Морган. — Я Демиург! Боги преисподней! Демиург я или нет?

— Нет, — сказал командир кордона. — Нам ты больше не Демиург, Морган Мэган. Нам ты теперь военный преступник.

Это было больше, чем Морган Мэган мог вынести. Ругаясь на древневаллийском языке, маг топнул ногой, и посыпались искры. Он взмахнул рукой — и из его пальцев вылетела молния. Белое сияние окутало его. Гнев Моргана разрастался, он был готов испепелить и избушку, и находившихся в ней людей. Он не видел, как они испугались, потому что внезапно с громким плеском из реки выскочила белая лошадь со стоящей на ее спине женщиной в алых одеяниях.

— Морган! — пронзительно закричала она.

Маг обернулся в дверях и увидел ее. Вода стекала с ее золотых волос, алый шелк облепил пышное тело. Темные глаза богини горели золотистым огнем. Про такие глаза можно было бы сказать «медовые». Она была похожа на Моргана — те же тонкие, нервные черты лица. Но если сын с первого взгляда казался чуть ли не уродом и лишь спустя какое-то время подчинял себе собеседника неотразимым обаянием личности, то мать поначалу поражала красотой, а затем начинала отталкивать, ибо за внешней прелестью черт не скрывалось ни ума, ни глубины.

— Остановись, Морган! — повторила Боанн. — Не смей причинять вреда моему народу! Они — мои, они служат мне, они верят мне! Я желаю им лишь добра, Морган, в то время как ты... ты...

— Мать! — прошипел Морган Мэган. — Ты вмешаешься в мужскую игру. Это мой мир. Уходи отсюда, ведьма.

— Нут и Наукет! — воззвала Боанн. — О боги всемогущего космоса, видите ли вы этого неблагодарного сына? — Она яростно уставила в Моргана палец со сверкающим кольцом. — Как ты смеешь быть непочтительным с матерью?

— Смею! — орал Морган. — Еще как смею! Ни одна мать так не поступает со своим ребенком! Ты бросила меня на произвол судьбы, мамочка! От тебя одни только глупости и неприятности!

— Да, бросила! — зарыдала Боанн. — Я была вынуждена! Знал бы ты, сколько слез...

— Молчи! — рывкнул Морган. — Я не хочу тебя больше слушать.

— ...Сколько страданий...

— Молчи, женщина! Ради кого мы сошлись с тобой в споре, скажи?

— Ради народа, который страдает, как и я... Сколько бессонных ночей...

— Ради народа? — оскалился Морган. — Раз так, то пусть народ и решает.

Боанн мгновенно осушила слезы.

— Да, — провозгласила она, — пусть выбирает народ. С кем он останется — с Боанн, которая желает ему мира, добра и покоя, или с Морганом Мэганом, от которого одни только беспокойства, войны и неприятности?

— Да будет так, — согласился Морган. Он вдруг разом устал.

Библиотеку громили орды варваров. Книги летели на пол. Два монаха лежали, протершись на полу; лысый череп одного был раскрыт чудовищным ударом моргенштерна. В луже крови плавало легкое костяное распятие, выпавшее из руки старца. Присев рядом с ним на корточки, широкоплечий громила с треском выдирает из серебряного оклада пергаментные страницы книги. Ему нужны были серебро и рубины, украшавшие оклад, а книга мало интересовала воина.

Кто-то потыкал в него ногой. Загорчав, как пес, у которого норовят отобрать вкусную мозговую кость, варвар поднял голову в простом шлеме. Рядом стоял человек, которого воин поначалу принял за недобитого монаха. Он был без доспехов, в потрепанной одежде. Меч в ножнах закинут за плечи, на поясе болтается узелок.

— Эй, — сказал человек, — мое имя Морган.

— Ну и что? — ответил варвар. — Я Бриаскис Сокрушитель Черепов.

— Сердце мое трепещет при звуке этого имени, — вежливо сказал Морган Мэган. — Скажи мне, славный Сокрушитель, не осталось ли в этой обители живого монаха?

— Почему мне знать, Морган Без Прозвания? Я занят.

Морган кивнул ему и неторопливо пошел в глубь обители. Повсюду были следы разрушений. Он видел лужи крови, осколки посуды, обломки мебели, обрывки тканей. То и дело Морган наклонялся к телам убитых, но ни в одном пока что не обнаружил признаков жизни. Он уже подумывал о том, чтобы поискать другую обитель, как вдруг заметил, что в

одном из подвалов еле заметно шевельнулась дверь. Оглядевшись по сторонам и не обнаружив поблизости ни одного варвара, Морган Мэган быстрым шагом направился к этой двери и распахнул ее.

Он оказался в темном помещении, где на первый взгляд никого не было. Морган поднял руку, и подвал озарился неверным светом. И тогда стало видно, что в углу съежился монах в черной одежде. Он был не молод, но и не слишком стар. Одежания его были запятнаны кровью. Монах в ужасе смотрел на Моргана, из пальцев которого изливался свет.

— Не бойся, — сказал Морган. — Это твоя келья?

— Да, — еле слышно выдавил монах. — Здесь я переписывал книги.

— А, так ты переписчик? Какая удача!

Морган уселся на жесткое ложе и развалился поудобнее.

— Я не из тех варваров, что грабят и убивают вас, — сказал Морган Мэган. — Меня не следует бояться.

— Я вижу, что ты не из тех варваров, — проговорил монах. — Но вот следует ли тебя бояться — другой вопрос. Быть может, предпочтительнее пасть от руки простодушного невежды, не ведающего, что творит. Мученический конец — это то, к чему надлежит стремиться.

Морган Мэган зевнул.

— Как мне называть тебя? Ибо разговор нам предстоит долгий.

— Можешь называть меня «отец Раок», — сказал монах.

— У вас принято такое обращение?

— Да. Я же монах. Только разговор у нас с тобой вряд ли получится долгим.

— Да? — Морган Мэган удивился. — А почему, отец Раок?

— Потому что я умираю, — сказал монах. Он отнял руку от живота, и Морган Мэган увидел зияющую рану. Его поразило самообладание, с которым держался этот человек.

— Ну уж нет, — заявил Морган Мэган. — Ты мне нужен. К тому же мне нравится, как ты себя ведешь. Стой где стоишь и не шевелись, отец Раок. Сейчас тебе будет очень больно. Постарайся не кричать.

Морган встал с жесткой койки монаха и поднял одну руку вверх, а другую направил на отца Раока. Яркая вспышка пронзила полутемное помещение. Луч света сорвался с пальцев Моргана и ударил монаха с такой силой, что тот пошатнулся и грянулся о стену. Боль исказила его лицо. Из глаз брызнули слезы, он застонал сквозь стиснутые зубы. Сила, вызванная Мэганом, избивала бренное земное тело. Мучению, казалось, не будет конца. И вдруг все кончилось.

Отец Раок с трудом перевел дыхание и посмотрел Мэгану в лицо усталыми глазами измученного старого пса. Морган Мэган опять уселся на койку, заложил ногу на ногу и усмехнулся.

— Как ты себя чувствуешь, отец Раок?

— Я очень устал...

— Посмотри, как там твоя рана.

Монах машинально подчинился и нащупал лишь дыру в одежде и рубец на коже. Теперь его лицо выражало неподдельный ужас.

— Что это?

— А... простое исцеление. Не стоит благодарности. Наоборот, это я должен сказать тебе спасибо за то, что не кричал. Ты мужественный человек. Проживешь еще лет пятьдесят, я думаю.

Отец Раок дрожал всем телом.

— Кто ты? — спросил он.

— Можешь называть меня Морган, это мое имя, — сказал Демиург. — Кто я? Это сложный вопрос. Многое зависит от того, во что вы здесь верите... Какая здесь религия, отец Раок?

— Христианская.

— Вы католики? — уточнил Морган Мэган. (Он явно гордился своими познаниями в этой сфере.)

Отец Раок кивнул.

— Нечестивцы и язычники разграбили нашу обитель, — сказал он, — но ни один из братьев не отрекся от своей веры.

— Расскажи мне об этой вере, — попросил Морган Мэган.

— Разве ты не... ты не сатана? — прошептал отец Раок, осеняя себя крестом.

— Я даже не знаю, кто это такой, — простодушно сознался Морган Мэган.

— Докажи! — запальчиво произнес отец Раок. — Ибо сатана — враг рода человеческого. Быть может, ты искушаешь меня чудесным исцелением, чтобы спасти тело, но погубить душу?

— Твои речи темны для меня. Как я могу доказать тебе, что не имею к этому «шайтане» никакого отношения?

Отец Раок протянул к нему крест.

— Поцелуй его, — сказал он. — А потом осени себя крестным знамением. Вот так. — Он показал. — И произнеси какой-нибудь стих из библии.

Морган Мэган подчинился, но вынужден был признаться, что библии не читал.

— Я пришел в эту обитель, полагая найти здесь мудрость. Расскажи мне о вашем Боге, отец Раок.

— Бог необъятен и неохватен разумом. Возможен лишь рассказ о его деяниях. Но и они безмерны. Какие тебя интересуют?

— Расскажи о том, как был сотворен ваш мир и как он будет уничтожен. Ведь я всего лишь невежественный язычник. Я с радостью послушал бы вашу книгу. Как ты ее назвал?

— Библия, — напомнил монах.

Морган Мэган кивнул:

— Уверен, что там содержится немало полезных советов. Дурак я был, что не читал ее раньше. Нельзя братья за сотворение мира, если не соображаешь, что делаешь. Да и ошибки других богов — ценный опыт, на котором надо было учиться. Словом, я глубоко раскаиваюсь в своем невежестве и жажду узреть свет истины.

Эти слова как нельзя лучше растопили сердце сурового монаха. И покуда наверху, в верхних кельях, шла резня и варвары проливали кровь и грабили

монастырские сокровища, в подземелье отец Раок вдохновенным голосом читал священную книгу христиан своему странному слушателю.

А Морган Мэган слушал, приоткрыв рот и затаив дыхание. Здоровый глаз его горел. От возбуждения он то и дело облизывал губы, грыз ногти, ерзал. Грандиозная картина конца света захватила его настолько, что он позабыл поддерживать в подземелье свет. Но монах знал «Откровение» наизусть и продолжал говорить в темноте, и мрак подземелья оглашался мрачными стихами пророчеств и видения конца света.

Прикрыв глаза, Морган представлял себе суровых ангелов с чашами, кошмарное чудовище с развратной валькирией на спине, четырех всадников с явно деструктивными наклонностями, грозного архангела с трубой... «Слишком много народу, — думал он, — это же их всех надо сотворить, чтобы они разыграли такой спектакль!» Он начал загибать пальцы: создать (сколько возни!), обучить, втолковать им, что от них требуется, заставить вовремя начать и, самое трудное, вовремя остановить, а под конец еще и успеть смести с лица земли...

Морган Мэган открыл глаза, и тотчас же в темной келье опять вспыхнул свет.

— Благодарю тебя за поучительную беседу, отец Раок, — сказал Морган. — Я узнал много полезного.

— Обращение язычников — моя задача, — смиренно отозвался монах.

— К вечеру ты выйдешь из обители и заберешь отсюда книги, — сказал Морган. — Я направлю к тебе крестьян с повозкой, они помогут. До ночи не высовывайся. Варвары тебя не найдут. Об этом я позабочусь. Попробуй уснуть. Ты хороший служитель своего Бога и честный человек, как мне показалось. Впрочем, я часто ошибаюсь.

Морган Мэган встал и направился к выходу.

— Погоди, — окликнул его монах. — Кого мне помянуть в своих благодарственных молитвах?

— Я же назвал свое имя: Морган.

— Да, господин, но кто ты? Откуда ты снизошел в нашу обитель?

— На этот вопрос существует множество ответов, отец Раок. Я сын реки, я беглый каторжник, я творец и созидатель, а вот теперь хочу быть деструктором и эсхатологом... Ибо разочаровали меня народ мой и мир мой, и тоска вошла в мое сердце. — Он дружески улыбнулся монаху, который смотрел на него во все глаза, окончательно сбитый с толку. — Можешь называть меня просто: «архангел Михаил».

И, хихикнув, вышел из кельи.

Середина августа выдалась в лесу Аррой на удивление жаркой. Никто из местных жителей и припомнить не мог, чтобы так пекло в это время года. По привычке валили все на безответственность Демиурга, который был пьян, когда создавал здешний климат. Впрочем, ни Хелоту, ни Тэму это не помогало — они выступили в поход через день после памятного пира. Хелот пытался оставить Тэма в замке, но мальчишка наотрез отказался. Памятуя о прошлых выходках своего преданного оруженосца, Хелот сдался.

И вот замок остался позади, лес с высокими деревьями путники миновали за два дня и теперь вошли в долину старых гор, называемых Щит Балора, и копыта двух лошадей застучали, как по камню, по иссохшей глине. Земля здесь растрескалась от засухи — дожди, поливавшие в начале августа лес Аррой, прошли в этих краях стороной, и за весь июль и август почва Щита Балора не получила ни капли влаги. Издалека казалось, будто по всей долине расстелили клетчатое полотно. Там, где русло пересохшего ручья, бурлившего по долине ранней весной, хранило остатки влаги, яркими заплатками на клетчатом платке собирались бабочки. Тучи желтых и белых бабочек садились тесно друг к другу на квадраты, прочерченные в глине трещинами, и запускали хоботки в землю. Когда Тэм водил рукой по их шелестящим крыльям, они нехотя поднимались в воздух и кружили возле мальчика, а потом вновь садились на свои места.

Хелот замотал голову белым кисейным шарфом, подарком Имлах Кукушкин Лен, которую он избрал дамой сердца с громогласного одобрения барона. Теленн Гвад бы искренне обиделся, вздумай герой, выехавший на битву со свирепым драконом, избрать себе другую даму сердца. Имлах от души поцеловала героя и преподнесла ему дар. Теперь этот дар защищал лицо странствующего рыцаря от палящего солнца и поздних осенних мух. Хелот оставил только узкую щель для глаз.

Он обернулся к Тэму и увидел отупевшее от усталости и жажды лицо мальчика, сплошь покрытое веснушками. Нос мальчишки обгорел на солнце и облупился, белые волосы слиплись и повисли печальными сосульками. Заметив взгляд Хелота, Тэм слегка оживился:

— Можно я что-то скажу, сэр?

— Говори, — великодушно разрешил Хелот.

Тэм тихонько проговорил:

— Я хочу пить, сэр.

— Я тоже, — утешил его Хелот и вдруг остановился, заметив кое-что на склонах гор. Он слез с седла. Его спутник непонимающими глазами посмотрел на своего хозяина.

— Слезай, Тэм, — сказал Хелот. — Шевелись. Ты, кажется, хотел пить.

— Зачем? — тусклым голосом спросил Тэм. — Здесь нет воды, сэр. Здесь наша гибель, сэр.

— Смотри, дурачок, — сказал Хелот, указывая на склон горы.

Тэма шатало, когда он подошел поближе.

И тут он тоже увидел. На склоне росли кусты дикой красной смородины. На них еще оставалось много ягод. Добравшись до кустов, путники начали жадно обрывать горящие под солнцем грозди и, давя ягоды, в спешке заталкивать в рот горстями, не разбирая, где спелые, а где зеленые. Горячие, пыльные ягоды пачкали ладони и одежду, но люди не обращали на это внимания. Тэм задыхался от жадности. У него уже начали

нуть обожженные кислой смородиной десны, но он продолжал глотать и глотать, не в силах остановиться.

Действие ягод оказалось волшебным. Исчезла усталость, прошла жажда. Из бессильной пустоты вдруг сами собой возникли новые силы. Хелот удачно убил овода, прихлопнув его на ухе, и повеселел.

Тэм подергал его за рукав:

— Смотрите, там кто-то разложил костер. — Он показал на дым, поднимавшийся над деревьями с другого склона холма.

Хелот прищурился. Ему не понравился этот дым. Они были в долине как на ладони. Хелот не любил ощущать себя мишенью.

— Давай-ка уходить, — сказал он, снова забираясь в седло. — День только начался. Хорошо бы выбраться из этой долины к ночи и заночевать где-нибудь поближе к Серебряному Лесу.

— Это далеко отсюда?

— Порядком. И пока мы болтаем, ближе не станет.

Тэм подошел к своей лошадке и тоже залез в седло.

— Сэр, — нерешительно начал он, — не знаю, как и сказать... А если мы встретим ЕГО... что мы ЕМУ скажем?

— Кого? — Хелот с интересом смотрел на своего оруженосца. Тэм выглядел смущенным.

— ЕГО... Демиурга... Того, кто проклял Лаймерика. Он ведь может и нас проклясть, сэр, ведь драконы — его создания, как и все прочие, кроме троллей. Я думаю, что он вмешается, если узнает, что мы хотим убить одного из них.

— Тэм, — очень серьезно сказал Хелот. — Если это произойдет, ты уйдешь немедленно. Я не хочу видеть, как ты погибнешь.

— Вы думаете, что этот... — Тэм понизил голос, — ...Морган Мэган растерзает нас в клочья?

— Я не знаком с Морганом Мэганом, — ответил Хелот, — но ничего хорошего о нем здесь еще не слышал. Впрочем, слухи есть слухи, а про демиургов много врут. Святой Сульпиций отзывался о нем сдержанно, но вполне положительно.

Тэм осенил себя крестным знамением и пробормотал молитву.

— Хороший был старик, — добавил мальчик, закончив молиться.

Они выбрались из долины к вечеру. На краю леса начиналась хорошо накатанная грунтовая дорога. Вокруг был чистый красивый сосновый лес, и кора у деревьев светилась в лучах заката прозрачным серебром. В нетронутом мху стояли золотистые муравейники. Это было место, особо расположенное к человеку, и путники мгновенно ощутили токи добра, исходявшие от земли. Серебряный Лес словно принимал в свои объятия уставшего от жестокости человека, предоставляя ему все необходимое: умиротворение, покой и одиночество.

Хелот остановил коня, прислушался. В тишине где-то далеко журчала вода.

— Теперь я понимаю, — проговорил он вполголоса, — что эту землю сотворил беглый каторжник. Да, похоже...

Он вспомнил первые дни своего освобождения из баронского замка и вздохнул. Тогда ему не хватало вот такого Серебряного Леса, где можно было бы скрыться от всех и кануть в лоно благосклонной и безразличной природы. И сам того не желая, Хелот ощутил симпатию к этому Моргану. Пожалуй, теперь он хотел встретить беспутного Демиурга. Лангедокец не испытывал больше страха перед ним.

— Здесь живут тролли, — озираясь, сказал Тэм. — Мне говорил Иллуги. Морган их не сотворял, и, стало быть, по законам Народа и по законам великанов, их может убить любой и не понести за это наказания. Они вне творения — так мне рассказывал Иллуги.

— В мире Аррой свои законы, — отозвался Хелот. — У вас в Англии тоже есть нечто подобное, не находишь?

Тэм поежился:

— Так-то это так, но все же... Мне все время кажется, что за мной наблюдают.

— Наверное, это третий глаз Иллуги. Помнишь, он хвалился, что третий глаз у него провидческий. Наверняка он нас уже заметил.

Песчаная дорога раздвоилась, потом еще раз. Хелот всякий раз избирал направление, которое вывело бы их к реке Боанн, но каждый раз дорога неизменно выворачивала к перекрестку, откуда они начали свой путь. Наконец Хелот направил лошадь прямо по мхам, между серебряных стволов. Тэм следовал за ним шаг в шаг. Он озирался по сторонам и чувствовал себя крайне неуютно.

Хотя был уже вечер, в лесу становилось все светлее. Светились стволы сосен. Лучи заходящего солнца окрашивали серебро в золотистый, розоватый, фиолетовый цвета. Весь лес переливался и горел, и по лицам двух путников скользили разноцветные отблески. Лошади тихо ступали по мху. Птицы уже молчали, и в тишине все громче и громче слышно было, как где-то неподалеку бежит вода.

Они спустились в низинку и увидели наскоро слепленную избушку. Она стояла прямо на краю невысокого обрыва над рекой. Под обрывом бежала речка, которая через несколько миль превратится в поток, носящий имя богини Боанн. Здесь она была значительно шире, чем в верховьях.

Хелот соскочил с коня и, бросив поводья, подошел к покосившейся двери. Она была кое-как обита облезлой медвежьей шкурой, из которой клочками торчала свалявшаяся шерсть. Дверь была приоткрыта. Хелот толкнул ее и, пригнувшись, вошел. Тэм с тревогой следил за ним.

Это была обыкновенная охотничья избушка. Единственное ее окно было засижено мухами. Зимняя рама была вставлена — никто не потрудился высадить ее на лето. Одно из двух стекол было наполовину разбито. На очень узком и очень грязном подоконнике стояла покрытая пылью глиняная лампа. Имелся стол, сколоченный из грубо оструганных досок. К нему прилипли клочки истлевшей скатерти. В углу имелось ложе, сплошь заваленное тряпьем.

Тряпье шевельнулось. Хелот вдруг сообразил, что здесь кто-то спит. Он удвоил осторожность, нащупывая на поясе кинжал, но вдруг в темноте налетел на брошенный на полу чайник и, пытаясь сохранить равновесие, своротил стол.

Спящий завозился и сел. Хелот, выругавшись по-валлийски, замер, сжимая пальцами рукоятку кинжала.

В открытую дверь ворвался Тэм и закричал:

— Сэр! Вы меня бросили? Там страшно!

Хелот ему не ответил.

— Кто здесь? — спросил он неизвестного. — Нас двое, учти, и мы вооружены.

— Я не могу ответить тебе, — прозвучал из темноты странно знакомый голос. — Я плохо помню. Скажи, кто ты такой?

— В этом мире меня называют дакини, — сказал Хелот. — Мое имя тебе ничего не скажет. Здесь я чужой.

— Давай выйдем отсюда, — предложил незнакомец. — Если у тебя нет враждебных намерений, то у меня их тоже нет.

— Хорошо.

Хелот взял Тэма за руку, и они вышли к светящимся соснам.

— Чего ты испугался? — спросил Тэма Хелот, пока они были наедине.

Мальчик поежился:

— Не знаю... Здесь все время как будто кто в спину смотрит. Может быть, это тролли?

— Это Иллуги. Его не следует бояться.

Дверь избушки скрипнула. Незнакомец выбрался на мягкий мох и, выпрямившись, прищурился. Он был смуглым до черноты, с черными глазами, очень худой. В первую секунду Хелоту показалось, что он видит перед собой Алькасара. Но в полумраке он мог и обмануться. Алькасар сразу узнал бы его. Алькасар узнал его даже под гримом, превратившим лангедокца в валлийского героя. А этот человек смотрел на него так, словно видел впервые.

Но на всякий случай Хелот спросил:

— Ты Алькасар?

Ответ удивил его.

— Не знаю. Я почти ничего не помню. У тебя есть имя, чтобы я мог обращаться к тебе?

— Хелот. А это Тэм Гили.

Смуглый человек кивнул:

— Вы оба нравитесь мне. Простите, если я говорю дерзости. Может быть, мне не положено иметь свое мнение. Мне не хотелось бы быть невежливым.

— Но ты очень вежлив, — сказал Хелот. — Может быть, разведем костер и поужинаем? У нас есть немного сушеного мяса.

— Спасибо, — сказал чужой человек и скрылся в избушке, где оставил свои сапоги. Хелот слышал, как он возится в темноте, обуваясь. Потом снова звякнул брошенный на полу избушки чайник, и незнакомец появился на пороге.

Костер, разведенный Хелотом, уже деликатно облизывал походный котелок, в котором варилось мясо. Тэм с пятнами сажи на скулах, сосредоточенно подкладывал в огонь веточки.

Незнакомец, странно похожий на Алькасара, сутулясь, остановился поодаль и нерешительно посмотрел на Хелота. Тот кивнул. Тогда незнакомец сел рядом.

— Тэм и я — мы чужие в этом мире, — сказал Хелот. — И ты, похоже, тоже. Может быть, нам держаться друг друга?

— Хорошо, — сказал незнакомец и поежился. — Мне все время не по себе, — признался он. — Хуже всего, что я не помню, как здесь оказался.

Хелот помешал в котелке палкой.

— Попробуй вспомнить хоть что-нибудь, — сказал он. — Может быть, тебе здесь смогут помочь.

Незнакомец нахмурился. Сейчас он так напоминал Алькасара, что Хелот готов был поклясться в том, что видит перед собой сарацина.

— Я помню, что с кем-то сражаюсь...

— Значит, ты воин.

Но незнакомец покачал головой:

— Нет. Почему-то я хорошо знаю, что я не воин. Я другой касты. Не помню какой.

— Касты? — Хелот ухватился за это воспоминание. — Вспомни хотя бы, высокой или низкой.

— Низкой, — тут же ответил незнакомец.

— Почему же ты тогда сражался?

— Меня хотели убить. Я защищался. Я ударился о стену, и посыпались... — Его лицо исказила гримаса боли. — Они были яркие, как падающие звезды. Они вспыхивали: красный, оранжевый, желтый, зеленый, синий... Они горели, обжигали, ослепляли, они выжгли память, они...

Хелот взял его за руку.

— Ты бредишь, — сказал он тихо. — Давай-ка лучше поужинаем. Не надо вспоминать.

— И каждая вспышка длилась мгновение и вечность. Время свернулось в капли огненного дождя. И мира не стало, — пробормотал он.

Хелот потряс его за плечи, потом ударил по щеке.

— Очнись! — крикнул он. — Перестань! Забуди!

Незнакомец сильно вздрогнул всем телом и посмотрел Хелоту в глаза.

— Кто ты? — спросил он, еле шевеля губами.

— Мое имя Хелот. Со мной Тэм Гили. Давай ужинать.

Незнакомец замолчал и взял из рук Хелота мясо. Какое-то время он сидел неподвижно, забыв о куске, который держал в руке, потом начал жевать. Ни малейшей благодарности к гостеприимству Хелота он, похоже, не испытывал. Когда Хелот спросил его, по душе ли ему скромное угощение двух странников, незнакомец вздрогнул всем телом и перестал жевать, но головы не поднял. Хелот пожал плечами и оставил его в покое.

Тэм уютно устроился возле огня. Серебряные деревья постепенно темнели и угасали. Теперь единственным источником света был маленький костер.

— Вы верите, сэр, что можно победить кровожадного дракона? — спросил Тэм.

— В древности это многим удавалось, — задумчиво сказал Хелот. — Я сам читал об этом, когда был немногим старше тебя, Тэм. Были герои, которые уби-

вали драконов налево и направо. Иллуги говорит, будто в одной старинной книге, называемой Гнилая Кожка, описан смертоносный прием, который был известен в этих краях как Прыжок Лосося или что-то в этом роде. Иллуги уверяет, что против драконов этот прием действовал безотказно.

— А в чем он заключается? — жадно спросил Тэм. Хелот вздохнул:

— Если бы знать... Иллуги понятия не имеет.

— А где книга? Ведь вы умеете читать, сэр, значит...

— Иллуги и Имлах в один голос уверяют, что Гнилая Кожка хранится у тролля Форайрэ. Он полный болван, как ты успел заметить на пиршестве у барона, но твердо усвоил, что книга Гнилая Кожка — великая ценность.

— Это точно, — согласился Тэм, временно впад в уныние. — И как вы надеетесь уговорить его, сэр?

— Попробую. В конце концов, сам Форайрэ, наверное, ничего не имел бы против, если бы жуткое чудовище было наконец уничтожено. Ведь никому неохота жить в вечном страхе перед драконами...

— Не очень-то мне нравятся тролли, — проворчал Тэм. — Недоумки они какие-то, если не считать Иллуги.

— Я думал, что только Народ подвержен заразе национализма, — заметил Хелот.

Тэм покраснел, но в темноте Хелот не заметил этого. А Тэма вдруг осенила новая мысль, и он спросил, от волнения растягивая слова:

— А вдруг Форайрэ людоед, сэр? Я слышал, что среди троллей встречаются людоеды.

— Понятия не имею, — отозвался Хелот. — Ну людоед. Тебе-то что? Тебе с ним детей не крестить.

— Да мне-то ничего, — уныло согласился Тэм. — Съест, только и всего.

Они замолчали. Костер потрескивал, отважно соперничая с очагом родного дома, который пытался заменить собою. Надо признать, что отчасти ему это удавалось.

Хелот взял пустой котелок и направился к реке за водой. Тэм лениво покосился на своего хозяина, но услуг своих предлагать не стал. «Совсем разбаловался мальчишка», — подумал Хелот, усмехаясь.

Он шагнул в темноту, и сразу же в его разгоряченное лицо плеснула прохлада. Хелот осторожно спустился по глинистому обрыву к воде и, стоя на коряге, лежащей на зыбком песке, зачерпнул. Яркая луна, отраженная в реке, сверкнула на расходящихся по воде кругах. Хелот выбрался наверх, поставил котелок на траву и наклонился, вытирая испачканные в глине колени. Отсюда, в ярком лунном свете, хорошо были видны костер и две темные фигуры возле него. С одной стороны пристроился Тэм Гили. Он расположился поближе к огню, заботливо оберегая от искр свои сапоги — подарок Лаймерика. И с чего это мастер горностаев так заботился о мальчишке-дакини? К Хелоту небось он никаких добрых чувств не испытывал. С другой стороны костра, чуть подальше от пламени, сидел на земле незнакомец, сцепив на затылке руки и уткнувшись подбородком в колени.

Хелот подхватил котелок с водой и направился к костру. На седле, снятом с коня на ночь, были аккуратно разложены мешочки с сушеными травами — еще один дар баронессы Имлах. Поистине она была очень заботливой дамой сердца. Хелот повесил котелок над огнем и развязал мешочки. Щепотку одной травы — для бодрости духа, щепотку другой — для свежести и аромата. Так учила его дама Имлах.

— Интересно, — снова завел Тэм, — а как выглядит дракон?

Хелот задумчиво посмотрел в огонь, словно надеялся найти там ответ.

— Честно говоря, я плохо представляю себе драконов. Думаю, он похож на огромного змея, покрытого жестким панцирем. На спине острые шипы. На лапах когти, а из лопаток растут мощные перепончатые крылья.

— И он дышит пламенем, — добавил Тэм.

— Возможно, — не стал спорить Хелот.

— А девушки ему зачем?

Хелот пожал плечами. Он полагал, что Тэм слишком юн для подобных вопросов.

— Думаю, у тебя будет возможность справиться об этом непосредственно у дракона, — сказал он и с удовольствием заметил, что Тэма передернуло.

Вода в котелке забулькала. Хелот забубнил заклинание, затверженное со слов госпожи Имлах:

— «Жар огня, землицы влага, холод ветра, воды прохлада...» — Он не закончил заговора, и не потому, что забыл. В какой-то миг он вдруг понял, что молчаливые и суровые силы мира Аррой и Серебряного Леса и без этих слов знают, что им делать с этой травой и с этой водой. И с костром, и с беззвучно текущей под обрывом рекой. И со звездным небом над клочком Серебряного Леса. И с мальчиком по имени Тэм Гили.

И с ним, Хелотом из Лангедока, который на свою голову надавал невыполнимых обетов и сейчас едет убивать ужасного дракона. Во всяком случае, Хелот очень надеялся на это.

Морган Мэган стоял на скалистой равнине, кое-где прорезанной глубокими расщелинами. Открытая всем ветрам, она была лишена какой-либо растительности. В выемках осталась дождевая вода. Ветер рвал волосы Мэгана, трепал его плащ. У бродячего мага был усталый вид. Одежда его износилась, и видно было, что много дней уже ему не случалось преклонять голову под крышей. Впрочем, Моргана это не беспокоило. Любая участь казалась ему предпочтительнее той, от которой он ушел много веков назад.

Мир, где он оказался, был пустынным и мрачным. Серые тучи низко нависали над головой, грозя пролиться холодным дождем. Морган Мэган прошел по скалистой равнине, не склоняя головы перед порывами ледяного ветра. Больной его глаз начал слезиться, от холода заныли зубы.

Он спустился в низину и начал исследовать пещеры, которыми был прорезан обрывистый склон. Почти

все были завалены ветками, хвоей, всевозможным мусором. Наконец ему почудилось, что он улавливает звук дыхания. Морган прислушался, склонив голову набок. Да, за завалами разнообразнейшего полуистлевшего хлама кто-то дышал. Вооружившись палкой, Морган извлек несколько разложившихся тушек животных, зарытых здесь хищниками на черный день, и отшвырнул их подальше. Разбросал сапогами хвою и ветки, разгреб руками песок, наметенный ветром. Из прохода донесся храп.

— Вельва, — позвал Морган.

Храп не прекращался. Морган осторожно проник в пещеру и стал осматриваться. Здесь стояла ужасающая вонь. В углу на гнилых шкурах спала, разметавшись во сне, старая женщина. Она была дряхлой, как мир. Щеки ее были как печеное яблоко, веки сморщились, ресницы выпали. Седые волосы отросли так, что окутывали ее до пояса. И хвала богам за это: почтенная старуха была обнажена, ибо одежда на ней истлела за века, частично была съедена насекомыми, частично разложилась и превратилась в прах. Волосы милосердно скрывали от Моргана хотя бы верхнюю часть ее тела.

— Вельва, — повторил Морган.

Старуха никак не отреагировала. Она была погружена в свой вековой сон и не собиралась прерывать это занятие. Перекрестившись, как научил его отец Раок, Морган склонился над ней и взял ее на руки. Вельва оказалась на удивление тяжелой. Моргану показалось, что внутри у него что-то обрывается. К тому же вельва источала невыносимый смрад. Задыхаясь, Морган потащил ее к выходу из пещеры и уложил на мягкий мох.

Здесь он смог перевести дыхание и глотнуть свежего воздуха. Затем принялся трясти вельву и хлопать ее по щекам, превозмогая отвращение.

Храп прекратился. Вельва зашевелилась, помотала головой по мху, открыла глаза. Моргану показалось, что перед ним разверзлись две пропасти, такими глу-

бокими и мудрыми были эти глаза, такие чудовищные видения затаились на дне этих старческих зрачков.

— Один? — позвала она. — Ты Один? Ты Вотан Водитель Воинов? Ты Альфёрд Всеотец? Ты Хар Высокий Рост? Ты Хрофт Воитель? Ты Харбард Седая Борода? Ты Хникар Сеятель Раздоров? Ты отец Вали? Ты супруг Фригт?

— Что? — Морган растерялся. — О ком ты говоришь? Ты вельва?

— Я вельва. Я волупса. Я вижу будущее. Я знаю все о гибели богов. Я знаю все о гибели людей. Я прозреваю гибель мира.

— Тебя-то мне и надо, — обрадовался Морган. — Помоги мне, мудрая вельва. Видишь ли, меня зовут Морган Мэган, и я Демиург. Я сотворил мир. Я был молод и глуп, когда взялся за это дело. И вот теперь, когда я стал старше и мудрее, я понял, что совершил множество ошибок. Я жажду исправить их. Я хочу смять, как комок глины, то, что сотворил по незрелости разума, и вылепить новый мир — гармоничный и совершенный. Научи меня, как сделать это.

— Я вельва, — повторила старая женщина. — Кто ты?

— Я создатель, — ответил Морган. — Я Демиург.

— Демиург. Я не понимаю.

— Я вопрошающий. Я хочу знать, как погибают миры. Я хочу сам погубить мир. Научи меня, мудрая вельва, которая видит гибель богов.

— Я вижу. Я знаю. Наступит зима и продлится она три года. Великанской зимой назовут ее. И на исходе этой зимы не наступит весна. Вечная ночь спустится на землю, ибо волк проглотит солнце. Но и месяц не осветит ночные равнины, ибо другой волк съест луну, и не станет в мире света... Звезды упадут с небес и канут в вечном снегу...

— Замечательно, — пробормотал Морган. — Значит, звезды упадут. Волков творить не надо, уже сотворены. Отличная эсхатология. Экономная.

Вельва, не замечая, продолжала замогильным голосом:

— И тогда затрясется и загудит ось земная. И начнется содрогание почвы, и скалы будут раскалываться...

— А это уже похоже на то, что читал мне отец Раок, — заметил Морган. — Стало быть, без землетрясения не обойтись. Много энергии забирают эти землетрясения. Ладно, постараюсь ради такого дела. Продолжай, вельва. Ты говоришь замечательные вещи.

— И погрузится в море земля. Вырвутся на свободу ужасные подземные демоны, и придет из-за горизонта корабль мертвецов... Загремит труба...

— Опять труба, — задумчиво проговорил Морган Мэган. — Придется брать уроки музыки. Я же не знаю даже, с какого конца в нее дуть. Да, уничтожить мир еще труднее, чем создать его.

Вельва внезапно очнулась от своих видений и устремила на вопрошающего вполне осмысленный взгляд. И тут же в ее глазах появился ужас.

— Кто ты? — вскричала она.

— Я? — Морган удивился. — Мы же только что познакомились с тобой, вельва. Я уже говорил, мое имя Морган Мэган, я создатель мира Аррой, который ныне хочу уничтожить.

— Ты обманул меня! — завизжала вельва. — Ты вырвал из меня тайное знание, предназначенное для ушей одного лишь Одина! Ты лжец! О, горе мне! О, горе тебе! Тайное знание уничтожит тебя, святотатец! Будь проклят! О, горе! Горе!

Она пошарила руками вокруг себя и обнаружила мох.

— Где я? Куда ты заманил меня, обманщик?

— Ты возле своей пещеры, вельва. Почему ты проклинаешь меня?

— Мне больно... — Неожиданно вельва захныкала, растянув беззубый рот. — Мне холодно... Мне стыдно... Я голая, здесь так холодно, там было так тепло. Там так приятно пахло. Там прели века. Я видела сны. Мне было хорошо. Отнеси меня обратно, Морган, и я сниму с тебя свои проклятия...

Морган наклонился над вельвой и снова поднял ее на руки. Пыхтя, он потащил ее обратно в пещеру и завалил перепревшей листвой.

— Ложись, вельва, на бочок, — пробубнил он нечто вроде колыбельной, — пусть приснится Рагнарёк...

Вельва блаженно улыбнулась, испугав его этой улыбкой еще больше, чем гримасой ярости, и почти тут же захрапела.

Отряхиваясь, как кот, выбравшийся из воды, Морган Мэган выскочил из пещеры.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Наутро в Серебряном Лесу вновь потянуло дымком. Хелоту это вконец перестало нравиться. Он не мог определить, откуда именно доносится запах. Когда он спросил об этом Тэма, мальчик кивнул с растерянным видом.

— Я тоже не понимаю, — сказал он. — Тянет дымом, как от костра, а вот с какой стороны — ума не приложу.

— Не нравится мне все это, — сказал Хелот. — Здесь слишком много троллей.

— Они не страшные, сэр, — возразил Тэм. — Напротив, довольно милые.

— Ты видел их только на пиру в замке Аррой, — возразил Хелот. — Там они, разумеется, вели себя тихо и пристойно. Все-таки Имлах из их племени, а барон Теленн Гвад, как мне объяснили, — самый добродушный и могущественный из всех великанов. Но я понятия не имею, что они могут вытворить у себя дома.

— Когда я с вами, сэр, мне ничто не страшно, — заявил Тэм, чем привел своего хозяина в мрачное расположение духа.

Они вышли на край болота. По весне здесь, вероятно, на много миль разливалась непроходимая топь. Но и сейчас, в пору засухи, бродить по этой жидкой черной грязи не рекомендовалось. Путники пошли кра-

ем, осторожно выбирая кочки понадежнее, чтобы не свалиться.

Запах дыма был здесь сильнее. К нему подмешивался приятный аромат какого-то кушанья или напитка, незнакомого Хелоту. Все эти загадки нравились лангедокцу все меньше и меньше. Он хотел уже было предложить повернуть назад и попытаться пройти другим путем, когда увидел впереди костер и возле костра — Иллуги.

Троль улыбался.

— Добро пожаловать! — крикнул он издалека. — Я посылаю за вами дым костра.

— Мы так и поняли, досточтимый Иллуги, — вежливо ответил Хелот. — Добрый день.

— Рад вас видеть, друзья мои, — продолжал Иллуги. — Устал я от одиночества. Да и тролльские рожки хоть кого из себя выведут.

Он помахал рукой, словно показывал куда-то, но Хелот ничего не увидел, кроме нескольких валунов. Вдруг один из крупных камней шевельнулся, и сквозь зеленый мох глянули глаза. Они смотрели плаксиво и недовольно. Иллуги постучал кулаком по камню, и булыжник испустил жалобное мычание.

— Видал, какие у меня соседи? — Иллуги одновременно и забавлялся, и сердился. — И ведь как незаметно подкрались! Я избрал себе уделом одиночество, о великий герой и враг драконьего семени (Хелот не вдруг понял, что этим пышным титулом Иллуги именует его самого). Я мечтал об уединении среди серебряных стволов и потому не желал видеть рядом с собой ни одного тролля. С тех пор как Имлах оставила меня для лучшей доли, опостытели мне лица соплеменников. И стал я жить один, никем не тревожимый. И радовался я этому, о герой. И вот в один прекрасный день я заметил, что валуны как будто подобрались поближе к моему жилищу. Долго недоумевал я. Целый месяц длилось мое недоумение. И покуда я пытался понять причину этого, они подходили все ближе и ближе. Так продолжалось, пока мне не пришлось в голову огреть одного из них дубиной. Он

вскричал: «Ай!» — и тем самым выдал себя и остальных. С той поры и пытаюсь их извести, да только тщетно.

Тэм привязал тем временем лошадок и подошел к троллю. Иллуги взял его за подбородок. Для этого троллю пришлось согнуться чуть ли не пополам.

— А ты все бродишь со своим хозяином, маленький дакини? — Иллуги усмехнулся. — Говорили, будто ты из Народа.

— Вовсе нет! — отрезал Тэм.

— Ну хорошо, хорошо. — Иллуги вздохнул. — Если бы Народ пытался усыновить *меня*, я не стал бы отказываться. Да только тролли никому не нужны. Даже такие, что почти лишены уродств, а если и имеют третий глаз, то съемный и к тому же провидческий.

Тем временем незнакомец, странно похожий на Алькасара, оглядывался по сторонам. Его явно тревожили эти валуны с их неподвижными взорами.

— Не нападут? — спросил он тролля.

— Они совсем ручные, — успокоил его Иллуги. — Я кормлю их с ладони. Ни разу не укусили.

— А чем ты их кормишь? — любопытствовал Хелот и еще раз посмотрел на живые камни.

— Сырым мясом, конечно, — ответил Иллуги. — Чем же еще? Первое время нагло требовали мясо дакини или на худой конец гнома, но я быстро приучил их к зайчатине.

Ближайший к нему валун неожиданно распахнул огромную пасть, полную острых, как иголки, зубов. Выделялись четыре гигантских клыка. Иллуги показал троллю кулак, и пасть с громким лязгом захлопнулась. Глазки, полускрытые мхом, блеснули желтоватыми огоньками.

— Ой! — взвизгнул Тэм, запоздало испугавшись (вся сцена разыгралась слишком быстро). — Вы уверены, что нас не сожрут в этом лесу, господин Иллуги?

— Пока я здесь, разумеется, не сожрут, — важно ответил Иллуги. — Ведь вы избрали дамой сердца мою дочь. Разве я могу допустить, чтобы Имлах была огорчена? Разве я смогу видеть ее расстроенное личи-

ко? Нет, я не могу этого допустить, я не смогу этого видеть. Я должен охранять вас.

— И на том спасибо, — проворчал Хелот.

Иллуги отогнал подальше любопытствующих троллей и уселся опять к своему костру.

— Прошу, — пригласил он своих гостей и принял-ся колдовать с чайником, в котором варился какой-то темный напиток.

Гости не без опаски пристроились поближе к хозяину.

— Да, трудное дело вы затеяли, сэр Хелот, — снова заговорил Иллуги. — Трудное, но почетное и достойное воина. Я, правда, не видел ни одного дракона, но от гномьего племени доходили слухи об их свирепом нраве и ужасных обычаях. Да и богиня Боанн предостерегала от их коварства. Велика, мудра, исполнена доброты Боанн! И как у такой благонаправной богини мог родиться столь беспутный отпрыск! — Иллуги покачал своей крупной головой.

— А богиню Боанн вы тоже не видели? — спросил Тэм, придвигаясь поближе.

— Видел. Выпало счастье видеть эту спасительницу нашего народа. Глаз не оторвать, такая красавица, хотя, конечно (да простится мне эта дерзость), краше моей Имлах не найти.

Иллуги на секунду задумался.

— Да, — выговорил он наконец. — Извести проклятого супостата не просто. Подготовиться надобно не спеша, основательно. Известно ли вам что-либо о драконьих повадках?

— Кое-что, — ответил Хелот. — В моем мире драконов, по-моему, давным-давно извели, если они вообще были. Но сохранились книги и письменные свидетельства, к которым, как к живительному источнику, я прикладывался в былые времена.

— Это хорошо, — одобрил Иллуги. — Вряд ли наш Демиург придумал что-то такое, к чему и оружия не подберешь. Но говорят еще вот что. Будто бы дракона может убить не всякий меч, а только тот, что закален в источнике мудрости. Ибо в тот момент, когда герой отрубает дракону голову, из перерубленной шеи начи-

нает фонтаном бить ядовитая кровь. Одной капли, попавшей на кожу, достаточно, чтобы умереть в страшных мучениях. И только меч из источника мудрости остужает драконью кровь, и она не выходит из жил убитого чудовища. Имя же этому мечу — Секач.

— Предположим, — сказал Хелот. — В таком случае, мне необходим такой меч. А как здесь с источником мудрости?

— Есть. Бьет между корней одной высокой сосны. Я храню там свой глаз. Вполне возможно, что в незапамятные времена в этих водах и был закален меч по имени Секач. Мне об этом ничего не известно. Скорее всего, волшебное оружие прячут под землей гномы.

Хелот задумался:

— Подождите-ка... Вроде бы, один из гномов был среди гостей барона.

— Верно. Почтеннейший Лозгайрэ. Да только у него снегу зимой не допросишься. Первейший жадина во всей округе. Его даже сами гномы называют Лозгайрэ Скупой, а уж если такие скареды, как гномы, придумали ему такое прозвище, значит, нам с вами у него ничего не отломится.

— Это мы еще посмотрим, — сказал Хелот. — Может быть, мне удастся его уговорить.

Иллуги покосился на смуглого черноволосого спутника лангедокца.

— А это кто с вами? — спросил он, как показалось Хелоту, ревниво. — Не тролль?

— Кто его знает, — ответил Хелот задумчиво и тоже посмотрел на незнакомца. — Он и сам толком не знает...

— Значит, тролль, — с облегчением констатировал Иллуги. — Да и рожей уродлив. Наверняка из нашего брата. Ох, зло потешился над нашим троллевым горем проклятый Демиуржище. Но ничего, выйдем и мы на свою войну, уничтожим драконов — злобные его творения, а его самого предадим вечному проклятию. — Он повернулся к незнакомцу и похлопал его по плечу, действуя с осторожностью, дабы не навредить. — Оставайся со мной, бедняга. Вместе мы выступим, когда

настанет черед. Нам, троллям, нужно держаться друг друга.

Но незнакомец покачал головой:

— Не думаю, чтобы я был троллем. Мне кажется, мы с Хелотом одного рода.

— Вы? — Иллуги забежал глазами, сравнивая их. — Может быть... — нехотя признал он наконец. — Но маловероятно. Кхх... Давайте пить кофе.

Хелот честно признался, что пьет подобную вещь впервые. Тэм — тот закашлялся, начал плевать и в конце концов заявил, что Иллуги поит их живой горечью и что он, Тэм, отказывается вливать в себя подобную гадость. Что же касается незнакомца, то он вдруг глубоко задумался и сидел в неподвижности, глядя на свою кружку, пока Хелот не подтолкнул его в бок:

— Что с тобой? Заснул?

— Нет... — Он медленно перевел глаза на Хелота. — Мне кажется, я узнаю запах... Откуда здесь этот напиток?

Иллуги пожал плечами:

— Говорят, Демииург откуда-то притащил. Не знаю. Растет, вроде, на кустах или деревьях, гномы выращивают, а потом продают втридорога. И такие хитрованы, не передать: ведь эта штука вроде наркотика, то есть если привык, то жить без него уже не сможешь. Они сперва приучили всю округу пить кофе по утрам, а потом стали требовать за него меха, костяные украшения и наконечники, ягоды, — словом, троллям пришлось изрядно побегать, чтобы заполучить желаемое. Я по утрам варю целое ведро, чтобы напоить свое стадо. Они у меня такие. Свое не получают, мычат — недовольство выражают. Но и троллюшки мои всю стараются. Весь сбор ягод и орехов — их трудами.

— А может, я и вправду этот... тролль, — все так же тихо сказал незнакомец. — Но мне кажется, я помню кофейный запах с самого детства.

— Ты молодой тролль, — сказал Иллуги, присматриваясь к нему повнимательнее. — Я рад, что троллюшки начали рожать нормальных детей. Надоело жить среди пней да валунов...

— Послушай, Иллуги, — заговорил Хелот, отставляя свою пустую кружку и укладываясь на мягкий мох, — Тэм уверяет, будто видел у Народа ужасную колдунью.

— Это их богиня, — нехотя пояснил Иллуги. — Лично я никогда не встречался с ней. Солнечная Женщина — так они ее называют, а имя ей подобрали сами и кличут Фейдельм. Говорят еще, будто ее не творил Демиург и, стало быть, она чиста.

— Что она может? — продолжал Хелот.

— Да все может. Что тебе нужно?

— Чтобы этот человек мог вспомнить свое прошлое. Сказал, кто он и откуда.

Иллуги покосился на мрачноватого спутника Хелота:

— Так ведь мы уже решили, что он тролль? Что еще узнавать-то?

— Я не хочу, чтобы произошла ошибка, — спокойно сказал Хелот. — Потому что у меня есть совсем другие предположения на его счет.

— Лучше отдайте его мне, — повторил Иллуги. — Ему здесь будет хорошо.

— Это уж не мне решать, — усмехнулся Хелот. — Я с одним мальчишкой справиться не могу, а вы предлагаете мне распоряжаться судьбой взрослого человека.

— Вы уверены, что он свободный человек?

— Во всяком случае, здесь он волен идти, куда ему вздумается.

— Спасибо, — проговорил незнакомец.

— Кто ниже: тролль или дакини? — начал рассуждать Иллуги. — Раньше за троллей никто не вступался. Таков был закон. Но теперь появилась Боанн. А у вас, дакини, имеются ли заступники?

— Только меч, рука и друг, — сказал Хелот и встал. — Благодарю за угощение и приятную беседу, Иллуги. Нам пора идти.

Морган Мэган провел пятерней по воздуху над головой, и нарисовалась маленькая Радуга, в которой недоставало двух цветов: желтого и фиолетового. И

ворота открылись совсем крошечные — такие, что Моргану пришлось пригнуть голову, чтобы пройти. Неугомонного мага давно уже интересовало: что будет, если войти в мир не полностью, а лишь частично. Он предполагал, что такие неполноценные ворота как раз и помогут разрешить ему это сомнение.

Он оказался в густом тумане. Потом с трудом различил, что стоит на берегу огромной реки. Река была настолько полноводна, что противоположный берег терялся за горизонтом, сливаясь с испарениями влаги. Посреди озера на огромном листе какого-то водного растения возлежало существо и наигрывало на дудочке.

Это заинтересовало Моргана. Он подошел поближе, стараясь не поскользнуться на водорослях, выброшенных на берег, и прислушался. Мелодия была простая и в то же время неуловимая.

— Здравствуй, приятель! — крикнул Морган Мэган.

Голос его утонул в густом тумане. Однако возлежавший на листе человек отложил в сторону дудочку и прислушался.

— Прости, если я помешал тебе создавать музыку, — продолжал Морган Мэган, — но я нуждаюсь в помощи.

— Никто не нуждается в помощи, — прозвучал спокойный ответ. — Если тебя гложет неутоленное желание, откажись от желания, и ты снова обрешь покой.

— Не так-то просто мне отказаться от желания, уважаемый отшельник, — сознался Морган Мэган. — Прости еще раз, если я обратился к тебе не с тем словом, с каким здесь принято.

— Неважно, что принято, странник. Ни одно слово не будет ложным и ни одно слово не может считаться истинным. Называй меня, как тебе угодно. Отбрось сомнения. Истина — только в тебе. То, что кажется тебе истиной, является ею на самом деле.

— Собственно, я насчет дудочки... Ты замечательно играл, отшельник. — Морган Мэган помахал ему ру-

кой. — Плыви сюда, поговорим. Дело в том, что мне необходимо научиться играть на трубе, вот я и подумал: лучшего учителя мне не сыскать. Помогите мне!

— Я охотно помогу тебе. Обучение займет совсем немного времени. — Божество, возлежавшее на листе посреди водного потока, не сделало ни малейшего движения, чтобы двинуться с места, но тем не менее оно немного приблизилось. Может быть, причиной тому был расступившийся туман. — Несколько десятков лет уйдет на созерцание объекта. Потом, когда форма его войдет в твое сознание, научись брать его в руки. Дунь и вслушайся в звук. Вот он вышел из твоих легких и оказался во рту, вот он изо рта переходит в деревянное чрево, а оттуда медленно вылетает в воздух и заполняет собой пространство... Научись улавливать каждый шаг каждого звука...

— Иисусе, — пробормотал Морган Мэган, — это слишком долго. Я должен научиться играть на трубе, и как можно быстрее, пока моя матушка, речная богиня Боанн, не натворила бед в моем мире...

— Твои речи сбивчивы, а аура красна и мерцает, — изрекло божество. — Ты охвачен нетерпением, злобой, тебя гложут недобрые замыслы. Откажись от них. Предайся созерцанию прекрасного в тебе. Пусть уйдет все то злое, что мешает тебе жить.

— Чтобы это злое куда-то ушло, я должен принять меры, — сердито объяснил Демиург. — Видишь ли, я сотворил мир. Сотворил я его по образу и подобию своему, то есть крайне несовершенным. И затем, поскольку сам становился все совершеннее и мудрее, мне захотелось улучшить свое создание.

— И ты ухудшил его, — заключило божество. — Я так и думал.

— Наконец-то ты меня понимаешь. Поговорим как демиург с демиургом. Что ты делаешь, когда замечаешь в своем творении несовершенство?

— Я уничтожаю его, — спокойно произнесло божество.

— Слава Богу! Наконец-то я встречаю разумного бога. Надеюсь, ты подскажешь мне, как это делается?

Натворить-то я натворил, а вот как это ликвидировать! Мне советуют для этого сначала научиться играть на трубе. Это необходимый элемент эсхатологии. Все так говорят. И вельва, и отец Раок.

— На трубе? Воистину странные советы давали тебе эти советчики.

— Да, без трубы никуда. Конец света надлежит провозгласить публично, сопровождая свое объявление, во-первых, громогласными звуками духового инструмента, а во-вторых, землетрясением. Я узнал это достоверно из первых уст.

— Странные, странные советчики, — задумчиво повторил бог. — Я играю на флейте вовсе не для того, чтобы провозгласить уничтожение своего мира. Да и уничтожать мир смысла большого нет...

Морган Мэган в волнении забежал по берегу.

— Есть смысл, равви! — завопил он, не зная, как умаслить безразличного к земным делам бога. — О, как я не мудр! Как я нуждаюсь в поучениях мудреца! Научи меня!

— Послушай притчу, о нетерпеливый путник, у которого нет в запасе даже сотни лет для созерцания, — заговорил бог неспешно. — Был некогда мир, и были в этом мире тучные пашни, полноводные реки, густые леса, непроходимые болота. И жили в этом мире многохитрые купцы, изощренные умом ученые, сладкоречивые певцы, пышнобедрые женщины, трудолюбивые крестьяне, кровожадные воины.

Морган Мэган уселся на берегу, обхватив руками колени, и уставился на бога, как ребенок, которому рассказывают сказку. А бог спокойно блуждал глазами по невидимой дали, и речь его текла как бы сама собой.

— И стало так, что пашни перестали родить, реки обмелели, леса поредели, болота пересохли. И случилось так, что купцы стали глупы и жадны, ученые ленивы и бездельны, певцы безголосы и лишены ума, женщины отошали и перестали носить сыновей, крестьяне забросили плуг, а воины озверели и резали всех подряд. Проснулся я от своего сна и посмотрел на это

гнусное дело. И не смог я вынести созерцания этого нарушения мировой гармонии. Я ниспослал на них потоп. Много веков лили непрерывные дожди. И скрылись под водами пашни и реки, леса и болота, и смыло потоком купцов и ученых, певцов и женщин, крестьян и воинов. Не стало никого, кроме одного человека из крестьянского сословия. Спасся он, ибо умел плавать. Ухватился он за бревно, и понесло его по бескрайним водам. Плыл он, плыл и встретил меня. Я еще не спал, но уже был готов погрузиться в созерцание. «Спаси меня!» — закричал он. Я открыл рот, и он на своем бревне заплыл прямо в мое божественное чрево. И подумал он, что будет жить в своем боге.

— И что? — Морган Мэган с отвращением подумал о том, как во время потопа (такой вариант конца света понравился ему еще больше, чем землетрясение) к нему в живот заберется, к примеру, гном Лозгайрэ со своим извечным недругом и соперником Англаем Алчное Сердце.

Но его собеседник был невозмутимо спокоен.

— Ничего. Оказавшись во чреве бога своего, этот человек открыл наконец глаза и увидел тучные пашни, полноводные реки, густые леса и непроходимые болота. И людей он увидел. И то были многохитрые купцы, изощренные умом ученые, пышнобедрые женщины со сладкоголосыми певцами, трудолюбивые крестьяне и свирепые воины...

Морган Мэган заморгал глазами. Все эти премудрости были выше его разума. Кроме того, несмотря на свои весьма слабые познания в анатомии, Морган был уверен: в его животе ничего, кроме кишок, желудка и еще кое-каких потрохов, названия коих были ему неизвестны, не обретается.

— Нет смысла творить миры, — спокойно заключил бог, снова взяв в руки дудочку. — Нет смысла их уничтожать. Ничто не имеет смысла. Содеяв что-либо, забудь об этом.

И он снова заиграл.

— Будет гроза! — крикнул Тэм Гили в спину Хелоту.

Они неторопливо ехали по гребню высокой поймы реки Боанн. Впереди Хелот, изнемогающий от духоты, в своем черном плаще, с лицом, обмотанным белой кисеей. За ним Тэм Гили, отгоняющий насекомых мотанием головы.

Позади обоих всадников плелся высокий человек. Они с Хелотом ехали на лошади по очереди. Хелот старался пореже смотреть на него и не разговаривать с ним, поскольку он вздрагивал всякий раз, когда к нему обращались.

По темнеющему небу прокатился первый громовой удар, и неожиданно путников хлестнул холодный ветер. Хелот с наслаждением сорвал с лица белый шарф и откинул капюшон плаща. Гроза шла с запада. Дождь обрушился мгновенно, и все трое тут же вымокли до нитки. Гром гремел без перерыва, как будто в гигантской картонной коробке каталась горошина. Вода текла по лицу, заливала глаза. Дождь был холодный — где-то неподалеку стояла и ждала своего часа осень с синим цикорием в волосах.

Ливень прекратился так же внезапно, как и начался, но духоты больше не было. Поднялся ветер. Плащи хлопали за спиной, рукава трепетали, словно пытались сорваться с рук и улететь прочь. Мокрая одежда стремительно высыхала. Сквозь шум кустов и деревьев, которыми заросла пойма, был уже слышен рев воды, падавшей вниз с запруды.

— Что это за река? — спросил Тэм, перекрикивая гул водопада.

— Думаю, Боанн, — ответил Хелот. — А ты считаешь, мы уже добрались до Адунн?

Огромный валун, мимо которого они как раз проезжали, неожиданно раскрыл рот и хрипло проскрежетал:

— Боанн.

Тэм вздрогнул, а лошадь Хелота испуганно шарахнулась в сторону, и странствующий рыцарь с трудом удержался в седле.

— Черт знает что такое, — пробормотал Хелот. — Похоже, в этом лесу каждый булыжник имеет свое мнение.

— Лаймерик говорит, что Аррой — древний мир, — заметил Тэм. — Он рассказывал, будто в былые времена здесь все имело душу. А потом постепенно сошло на нет.

— Что сошло на нет? — Хелот еле сдерживал улыбку.

— Душа, — объяснил Тэм. — Душа этого мира обленилась и как бы усохла.

— Станный, должно быть, человек — создатель этого мира, — проговорил Хелот задумчиво. — Мне, пожалуй, даже хотелось бы повстречаться с ним.

— Опасно, — проскрежетал другой валун. — Морган — опасно. Морган — гнев.

— Морган — добрый, — возразил третий, поросший ярко-зеленым мхом. — Морган гладить Наррахх, Морган говорить: «Наррахх зеленый, Наррахх мягкий, Наррахх славный...»

— Кто это — Наррахх? — спросил Хелот, поворачиваясь к булыжнику.

— Я, — сказал валун. — Морган отдыхать, Морган прислоняться к Наррахх, Морган благодарить Наррахх... Много-много лет назад... Наррахх помнить, Наррахх приятно, Наррахх ждать — Морган возвращаться, Морган гладить, Морган хвалить...

— Если хочешь, Наррахх, я могу сказать тебе то же самое, — заявил Хелот. — Ты очень красивый валун. Я издали заметил тебя.

— Нет, — прогундосил Наррахх. — Только Морган. Наррахх однолюб.

— Как хочешь, — сказал Хелот и неожиданно понял, что обиделся.

Когда они отъехали от влюбленного валуна на порядочное расстояние, Тэм вернулся к прежнему разговору:

— Лаймерик говорит, что Морган очень опасен. Никогда не знаешь, что придет ему в голову. Он то веселый и озорной, как мальчишка, то нежный, как женщина, то злобный, как старая сука во время течки...

— Когда это ты успел набраться подобных сведений? — поинтересовался Хелот.

Тэм виновато моргнул.

— Пока болел, сэр, — сознался он. — Лаймерик считает, что я из Народа, хотя Фейдельм рассудила иначе. «Боги тоже ошибаются, сказал Лаймерик, не говоря уж о богине». Лаймерик храбрый, сэр, и очень мудрый. Он никого не боится. Его интересно слушать.

Хелот вспомнил суждение Имлах о дакини. «Вы не умеете видеть того, что скрывается за невзрачной внешностью», — сказала ему великанша. Да, похоже, дама Имлах права. Хелоту стало стыдно за свои постоянные смешки в адрес напыщенного слуги Теленна Гвада.

Тэм Гили прервал горестные размышления своего хозяина громким криком:

— Смотрите, сэр! — Он указал рукой на старое дерево со сломанной верхушкой.

Хелот остановил коня. Остановился и третий их спутник — похожий на Алькасара незнакомец, который забыл свое имя. Разглядывая открывшуюся их глазам картину, Хелот поднял бровь в насмешливом удивлении. Между могучих ветвей дерева стоял домик-пряник, выстроенный из бревен. Примечательной же показалась Хелоту окраска стен: они были размазаны под булыжник, так что издали избушку вполне можно было принять за рыцарский замок в миниатюре. Крыша из сосновой коры была выкрашена в красный цвет — если не очень пристально вглядываться, то не отличить от черепичной.

Уразумев все эти простодушные хитрости, Тэм Гили захихикал.

— Что смеетесь? Дураки... — произнес хриплый голос из высокой душистой травы.

Вместо ответа Хелот неторопливо снял с плеча арбалет и полез в колчан за стрелой. Арбалет вместе с кисейным шарфом поднесла герою дама Имлах — заботливая дама, понимающая толк в рыцарских подвигах. Сделанный из многослойного дерева и кости, без единого украшения, он был отполирован прикосновением многочисленных ладоней. Его создали гномы по просьбе одной воинственной тролльши малого роста, и с тех пор это оружие передавалось от матери к дочери, покуда не попало к Имлах. Теперь же старинный арбалет горбатил плащ на спине лангедокского рыцаря, и он мог только радоваться тому, что его не видит Робин из Локсли. Сам же называл арбалет «оружием трусов» — и вот на тебе!

— Без глупостей, ты! — сорвался хриплый голос, и на тропинку из густой травы выскочил гном Лозгайрэ. Ростом он доходил невысокому Хелоту до пояса.

Лозгайрэ был облачен в атласный халат, подпоясанный витым шелковым шнуром с кистями, и домашние тапочки на босу ногу. Серые космы падали на узкие плечики гнома из-под полосатого ночного колпака.

— Почтенный Лозгайрэ! — изумленно сказал Хелот, опуская арбалет. — Какая изумительно приятная встреча! Я воистину рад вас видеть.

— Убери эту пакость, — потребовал гном, указывая на арбалет корявым пальцем.

Хелот спрятал болт в колчан и закинул арбалет за спину.

— Это ваш дом, досточтимый Лозгайрэ? — спросил он, кивая на «рыцарский замок».

— Мой, — отрезал Лозгайрэ. — Почему интересуетесь? Хотите купить? Учтите, обойдется недешево. Один булыжник сколько стоил, не говоря уж о затратах на то, чтобы затащить его на дерево. Зато прочно, красиво и безопасно.

— Да нет, зачем мне ваш дом, — сказал Хелот. — В него разве что одна нога поместится. А как быть с остальным?

— Нога — не лучшая часть твоего тела, — заметил Лозгайрэ, — но и не худшая, если подумать о голове...

— Я тебя убью! — крикнул Хелот, краснея. Ему очень не нравилось, что маленькое существо так бесцеремонно насмехается над ним на глазах у Тэма Гили.

— Не советую! — хихикнул гном. — Ой, не советую!

— Я пожалеюсь на тебя моей даме, баронессе Имлах, — уже более спокойно пригрозил Хелот.

— Да? — совсем другим тоном переспросил Лозгайрэ. — Ну тогда ладно. Тогда черт с тобой и добро пожаловать.

— А мы вовсе не к тебе, — злорадно сообщил Хелот. — И зря ты перед нами выделялся. Мы хотели навестить украшенного многими доблестями тролля Форайрэ.

— Книга Гнилая Кожа небось понадобилась? — ехидно спросил Лозгайрэ. — Вряд ли вам здесь что-нибудь светит. Думаете, вам удастся обвести Форайрэ вокруг пальца? Обдурить бедного тролля замыслили? А на что бедному глупому троллю умные советчики? Он давно уже знает, что владеет бесценным сокровищем. Ах, дакини, до чего же вы высокомерны и тупы...

Чужой человек с утрюмым любопытством слушал этот диалог. Он хмурился, как будто пытался припомнить что-то и не мог. Хелот искоса поглядел на него. В какой-то миг странствующий рыцарь был уверен, что видит Алькасара, но вот человек этот склонил голову, и снова жест был чужим, незнакомым.

— Дражайший Лозгайрэ, я не слышал, чтобы кто-нибудь задал тебе вопрос или поинтересовался твоим бесценным мнением, — сказал Хелот. — Дозволь нам пройти по этой тропинке, иначе мы будем вынуждены растоптать тебя копытами наших лошадей. Мне бы не хотелось этого делать. У лошадей ведь тоже есть нервы.

Лозгайрэ отскочил в сторону как ужаленный.

— Между прочим, доблестный Форайрэ — мой друг и сосед, — сердито сказал гном, высовываясь из высокой травы. — Нынче я приглашен к нему на ужин. Могу и вас с собой взять, если попросите вежливо.

Хелот переглянулся с Тэмом:

— Ну что, Тэм, попросим уважаемого Лозгайрэ?

Тэм помотал головой так энергично, что у Хелота возникли серьезные опасения насчет того, удержится ли упомянутая голова на шее. Однако несмотря на откровенный протест своего оруженосца и друга, Хелот ответил гному утвердительно.

Ворча себе под нос, Лозгайрэ побрел по заливному лугу вверх, к лесу. Высокая трава скрывала его почти с головой, и Хелот видел только полосатый ночной колпак гнома, мелькающий среди цветов.

Троль Форайрэ обитал действительно неподалеку, в огромном бревенчатом доме. Между черных, гладко обтесанных каменным топором сосновых стволов неопрытанными клочьями торчал белый болотный мох. Изба тролля топорщилась углами и выглядела рассерженной.

Лозгайрэ вскарабкался на высокое крыльцо, попутно прибрав в карман халата пару сосновых шишек. Хелот последовал за ним. Тэм Гили задержался внизу, привязывая лошадей. Мальчик хмурился, сверлил глазами своего беспечного господина, который полез прямо в пасть троллю, — словом, из всех сил демонстрировал недовольство.

Чужой человек молча остался стоять возле крыльца, пока Хелот не обернулся и жестом не подозвал его.

— Форайрэ, не ешь нас! — крикнул гном, проворно уворачиваясь от когтистой лапы, которая просунулась в щель между дверью и косяком и норовила цапнуть его. — Это я, твой сосед Лозгайрэ! Да отцепись ты, болван трехглазый!

— Лозгайрэ? Это ты? — пробасил троль и разжал когти.

Лозгайрэ суетливо пригладил волосы и поправил халат, особое внимание уделив кисточкам на поясе.

— Разумеется, это я, — произнес он, отдуваясь. — Кто еще сунется в твоё логово, не ведая страха и сомнений?

— Мало ли кто... — Голос тролля звучал теперь озадаченно. — Всегда есть надежда, что это чужой. Давно, давно, давно не ел я сочного живого мяса...

При этих словах Тэм опять умоляюще посмотрел на Хелота. Но упрямец из Лангедока сделал вид, что не замечает этого.

Зато от бдительного ока Лозгайрэ этот краткий обмен взглядами не ускользнул.

— Это только с маленьким Лозгайрэ все такие храбрые, — скрипуче произнес гном. — Лошадьми норовят растоптать, смотри ты... А как столкнутся с его другом и защитником, могучим и кровожадным Форайрэ, так сразу в кусты...

— С кем это ты беседуешь? — снова загудел тролль. — Неужели ты привел еду, Лозгайрэ?

Хелот многозначительно потрогал свой меч. Он сомневался, что ему будет под силу одолеть могучего тролля, но поугатать никогда не мешает. По собственному опыту Хелот знал: многие из тех, кто выглядит грозно и непобедимо, невероятно трусливы. Взять хотя бы сэра Гарсерана из Наварры.

— Да нет, Форайрэ, какая это еда, — поспешно сказал Лозгайрэ. — Так, пара худосочных странников, один из которых полудурок, а второй — полный дурак. И с ними мальчонка, на вид вообще несъедобный.

— А... — разочарованно пробасил тролль. — Тогда ладно. Входите.

Лозгайрэ не без помощи Хелота раскрыл тяжелую дверь, и они оказались в просторной темной комнате, где угадывались стол и широкая лавка вдоль стены. Судя по всему, на этой лавке тролль и спал — в углу наблюдалось наваленное на нее кучей тряпье, имеющее отдаленное сходство с постелью.

— Садитесь, — сказал тролль.

Лозгайрэ тут же забрался на лавку и принялся болтать ногами. Хелот пристроился рядом. Чужой человек настороженно озирался по сторонам. Ему здесь

не нравилось, но он не был уверен, что может уйти без дозволения.

Тролля, пыхтя, водрузил на стол большой чан, закрытый крышкой. На медных стенках сосуда виднелись многочисленные вмятины, видимо от небрежного обращения.

— Добрый эль, — сообщил Лозгайрэ, потирая ручки от предвкушаемого удовольствия. — Многочтимый Форайрэ — известный среди народа холмов мастер. Знаешь, как мы ценим его эль! Знаешь ли ты, путник, как мы ценим его самого!

— Я счастлив посетить столь замечательную персону, — вежливо сказал Хелот. Он украдкой поглядывал по сторонам, пытаясь угадать, где тролль прячет свое сокровище — книгу Гнилая Кожа. Лозгайрэ был так увлечен предстоящей выпивкой, что совершенно позабыл о коварстве дакини и утратил бдительность.

Пыхтя, Форайрэ разливал по кружкам эль. Незнакомый человек с сомнением посмотрел на пенный напиток, понюхал, сморщился, но все же начал пить. Хелот с удовольствием отведал троллева эля — на вкус он оказался даже лучше, чем тот, которым баловались шервудские разбойники. Беседа потекла сама собой.

— На пиру у Теленна Гвада вы довольно резко высказывались против Демииурга, почтенный Лозгайрэ, — заметил Хелот.

— Высказывался и буду высказываться, — отрубил гном. — Во-первых, потому, что Демииурга здесь нет, а во-вторых, если бы и был, он всегда смотрел сквозь пальцы на любые высказывания. Даже любил, чтобы с ним ругались. Нас, гномов, для того и создал, чтобы мы поносили всех и вся. А что мы начали сокровища добывать — это уж наше непомерное трудолюбие...

— И жадность, — добавил Форайрэ.

Лозгайрэ бросил на него свирепый взгляд.

— Молчи о том, что тебе неизвестно, о порождение трехглазой матери, — рявкнул он, и тролль испуганно

втянул голову в плечи. — Не жадность, а любознательность и бережливость — вот что заставляет гномов копить свои сокровища.

— Насколько я понял, Морган Мэган не мешал вам заниматься вашим делом, — сказал Хелот.

— Да, но он вечно создает всякие косвенные препятствия. А его последняя выходка — я имею в виду создание драконов — превосходит всякое вероятие и выходит за все и всяческие рамки. Да, выходит! — взвизгнул он в волнении и задергал ногой. — Ибо жизнь в вечном страхе под перепончатыми крыльями этих мерзких тварей лишает нас сна и покоя! А это их чудовищное требование выдавать им раз в год по молодой девушке? Это каково, сэр?

— Ужасно, — согласился Хелот. — А сколько девушек погибло?

— Бессчетно, — заявил Лозгайрэ, не моргнув глазом.

— Ужасно, — повторил Хелот. — Потому я и взялся за этот подвиг. И все, кто могут оказать мне помощь, должны это сделать, ибо освобождение прекрасных земель мира Аррой от ига кровожадных тварей должно стать...

— Форайрэ, этот человек, хоть он и дакини, хочет заглянуть в Гнилую Кожу, — перебил Хелота Лозгайрэ. — Думаю, ты ему поможешь.

— Да? — Троль засомневался. Он принялся сопеть, шарить взглядом по низкому закопченному потолку своей избы — словом, откровенно жадничал. — А что мне за это будет? Я же должен извлечь хоть какую-то выгоду с того, что владею таким сокровищем.

— Форайрэ, не дури, — разозлился гном. — Речь идет об избавлении от драконов. Тебя не просят отдавать ему книгу. Открой ее на нужной странице, я прочитаю нашему уважаемому гостю, герою и освободителю отрывок касательно волшебных уловок, применяемых в битвах с драконами... И увидишь, Форайрэ, что твое имя прославится на века! Ибо благодаря твоим знаниям и твоему великодушию будет сражен ужасный супостат.

— Ну... — протянул тролль. — Тогда...

Он снял со стола чан, кружки, обтер рукавом крышку стола. Затем его вновь одолело недоверие. Третий глаз тролля заморгал.

— А что я еще получу взамен? — снова спросил он.

— Славу, идиот, вечную славу! — раздраженно сказал Лозгайрэ.

— А если он не убьет дракона? — поинтересовался Форайрэ. — Тогда ни славы, ни подвига. Никто даже не узнает, что я пытался помочь. Нет, мне нужно что-то такое, что осталось бы в доме.

— Ладно, — согласился Хелот. — Что-нибудь отдам. Читай скорее, нам некогда.

Пыхтя, тролль потрогал крышку стола, и неожиданно Хелот увидел, что это обложка огромной книги в кожаном переплете. Когда Форайрэ с трудом раскрыл ее, Хелот увидел, что вся она была покрыта плесенью. Запахло бочкой с огурцами. Когтистые лапы тролля стали осторожно перелистывать страницы, сделанные из бычьей кожи и сплошь прогнившие. Черные узкие буквы сплетались в таинственный текст, полный хитрых сокращений. Чтение затруднялось также отсутствием пробелов между словами.

— Кажется, здесь, — сказал Лозгайрэ, заглядывавший троллю под руку. — Дай-ка я попробую прочитать.

Водя пальчиком по строчкам, гном с величайшим трудом разобрал следующее:

— «...ибо враги его были многочисленны. И тогда, изогнувшись, как радуга, над потоком Боанн, прыгнул Ку-Хулайн со скалы в реку. Семь зрачков в каждом из прекрасных глаз его следили за врагами. И неотразим был удар ноги его, метавшей копье из-под воды, и называли это дакини „Прыжком Лососа“. Ибо прыгнул он, как лосось в Красном Водопаде, источнике мудрости и силы. И семь пальцев на ноге его крепко сжимали Рогатое Копье».

Торжествуя, Лозгайрэ поднял глаза и уставился на своих ошеломленных слушателей.

— И это все? — спросил Хелот, все еще не веря.

— Ага, — радостно подтвердил тролль. — А что еще надо?

— Да так... полезный совет, быть может.

— Чем богаты, тем и рады, — скороговоркой отозвался Лозгайрэ. — Не настаивай, дакини. Мы помогли тебе от чистого сердца, и теперь ты должен заплатить за это великодушному Форайрэ, который и так сильно потратился на тебя. Элем поил, книгу давал посмотреть... Я считаю, что это неоценимые услуги.

Хелот понял, что спорить бесполезно, и со вздохом начал перечислять свои богатства.

— У меня почти ничего нет, — признался он. — Пояс, кисейный шарф — это вряд ли заинтересует почтеннейшего тролля. Мой старый меч или арбалет дамы Имлах? Мне жаль с ними расставаться, но, если ты выберешь их, я сдержу слово. А может, тебя соблазнят наши кони?

Тролль с сомнением поглядывал то на незнакомца, который все еще тянул в углу свой эль, то на Хелота, то на своего друга Лозгайрэ, как бы не зная, на что решиться. Наконец он сказал, ткнув пальцем в угол:

— Вот этот дакини. Отдай мне его.

Лапа тролля вцепилась в костлявое плечо чужого человека. Тот посмотрел на Хелота — скорее вопросительно, чем с просьбой о помощи. Вздумай Хелот оставить своего спутника во власти тролля, чужой человек не стал бы сопротивляться.

— Поделись своим добром, — басом сказал тролль и облизнулся. — Зачем тебе двое? С тебя хватит и одного мальчика.

— С чего ты взял, тролль, что этот человек мой? — возразил Хелот. — Он свободен идти, куда ему хочется, и я ему не указ.

— У нас с почтенным Форайрэ сложилось совершенно иное мнение, — вставил гном. — Мы наблюдали за вами. Вернее, я наблюдал.

— Каким это образом? — удивился Хелот.

— Через глаз Иллуги, — пояснил гном. — Я провел у источника немало забавных минут. Видел, как ты повстречал этого дакини. Кстати, не слишком ли много дакини развелось в лесу Аррой?

— Не больше, чем троллей, — огрызнулся Хелот.

— Напрасно кипятиться, Хелот, — укоризненно проговорил Лозгайрэ. — Напрасно сердиться. Лично я, имеющий колоссальный жизненный опыт, не думаю, что тебе следует портить отношения со мной и Форайрэ из-за какого-то жалкого дакини низшей касты, с которым ты даже не знаком.

— Не знаком, так познакомлюсь, — сказал Хелот.

— Каким это образом? — осведомился Лозгайрэ. — Ведь этот страдающий умственным расстройством раб не помнит даже своего имени.

— Заслужит другое, — упрямо сказал Хелот. — Он пришел со мной, и я его не отдам.

В этот момент дверь скрипнула. На пороге показался Тэм. Он уставился на Хелота угрюмым взглядом и начал делать отчаянные знаки, суть которых сводилась к призыву уносить ноги из этого проклятого места.

Но Хелот не обратил на него ни малейшего внимания.

— Убери лапы, тролль, — сказал он Форайрэ и оттолкнул чудовище в сторону, заслонив собой чужого человека.

Тролль заскрипел зубами.

— Столько шума из-за одного безмозглого дакини, — выговорил он. — Берегись, Хелот из Лангедока! Тебе не следовало вызывать гнев Форайрэ!

Тут Тэм Гили покраснел как вареный рак и забубнил под нос, не сводя с Форайрэ внимательных глаз:

— Ивовый прут — опутай ноги; лед вершины Игга — заморозь тело; мох зеленой Имлах — залепи губы...

— Не надо! — пискнул Лозгайрэ. — Отрок, ты не ведаешь, что творишь! Это же заклинание самого...

Он не договорил и махнул рукой, видя, что ужасное уже свершилось. Тэм же, окончательно смутившись, пролепетал что-то насчет «безмолвия могилы», «тьмы безлунной ночи», «нитей судьбы плачевной» — и затих.

Тролль окаменел и онемел. Тэм закрыл лицо руками. Потом пальцы раздвинулись, и сквозь них прогля-

нул веселый глаз. Рот мальчика расплылся в улыбке, когда он увидел, что заклинание подействовало.

— Да этому ребенку цены нет, — пробормотал Хелот и, крепко держа за локоть своего растерявшегося спутника из чужих миров, вышел из избы. Тэм бросился бежать за ними следом по высоким ступеням крыльца.

Лоэгайрэ, суетившийся вокруг заговоренного тролля и дергавший его за юбку, вдруг плюнул на пол и выскочил следом за людьми. Они уже садились на коней.

— Подождите! — пропищал гном. Он торопливо заковылял к ним, роняя на ходу тапочки.

— Что тебе? — спросил Хелот, наклоняясь с седла.

— О Хелот из Лангедока, гном Лоэгайрэ — твой друг, а вот тролль Форайрэ, между нами говоря, глуп как пуп, — отвечивал гном. — Одна его юбочка чего стоит! Это он так изображает из себя истинного кельта. Вот дубина-то...

— Да ты никак предатель, а, Лоэгайрэ?

— Нет, я просто трезво смотрю на вещи.

— Что тебе нужно от меня? — поинтересовался Хелот.

— Хочу заключить с тобой честную сделку. Арбалет дамы Имлах в обмен на нечто очень ценное для тебя, воитель.

— ЧЕСТНУЮ? — Хелот выразил откровенное сомнение, и гном заторопился:

— Да, поверь мне. Честную. У меня есть кое-что, что может вам пригодиться в беспощадной и кровавой схватке с драконами.

— Еще один Прыжок Лосося? — съязвил Хелот. — Или, быть может, Прыжок Уклейки?

— Нет, — ответил Лоэгайрэ чрезвычайно серьезно. — Это колдовской меч, древнее сокровище гномов. Я отдам его тебе, Хелот из Лангедока.

— Как ты посмел отдать ему Секач? — кричала богиня Боанн на маленького Лоэгайрэ, который беспокойно переминался с ноги на ногу, время от времени бросая на свою повелительницу сердитые взгляды.

Разумеется, как только арбалет дамы Имлах оказался в руках гнома, а волшебный меч, извлеченный из наинадежнейшего тайника и заботливо очищенный и заточенный, — в руках героя, Лозгайрэ помчался к потоку Боанн и начал выкликать богиню. Она появилась через полчаса после начала зова и сделала вид, будто рассержена и удивлена.

— Кто звал меня? — провозгласила она из глубины вод замогильным голосом. — Кто вызывал по имени Боанн-От-Реки? Кто нарушил мой покой? Кто вторгся в мои размышления? Кто ты, дерзкий?

На самом деле Боанн все эти полчаса сидела, притаившись у поверхности воды и с удовольствием слушала, как Лозгайрэ завывает на все лады, произнося ее имя с различными хвалебными и льстивыми эпитетами. Маленький гном был мастером на такие вещи и всякий раз проделывал обряд вызывания с замечательным искусством и разнообразием. Наконец она решила, что пора бы узнать, зачем, собственно, Лозгайрэ примчался за пять миль, взъерошенный, полудетый, в одном атласном халате, и вот уже полчаса горланит, простирая руки к потоку.

С громким плеском богиня вышла из воды.

— О, счастье! — завопил Лозгайрэ. — О, великая честь! О, благословен час моего рождения!

Так причитая, гном поведал богине о том, что в лесу Аррой появился некий дакини.

— Дакини? — Боанн нахмурилась. — Это презренная раса. Я слышала о них... — Она кашлянула, решив не рассказывать о том, что Морган Мэган был рожден ею от колдуна из этой самой презренной расы. Она причисляла этот поступок к ошибкам своей молодости и не любила вспоминать о нем. — И каков же этот дакини? Должно быть, безобразен, грязен и туп.

— Могуч он, о Боанн, — возразил гном. — Отнюдь не безобразен, хотя чья красота не померкнет в лучах твоего ослепительного сияния, великая богиня?

Боанн задумчиво отбросила с лица длинную прядь волос.

— Возможно, в твоих словах и есть доля истины, — заметила она как бы между прочим.

— Не доля, о величайшая! Каждое мое слово — истина! Жалкое подобие истины, ибо нет слов, достойных охарактеризовать твою красоту! — Лозгайрэ откашлялся и снова перешел к делу. — Этот дакини, как уже было упомянуто, не вполне безобразен, довольно-таки тщательно умыт, а что до тупости, то по остроте ума он далеко обошел не только тролля Форайрэ, но и некоторых других, и если будет продолжать обучение, то вскоре сможет догнать даже твоего покорнейшего слугу, гнома Лозгайрэ.

С этими словами маленький человечек поклонился. Богиня задумалась над услышанным.

— Стало быть, не глуп, — заключила она. — Дальше. Я внимательно слушаю тебя, Лозгайрэ.

— Могуц, — продолжал гном. — Бесстрашен, хотя и не лишен слабостей. С претензией на благородство, о богиня, и это его слабое место. Мы с Форайрэ пытались отобрать у него одного из спутников — куда там, стоит горой. Защищал, словно родного брата.

— Стало быть, твой дакини появился в лесу Аррой не один?

— Нет, величайшая из богинь и полноводнейшая из рек. С ним еще двое. Один вряд ли заслуживает упоминания. Среди дакини он принадлежит к низшей касте — ниже падать уже некуда. Лицом смугл и ряб, как будто плохо умылся, глазом черен и дик, носом схож с дикой птицей... Имени и то не имеет. Говорит, что забыл. Забыл, как же! Такие вещи не забывают. Я так полагаю: самое лучшее применение для него — еда для Форайрэ. А что? Форайрэ — преданный Твоему Величеству тролль, и его надо бы подкормить.

— Возможно, — задумчиво согласилась богиня. — Хотя окончательное решение, разумеется, остается за мной.

— Разумеется, — подтвердил гном. — Без твоего окончательного решения, мудрейшее из водных русел, мы не решимся ни на какие действия.

— Хорошо, — важно кивнула Боанн. — Да будет грязный дакини съеден.

— Увы, о Боанн... Тут-то и начинаются наши беды. Второй спутник дакини, странный ребенок с дикарским именем Тэмгили, заколдовал несчастного Форайрэ и увез с собой ключ и замок от заклятия. Тогда-то я и задумался. Так ли уж ничтожны эти дакини, если им служит дитя Народа!

— Что? Это строптивое племя...

— Увы, величайшая. Есть основания полагать, что Тэмгили, слуга преступного дакини, — отпрыск Народа.

— Народ не служит никому, — сказала Боанн.

— Это и странно! — вскричал гном. — Это и непонятно! Одно из двух: либо наш дакини — великий и опасный маг, сумевший подчинить себе творения Моргана Мэгана, либо же он сам принадлежит к Народу! И то и другое одинаково опасно, согласись, величайшая.

— Да, ты прав, Лозгайрэ. Как это я раньше не ценила твою мудрость?

— За недостатком времени задуматься о ней, мудрейшая. Я счастлив, что ты нашла час на это занятие.

Медовые глаза богини сияли от удовольствия. Правительница и гном сидели на берегу неторопливого потока, созданного Мэганом в грустный час, и природа вокруг них казалась печальной и задумчивой.

— Говори дальше, Лозгайрэ. Твоя богиня довольна тобой.

— Боюсь, что на сем довольство моей богини завершится, — сказал Лозгайрэ. — Такова цель этого презренного дакини, вторгшегося в лес Аррой: он хочет переправиться по Городищенской Лаве и известить злобного и сладострастного дракона, который сидит в своей пещере на озере Лох Бел Драгон, что означает «Озеро Драконьей Пасти», и ждет, когда к нему приведут на... гм... съедение молодую и невинную девушку.

— Что?! — Боанн резко повернулась к своему освещителю. — Этот безумец, этот кощунственный преступник решил нарушить мой запрет?

— Более того, величайшая, он его нарушит, ибо публично поклялся при распитии обетной чаши на пиру в замке Теленна Гвада, что уничтожит злобное чудовище.

— Дал обет? Да как он посмел!.. — Боанн задыхалась от злости. — Я запретила! ЗАПРЕТИЛА! Это было мое повеление, известное всем!

— Да, но для этих дакини божеские законы не писаны, — сокрушенно сказал Лозгайрэ и покосился на Боанн: лицо богини пылало, она сжимала кулаки и раздувала ноздри.

— Он поплатится за свою наглость! — твердо сказала Боанн.

— Несомненно, несомненно, — сказал Лозгайрэ. — Ведь дракон сожрет его без всякого сожаления.

Боанн метнула на гнома гневный взгляд.

— Дракон? Да этот безумец, твой дакини, даже не попадет за реку! Неужели ты думаешь, что мои верные слуги допустят, чтобы какой-то грязный бродяга со своими приспешниками нарушал мои запреты? Неужели ты полагаешь, что Боанн позволит развязать новую войну с племенем драконов? О мой бедный народ! Сколько слез я пролила во время последних битв с драконами, когда в кровавых боях poleg цвет народа троллей!

Она воздела к нему свои прекрасные руки. Лозгайрэ залюбовался безукоризненной позой, в которой застыла богиня. Постояв так несколько секунд, Боанн вдруг успокоилась и деловито спросила:

— Как на твой взгляд, Лозгайрэ, у него есть шансы перебраться за Городищенскую Лаву?

— Очень небольшие, — сказал Лозгайрэ. — Об этом я и хотел поговорить с тобой, о богиня. Может быть, отменишь запрет? Пусть они попытаются прикончить злодея-дракона. Кто знает, вдруг им удастся нагнать страху на народ драконов? Ты же знаешь, о Боанн, что поедание девиц весьма непохвально, а с нашего берега еще не поступало никаких акций протеста.

— Поедание девиц непохвально, — согласилась Боанн, — но куда менее похвально развязывание войн. Нет, лучше обойтись компромиссом. Лучше одна девица в год, чем тысяча мужей в один день. Так рассудил мой великий ум. Ты возражаешь ему, Лозгайрэ?

— Помилуй меня от подобной глупости! Конечно, я не возражаю. Просто... — Лозгайрэ замялся. — Не знаю, как и доложить тебе, мудрейшая. Я... словом, я заключил сделку с этим дакини. У него есть шанс на успех.

Боанн грозно нахмурилась:

— Шанс на успех? Что ты имеешь в виду? На какую предательскую сделку толкнула тебя твоя гномья алчность, Лозгайрэ?

— Я... видишь ли, премудрая и украшенная множеством иных добродетелей повелительница... я обменял на один очень ценный и старинный арбалет, производство древних гномов, одну старую и ржавую железку... словом, один меч... Тот, легендарный. Который называют Секач. Он хранился у меня многие годы, пока...

Вот тут-то Боанн и утратила всю свою величавость. Ее лицо пошло красными пятнами от гнева, она вскочила на ноги и завизжала, топая ногами:

— Как ты посмел отдать Секач какому-то грязному дакини? Как у тебя поднялась рука передать священное оружие гнусному чужестранцу? Я сотру тебя в порошок! Я уничтожу тебя и твое племя! Как у тебя повернулся язык признаться мне в подобном клятвопреступлении?

Посмотрев на бушующую богиню исподлобья, гном дождался паузы в потоке ее угроз и вставил:

— Я хочу обратить внимание светлейшей Боанн на то, что меч дает дакини право называться героем, а не безрассудным самоубийцей. Любой скажет тебе, что Лозгайрэ — один из вернейших твоих слуг. Поверь мне, досточтимая, я действовал в интересах нашего дела. Драконов надо припугнуть.

— Я не хочу больше жертв! — скорбно произнесла Боанн. — Я хочу уничтожить драконье племя так, чтобы с нашей стороны не было потерь.

— Их не будет, — заверил Лозгайрэ. — Все сделает за нас этот чокнутый дакини с его гордостью и глупой жаждой подвигов. Нам нужно только беспрятственно пропустить его за реку.

— Этого не будет, — твердо сказала Боанн. — Мои люди останавливают его. Я не собираюсь отменять своих приказов.

— Как тебе угодно, — вздохнул гном.

— А тебя, — величаво добавила богиня, — я, пожалуй, закую в кандалы.

— Нет! — завопил Лозгайрэ и подскочил. — За что?! Я вернейший из твоих верноподданных!

— Ты посмел отдать священный меч в руки неверного...

— Да, но кто знает, какой смысл вложили в руны Секача древние гномы? Меня давно терзало желание проверить это. Не мог же я сам взять в руки такое тяжелое оружие и, рискуя собственной жизнью, раскрыть сию тайну на практике?

— Почему бы и нет? — высокомерно поинтересовалась Боанн.

— Зачем, когда так кстати подвернулся герой? Он для того и странствующий рыцарь, чтобы ставить подобные опыты на себе. И ему приятно, и окружающим несомненная польза.

— Я не вполне понимаю тебя. О каких тайнах меча ты говоришь? Меч назван Секачом потому, что обладает свойством останавливать ядовитую кровь дракона после того, как отрублена одна из голов чудовища.

— Я не хочу ни в коей мере умалять достоинств и познаний великой Боанн в том, что касается древней истории мира Аррой, — осторожно заметил гном, — но легенда говорит немного иначе. На мече написано рунами: «Рассекаю то, что подлежит рассечению». Там не указано, ЧТО ИМЕННО «подлежит рассечению». Вполне возможно, что драконьи головы здесь ни при чем...

Много миль сближались два потока, река Боанн и великая река Адунн, не спеша соединиться, так что, разделенные узкой косой всего в полмили шириной, на протяжении четырех или пяти дней пути они текли совсем близко друг от друга. По этой косе и двигались путники, приближаясь к своей цели — переправе у Городищенской Лавы. Хелот знал уже, что лава строго охранялась и пробраться к месту слияния рек будет нелегко.

На последней ночевке, перед тем как начать переправу, Хелот завел об этом речь со своими спутниками. Он заранее знал, что от Тэма Гили ему будет не отделаться, и сейчас лихорадочно соображал, как бы сделать так, чтобы мальчишка не слишком путался под ногами, когда дойдет до сражения. Сейчас он жалел, что отдал гному арбалет.

Незнакомец вывалил на землю охапку хвороста, сложил костер и начал стучать кресалом.

— А ты не можешь вызвать огонь, щелкая пальцами? — спросил Хелот у Тэма. Мальчик покраснел.

— Я же говорил вам уже, сэр, что это Лаймерик научил меня заклинанию. Сам не понимаю, почему у меня получилось.

— И я не понимаю, — сказал Хелот. — У меня-то не получается. А у тебя почему-то получилось. Может быть, ты и впрямь из Народа?

— Сэр, — со слезами взмолился Тэм, — ну уж вы-то меня не терзайте! Не знаю я, как это вышло. Я не хочу ни к какому Народу. Я того же народа, что и вы.

Хелот вздохнул. Он вдруг почувствовал, что начинает тосковать по простому и ясному миру Шервудского леса. Что-то поделявают сейчас его разлюбезные стрелки? Чем занят отец Тук? Пьянствует, поди. А Робин из Локсли? Тревога кольнула Хелота. Живы ли они все? Или рыцарская конница уже растоптала дерзких лесных бродяг?..

Он перевел взгляд на второго своего спутника. Еще одна головная боль. По ночам этот человек кричал от страха, и Хелот по нескольку раз за ночь поднимался, чтобы дать ему воды и успокоить. Наутро незнакомец ничего не помнил из тех кошмаров, что терзали его во сне, и погружался в дремотное, тоскливое состояние, из которого его никак не удавалось вывести. Что-то в прошлом этого человека оставило страшный след в его душе и никак не желало выйти наружу и заявить о себе при дневном свете. Если бы удалось хотя бы вспомнить, что это было! Но память упорно не желала выдавать таившийся в ее глубинах ужас.

Сейчас он сидел у костра и задумчиво смотрел в огонь. Хелот осторожно тронул его за плечо.

— Послушай, друг, мне пришла в голову одна мысль, — заговорил Хелот. — Может быть, это нам немного поможет.

— Я сделаю все, что ты скажешь, — ответил он. — Ты и так слишком терпелив со мной.

— Завтра мне понадобится твоя помощь, — сказал Хелот. — Я предпочел бы, чтобы рядом со мной бился человек с ясным рассудком. Если ты будешь погружен в свою вечную тоску, то тролли одолеют нас и мы ляжем костями на переправе и не попадем за реку.

— Я благодарен тебе, — без улыбки сказал незнакомец. — Я буду биться рядом с тобой, пока меня не убьют. Ты попадешь за реку.

— Мне не нужно, чтобы тебя убили, — возразил Хелот. — Я предпочел бы видеть тебя живым и веселым. Ты слишком похож на моего друга, которого я потерял в этих бесконечных мирах. Собственно, об этом я и хотел с тобой поговорить.

Смуглое лицо его собеседника мучительно исказилось.

— Пожалуйста, не надо, — шепнул он. — После таких разговоров мне бывает страшно. Как будто что-то держит и не выпускает... когти или прутья...

Глаза его помутнели, и Хелот поспешно сказал:

— Нет, на этот раз мы не станем спрашивать твой разум. Я хочу обратиться к другому свидетелю. К

твоему телу. Видишь ли, у моего друга, насколько я помню, был один значок на спине. Ему выжгли его... гм... давно, еще в детстве. Своего рода отметина. Может быть, и у тебя есть такой.

— И что тогда? — Впервые за весь разговор на лице незнакомца появилось оживленное выражение.

— Тогда... — Хелот на мгновение растерялся. Слишком уж НЕ ПОХОЖ был этот раздавленный страхом человек на его друга, смешливого, гордого, вспыльчивого сарацина. — Тогда одно из двух. Либо ты — мой старый друг, попавший в беду, либо его двойник. Во втором случае мы оба постараемся забыть о том, что ты — не настоящий.

— А как ты отличишь, двойник я или настоящий?

Хелот почесал бровь.

— Черт его знает... Постараюсь об этом не думать. Снимай-ка рубаху.

Алькасар или его двойник так поспешно подчинился, что Хелот прикусил губу. Он видел, что сарацин тоже измучился неопределенностью и был рад всякой возможности узнать о себе хотя бы что-нибудь.

При свете костра Хелот ясно увидел синюю звездочку, выжженную на спине сарацина, между острых лопаток. «Клеймо для строптивых. Дерзкое поведение и попытка к бегству», — вспомнил Хелот и горько усмехнулся. От этого нового Алькасара никакого «дерзкого поведения» ожидать не приходилось. Хелот коснулся рукой значка, опасаясь, что видит перед собою иллюзию. Но значок никуда не исчез. Он так и оставался, уродуя смуглую кожу.

— Одевай рубаху, — сказал Хелот своему спутнику.

— Ты нашел то, что искал? — с надеждой спросил сарацин.

— Да. — Хелот кивнул несколько раз, лихорадочно соображая, что бы рассказать Алькасару о его прошлом. Одно лангедокский рыцарь знал точно: рассказывать о Гарсеране из Наварры он не станет. Сарацин ждал.

Наконец Хелот заговорил:

— Твое имя Алькасар, и ты действительно мой старинный друг, попавший в большую беду.

— Ты помнишь обо мне что-нибудь?

— Конечно.

— Этот значок... он говорит о принадлежности к какой-то касте, не так ли?

— Да, это знак отличия для воина. Ты был отважным воином и тебе многие завидовали.

Алькасар покачал головой:

— Странно, что я ничего не помню.

— Скажи, что ты подумал, когда увидел меня в Серебряном Лесу?

— Я не испытывал перед тобой страха. Но все остальное... люди, демоны, деревья... Пойми, здесь нет ничего, что не пугало бы меня. Расскажи еще о своем друге. Каким он был?

— Он был наглый. Дерзил сильным, насмехался над вспыльчивыми, влюблялся во всех девушек, каких встречал на своем пути, но ни одной не оскорбил. И еще он презирал золото, а из всех вещей на свете ценил одну: свою свободу.

— Мне никогда не сравниться с ним, — сказал Алькасар.

— Ты вспомнишь, каким ты был, — заверил его Хелот. — И однажды снова станешь самим собой.

«Я тебе буду внушать это каждый день», — подумал он про себя.

— Где мы с тобой встретились? — жадно спросил Алькасар. Хелот отметил, что в черных глазах его собеседника появился блеск.

— В лагере одного разбойника по имени Локсли. Потом ты попал в плен, и нам с трудом удалось освободить тебя.

Алькасар вздрогнул всем телом, и ужас снова показался на его лице.

— Белые стены... — пробормотал он. — Да, я помню. Они сняты мне каждую ночь. Мне снится большая белая чаша, и я на самом ее дне, в грязной луже, и никак не могу выбраться, как бы ни старался. Я карабкаюсь по отвесной стене, ломаю ногти, но всякий

раз соскальзываю вниз. И там, где царапали мои пальцы, остаются кровавые полосы... — Он сощурил глаза и прикусил нижнюю губу. — Что это было, Хелот? Ты ведь знаешь?

— Да, — помолчав, ответил Хелот. — Знаю. Ведь я сам приезжал за тобой, когда ты был в плену. Не бойся этого сна, он в прошлом. То, что тебя пугает, — это всего-навсего соль.

— Соль?

— Да. Когда ты попал в плен, они отправили тебя на соляные копи. Тебе снится карьер, Алькасар. Забудь об этом. Все это никогда не вернется.

— Никогда не вернется? — Он покачал головой. — Это возвращается каждую ночь. И еще Радуга...

Хелот вздрогнул:

— Что ты сказал?

Алькасар повернулся к нему и повторил:

— Радуга. Это самый страшный из всех снов. От него я всегда просыпаюсь...

— Как же Радуга может быть страшным сном?

— Не знаю. Люди говорят, что это добрый знак. Но я боюсь. Знаешь, Хелот из Лангедока, сейчас я вспоминаю: темнота, запах дыма и крови, и кто-то идет на меня, чтобы убить. Но это не страшно. Страшно другое... Вдруг из темноты нарастает звон. И вспыхивает жгучий свет. Сначала желтый, лимонный, он ослепляет меня. Потом оранжевый, от которого ломит глаза. Потом красный, и я начинаю пылать... Все семь полос Радуги, скрученных в сгустки, и каждый пронзает ужасом и болью, и у каждой боли свой цвет... Они вонзаются в меня иглами, ледяными и раскаленными, острыми и тупыми, гладкими и ребристыми... И у каждого цвета своя игла...

— Хватит, замолчи! — Хелот сжал его руку и почувствовал, что ладони у Алькасара вспотели. — Перестань. Все это прошло. Ничто из этого не вернется. Он покачал головой.

— Ты назвал по имени сон о белой чаше, и я перестал его бояться, — сказал Алькасар. — Но у Радуги нет названия.

— Есть! — вскрикнул Хелот, которого осенила неожиданная догадка, мгновенно превратившаяся в уверенность. — У Радуги есть имя, и я знаю его. — Он погрозил кулаком темноте. — Он заплатит за все, что сделал с нами! Только бы мне встретиться с ним...

— Имя, — сказал Алькасар, хватая Хелота за руку. — Скажи мне имя. Скоро ночь, и мне опять страшно.

Хелот посмотрел ему в глаза и увидел в них тоску и старый страх.

— Морган Мэган, — выговорил Хелот. — Вот кто сделал это с тобой. Вот кто превратил тебя в тень прежнего Алькасара. Его колдовством тебя забросило в этот мир. Он разбросал семена своих чар в том мире, где жили мы с тобой... и Дианора.

— Дианора... — Алькасар произнес это имя так же бережно, как в первый раз, когда услышал его, и Хелоту на миг показалось, что они оба по-прежнему в Шервуде, на болотах. — Кто она?

Хелот улыбнулся.

— Она — светлый ангел, — сказал он.

— Я знал ее?

— Да, — ответил Хелот и вздохнул. Было бы отвратительным воспользоваться беспомощностью друга, и потому он ответил: — Ты любил ее, и она отвечала тебе любовью.

Алькасар шевельнулся у костра и незаметным движением выпрямился. Теперь он был почти прежним.

— Я найду ее, — сказал он просто.

У Моргана Мэгана отчаянно звенело в ухе. Он предполагал, что где-то на берегах Адунн кто-то посылает проклятия в его адрес, но это ничуть не трогало озлобленного Демиурга. Он уже привык к неблагодарности своих творений. Ему было безразлично, что о нем говорят. Он принял бесповоротное решение уничтожить мир Аррой и воссоздать его заново, уже без одушевленных предметов. Это в первые годы после освобождения с рудника он был сентиментальным идиотом, вложившим душу в каждое дерево, каждый камень. Теперь же он — умудренный горьким

жизненным опытом циник. Никаких разумных существ! Никакой души, кроме его собственной! Он будет владеть своим миром в одиночестве и покое, и никакая сволочь, никакая — включая и эту дурищу, его мамашу Боанн, — не посмеет тревожить уединение великого мага! И тогда у него появится время на самосозерцание, и он, быть может, тоже будет возлежать посреди озера на большом листе кувшинки и играть на дудочке, подобно тому странному философиствующему божеству.

Армию Морган набрал неподалеку от границ своего мира. Бравому полковнику, исполосованному шрамами, он объяснил, что хочет стереть с лица земли несколько поселков, население которых... м-м... как бы это сказать... мутировало. Словом, выглядит не вполне обычно.

— Монстры? — деловито осведомился полковник, бравый бородач с длинными пшеничного цвета усами и высоким, лысеющим лбом. — Гоблины? Тролли?

— Да, что-то в этом роде, — признался Морган.

— Понятно. В таком случае плату придется несколько повысить. Шесть гульденов на рыло, пойдет?

— Пойдет, — сказал Морган Мэган, опустошивший недавно одну из золотых жил, самолично им созданных к северу от реки Адунн. Он вынул из своего походного мешка большой кошелек, туго набитый золотыми самородками, и передал его полковнику. — Это на первое время. Сколько солдат для меня вы собрали?

— Четыреста. Головорезы и горлопаны что надо, останетесь довольны, ваша милость, — заверил полковник. — Значит, сражений не будет? Только перебить мирное население, состоящее из монстров, — и все?

— Собственно... — Морган замялся. — Население, конечно, мирное... Но все же монстры... Нет, я не хочу сказать, что задача легкая. Задача, может быть, и нелегкая. Я даже не уверен, что все они дадут себя перебить за здорово живешь. Наверняка многие окажут сопротивление. То есть я уверен, что многие окажут.

— Ясно, ясно... — бормотал полковник. — Ничего, и не таких бивали.

— А это что такое? — удивился Морган, показывая на большую пеструю толпу женщин, которые бродили вокруг, льнули к солдатам и с готовностью задирали юбки, открывая аппетитные ляжки взорам ценителей.

— Это, извините, шлюхи, — ответствовал полковник. — Без этого никак, ваша милость. Это, извините, необходимая принадлежность.

— Им я тоже должен платить? — резковато спросил Морган.

— Нет. — Полковник ухмыльнулся. — Платить им будут ваши солдаты тем золотом, что получают за свою службу.

— В конце концов, это их дело, — смирился Морган. — Ладно, показывайте ваших молодцов.

Полковник сделал знак барабанщику — толстому парню, обремененному чудовищным барабаном, на котором красовался пылкий девиз: «*Несу гром*». Тот начал отбивать замысловатую дробь, почти мгновенно подхваченную флейтистом, — этот последний был, напротив, тощим и длинным, с глазами навывкате.

Шум постепенно смолкал, солдаты подходили ближе. Это было поистине пестрое сборище лиц, одежд и судеб. Полковник, найденный Морганом в одной из придорожных таверн, где люди сами не знают, в каком мире находятся и куда несут их ноги, набрал разношерстную компанию бродяг, крестьян, которым надоел неблагодарный сельский труд, студентов, вдохновленных приключениями и славой, бездельников, полагающих, что самый простой способ обогатиться — это кого-нибудь убить, а также младших сынков знатных фамилий, намеревающихся поддержать семейную честь. Все они стояли перед Морганом и полковником, готовые выступить в поход, затеянный озлобившимся Демиургом.

Морган самолично придиричиво осматривал каждого. Его интересовало лишь одно: чтобы новобранец находился в здравом рассудке и был здоров. Вся

процедура заняла около часа, после чего полковник хищно зашевелил усами и, взобравшись на барабан, начал речь к воинам. Подробно перечислив кары, ожидающие нарушителя, замеченного в открытом грабеже, пьянстве перед сражением, мятеже или приваживании более чем одной шлюхи в обоз, и без того перегруженный дармоедами, полковник перешел к рекомендациям по скорейшему уничтожению противника.

— Солдаты! — гремел он. — Чтобы выигрывать, нужны не только храбрость, но хитрость и умение. А самое главное — необходима информация. Поэтому перед битвой надлежит взять пленников и под пыткой вырвать у них сведения о численности и расположении противника. Поэтому мы назначим несколько разведчиков. Пытка входит в обязанности палача.

Вперед выступил детина в красном плаще, берете с красным пером и мотком веревки на поясе. Он неуклюже поклонился полковнику и окинул толпу новобранцев нехорошим взглядом. Моргану, как, впрочем, и его солдатам, палач не понравился, но, памятуя слова полковника о том, что комплектованием армии лучше заниматься профессионалу, промолчал.

— Помните, — продолжал полковник, — все вокруг служит для того, чтобы помогать вам одержать победу над коварным врагом. Сама природа на вашей стороне, доблестные воины! Противник коварен? Хорошо! Будьте еще коварнее. Замечайте любую тонкость. Ветер дует в сторону вражеского расположения — кидайте песок в глаза своим врагам. Он ослепнет, не сможет обороняться, и таким образом вы легко его зарубите. Ха!

Несколько человек поддержали веселость своего командира. Морган слушал, мрачнее тучи. Полковник продолжал:

— При стычке один на один рубите, колите, режьте, втыкайте, проворачивайте в теле — словом, делайте все, чтобы злодей упал мертвым. Либо вы, либо они, а третьего не дано. Полезно также время от времени применять сети, дабы противник в них запутывался. И последнее. За дезертирство буду убивать. Причем не

только бегущих, но и тех, кто видит бегство и не пытается остановить труса. Это все.

Он обвел глазами слушателей и убедился в том, что его поняли правильно.

— Есть ли вопросы? — громко поинтересовался Морган Мэган.

— Кто наш враг? — выкрикнул чей-то низкий голос.

— Хороший вопрос, — кивнул Морган. — Я отвечу на него правдиво. Враг у нас с вами не совсем обычный, но этого не следует бояться.

— Что значит — «не совсем обычный»?

— Монстры, — успокаивающим тоном пояснил полковник.

— А откуда им взяться, монстрам-то? — не унимался голос.

Морган Мэган выступил вперед и поднял руку:

— Я скажу вам все как есть, доблестные воины. Монстров создал я сам в годы неразумной юности. Я — Демиург.

— Чего? — протянул другой голос.

Было слышно, как новобранец из числа студентов торопливо объясняет остальным:

— Демиург, сиречь создатель, в изводе с греческого означает, что человек сей почитает себя за бога, сотворившего некий мир... Возможно, аллегория...

— Или умом тронулся, — высказал предположение другой солдат.

— Да тише вы! — с досадой оборвал их третий, судя по всему, ветеран множества кампаний. — Он платит золотом, а остальное нас не касается.

— Я Демиург, — повторил Морган, дождавшись тишины. — Пока что не имеет значения, верите ли вы моим словам. Когда придет время, все встанет на свои места. Я сотворил мир, называемый Аррой, и населил его разнообразными существами. Но потом мои создания принялись чинить всяческие мерзости и непотребства, и ныне замыслил я этот мир уничтожить. Можно было сделать это при помощи потопа, или при помощи землетрясения, или посредством игры на дудочке. Все три эсхатологических метода, подсказанные мне дру-

гими богами, представляются трудоемкими и малоэффективными. Кроме того, они требуют очень много времени и затрат. Я решил найти оригинальный способ и набрал армию. То есть... — Морган Мэган патетически взмахнул рукой. — Вас! Вы — солдаты конца света. Вы — передовой эсхатологический легион. Ваша задача — сокрушить мир Аррой, стереть его с лица земли. Я все сказал.

— Виват, Морган! — завопил ветеран. — Ты платишь золотом! Веди нас! Мы пойдем с тобой хоть за всадниками Апокалипсиса!

Толпа заорала, потрясая пиками и копьями. Морган Мэган с отвращением смотрел на искаженные криками бородатые лица. Он начинал сомневаться в правильности своей затеи.

Военный вождь Народа Отон Осенняя Мгла и могущественный барон Теленн Гвад не всегда ладили между собой. Случались у них стычки, бывало и так, что один шел войной на другого. Имелись потери. Но в тяжелую годину, когда над миром Аррой нависла угроза уничтожения, старые враги позабыли свои распри. Ибо, как говорил Теленн Гвад, одно дело — свой, родной враг, с которым всегда можно договориться, и совсем другое — чужой, злобный вражина, не понимающий ни уговоров, ни увещаний. Такого надлежит уничтожать без всякой пощады.

О том и толковали два предводителя, сидя в баронском замке. Барон расположился в огромном кресле у окна, посетитель — на кованом сундуке. Имлах принесла господам эль. Дабы ее не отрывали от ученых занятий требованиями подать новую порцию, великанша прикатила баррелевый бочонок и выдала два кубка внушительных размеров, после чего сделала реверанс гостю, поцеловала супруга в лоб и удалилась, шаркая деревянными башмаками по винтовой лестнице.

Горностаи шныряли по полу. Два из них жадно лакали эль, капавший из крана. Под бочонком время от времени собиралась лужица, и все новые и новые зверьки прибывали в зал, привлеченные запахом дрожжей. Барон наблюдал за ними с умиленным вы-

ражением лица. Наконец он схватил пробегающего мимо горностаю и прижал к щеке.

— Зверюга, — сказал барон, в то время как горностаю пыхтел ему в ухо. — Тоже эль любит, животное... Мы с вами, почтенный Отон, будем держать совет в окружении пьяных горностаев...

С этими словами он уложил на коленях разомлевшего зверька и принялся рассеянно гладить его против шерсти.

— Беды обрушились на наши берега, — заговорил Отон, сгоняя с сундука белого горностаю. — Вам, конечно, известно, что богиня Боанн выражает крайнее недовольство поведением героя.

— Какого героя?

Барон казался искренне удивленным.

— Господин барон, я вынужден вам напомнить, что один из ваших гостей — несомненно, почтенный человек, — из рода дакини, объявил себя героем и на пиру во время выпивания обетной чаши поклялся убить дракона.

Теленн Гвад нахмурился. Затем лицо его прояснилось.

— Разумеется, я помню! Это был странствующий рыцарь по имени Хелот из... словом, из страны, которой нет на картах баронессы Имлах. Но он ничего не говорил об убийствах. По-моему, он обещал избавить нас от страха перед драконами.

— Единственный способ избавить нас от страха — это убить драконов, — твердо заявил Отон.

— Вероятно, вы правы, — не стал спорить Теленн Гвад. — И даже скорее всего. Но какое отношение все это имеет к Боанн? По-моему, ее основная задача — сидеть в реке и поменьше высываться из воды. Ха-ха-ха!

— И тем не менее Боанн рвет и мечет и призывает кары на голову этого Хелота, — настойчиво продолжал Отон. — Ей донесли о том, что безрассудный рыцарь отправился в запретные земли и своими поступками может вызвать новое столкновение народа

холмов с народом драконов. Это опасно. Боанн обеспокоена. Она тревожится. Гнев охватил ее душу.

Теленн Гвад задумался, поскреб огненно-рыжую бороду, потом почесал ухо. Поскольку это не помогло, он тяжело поднялся с кресла и, охая, налил себе еще эля.

— Откуда ей это известно? — спросил он наконец.

— Из того же источника, что и мне, — сказал Отон. — От гнома Лозгайрэ, разумеется.

— Наш пострел везде поспел, — с отвращением произнес барон, по ошибке окуная в кружку свою бороду и отжимая ее пальцами. — До чего же верткий, пронырливый и нахальный гном! Их племя — самая большая гнусность, на какую только оказался способным наш Демиург. Да уж, начудил Морган Мэган, что и говорить!

— Не самая большая, ваше баронство, — проговорил Отон. — Собственно, весь ужас впереди. Я не сказал вам самого главного.

— Да? — Барон прищурился и пристально взглянул на своего собеседника. — Это интересно.

Теленн Гвад вновь уселся в кресло и закинул ногу на ногу.

— Морган вернулся, — обреченным голосом уронил Отон. — Это и есть самая ужасная из всех новостей.

— Морган возвращается не в первый раз, — заметил барон. — Конечно, это неприятно, это сулит всякие неожиданности, но я не стал бы отчаиваться. В конце концов, Морган всегда уходит.

— На этот раз, похоже, Морган действительно замыслил нечто чудовищное.

— Объясните мне, уважаемый военный вождь, на чем основаны ваши предположения, и я соглашусь с вами или же приведу веские возражения, которые рассеют ваши мрачные предположения.

— Хорошо. — Отон выглядел уставшим и постаревшим. — По данным Лозгайрэ, дело приняло нешуточный оборот. Морган Мэган повздорил со своей матерью, богиней Боанн, которая известна в мире Аррой своей ненавистью к драконам.

— Этого следовало ожидать, — пробурчал барон.

— И народ холмов встал на сторону богини Боанн, а Демииурга отверг.

— И это не является для меня неожиданностью.

— И тогда Демииург решил стать Деструктором и уничтожить созданный им мир.

— Ха! — Теленн Гвад с силой опустил свой кубок на колено. — А вот это еще нужно доказать, почтенный Отон. Я не верю, чтобы Морган Мэган решился на такое. Он, конечно, создатель вздорный, сперва творит, а потом подводит научную базу и все такое... впрочем, о научной базе вам лучше потолковать с баронессой. Я не знаток. Не знаток. Но одно я знаю точно: Морган Мэган — не подлец. Я вам не верю.

— Напрасно, — зловещим тоном произнес Отон. — Говорю вам, сведения достоверные.

— Высокочитимый Осенняя Мгла! — горячо сказал барон. — Прошу простить мне кощунственное утверждение, но смею заметить: о замыслах Моргана Мэгана достоверных сведений быть не может. Сам Морган чаще всего не знает, что завтра взбредет ему в голову. Так что пока я не получу наглядных доказательств...

— Доказательства более чем наглядные, — перебил его Отон Осенняя Мгла. — Вчера Морган вторгся в Аррой во главе армии головорезов.

— ЧТО? — Теленн Гвад подскочил в своем кресле. Его ироничной веселости как не бывало. — ЧТО ВЫ СКАЗАЛИ?

— Увы, это так, — подтвердил Отон. — Его видели у реки Адунн. Он набрал армию наемников, около четырех сотен кровожадных дакини, для которых нет ничего святого. Они облачены в богопротивные пестрые одеяния, украшенные бантиками на похабных местах, что придает им поистине устрашающий вид. Они вооружены пиками, алебардами, топорами и мечами чудовищной длины. Они творят непотребства, пьют беспробудно, громят и насилуют. По слухам, Морган дал им приказ уничтожить весь мир. И судя по всему, они справятся с этой задачей, если мы их не остановим.

— Не верю, — произнес барон с болью. — Не верю. Морган не мог...

— И тем не менее Морган сделал это. Он сам пьет их поганое пойло и валяется на соломе с их отвратительными девками. Его видели.

— Это его двойник.

— Говорю вам, упрямец, это Морган!

Наступило тяжелое молчание. Барон сидел неподвижно и смотрел в пространство пустыми глазами. Отон наблюдал за ним поверх края своей кружки. Он уже свыкся с чудовищной вестью и теперь ждал, пока с нею свыкнется Теленн Гвад, чтобы можно было продолжать разговор.

— Уничтожить Аррой, — повторил барон. — Уничтожить... Что, они и деревья рубят? И камни разбивают?

— Возможно. Они вторглись только вчера, — повторил Отон. — Но Лозгайрэ слышал речь их военачальника. Перед началом битвы они собираются брать пленных и пытаться их, дабы выведать все о противнике. После чего вступят в сражение, где не станут безговать никакими средствами.

— И это сделал Морган!

— Да прекратите вы причитать, ваше баронство! — рявкнул Отон. — Я пришел к вам не для того, чтобы распускать сопли!

Этот тон подействовал на Теленна Гвада как ушат холодной воды.

— Кто распускает сопли? — заревел он. — Я распускаю сопли? Сейчас я размажу вас по стене моего фамильного замка, и мы посмотрим, от кого останутся одни сопли!

Отон поглядел ему в глаза, и барон слегка покраснел.

— Я прошу извинить меня, — произнес Теленн Гвад. — Погорячился. Тяжело перенести разочарование в своем боге, знаете ли. Ведь я всегда в него верил. Да, верил.

— Я знаю, что ваше баронство всегда было предано Демиургу, — сказал Отон. — Поверьте, мне не легче. Я — вождь Народа, приближенный к творцу. Меня он облакал своим доверием, а я... — Голос Отона неожиданно дрогнул. — Я любил его, сэр! Да, любил!

Он влил в себя остатки эля и нагнулся к бочонку за новой порцией.

— Значит, перед нами — бесчинствующая орда, которую привел предатель-создатель... — задумчиво подвел итог сказанному Телени Гвад. — Имеется также бесноватая богиня Боанн и народ холмов, который влюблен в нее по уши... Есть ли третья сила?

— Третью силу должны создать мы с вами, — твердо сказал Отон. — Я уже размышлял об этом. Присоединиться к Боанн и ее сторонникам — это с самого начала обречь дело на неудачу. Невзирая на все свои добродетели, Боанн, к сожалению, лишена талантов полководца. Не говоря уж о других...

— Народ и великаны, объединенные одним знаменем, — пробормотал барон. — Да, это может спасти дело.

— Не только Народ и не только великаны, — добавил Отон. — К нам присоединятся наиболее разумные из троллей, а также несколько гномов, если удастся выманить их из-под земли.

— Иллуги, — сказал барон. — Я поговорю с Имлах. Иллуги и его каменные болваны — отличная подмога. — Он ударил кулаком по колену. — Остается еще одно. И Морган, и его мамаша — в той или иной степени боги и чудотворцы. Если нас не поддержит мистическая Сила, всех наших полководческих талантов и воинских добродетелей не хватит, чтобы одолеть двух таких могущественных противников.

— Фейдельм, — воскликнул Отон. — У нас есть маленькая Фейдельм, наделенная Силой Радуги. Не забывайте об этом.

Барон с сомнением пожевал губами.

— Вопрос представляется спорным, — сказал он. — Фейдельм не принадлежит миру Аррой.

— Как и Морган, как и его мать, — горячо произнес Отон. — Боги должны приходить извне. Они должны быть чисты от пятен этого мира.

— В чем состоят Силы Радуги? — продолжал барон. — Кто знает, какая власть заключена в Силах

Фейдельм? Не может ли быть так, чтобы ею кто-то управлял?

— Это не известно, — признал Отон. — Но она могущественна, скромна, она наделена мудростью древних и сострадательностью юных. Если Фейдельм будет нашим знаменем, за нами пойдут многие. Кроме того... — Отон улыбнулся. — Она красива.

Громкое сердитое стрекотание и резкий запах на- шатрыя привлекли внимание собеседников, и они разом повернулись в ту сторону, где подрались два горностая. Теленн Гвад швырнул в них туфлей, и зверьки разбежались.

— Остается последний вопрос, — сказал Теленн Гвад. — Кто возглавит нашу армию? Вы или я?

— Да, вопрос принципиальный, — кивнул Отон. — С одной стороны, было бы целесообразно поставить во главе нашей армии военного вождя Народа. Во-первых, Народ — первый, кто появился в мире Аррой после Демииурга.

— Об этом могли бы и не напоминать, — заметил барон.

— Во-вторых, — не смущаясь продолжал Отон, — у меня имеется определенный опыт, поскольку я не раз выигрывал сражения против вас, сэр.

Он поклонился своему старому противнику. Теленн Гвад кисло улыбнулся — слова вождя отнюдь не были пустым хвастовством.

— И наконец, третье обстоятельство. Я приведу довольно большое войнство, в то время как вклад господина барона будет скорее символическим, ибо племя великанов весьма немногочисленно.

— Хм, — произнес барон.

— Но с другой стороны, — как ни в чем не бывало продолжал Отон, — не следует забывать о том, что вы сами, господин барон, стоите целой армией.

— Да, это справедливо, — подтвердил барон, разом воспряв духом. — Каждый великан — это целая армия.

— Стало быть, мы с вами оказались перед неразрешимым противоречием, — заключил Отон. — Но я подумал и об этом.

— Неужели нашли выход? — Барон казался одновременно и заинтересованным, и разочарованным. Он уже понял, что армией ему не командовать, и в душе успел смириться с этим.

— Да. Эта кандидатура идеальна во всех отношениях. — Отон посмотрел барону прямо в глаза. — Лаймерик.

По тому, как бестрепетно военный вождь выговорил имя изгоя, барон понял, что решение зрело в душе Отона несколько дней и стало прочным как камень. Между тем Отон продолжал:

— Да, Лаймерик. Не думайте, что это решение далось мне легко. Но лучшего предводителя нам не найти. Подумайте сами, ваше баронство: с одной стороны, Лаймерик принадлежит по праву рождения к Народу. Такого права у него никто не отнимал, и все злобствования Моргана будут бессильны перед этим. С другой стороны, Лаймерик как бы связан и с великанами, ибо с давних пор обитает в вашем замке. И наконец, его огромный опыт военного вождя. Не забывайте также о том, что Лаймерик — личный враг Моргана. Думаю, он идеально отвечает всем требованиям.

— Осталось выяснить последнее: как отнесется к вашей идее сам Лаймерик, — сказал Теленн Гвад. — Он ведь на долгие годы... м-м... отошел от дел. Не знаю, насколько положительно воспримет ваше предложение мой... м-м... гость, друг и мастер горностаев. Сейчас я его позову, чтобы вы могли повторить все это ему.

— Может быть, господин барон, вы передадите ему мои слова? — вкрадчиво предложил Отон. Ему смертельно не хотелось встречаться с проклятым вождем Народа лицом к лицу.

Барон улыбнулся — обезоруживающе простодушно.

— Я бы с радостью, друг мой, но вся беда в том, что не смогу. Я и половины ваших рассуждений не запомнил, хотя согласен решительно по всем пунктам. Так что лучше скажите ему все сами.

Отон заметно заволновался. Он не видел Лаймерика много лет, хотя никогда не забывал о своем прежнем

вожде. Встреча со стариком пугала его. Отон не знал, чего он боялся больше — увидеть некогда гордого Лаймерика Окраину в униженном состоянии прислуги или встретиться лицом к лицу с тем Лаймериком, который остался в его памяти, — язвительным и бесстрашным. И как еще воспримет его предложение бывший вождь? Не станет ли высмеивать? Не окажется ли, что Лаймерик за эти годы превратился в развалину с трясущейся головой и вечно влажными глазами? Словом, Отона одолевали сомнения, и ему стоило больших трудов совладать со своим волнением.

Барон приподнялся в кресле и гаркнул так, что зазвенело эхо:

— Имлах!

Примчалась баронесса — с чернильным пятном на нижней губе, испуганная, недовольная.

— Что случилось?

— Позови Лаймерика, — распорядился барон.

— Великий Хорс! — закричала баронесса. — Почему я должна исполнять роль прислуги? Вы оторвали меня от научной работы своими дурацкими воплями.

— Всего на пять минут, — примирительно заметил барон.

— Пять минут! — Имлах покраснела от гнева. — Это тебе так кажется, Теленн Гвад, потому что ты не знаешь, что такое умственный труд. Пять минут я буду искать Лаймерика, а потом еще полчаса уйдет на то, чтобы сосредоточиться.

— Чем препираться, шла бы лучше и делала что велено, — сказал Отон. Он недолюбливал Имлах. Тем более, она была тролльшей.

Имлах резко повернулась и вышла.

Спустя несколько минут в зале появился мастер горностаев. Он был встревожен и удивлен. Он знал, что к барону явился вождь Народа, однако полагал, что Отон уже ушел, в очередной раз оставив повелителя замка Аррой в недоумении. И, как это уже нередко бывало, барон призвал своего старого советника для того, чтобы обсудить с ним последние ново-

сти. Лаймерик никак не ожидал встретиться с Отоном лицом к лицу.

Старый вождь побелел как стена. Нарочно избегая смотреть в сторону соплеменника, он обратился к Теленну Гваду:

— Вы звали меня, господин барон?

Барон растерянным жестом указал на Отона. Военный вождь Народа встал:

— Здравствуй, Окраина.

Тогда и Лаймерик повернулся к нему и без улыбки ответил:

— Здравствуй, Осенняя Мгла.

— Я рад видеть тебя в добром здравии, — осторожно начал Отон.

Лаймерик молчал. Он не собирался облегчать своему старому сопернику его задачу. И потому Отон вынужден был заговорить прямо.

— Сейчас настало время забыть прежние распри, Лаймерик. Морган Мэган задумал страшное дело, и богине Боанн не остановить его.

— Знаю, — холодно уронил Лаймерик.

— Я предложил господину барону объединить все силы, какие у нас имеются, чтобы остановить Деструктора и его ораву головорезов.

— Правильно, — сказал Лаймерик.

Отон слегка улыбнулся:

— Я хотел бы, чтобы нану армию возглавил ты, Лаймерик.

Мастер горностаев вздрогнул и бросил на Теленна Гвада быстрый взгляд:

— Кто это придумал?

— Я, — сказал Отон. — Я считаю, что лучше тебя нам предводителя не найти.

— Почему ты сам не возьмешь на себя эту задачу? Я уже стар и к тому же давно не держал в руках оружия.

— Я не собираюсь перечислять тебе твои достоинства, Лаймерик Окраина. У меня нет на это времени, да и охоты, честно говоря, маловато. Отвечай прямо, и если да, то прими командование. Армия ждет. Если нет, отправляйся к себе в лакейскую.

Лаймерик Украина захохотал.

— Да! — сказал он. — Я говорю «да» и к черту Мэгана!

Барон поднялся с кресла и, наклонившись, обнял своего старого слугу.

— Твоя служба окончена, — сказал он басом, — и будь я проклят, если замок без тебя не опустел! Пусть военная удача сопутствует тебе, Лаймерик. Что подарить тебе на прощание?

Лаймерик улыбался — от уха до уха, как не улыбался уже много лет.

— Подари мне горностаю, Телени Гвад, — сказал он. — Этот зверек принесет нам счастье.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

— Городищенская Лава! — сказал Хелот. Все трое путников остановились на берегу, разглядывая лаву — связанные пеньковой веревкой бревна, перекинутые через брод. На другом берегу стояли часовые. Их было десять или одиннадцать, рослых волосатых троллей, вооруженных гигантскими пиками. Многие привязали к основанию пики волчий хвост или связку перьев, полагая, что это украшение принесет их оружию удачу. Завидев святотатцев, городищенцы замахали пиками и принялись орать на разные голоса.

Наконец вперед выступил один, заросший черным волосом, и прокричал что-то хриплым голосом.

— Они что, всегда тут торчат? — недоверчиво спросил Тэм, разглядывая остроконечные шлемы и блестящие на солнце кирасы троллей.

Хелот пожал плечами:

— Если верить рассказам, то всегда. Они выполняют повеление Боанн, которой верят крепче, чем самим себе. Видимо, у богини мозгов все-таки побольше, чем у народа холмов, мне так кажется.

Он еще раз оглядел сборище троллей и поежился. Меч Секач висел у него за спиной, и Хелот вынул его из ножен. Несколько древних рун смотрели на него с

клинки, мерцающая ярким темно-красным светом. Хелот провел по ним пальцами, ощутив едва заметное дуновение тепла.

— Лозгайрэ сказал, что здесь написано «рассекаю подлежащее рассечению» или что-то в этом роде, — сказал Тэм, сунувшись Хелоту под локоть.

Хелот ловко щелкнул по белой макушке мальчика:

— Когда ты научишься вести себя подобающим образом, Тэм?

Мальчик застенчиво улыбнулся. Хелот знал, что это лицемерие: едва оттаяв после пережитого на болотах и в Дровяном переулке, Тэм обнаружил свой истинный характер — нахальный и любопытный. Такие чувства, как смущение, были ему неведомы. К тому же сам Хелот разбаловал его добрым отношением и теперь без устали проклинал себя за это.

— Я думаю, сэра, что, когда я научусь, в этом отпадет надобность.

— Почему? — Хелот не выдержал и улыбнулся в ответ.

— Потому что к тому времени, сэра, я уже буду древним старцем.

Хелот покачал головой и сунул меч в ножны.

— «Рассекаю подлежащее рассечению», — пробормотал он. — Двусмысленное обещание.

Сейчас он уже жалел о том, что променял арбалет, оружие дальнего боя, на сомнительный колдовской меч, свойств которого толком никто не знал. Быть может, это обычное оружие. А если нет? Полагаться на добрую волю чьих-то чар Хелоту не слишком улыбалось.

Как будто угадав его мысли, Алькасар тихонько сказал:

— Хочешь, я отдам тебе твой старый меч?

Хелот обернулся к нему и покачал головой:

— Нет, оставь себе. Если эта железка вздумает предать в бою, то пусть лучше предаст меня.

Алькасар не стал спорить. Он ступил на бревна первым. Тролли на другом берегу заметно взволнова-

лись и огласили низкие берега разноголосыми, но одинаково неблагозвучными воплями.

За Алькасаром осторожно пошел Хелот, а замыкал шествие Тэм с двумя лошадьми. Тролли приседали, подскакивали, демонстрировали топоры и пики, делали угрожающие жесты и махали руками, приказывая путникам поворачивать обратно.

— Кричите, кричите, — пробормотал Хелот, который решил не тратить времени на пустые переговоры с охранниками.

Он видел, что сарацин уже на берегу, и все десять стражей набросились на него, спеша разделаться с первым противником до того, как остальные святотатцы успеют прийти к нему на помощь.

Алькасар ловко уворачивался от их неуклюжих выпадов, а они метались, натыкались друг на друга, и один тролль в суете едва не распорол другому живот. Ловчее остальных был предводитель троллей, заросший густым черным волосом с головы до ног и потому не нуждавшийся в одежде, в позолоченной кирасе на голое тело.

Зарывав на своих бестолковых подчиненных, черный тролль набросился на Алькасара. Старый меч сломался у рукояти, когда гигантский топор хрястнул по клинку. Алькасар отбросил бесполезное оружие и метнулся в сторону. Если бы они бились один на один, он мог бы загонять тролля до бесчувствия. Но за спиной сарацина наготове уже топтался другой враг, вооруженный алебардой. Несколько раз Алькасар ощущал прикосновение бунчука из перьев селезня, который болтался у основания алебарды, но всякий раз ему удавалось уклониться. Однако Алькасар знал, что долго эта игра продолжаться не может.

Хелот верхом на лошади крутился в самой гуще схватки, пытаясь выхватить оттуда Алькасара. Тэм, снабженный приказом немедленно удирать и не создавать своему господину лишних проблем, уже несся вдоль берега на второй лошади.

Однако троллей было слишком много. Откуда-то набежало еще пятнадцать или около того, и каждый

норовил ухватить Хелота за ногу и вытащить его из седла. Хелот отчаянно дернул ногой, стряхивая с себя какого-то особенно настырного монстра с зеленой кучерявой шерстью на лице и желтыми раскосыми глазами. Толпа на мгновение расступилась, и Хелот увидел, что Алькасар упал навзничь на траву. На шее у него зияла огромная рана, и кровь била фонтаном.

Закричав, как будто ранили его самого, Хелот взмахнул колдовским мечом и нанес рубящий удар с седла прямо в середину зеленой физиономии. Ответом был отчаянный вой. Хелот ожидал увидеть, как расколется череп существа, однако ничего подобного не произошло. С тем же успехом удар мог быть нанесен обыкновенной палкой. Еще вчера Хелот срезал этим лезвием прядь волос, чтобы не падали на глаза, а сегодня Секач неожиданно оказался не просто не заточенным — он повел себя дубина дубиной. «Рассекаю подлежащее рассечению». Ох, до чего же двусмысленное обещание!

Хелот ударил лошадь пятками и вырвался из гущи сражения. Мимо него просвистела тяжелая пика и воткнулась в дерево. Лошадь шарахнулась, но Хелот твердой рукой направил ее к дороге, ведущей через все Городище и дальше, прочь от поселения троллей. Они перемахнули через какой-то покосившийся плетень и понеслись. Встречные разбегались. Испуганная лошадь едва не растоптала малыша, стоявшего посреди дороги и моргавшего тремя глазами в изумлении. В последнюю секунду Хелоту удалось обойти его, но проклятия матушки беспечного младенца еще долго неслись ему в спину.

Хелот знал, что городищенцы не сунутся в драконьи земли — не столько из страха перед драконами, сколько из почтения к заветам своей богини. Поэтому он неся не разбирая дороги, лишь бы скорее оказаться на границе между владениями народа холмов и народа драконов. Впереди пылил Тэм Гили.

Неожиданно лошадь пошла тише и тяжелее. Хелот увидел, что ступил на распаханную землю. Это и была граница.

Он придержал лошадь и пошел шагом. Мыс между двух рек — Боанн и Великой Рекой Адунн — стремительно сужался и поднимался, превращаясь в невысокий утес. Хелот поднялся на его вершину и замер, устало сутулясь в седле.

Был вечер. Долгий и светлый вечер северного лета. Нездешний тихий свет струился сквозь облака, и в этом свете справа и слева от странствующего рыцаря медленно катили свои воды широкие ленивые темные реки. Они не спешили соединиться и долго шли бок о бок, пока наконец не слились у этого мыса. Вдаль, к низким облакам, мимо заросших непролазной ольхой берегов, уходил величавый поток — безмолвный, отрешенный. Лилии, приткнувшиеся к берегам, казались бледными посланцами царства мертвых. Еще немного — и Хелот поверил бы в то, что видит перед собой Стикс.

Он медленно слез с седла, не торопясь, снял с себя одежду и по мокрой глине забрался в реку. Вода была теплая и мутная. Он стоял на вязком дне, по шею в воде, вытянув по течению руки. Вода уносила пот и пыль, усталость и отчаяние. Он нашел Алькасара и снова потерял. И больше никогда не найдет, потому что тролли убили его. Река мертвых уходила к горизонту, пронося свои воды мимо низких берегов. Вот плеснула вода, и стало невыносимо тихо.

«Интересно, стану ли я после этого неуязвимым, как Ахиллес?» — подумал Хелот, и в тот же миг очарование было нарушено громким воплем Тэма Ги́ли. Срывая на ходу обувь и штаны, мальчишка мчался к воде. Испутив воинственный клич, он обрушился в воду, подняв фонтан брызг, начал бить руками и ногами, нырять и в конце концов едва не утонул. Вытащив его на берег, Хелот оставил мальчишку лежать, глотая воздух, а сам стал одеваться.

Тэм перевернулся на живот и потянулся за своими сапогами.

— Дошли! — сказал он, сияя. — А где ваш сарацин, сэр?

— Убит, — хмуро ответил Хелот.

Тэм застыл с раскрытым ртом.

— Как это?

— Мне казалось, ты уже знаешь, как это бывает, — заметил Хелот.

— Но вы уверены, сэр, что он убит, а не в плену?

Тэм сел и начал обуваться. Хелот искоса посмотрел на него.

— Сначала штаны одень, — сказал он.

Тэм бросил рассеянный взгляд на свои ноги.

— Ой! — сказал он. — Про штаны-то я и забыл...

И начал снимать сапоги.

Хелот молча поднял меч Секач, снова вынул его из ножен, посмотрел на руны, покачал головой. Сейчас руны не светились, и меч казался совершенно обычным. Хелот застегнул пояс, провел ладонями по лицу, пошел к мысу, чтобы еще раз взглянуть на поток. Длинный меч в ножнах бил его по ногам.

— Вы уверены, что он умер, сэр? — спросил за его спиной Тэм Гили.

— Да, — не оборачиваясь, ответил Хелот. — Я видел рану.

— А сами-то вы целы, сэр?

Хелот еле заметно усмехнулся.

— Сам я цел, — сказал он. — Спасибо, Тэм. Ты меня очень выручил.

— Чем?

Хелот не мог видеть лица своего слуги, но отлично представлял себе, как Тэм удивленно хлопает белыми ресницами.

— Тем, что не путался под ногами.

Хелот вздохнул еще раз, и оба они медленно пошли назад по мысу ко второй переправе — через реку Адунн. Эта переправа принадлежала драконам, и ее никто не охранял. Говорили, что она проходит по древней плотине.

На другом берегу реки стояла брошенная деревня. Когда-то здесь жило могущественное племя троллей, но после битвы у Белого Ручья, где был уничтожен цвет их народа, деревню бросили и вся эта территория отошла к владениям драконов.

Пустые дома, числом девять, стояли по самые окна уходя в лебеду и крапиву. Их толстые черные стены

зияли выбитыми стеклами. Деревня казалась могучим бастионом одиночества среди буйной некошенной травы. Здесь царила тишина. Все строения были обращены фасадами к центру круга, подчеркнутому коническим каменным зданием. Видимо, некогда это сооружение служило местом почитания какого-то божества. Хелот подозревал, что объектом поклонения мог быть кто угодно, но только не Морган Мэган. Вершина конуса обвалилась и рухнула внутрь храма, а стены поросли травой и молодыми деревцами.

Хелот, а за ним и Тэм осторожно вошли в оставленный храм и остановились перед треснувшим жертвенным камнем, на котором было высечено изображение бога, пригвожденного к дереву копьём.

— Как вы думаете, сэр, — прошептал Тэм, — не будет грехом, если я здесь помолюсь?

— Тебе обязательно молиться в языческом капище? — спросил Хелот немного резковато. — Может быть, лучше сделать это на свежем воздухе, подальше от языческих святынь?

Тэм замаялся.

— Я не знаю, сэр, — сказал он наконец. — Я привык молиться в храме. Мне кажется, в любом алтаре обитает божественных дух. В конце концов, создатель — в каждом из своих творений.

— Ты забываешь о том, КТО создатель этого мира, Тэм.

Хелот неожиданно поймал себя на том, что время от времени воспитание, полученное в детстве, дает о себе знать, и он, Хелот, периодически превращается в такого же ортодоксального и твердолобого католика, каким был воспитавший его капеллан.

Но Тэм, как выяснилось, мыслил шире своего господина.

— Я не забываю об этом, сэр. А КТО создал самого Мэгана?

На это у Хелота возражений не нашлось, и мальчишка вознес к престолу христианского Бога горячую молитву за упокой души сарацина, погибшего без покаяния. Тэма ничуть не смущало то обстоятельство,

что он преклонил колени перед языческим жертвенником, на котором еще остались бурые пятна крови от прежних жертвоприношений.

Хелот поднял глаза к потолку капища и увидел, как в дыре, зиявшей на месте рухнувшего купола, спокойно проплывают облака. Неожиданно ему подумалось о том, что Тэм, пожалуй, прав. Хелоту захотелось встать на колени рядом со своим слугой и присоединиться к его молитвам. Но вместо этого лангедокский рыцарь осенил себя крестом, пробормотал «Отче наш», радуясь, что еще не забыл хотя бы этого, и вышел из храма.

Снаружи было теплее, чем внутри. Воздух был напоен душистым запахом белых цветов. И снова Хелота поразила несокрушимость оставленных домов. Он стоял в центре их грозного мертвого круга, под взглядами пустых провалов окон, по пояс в сорной траве, и чувствовал себя виноватым.

Он не знал, сколько времени прошло с тех пор, как он оставил Тэма молиться. Ему показалось — много. Бесконечный северный закат все еще горел на небе, когда оруженосец с просветленным ликом выбрался из храма и уселся рядом с Хелотом на ступенях пустого дома.

— Есть хочешь? — спросил Хелот, вытаскивая из кармана ломоть белого хлеба. Он не стал ждать, пока Тэм ответит, и разломил ломоть пополам. Они прижались друг к другу, чтобы удобнее было сидеть, и принялись жевать. Потом Хелот вынул флягу с остатками эля, и они пили, передавая ее из рук в руки. Лошади спокойно паслись на лугу.

— Надо бы привязать их, — сказал Хелот, но не двинулся с места. Тэм покосился на него, словно желая узнать, не приказывают ли ему встать и заняться делом. Однако Хелот не стал донимать Тэма распоряжениями, решив, что лошадьми займется сам, когда соберется с силами.

— Если Господь пошлет нам удачу, завтра мы будем жарить драконье мясо, — увлеченно сказал Тэм, желая перевести разговор на другую тему.

Хелот не поддержал фальшивого оживления Тэма.

— Мы бросили его, — сказал Хелот машинально и понял, что все это время думал об Алькасаре.

— Вы же говорите, что он убит, сэр, — осторожно проговорил Тэм.

— Да. — Хелот вздохнул. — Не имело никакого смысла сражаться за мертвое тело. И все-таки мы его оставили. — Он встал и слизнул с ладони крошки. — Это моя вина. Ладно, Тэм, идем спать.

Тролли собрались возле тела умирающего врага и загалдели. Двое или трое бросились было в погоню за всадниками, но вскоре вернулись, запыхавшиеся и раздраженные, и присоединились к своим товарищам, которые как раз выясняли, по чьей вине двоим недоям удалось-таки нарушить заветы мудрой Боанн и переправиться на другой берег, в драконьи земли.

— А вы куда смотрели? — орал предводитель, сверкая глазами сквозь черную шерсть, вставшую дыбом на его физиономии. — Враг дал понять, на что он способен! Вы поняли хоть, кто это был?

— Откуда нам было понять? Он не представился!

— Он не назвал своего имени!

— Он ударил меня по лицу мечом, и только милости Боанн спасли мой череп от рассекания! — вопил громче всех зеленый тролль.

— Отомстим за наш позор! — ревел другой тролль, еще более лохматый.

Несколько троллей воодушевленно гаркнули «ура!», но быстро смутились под взглядами более сообразительных собратьев.

— Что мы скажем нашей богине? — горестно вопрошал вождь. Неожиданно удачная идея осенила его, и он просиял. — Мы дознаемся обо всем у нашего пленника! — Мы будем его допрашивать, и он нам все расскажет!

— Кажется, он уже умер, — высказал предположение зеленый тролль.

— Молчать! — рассвирепел вождь. — Если умер, оживим. Кто умеет оживлять убитых дакини?

Он обвел глазами свое воинство, но каждый норовил спрятаться за спину другого. Молчание становилось накаленным, и вождь начинал уже двигать нижней челюстью, обдумывая, кого из нерадивых подчиненных сожрать заживо для публичного устрашения остальных. И неожиданно один из них закричал:

— Смотрите, смотрите! Приближаются новые враги!

По лаве неторопливо шел рослый человек. Он был без шлема, и ветер трепал его неровно подрезанные светлые волосы. За последний месяц Морган Мэган так устал и отощал, что его вполне можно было принять за захудалого тролля. Ввалившиеся глаза бродячего мага мрачно горели на костлявом лице. Моргана терзало отвращение к самому себе.

На берегу лязгнули пики и алебарды. Предводитель троллей зловеще-радостно отдавал последние распоряжения. Тролли выстроились в каре и ощетинились колющим оружием.

Морган остановился, отбросил с лица волосы и хмуρο уставился на воинственных троллей здоровым глазом. Больной ушел под веко и слепо глядел закатившимся белком.

— Это еще что такое? — властно спросил Демиург.

— Это застава, — объявил предводитель троллей. — Ты находишься в Гордище, приятель, и дальше тебе ходу нет.

— С какой стати? — Демиург нахмурился. Его раздражал этот разговор.

— Властительница Боанн запретила гномам, троллям, Народу и дакини ходить за реку Адунн и нарушать границы драконьих владений, дабы не вызвать новой кровопролитной войны, — напыщенно произнес предводитель.

— Плевал я на вашу властительницу, — сказал Морган Мэган.

Тролли возмущенно загалдели, а их предводитель заговорил угрожающим тоном:

— Можешь полюбоваться, ничтожный, что ожидает тех, кто нарушает заветы великой Боанн. Расступитесь, болваны, дайте ему взглянуть.

Тролли подались в разные стороны, и Морган Мэган увидел на земле человека, истекшего кровью. Вне всяких сомнений, он был уже мертв.

— Кто это? — спросил Морган таким пронзительным голосом, что у всех мурашки побежали по коже.

— Черт его знает... — неопределенно отозвался предводитель троллей и на всякий случай отступил подальше. Безоружный и щуплый на вид, бродячий маг вызывал у чудовища смешанные чувства, в том числе самый настоящий страх.

Морган присел на корточки возле убитого, взглянул в смутное лицо с еле заметными рябинами оспы, коснулся черных волос, слипшихся от крови. Рука, к которой он осторожно притронулся, еще не окоченела. Моргану еще не случалось оживлять умерших, но он не думал, что подобная задача была бы ему не по плечу.

Бродячий маг вскинул голову и бросил яростный взгляд на обступивших его городищенцев. Плотные заросшие густым волосом физиономии гримасничали, корчили рожи, скалили белые зубы, сверкали желтыми глазами — словом, вели себя как в дурном сне.

— Приведите мне коня! — негромко распорядился Морган.

Несколько наиболее расторопных бросились бежать за конем. Конь в Городище был один — шестиногий, с трехпалыми копытами. Изредка предводитель седлал его и проводил военные парады, которые заключались в том, что он гарцевал на скакуне по деревенской улице, а остальные тролли стояли вдоль дороги и шумно восхищались его умением не падать с лошади.

— Остановись, Морган! — прозвучал певучий женский голос. — Что бы ты ни задумал, — остановись! Удержи свою руку!

В толпе показалась богиня Боанн. Мокрый алый шелк, с которого стекала вода, к великому восхищению троллей, плотно облепил ее стройное тело. При виде своей богини предводитель упал на колени и тайком облизнулся.

— Уйди с моей дороги, мать! — сказал Морган Мэган, выпрямляясь.

— Святотатственный предатель! — произнесла Боанн и медленным, обвиняющим жестом подняла на Моргана палец. — Ты предал свою мать! Ты предал свое творение! Ты привел сюда омерзительных чужеземцев, которые крушат и уничтожают все на своем пути!

— Да, — подтвердил Морган безжизненным голосом. — Я привел их сюда. Я уничтожу этот мир. Я ненавижу вас всех, ибо во всяком из этих уродов вижу свое лицо. Каждая растоптанная травинка на этом берегу, каждое кривое дерево, каждое безобразное тело — все это куски моей души, которую я столь щедро разбрасывал по лесу Аррой. Я ненавижу себя, мать.

— Остановись! — повторила Боанн. — Откажись от своего замысла, Морган!

— Поздно, — сказал Морган. Краем глаза он видел, что тролли уже ведут к нему уродливого коня, черного, с черной гривой и красными глазами. Конь спотыкался, время от времени путаясь в своих шести ногах, одна из которых была короче, чем остальные пять.

Отстранив Боанн, Морган Мэган вскочил на коня и окинул троллей высокомерным взглядом, а потом снял свой заплатанный плащ и кивнул подбородком предводителю.

— Подойди сюда, — приказал он.

— Я? — в ужасе, которого больше не скрывал, переспросил тот и на ватных ногах заковылял к Демииургу.

Неожиданно наклонившись к нему, Демииург спросил:

— Предатель я или нет? Ты как думаешь, болван? Троль пролепетал:

— Я не знаю, сэр. Я согласен с моей богиней, сэр. Откуда мне знать? Я бедный тролль. Ты был пьян, когда создавал эти земли, так за что же тебе нена-

видеть нас? Таков ты во хмелю. Не сердись на нас за это, Морган Мэган.

Мэган вздрогнул всем телом и выпрямился.

— Поддай мне убитого.

Предводитель троллей сквозь зубы шикнул на своих подчиненных. Мохнатые лапы потянулись к Моргану, подавая ему тяжелого мертвеца. Морган Мэган закутал его в свой плащ и ударил коня пятками. Шестиногий не двинулся с места.

Боанн стояла на дороге у Моргана и смотрела на него широко расставленными медовыми глазами.

— Прочь с дороги, женщина! — сказал Морган. — Пропусти меня.

— Ты безумен, сын, — произнесла Боанн и отступила в сторону. Тролли сбились в кучу возле богини, как беспомощные цыплята возле наседки. Она развела руки в стороны в охранительном жесте. С ее плаща стекала вода, но никто из троллей не обращал на это внимания. Они смотрели вслед одинокому всаднику на шестиногом черном коне и тряслись от страха.

Морган остановился на мысу, где сливались два потока. На сырой глине он видел отпечатки конских копыт. Совсем недавно здесь проехали два всадника. Значит, слухи о том, что кто-то затеял вылазку в драконьи земли, не были пустыми. Однако сейчас думать об этом Моргану было некогда. Он положил на землю завернутое в плащ тело и задумался. Давно ему не приходилось открывать кровавых ворот.

Морган вздохнул, протянул руки. Справа и слева, от реки Боанн и от реки Адунн, возникли мечи — по пять с каждой стороны. Радужный перелив светился на их закаленных клинках. «Хорошие мечи», — подумал Морган.

Он отбросил пять клинков о волосы убитого, оставляя на каждом капли его крови, и сказал, вонзив их в землю ближе к реке Боанн:

— Это будут ворота смерти.

Потом прикусил губу и полоснул кинжалом себя по руке. И когда потекла живая кровь, Морган взял ее

горстью и вытер окровавленные пальцы о пять других клинков. Эти он воткнул в сырую глину по правую руку от себя, ближе к реке Адунн, и сказал:

— Это будут ворота жизни.

Он посмотрел на небо. Солнце еще не село. У него было много времени. Спешить некуда. Морган Мэган отрезал полоску от плаща и перетянул свою порезанную руку, после чего уселся рядом с убитым и стал ждать.

Морган Мэган понятия не имел о том, что должно произойти. Временами ему казалось, что две реки сливаются в кровавый поток, уходящий за край земли, туда, где пустота и забвение. Но потом ему виделось сверкание звезд, отраженных в текущей воде, и он улыбался. Иногда его терзали сомнения: можно ли считать Адунн рекой жизни.

Но вот река Адунн незаметно подступила совсем близко. Текучие воды ее вот-вот коснутся пяти окровавленных мечей.

Тем временем и другая река оказалась рядом. По ее волнам поплыли пять расплывающихся темных пятен — вода смыла кровь.

И почти сразу же перестала кровоточить рана на руке Моргана, а у мертвеца исчезло зияющее отверстие на шее пониже уха. Морган хотел пошевелить пальцами, но не смог. Рука онемела.

Мертвенная тишина захлестнула его, и ему захотелось остаться навеки на этом безмолвном берегу, где нет ни единого звука, где никто и ничто не тревожит покой ушедших за горизонт. Смерть перестала казаться Моргану страшной. Кто сказал, что погружение в небытие — ужасный исход? Не к тому ли следует стремиться?

В помраченном сознании Моргана мелькнул образ божества с флейтой, и вдруг он разглядел, что впереди, там, где две реки слились в один поток, сгустился туман и в этом тумане можно разобрать большой лист водного растения и возлежащего на нем бога с флейтой. И странный бог, которого Морган Мэган встречал

как-то раз в своих странствиях между мирами, сказал из тумана:

— Не существует различий между жизнью и смертью, Морган Мэган. Жизнь вливается в смерть. Смерть вливается в жизнь. Смерти нет, ибо все сущее — жизнь и круговорот жизни. И жизни нет, ибо все сущее — смерть и круговорот смерти. Нет смысла жить. Нет смысла умирать.

Морган блаженно улыбнулся, но тут воды Адунн подступили совсем близко и плеснули ему на колени. И почти мгновенно резкая боль пронзила его, и он услышал чей-то крик, полный муки. Морган так и не понял, кто кричал: он сам или человек, возвращенный им к жизни.

Бродячий маг бросил взгляд на реку, но божество с флейтой уже исчезло. Осталась лишь могущественная река и дробящиеся на ее поверхности летучие отражения звезд и луны.

— Благословенна боль, — сказал Морган шепотом, — ибо ею жизнь возвещает о своем возвращении...

Он шевельнулся и неожиданно понял, что замерз. На нем не было сухой нитки. Морган склонился над сарафином. Тот тяжело дышал и дрожал с головы до ног.

— А, тебе тоже холодно, — обрадовался Морган. — Значит, ты жив.

Он встал, выдернул из глины мечи и побросал их в воду. Они канули беззвучно, словно растворились в темных глубинах, и Морган тут же забыл о них. У него были другие, более неотложные дела: он хотел вернуться в лагерь, согреться, поужинать и толком расспросить человека, которому вздумалось посетить драконьи земли.

Жизнь в лагере наемников была ключом, несмотря на глубокую ночь. За укреплениями, наспех сделанными из повозок, в которых наемники возили свои нехитрые пожитки, а также женщин, в беспорядке были разбросаны палатки. Впрочем, палатками эти сооружения можно было назвать только с большой натяжкой: это были навесы из веток, каркасом для которых

служили поставленные в пирамиду две или три алебарды.

Естественным центром лагеря служил гигантский бочонок эля, возле него и группировалась большая часть воинства. Остальные наемники, не занятые распиванием горячительных напитков и прочими доступными развлечениями в лице податливых девиц, к великому ужасу Моргана играли в карты. Он хотел было поговорить об этом с полковником, но все не успевал. По мнению Моргана Мэгана, прикасаться к колоде карт можно было лишь в строго определенные дни и со строго определенной целью. При виде того, как безмозглые мошенники мусолят и слюнявят колоду, сквернословят, бросают листы в грязь и проигрывают последние штаны, у странствующего волшебника мороз бежал по коже.

Пока они с Алькасаром пробирались к палатке военачальника, над которой развевался штандарт с замысловатым гербом, придуманным на ходу находчивым полковником (Морган проявлял преступное равнодушие к воинской символике), кругом сквернословили, пили, щупали девиц и предавались порокам.

Алькасар краем глаза разглядывал живописные фигуры головорезов, облаченных по большей части в шаровары чудовищных размеров и такого непристойного покроя, что зеленоватая бледность смуглого сарацина сменилась едва заметным румянцем. Наиболее выдающаяся часть тела мужественных героев была помещена в специально пришитый к штанам мешочек, украшенный у кого бантиком, у кого пряжкой, у кого искусственным цветочком.

К счастью, они вскоре были уже в палатке. Алькасар тяжело опустился на пол у самого входа. Морган порывлся в простом походном сундучке и вытащил оттуда сыр, несколько лепешек и флягу с вином. Принимая еду из рук хозяина палатки, Алькасар поблагодарил его и осторожно спросил:

— Куда ты привел меня?

Морган Мэган вздохнул:

— Это солдатский лагерь, как ты уже видел. Я потом расскажу тебе подробнее, а пока что ешь спокойно. Ты помнишь, что с тобой случилось?

Алькасар вздрогнул.

— Слишком много, — сказал он еле слышно. — Так много... Боюсь вспомнить. Со мной был друг. Где он?

— Не знаю. Но думаю, с ним ничего плохого не случилось. Я видел следы его коня на мысу, там, где река Боанн впадает в Великую Реку Адунн.

Алькасар начал жевать, не чувствуя вкуса. Он смертельно устал. В голове у него мутилось, и он даже не пытался понять, как оказался здесь.

— Я Морган Мэган, которого здесь ненавидят и проклинают, — сказал Демиург. — Тебе лучше узнать, что я подобрал тебя мертвого и провел через кровавые ворота. Я побывал вместе с тобой там, где нет ничего, кроме Смерти, и вернулся. По ту сторону Реки нет боли, нет голода и страха. Там ничего нет. Я чуть было не остался там вместе с тобой. Слишком много тревог здесь, на берегах Адунн. Но потом пришла вода и вынесла нас с тобой к берегам жизни.

— Я не понял, — проговорил Алькасар. — Ты Морган Мэган? Ты злой бог этого мира?

— Да.

— И ты спас мне жизнь?

— Назови это так.

— Зачем ты это сделал?

Морган Мэган задумался, уставившись в потолок своей палатки. Наконец он вполголоса спросил:

— Ответить правду?

Алькасар кивнул, и Морган тут же сообщил, усмехаясь:

— Из любопытства. Мне хотелось посмотреть, сумею ли я вернуть тебя на эти берега.

— Спасибо, — сказал Алькасар.

Морган протянул ему флягу.

— Попробуй, это хорошее вино. Я берег его для себя, потому что моим головорезам, похоже, безразлично, какое пойло в них льется, лишь бы с ног валило.

Алькасар с сомнением поглядел на флягу.

— Спасибо, — повторил он. — Я не пью вина.

— Да? — Морган выглядел удивленным. — А скажи-ка мне, друг мой, кто ты такой? Откуда ты взялся в лесу Аррой?

— Хелот говорит, всему виной твое колдовство, если ты действительно Морган Мэган.

— Я не помню, чтобы мне случалось встречать тебя.

— И все же это так. Был мир, где у меня был друг по имени Хелот и девушка по имени Дианора... Я ничего не помню. Хелот говорит, что так было. Там побывал колдун, Морган Мэган. Ты. Там остались семена твоего колдовства. В неурочный час они дали ростки.

— Дианора... — пробормотал Морган Мэган. — Да, я ее помню.

— А я не помню, — сказал Алькасар. — Хелот говорит, что она светлый ангел.

— Да, да, так и есть... — Морган в волнении забегал по палатке, время от времени прикладываясь к фляге с вином. — Дианора... Я действительно открыл для нее ворота. Ей грозила опасность, и один великий чудотворец, исцеливший мою старую рану, попросил перенести ее в другой мир, где она обрела бы покой. И я сделал это. Я открыл ворота Радуги, и Дианора... Что с тобой?

Алькасар побледнел. Глаза его помутнели, губы зашевелились, пытаясь выговорить какое-то слово. Морган подскочил к нему, схватил за плечи:

— Что случилось?

— Радуга... — вымолвил он с трудом. — Ты... что ты сделал?

— Открыл ворота Радуги, — повторил Морган. — В этом нет ничего страшного. Я изготовил десять чаш и раскрасил их в семь цветов...

— Ты оставил чаши у отшельника, — прошептал Алькасар. — Они упали с полки в тот миг, когда меня убивали... Нет, не помню.

Морган сел рядом с ним, задумался.

— Мое волшебство искалечило тебя, — сказал он наконец. — Оно выжгло в твоей памяти боль и страх. Оно отняло у тебя воспоминания. Пожалуй, я здорово виноват перед тобой. Как твое имя?

— Хелот говорит, меня звали Алькасар.
— Хорошо, пусть будет так. Останься со мной. Я попытаюсь исправить причиненное тебе зло.
— Ты злой бог, Морган Мэган.
— Во-первых, я не бог. Я Демиург, что вовсе не означает божественности. Во-вторых, я не злой... — Морган призадумался на миг и нехотя сознался: — Я любопытный.

— Зачем ты привел сюда всех этих людей?

Морган поежился под пристальным взглядом черных глаз сарацина. Ему совсем не хотелось признаваться в своем чудовищном замысле. Но тем не менее он вынужден был ответить:

— Это эсхатологический легион. Иными словами, я задумал устроить здесь небольшой конец света.

Алькасар вздохнул и растянулся на полу, заложив руки под голову.

— А говоришь, что ты не бог и не злой.

— Не твое дело! — вскрикнул Морган, неожиданно потеряв контроль над собой. — Это мои личные войны с моим личным миром! Я его создал! И тебя не касается, что я сделаю с ним!

— Ты бандит и убийца, — сказал Алькасар спокойно. — Я так и думал. Ты спас меня от смерти. Я буду служить тебе.

— И на том спасибо, — проворчал Морган Мэган. — Может быть, потом ты поймешь, как заблуждался на мой счет, как был несправедлив ко мне.

— Нет, — все тем же равнодушным тоном отозвался Алькасар. — Я не заблуждаюсь. Спокойной ночи, Морган Мэган.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

— Ваша милость! — Полковник всунул голову в палатку и пробудил Моргана от беспокойного сна. — Ваша милость! Я отправил в разведку двух молодцев.

Морган приподнялся и мутно посмотрел на своего военачальника:

— А? В какую разведку?

— Необходимо захватить пленников, — доложил полковник. — Если ваша милость помнит, я говорил об этом на общем сборе всех наемников. При помощи пытки мы вырвем у них данные о расположении вражеских войск и о планах враждебного нам командования.

Морган с трудом сел и протер глаза.

— Болван! — взорвался он. — Зачем она здесь нужна, ваша дурацкая разведка? Этот мир создал я! Я! Чем отправлять несколько человек на верную смерть, спросили бы меня. Без всяких пленных я рассказал бы вам о расположении их боеспособных единиц.

— Порядок есть порядок, — невозмутимо отозвался полковник. — Положено допрашивать пленных — допрашиваем. Положено допрашивать под пыткой — пытаем. Для чего, спрашивается, существует палач?

— Чтобы даром жрать мой хлеб, — огрызнулся Морган. — Я высказал свое мнение. Если вы, твердолюбый упрямец, желаете делать все по-своему, то ради Бога. Только потом не жалуйтесь и не говорите, что вас не предупреждали.

— Военными действиями должны распоряжаться профессионалы, — обиделся полковник. — И я делаю для вас все так, как сделал бы для родного отца. И даже лучше.

С этими словами он скрылся.

Солдаты, отправленные на поиски пленников, углубились в лес. Операция, затеянная полоумным Морганом, выглядела детской прогулкой. За два дня они не встретили ни одного поселка, а обещанные монстры казались им всего лишь бредом их военачальника. Впрочем, жаловаться не на что: платил-то Морган чистым золотом!

Лес казался чистым и пустым. Никого здесь не было. Солдаты беспечно бродили среди высоких деревьев и больших валунов. Мягкий мох ложился под ноги. Птицы щебетали на ветвях. Время от времени им попадался

орешник, и они рвали орехи, запивали его вином из фляжек и болтали о женщинах и оружии.

— Хорошо бы встретить симпатичную аборигеночку, — сказал один, укладываясь передохнуть возле большого камня. Поросший мхом валун казался идеальной спинкой для кресла.

— И сговорчивую, — хихикнул второй. — А потом убить, раз у нас такое задание.

— Этот Моррганн свихнулся, — заметил третий. — Я не понимаю, с кем он не поделил эти земли, но его фантазия «выжечь здесь жизнь огнем и мечом», как он выражается, яснее ясного говорит о том, что у него не все дома.

— Моррганн... — пронеслось по лесу.

Первый солдат подскочил от удивления и огляделся по сторонам.

— Кто это сказал? — испуганно спросил он.

— Что сказал? Тебе померещилось с перепоем. Отдай флягу!

Солдат был так растерян, что безропотно позволил отобрать у себя фляжку, где еще оставалось порядочно вина.

— Сейчас кто-то произнес утробным голосом «Морган», — сказал он.

И почти мгновенно лес отозвался на разные голоса:

— Морган... Морган... Морган...

— Это эхо, — с облегчением предположил второй солдат. Но лес не унимался:

— Моррганн...

Совсем близко кто-то забормотал, с трудом выговаривая слова:

— Морган добрый, Морган умный, Морган не свихнулся. Дакини злые, дакини глупые, дакини свихнуться. Уничтожить бедных дакини. Не мучить. Избавить. Уничтожить.

— Господь милосердный, кто это говорит? — Солдаты в ужасе вскочили на ноги, позабыв и фляги, и орехи, и сбились в кучу.

А лес насмехался:

— Дакини глупые, дакини свихнуться.

— Братцы, они к нам сползаются! — завопил в ужасе самый младший из всех, указывая дрожащей рукой на валуны.

Действительно, камни за это время придвинулись к группе разведчиков почти вплотную. Они двигались незаметно, но довольно быстро, и теперь со всех сторон смотрели сквозь мох маленькие горящие глазки. Потом ближайший к солдатам камень распахнул огромную пасть и ухватил одного наемника за штаны сзади. Тот заверещал не своим голосом и начал извиваться, размахивая руками. Троль медленно сжевал штаны. Солдат откатился в сторону, кутаясь в необъятную рубаху.

— Мясо, — задумчиво прошамкала гигантская пасть над ухом у другого наемника. — Мясо. Свежее. Бегают. Вкусное.

К ужасу людей, из камня высунулся длинный клейкий язык, который обвинил за талию еще одного солдата и подтащил его прямо к разверстой пасти.

— Нет! — крикнул тот, пытаюсь высвободиться.

Язык с наслаждением облизал его, царапая лицо шершавой поверхностью.

— Соленый, — сказал троль и причмокнул. От этого звука с солдатом приключилась неприятность, и он, к своему стыду, ощутил сырость в шароварах. Язык неожиданно отпустил его.

— Вонять. Испускать влагу. Неприятный. Фу.

Третий, грамматикус из Ирландии, который проделал долгий путь вместе с солдатами в поисках новых знаний, уселся, подтянув колени к подбородку, и распахнутыми глазами уставился на троллей. Один из булыжников подтолкнул его в спину.

— Ты, — сказал троль. — Дакини. Встать. Умирать стоя.

— Я умирать сидя, — огрызнулся грамматикус. — Кто вы такие?

— Тролли. Камни. Не знаем. Мэган создавать. Мэган быть пьян. Мэган не вязать лыков. Мэган сам не помнить. Он сам не знать.

— Ка... кой Мэган? — растерялся грамматикус.

— Морган Мэган. Демииург. Морган Мэган. Он создавать. Быть пьян. Забыть. Наррахх помнить. Наррахх ждать.

— И Варрахх помнить, — ревниво встрял другой булыжник, выплевывая розочку из накрахмаленного шелка, которая украшала съеденные чудовищем штаны наемника. — И Варрахх ждать.

— И Харры ждать, — промычал полурассыпавшийся валун, из которого росла тонкая молодая березка. — Харры тоже ждать, тоже ждать...

— Вы убираться отсюда, убираться, — продолжал Наррахх. — Иначе смерть. Иначе съесть. Тяжело не съесть. Хочется съесть. Свежее мясо — давно не есть. Вкусное мясо — не удержаться...

— Братцы, бежим! — завопил грамматикус, подсакивая. Он быстрее других уловил смысл сбивчивых речей окаменевших троллей. — Иначе они нас сожрут!

Все трое бросились наутек. Тролли стояли кружком и хрипло хохотали им в спину.

Полковник бушевал. Он рвал и метал, он бил перчатками по лицу то грамматикуса, то одного из его товарищей, он топал ногами и призывал на головы неудачников-разведчиков самые страшные кары.

— Я говорил, кажется, что трусов буду убивать беспощадно! — вопил он, брызгая слюной.

Грамматикус утерся, и этого движения было достаточно для того, чтобы яростный взор полковника остановился на нем.

— Тебя я повешу в назидание остальным, — зарычал он. — А двое других будут наказаны иначе, но не менее сурово.

— Да куда уж суровей, — хмыкнул грамматикус.

Однако полковник не шутил. Вытянув шею и напрыгавшись так, что вздулись жилы, он заревел:

— Пала-ах!

Палач, который увлеченно играл в карты с кватирмейстером на пригожую молодую девицу, прихора-

шивавшуюся тут же в ожидании проигрыша, вдруг обеспокоился и заворочал головой на толстой шее.

— Зовут, кажется. — Он отложил карты вверх рубашками и потянулся за мечом. — Вот и работа поспела. Сейчас быстро срублю голову кому следует и вернусь. Не доигрывайте без меня.

С этими словами он встал и, крихтя, побежал в сторону полковничьей палатки. Он так спешил, что с размаху налетел на Моргана, который, мрачнее грозовой тучи, бродил по лагерю. С ним был какой-то незнакомец, но его разглядывать у палача не было времени.

— Ты куда? — спросил придурочный Морган.

— Да господин полковник звали, — пояснил палач. — Видать, разведчики-то труса спраздновали. Теперь точно головы полетят.

— За что головы полетят? — не понял Морган Мэган.

— Да за то, что пленных не взяли, — сказал палач и досадливо прищурился. Вот ведь недогадливый! А время идет. Ему не терпелось вернуться к игре.

Морган Мэган пошел вместе с палачом в палатку полковника. Там действительно стояли трое с горящими щеками, — видно, им уже досталось от полководца. Один держался как бы в стороне, и на него-то и указал полковник.

— Этого я приговорил к смерти за трусость и малодушное поведение, а также за препирательства с начальством, — объявил полковник. Он был раздосадован появлением Моргана. — Сегодня же вывесим его голову на моей палатке, для поучения остальных. В следующий раз пусть думают, прежде чем возвращаться из разведки с пустыми руками!

— Подожди, — сказал Морган, отстраняя палача, который уже вцепился в плечо несчастного грамматикуса. — За что ты приговорил его к смерти?

— За трусость! — рявкнул полковник. Морган Мэган, ей-богу, начинал его раздражать. — Вы опять вмешиваетесь не в свое дело, ваша милость. Я должен

выиграть для вас эту войну, и я это сделаю, если мне не будут мешать.

— Ты пропадешь и твои солдаты вместе с тобой, пустая башка, — холодно отозвался Морган Мэган, — если вы не будете слушаться меня. — Он обратил на грамматикуса властный взор. — Говори, почему вернулись без пленных. Кого вы встретили?

— Мы... — Грамматикус растерялся. Морган Мэган казался ему ненормальным, но рассказывать о говорящих валунах он не решался даже такому, как Морган.

Стоявший рядом с бродячим магом смуглый черно-волосый человек смотрел на грамматикуса неподвижными узкими глазами, и ирландцу вдруг стало страшно.

— Ты боишься, — спокойно заметил Морган. — Говори, что с тобой случилось. Говори прямо. Не бойся. Только не лги.

— Мы шли по лесу, ваша милость, — начал грамматикус. — Там никого не было. И вдруг... простите, ваша милость, камни заговорили. Они начали выкликать... простите, ваша милость, они выкликали ваше имя.

Противу ожиданий, Морган Мэган не стал смеяться. На его лице не показалось и тени улыбки.

— Как они говорили? Вот так... — Морган произнес низким, утробным голосом: — «Моррганн...» Да?

От этого голоса у всех троих мурашки побежали по коже, и даже полковник перестал злобно улыбаться.

Ирландец кивнул:

— Откуда вам это известно, ваша милость?

— Продолжай. Они говорили обо мне?

— Да, ваша милость. Они сказали, что вы были пьяны, когда создавали их, но они вас ждут. И помнят.

— Они называли свои имена?

— Да. Наррахх, Варрахх и еще один... Шарры или Харры...

Морган кивнул:

— Они причинили вам какой-нибудь вред?

Грамматикус растерянно оглянулся на своего товарища, стоявшего в одной рубашке:

— Нет. Только вот у Лютца штаны съели. Да, еще они часто повторяли слово «мясо».

— Они людоеды. Я удивляюсь тому, что они отпустили вас живыми. Может быть, за долгие годы они научились ценить жизнь в любом ее проявлении... — Морган посмотрел на солдат с нескрываемым отвращением. — Даже в таком, как вы. Считайте, что легко отделались.

— Так я могу идти? — уныло пробасил палач.

Морган махнул рукой, отпуская его, и палач заторопился к выходу, пока начальство не передумало.

Полковник кипел от негодования.

— Зачем вы помиловали этих идиотов? — прошипел он Моргану в ухо. — Теперь они решат, что дисциплиной можно пренебрегать!

— Тролли оставили им жизнь не для того, чтобы свои же военачальники отрубили им головы, — сказал Морган. — Если уж на то пошло, куда полезнее было бы скормить их моим бравым людоедам, чем переводить мясо впустую... — Он тряхнул волосами и вздохнул. — Вы трое — убирайтесь! — сказал он солдатам. — На будущее знайте, что в этом лесу одушевлены не только камни, но и деревья. Никаких разговоров за пределами укрепленного лагеря! И бабам вашим скажите то же самое. За нами наблюдают, постоянно и неустанно. Я уверен, что наши враги уже собирают большую армию. Мы ее, конечно, разобьем, но вопрос — какой ценой.

— Думаю, вы преувеличиваете, ваша милость, — с легким оттенком превосходства в голосе заметил полковник. — Откуда им знать подробности о нас и нашем вооружении? На то, чтобы добраться до замка, как вы говорили, нам потребуется неделя пути.

— Да, но здесь имеются свои каналы связи, о которых вы даже не подозреваете. Им уже все известно. Поэтому чем попусту гробить людей, подумайте лучше об обороне, о секретности и осторожности.

И ушел, сопровождаемый своим молчаливым спутником.

Морган Мэган и Алькасар стояли в Серебряном Лесу. Светлые стволы окружали их со всех сторон, как легкие колонны в храме доброго божества. И снова Морган ощутил невнятное беспокойство. Ему НЕ ХО-

ТЕЛОСЬ уничтожить этот мир. Его мутило при одной мысли о том, что творение его души — пусть несовершенное творение несовершенной души беглого каторжника — будет отдано на поругание чужим людям, наемникам из чужого мира.

Но в Серебряном Лесу, как всегда, на него постепенно начал снисходить покой. Мысли его обратились к более простым и ясным вещам.

— Где-то здесь поблизости есть источник мудрости, где Иллуги хранит провидческий глаз, — сказал Морган Алькасару. — Может быть, мы сумеем увидеть в нем, что нынче делается в замке Аррой. Я уверен, что именно там центр сопротивления.

— Источник силы... — повторил Алькасар. — Здесь мы были с Хелотом.

— Может быть, вы и Иллуги встретили?

— Тролль, совсем похожий на человека? Он разговаривал с нами. Говорил о драконах, о книге Гнилая Кожа, о мече по имени Секач...

Морган Мэган живо обернулся к своему собеседнику:

— Секач существует на самом деле?

— Да.

— И ты его видел?

— Он хранился у гнома Лозгайрэ. Хелот выменял его на старинный арбалет, подарок дамы Имлах.

— Лозгайрэ! Маленький скупердяй и скрытник, — пробормотал Мэган. — Я так и знал, что разговоры о Секаче — не пустые слухи. Правда, что на клинке горит надпись, сделанная рунами?

Алькасар кивнул:

— Лозгайрэ сказал: меч говорит — «Рассекаю то, что должно быть рассечено». Странное обещание.

Морган Мэган пожал плечами:

— У гномов, которые его делали, были свои соображения на этот счет. Видишь ли, Алькасар, гномы — самое непонятное племя из всех, что я создал. Никогда не знаешь, что им взбредет на ум. Бывает так, что я сам не понимаю, что натворил. И чаще всего такие мысли приходят мне в голову, когда я слушаю всякие

истории и легенды о гномах. Вредносный народец, лукавый и скрытный.

— Скоро ты уничтожишь и их, — ровным голосом заметил Алькасар. — Тогда тебе не придется ломать голову над их фантазиями.

Морган Мэган вздрогнул, как от боли, но тут же снова взял себя в руки.

— От своего я не отступлюсь, — заявил он. — Аррой должен быть уничтожен, и он погибнет, ибо так решил Демииург... А, вот и источник мудрости.

Они наклонились над прозрачным ключом, который бил между корней старого дерева, однако никакого глаза в глубинах вод не было видно. Морган Мэган умыл лицо и выпрямился.

— Я так и знал, — пробормотал он. — Старый хитрец Иллуги наверняка уже сидит в баронском замке, под крылышком у Теленна Гвада и своей дочери, а третий глаз торчит у него во лбу. Ох, какое хитрое племя я создал! Неужели они оказались хитрее меня?

Алькасар пожал плечами.

— Почему бы и нет? — сказал он.

Морган Мэган резко повернулся к нему. Он заметно разозлился.

— Потому, что я — творец. Я совершеннее любого из моих созданий, ибо я — цельная душа, а каждый из них — всего лишь часть меня.

— Это так, — кивнул Алькасар, — но тебе не приходило в голову, что ты один, а их много?

Хелот и Тэм Гили вышли к цели своего путешествия только вечером следующего дня. Весь этот день они шли пешком, впереди Хелот, за ним Тэм, шаг в шаг, безмолвно и терпеливо. Солнце беспощадно жарило над их головами, и казалось, что в землях драконов гораздо теплее, чем в нескольких милях к северу от реки Адунн.

— Это здесь, — сказал Хелот и остановился. Тэм подбежал поближе и замер в нескольких шагах от странствующего рыцаря. Холм круто обрывался к озе-

ру. Внизу раскинулся знаменитый Лох Бел Драгон, Озеро Драконьей Пасти. Вода в нем была яркого сине-зеленого цвета. За лето озеро сильно обмелело, и на сыром песке были видны отчетливые отпечатки гигантских лап с когтями и глубокие борозды, оставленные волочащимися хвостами рептилий.

Хелот коснулся рукой рукояти Секача.

— Остается только возносить молитвы Всемогущему за то, чтобы ты был предназначен для битв с великими драконами, — прошептал он. — Не предай меня снова, рунный меч.

Ему показалось, что он чувствует тепло, исходящее от клинка, но заблаговременно вынимать меч из ножен не стал — побоялся.

Тэм улегся животом на камни и свесил вниз лохматую голову, разглядывая следы.

— А человеческих-то следов пока что нет! — сказал он. — Но все равно очень страшно, сэр. Представляете, что должна чувствовать бедная девушка, когда ее в цепях поведут в это адское логово, на съедение ужасному зверю!

— Нет, — отозвался Хелот, — не представляю. Во всяком случае, раньше не представлял. А сейчас и подавно...

Он уже собрался добавить, чтобы Тэм сидел смирно на утесе и ждал, пока он, Хелот, разделается со страшным чудовищем и поднимется вверх, унося с собой в качестве трофея голову монстра (а возможно, и три), как вдруг заметил, к своему ужасу, что мальчишка быстро полез вниз по опасному склону.

— Тэм, назад! — рывкнул Хелот, но было уже поздно: мальчик стремительно спускался и проделал уже треть пути, самую легкую.

Смирившись с неизбежным, Хелот начал спуск.

— Под ноги смотри, не торопись, — буркнул он Тэму.

Неожиданно Тэм остановился. Осторожно повернувшись, он увидел, что до ближайшего выступа ему не дотянуться. Нужно выпустить из рук камень, вбитый в трещину скалы, чтобы поставить ногу на этот един-

ственный уступ. Тэма охватил страх. Пальцы свела судорога. Он НЕ МОГ выпустить этот спасительный камень. Он бросил на уступ еще один взгляд. Слишком далеко. А сине-зеленая вода ждала его внизу, на дне пропасти. И там же были страшные отпечатки когтистых лап.

— Я не могу! — крикнул он вверх Хелоту. — Мне страшно, сэр!

— Мне что, распустить сопли с тобой за компанию? — осведомился Хелот. — Полез, так терпи.

— Хорошо, сэр, — испуганно отозвался Тэм. Он разжал пальцы и благополучно скользнул вниз, на спасительный уступ. Дальше спуск стал более пологим. Тэм шел по наваленным в кучу валунам и обломкам скалы все быстрее и увереннее. Последний прыжок — и вот уже Тэм стоит на песке.

Он поднял голову и огляделся. Хелот застрял на середине спуска. Он не спешил.

Из расселины на одной из стен глубокого карьера текла вода, и зеленая полоса, намытая водой, окрасила серо-коричневую скалу.

У Тэма ломило все тело, и он улегся прямо на камни. «Надо же, — подумал он, — я никогда даже не подозревал, что камни могут быть такими мягкими». На краткий миг в душу Тэма снизошел благословенный покой. Длилось это блаженное состояние ровно до того мгновения, как рядом оказался обожаемый господин Хелот из Лангедока, который пнул мальчишку в бок сапогом.

— Разлежся! — возмущенно прошипел Хелот. — Ты сюда зачем забрался? На камнях разлеживаться? Ждешь, пока наползут ящеры и начнут рвать тебя когтями? Навязался на мою шею...

Тэм вскочил как ужаленный.

Они двинулись вдоль озера, осматривая скалы, и вскоре нашли то, что искали. Здесь следов было куда больше, чем в других местах, и можно было предположить, что драконы подолгу и в больших количествах посещали эту пещеру.

Ужасная пещера зияла в отвесной скале, внутри сплошь усеянная мелкими ржавыми кристалликами. Из глубины медленно вытекала зеленоватая вода. Хлюпая по ручью сапогами, Хелот заглянул внутрь.

Тэм сунулся ему под локоть и скорбно предался размышлениям о несчастных жертвах, которых приводят к этому зловещему зеву, к этой распахнутой пасти ада. Он машинально забормотал молитву. Хелот слушал краем уха. Тэм замечательно импровизировал разнообразные молитвы, не зная толком ни одного канонического текста. Сейчас он самозабвенно молился за упокой поруганных и съеденных девиц.

Неожиданно Тэм прервал молитву на самом патетическом месте и испустил отчаянный вопль ужаса. Из темноты на него глянули три пары огромных красноватых глаз. Тэм взвизгнул еще громче, хотя это, казалось, было уже невозможно, и выскочил из пещеры. Хелот отшвырнул его в сторону. Тэм рухнул на песок и застыл с полуоткрытым ртом.

Хелот сразу же забыл о нем. Сосредоточенный, серьезный, с горящим мечом в руке, он сделал несколько шагов навстречу темноте и крикнул:

— Дракон!

Эхо многократно повторило его голос, усилило, разнесло по невидимым подземным сводам.

Затем послышалось слабое позвякивание металла, словно кто-то тащил по кристаллам кварца тяжелый железный предмет. Хелот насторожился. Звук был такой, что он приготовился увидеть рептилию с железными шипами на длинном хвосте. Горящие глаза приблизились.

Хелот отступил назад, и из пещеры, спотыкаясь, выбралось белое пушистое существо с тремя головами. Размером оно было с годовалого тельца, чисто-белое, без единого пятнышка.

Четыре коротких толстых лапы разъезжались на мокром камне, царапая его когтями. Карие, с легким красноватым отливом глаза существа были полны тоски. Вокруг каждой из трех шей были застегнуты железные ошейники с шипами, обращенными внутрь.

Тяжелая цепь свисала со спины, скрываясь во мраке пещеры.

По нежности пушистой шерсти, толстым неуклюжим лапам и глуповато-жалобному взгляду Хелот безошибочно распознал в существе детеныша. Он сунул меч в ножны и присел перед существом на корточки. Оно смотрело ему в глаза и моргало.

— Ты кто? — спросил Хелот машинально, не слишком надеясь на ответ.

Но существо откликнулось хрипловатым ломким голосом:

— Я дракон. А ты?

— Мое имя Хелот из Лагедока. Я дакини.

— Делай то, зачем пришел, Хелот из Лангедока, дакини, — сказал дракон, пригибая вниз все три шеи.

— Что делать? — Хелот растерялся.

— Ты пришел убить дракона. Я дракон, — упорно повторило существо. — Делай. Мне страшно. Делай быстрее.

— Но не могу же я убить тебя, — пробормотал Хелот, окончательно сбитый с толку. — Я думал, меня ждет битва с огнедышащим кровожадным чудовищем... О боже... — Он помотал головой и коснулся железных ошейников. — Кто сделал это с тобой, малыш?

Чувствуя себя полным идиотом, Хелот принялся осторожно снимать с детеныша ошейники с шипами. Точно так же год назад Гури Длинноволосый возился с насмерть запуганным мальчиком по имени Тэм. Оруженосец Хелота, видимо, тоже вспомнил об этом, потому что метнул в сторону своего хозяина лукавый взгляд и усмехнулся.

Дракон задрожал, когда человек коснулся его шерсти, нащупывая застёжки, и Хелот ласково погладил его по спине.

— Разве не знаете? — сказал дракон, высунув одну из голов из-под локтя лангедокца. — По соседству с нами живут свирепые тролли! Народ холмов — так они себя называют. Они ходили в наши земли походами, они оставили после себя дымящиеся пещеры, множество убитых драконов, множество калек с пере-

доманными крыльями... Чтобы они не опустошали больше наши пещеры, племя драконов каждый год приводит сюда, к озеру Лох Бел Драгон, одного драконьего детеныша, чтобы его растерзали и пожрали кровожадные тролли и тем насытили свою неутолимую злобу...

Хелот освободил последнюю шею.

— Как тебя зовут, малыш?

— Лохмор, — сообщил дракон. — Это значит — «Светлый».

— А где у тебя крылья? — спросил осмелевший Тэм.

Дракон повернул в его сторону одну из голов.

— Еще не выросли, — объяснил он.

— Хорошо, — сказал Хелот поспешно. — Ты свободен, Лохмор. Иди домой. Думаю, тролли никогда больше не будут убивать драконов.

Лохмор замотал сразу тремя головами.

— Не, — сказал он, — домой не пойду. Дома мне делать нечего.

— Почему? — спросил Хелот, с тоской предчувствуя, что сейчас еще одно преданное сердце объявит о решении связать свою судьбу с судьбой Хелота из Лангедока, который является самым лучшим, самым добрым, самым отважным... С него вполне хватало Тэма с его неумейной энергией.

В своих дурных предчувствиях Хелот не ошибся. Дракон моргнул карими глазами и непонятно сказал:

— Я существо иного вида.

Он покосился на Хелота — не станет ли презирать за такое признание. Поскольку Хелот понятия не имел, что такое «существо иного вида», то ни один мускул не дрогнул на его лице. Успокоенный выражением его глаз, дракон продолжал:

— Значит: тот, кто не похож на остальных членов племени. Мое племя черное. Я белый.

— Ну и что с того? — недоуменно спросил Хелот.

— Значит: отмечен духами. Духи заранее метят жертву, наделяют странной внешностью, чтобы все видели, все знали. Таких другие обходят стороной. Мы

не знаем, какой дух — добрый или злой, мы не знаем, ради чего он нас отметил. Мы не живем, только ждем дня, когда за нами придут. Настал день, и пришли за мной. Племя не примет меня обратно. — Дракон помолчал и застенчиво добавил: — Я белый.

Хелот и Тэм обменялись быстрыми взглядами.

— Нет уж, Лохмор, — решительно сказал Хелот. — Ты останешься в драконьих землях. Мне совершенно не нужен дракон. Я хотел бы странствовать налегке... — Он покосился на Тэма и безжалостно заключил: — ОДИН.

— Мы можем подарить его баронессе Имлах, — сказал Тэм, пропустив последнее замечание Хелота мимо ушей.

— Вот уж нет! — отрезал Хелот. — Я никогда больше не стану распоряжаться судьбой свободного существа. Слишком тяжелое бремя.

— Пусть он сам выбирает, — предложил Тэм.

Хелот пожал плечами. В конце концов, он выполнил свой обет: освободил Народ от страха перед драконами.

Он огляделся по сторонам и заметил пологую обходную дорогу, которая выводила от Озера Драконьей Пасти к вершине холма медленно, но верно. Они с Тэмом так торопились дать бой чудищу, что бросились напрямик, не заметив безопасного пути.

Хелот пошел в сторону дороги. Тэм — за ним, а следом за Тэмом припустил и дракон.

— Не обращай на него внимания, — сказал Хелот Тэму. — Он скоро устанет.

Но миля за милей оставались позади, а за людьми, вскидывая толстенный кругленький задик и разбрасывая короткие лапы все бежал и бежал маленький дракон. Три его шеи были вытянуты параллельно земле, лохматые кисточки над ушами болтались.

Хелот остановился. Лохмор подбежал ближе и уселся по-собачьи, выпрямив спину. Карие глаза горели в темноте, как шесть красных свечек.

— Эх ты, — сказал ему Хелот, — малыш... Иди сюда. Ты будешь есть пшеничные лепешки?

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Армия Моргана вошла в Серебряный Лес на закате, когда стволы деревьев мерцали розовато-золотистым светом в лучах заходящего солнца. И, как всегда, в этом благословенном месте царили тишина и возвышенный покой. Будь Морган трезв, ему отвратительно было бы видеть, с какой хозяйской бесцеремонностью трое солдат принялись рубить дерево, чтобы развести костер и устроить походную кухню. Его замутило бы при виде того, как эти чужие люди разрывают чистые мхи и устилают себе постель. Но Морган был пьян, и Алькасар усадил его на большой полковой барабан.

Полковник, с которым у бродячего мага в последние дни возникли серьезные трения, был занят, распоряжаясь сооружением лагерных укреплений из обозных повозок. Остальными солдатами командовал пьяный Морган.

— Ребята! — заплетающимся языком выкрикнул он. — Слушайте, здесь каждый камень — наш враг. Исконный враг людей. Кое-кто из вас об этом уже знает... Поэтому разбивайте, бейте, крушите их без пощады! — Отдав этот приказ, Морган Мэган помрачнел еще больше, отыскал глазами сарацина и велел ему принести еще вина. Алькасар повиновался. Бесстрастный вид этого человека выводил Моргана из себя.

— Сам почему не пьешь, басурман? — спросил Морган, принимая из его рук флягу и едва не расплескав ее содержимое. — Трезвым хочешь быть? Козни строишь? Интриги плетешь? Думаешь, сумеешь провести Моргана, пока Морган пьян?

По лесу гулким, отдаленным рокотом пронеслось:

— Морганн...

Морган Мэган взмахнул рукой, брызнув себе на колени вином из фляги.

— Видал? Ждали меня, окаянные. Небось трепещут теперь. Правильно трепещут, потому что я... — он вытянул шею и прокричал с пьяной старательно-

стью: — ...под корень вырублю неблагодарных! В труху их искрошу!

Алькасар слушал с неподвижным лицом. Морган поймал себя на желании отдать приказ выколоть эти черные непроницаемые глаза.

— Ваша милость... — пробубнил кто-то у него за спиной. Морган резко дернулся, поворачиваясь на голос, и чуть было не упал с барабана. Алькасар вовремя подхватил его.

Там стоял дюжий солдат с большим тяжелым шаром на цепи, прикрепленной к рукояти.

— Велено было явиться, — сказал солдат, — для разбивания злокозненных булыжников, простите, моргенштерном.

— Верно! — вскричал Морган, умилившись при виде поддержки. — Молодец! Полон боевого духа! А?

Он засмеялся. Солдат переступил с ноги на ногу и отважился ухмыльнуться в квадратную бороду.

Несколько человек, выполняя дурацкий, как им казалось, приказ, прикатили крупный валун перед светлые очи Моргана и остановились, тяжело дыша и отдуваясь. Морган допил вино, отбросил флягу и выпрямился на барабане.

— Разбивай! — велел он солдату с моргештерном.

— Камень, что ли? — Солдат поплевал на ладони, размахнулся и обрушил оружие на камень. Несколько ударов — и от валуна осталась лишь грудa обломков и куча песка. Наемники, наблюдавшие за этой сценой, разочарованно загалдели.

— А говорили-то, говорили! Трепали-то сколько про здешние леса! — с презрительным плевром произнес один. — И будто камни здесь живые, и будто говорить они умеют...

— Будто они ругаются и норовят откусить зазевавшимся причинное место, — добавил второй, и все засмеялись.

Ирландский грамматикус, над которым после его живописных рассказов об ужасах Серебряного Леса все потешались, побледнел и прикусил губу.

Тем временем прикатили еще один валун и по знаку Моргана разнесли моргенштерном и его. Снова безмолвие, осколки, труха сухого лишайника — и больше ничего. Смешки становились все громче.

Полковник оставил работы по укреплению лагеря идти своим чередом и тоже явился посмотреть — что это так развеселило его чудо-богатырей. Он недолюбливал Моргана. Вспышки раздражительности, чудаческие выходы, бессмысленные, с точки зрения профессионала, приказы — все это мешало полковнику выполнять свою основную задачу. Историю же с живыми валунами он считал лживой от начала до конца и до сих пор не мог простить Моргану заступничество за трусов.

Еще один валун.

Полковник не выдержал:

— Ваша милость, чем терять время на бессмысленные баталии с камнями, не лучше ли подумать о том, как обезопасить себя от нападения троллей? Где их логово? Как лучше застать их врасплох? Ведь вы понимаете, о чем я говорю?

Морган посмотрел мимо этого ненавистного ему лица, покрытого шрамами, и снова наткнулся на тяжелый взгляд черных глаз Алькасара.

— Принеси еще выпить, — распорядился Морган, и сарацин ушел. Морган Мэган вздохнул с облегчением. «Лучше было оставить этого человека на берегу Адунн, — подумал он. — А то этот спасенный, похоже, вздумал обзавестись собственным мнением о происходящих событиях».

Третий валун ничем не отличался от двух предыдущих — он был таким же корявым, серым, древним. Но когда моргенштерн обрушился на него с высоты и раздробил выступ на верхней части камня, среди лишайника вдруг открылись два покрасневших маленьких глаза и по лесу пронесся тихий, полный боли стон. Бородатый солдат выронил моргенштерн и закрыл ладонями уши. Еле слышный, этот звук тем не менее пробирал до костей.

Морган пнул солдата сапогом в бок.

— Ты что, никак бездельничать вздумал? — взревел бродячий маг. — А ну, бери моргенштерн и бей! За что я тебе плачу чистым золотом? За то, чтобы ты трусил?

Последнее слово подействовало на солдата отрезвляюще. Он покосился на полковника, который, по мнению наемников, только и выискивал, на ком отыграться после позорной истории с ирландским грамматиком, наклонился за орудием уничтожения и снова обрушился на булыжник.

На этот раз отбилась большая часть камня. Тролль открыл свою огромную пасть, показывая старые, наполовину рассыпавшиеся зубы, и заревел.

Морган обнаружил, что кто-то вкладывает ему в ладонь новую флягу с вином, и машинально приложился к горлышку. Солдат, оскалив зубы, с остервенением крушил и крушил живой булыжник, а над лагерем наемников стоял теперь непрерывный рев боли, не прекращающийся ни на мгновение, ибо троллю не требовалось переводить дыхания. Когда, устав, солдат выпрямился и отер со лба пот, полуразвалившаяся каменная глыба у его ног с усилием пошевелилась и хрипло простионала:

— Харры...

— Добивай же его! — закричал Морган, срывая голос, и закашлялся, поперхнувшись вином.

Солдат размахнулся и нанес умирающему троллю последний удар.

Шатаясь, Морган встал на барабане и погрозил Серебряному Лесу флягой:

— Я до всех вас доберусь! До всех!

Он покачнулся, и Алькасар протянул ему руку, на которую Морган машинально оперся. Мгновение он смотрел в лицо сарацину, потом вдруг задергал ртом и отвернулся.

— Ваша милость! — завопил совсем рядом какой-то солдат, и Морган, снова усевшись, повернулся в его сторону. Сейчас странствующий маг был похож на короля, восседающего на троне.

— Ваша милость! Мы поймали их лазутчика! — кричал солдат, проталкиваясь к Моргану. Он тащил за собой существо, которое достигало ему до пояса.

Морган приосанился. Существо швырнули ему в ноги, не слишком беспокоясь о том, чтобы не повредить пленника: знали, что всякая тварь в Серебряном Лесу обречена на уничтожение. Это был, вероятно, тролль, но очень странный: покрытый крупной зеленой чешуей, с круглыми желтыми глазами и кругленькими ушками, плотно прилегающими к голове, он, однако, имел ярко выраженные человеческие черты — нос с широкими ноздрями, выпяченные губы. Руки и ноги у него были трехпалыми.

— Ты кто, урод? — высокомерно спросил Морган. — Я тебя не помню.

— Я Болотный Морок, — сообщило существо, стоя на коленях. — Почему ты должен помнить меня, дакини? Я редко выхожу из своего болота.

— Я помню всех, ибо я Морган Мэган, создатель этого мира.

Болотный Морок подскочил, воздел к небу руки и бросился к Моргану. Двое солдат накнулись на существо и повалили его на землю, заподозрив в террористических намерениях, однако маленький тролль не сопротивлялся. Лежа лицом вниз, прижатый угловатым коленом наемника к земле, он придушенно кричал:

— Создатель! Создатель! Верую в тебя! Творец! Благодаритель! Отец! Ура!

— Отпустите его, — брезгливо произнес Морган. — Я хочу его допросить.

Солдаты выпустили Морока, и тот поднялся, не пытаясь даже отряхнуть колени.

— Так кто ты, говоришь? — спросил Морган Мэган, и существо с готовностью повторило:

— Я Болотный Морок, о создатель, но мое настоящее имя — Хроальмунд Зеленый.

— Почему ты упорно именуешь меня создателем, урод?

— Не урод, о господин, а Хроальмунд. Ты меня создал, я твоё творение и преклоняюсь перед совершенством твоей мысли!

— Не создавал я тебя! — сказал Морган и закашлялся. Алькасар услужливо похлопал его по спине.

— Нет, о господин, именно ты и никто иной создал меня. Я вышел, да будет позволено сказать, из твоего похмелья. Ибо лежал ты как-то раз посреди болота, страдая от последствий этого неблагодарного и гнусного напитка, и чудилось тебе неизвестно что. И вдруг в великой милости и возвышенной мудрости своей восстал ты из болотной жижи и произнес слово творения. И сказал ты, — вещало маленькое существо, покрытое зеленой чешуей, — «Да будут все те твари, что мнятся мне, реальностью!» И стали мы реальностью, создатель. Так было, — заключил Хроальмунд Зеленый.

— Иисусе, — простонал Морган, — это же надо было так напиться... до зеленых чертиков...

— Воистину это так, — напыщенно произнес Хроальмунд. — Потому и взял я, ничтожный, на себя смелость именовать тебя создателем и лобызать землю, которую ты, о господин, попираешь своими ногами...

Морган Мэган недобро хмыкнул:

— Создатель, говоришь? Лобызаешь землю, значит? Хроальмунд с готовностью кивнул:

— И счастлив выполнить любое твое повеление.

— Хорошо. Тогда встань-ка здесь, — Морган показал рукой, — и не шевелись.

Болотный Морок повиновался. Он вытянулся в струнку, поднял голову и застыл, с восторгом созерцая лик своего создателя. Морган хмыкнул и повернулся к солдату с моргенштерном:

— А ну-ка врежь по этой нелюди.

Солдат нерешительно покосился на Хроальмунда.

— Не бойся, — засмеялся Морган, — это не опасно. Если я создал его с похмелья, то никакой силы в нем нет. Сам знаешь, что бывает, когда накануне перебрал.

Солдат крикнул и взметнул в воздух страшное оружие. Но ударить по Болотному Мороку не успел — Хроальмунд, испустив сдавленный вопль ужаса, отскочил в сторону.

— Создатель! — закричал он. — Я твой верный слуга! За что же ты убиваешь меня?

— За что? — заревел Морган. — Я уничтожу вас всех! Я вас ненавижу! И тебя, мое похмелье, ненавижу! — Он перевел бешеный взгляд на стоящих рядом солдат. — Что вы уставились? Бейте его! Убейте же эту тварь!

Несколько солдат поспешно ринулись выполнять приказание. Хроальмунд заверещал и бросился бежать. Почти сразу же его схватили и потащили назад, упирающегося и визжащего. Неожиданно Алькасар оттолкнул наемника, который держал Морока, и крепко сжал трехпалую влажную руку.

— Перестаньте, — сказал он негромко, но так внушительно, что его низкий голос услышали почти все. — Вы решили его убить. Зачем лишние страдания? Морган, зачем издеваешься?

Перекосив мокрый рот, Морган в упор смотрел на сарацина несколько секунд, потом сделал еще несколько глотков из фляги и выговорил по слогам, старательно, как это делают очень пьяные люди:

— Я и тебя убью, басурманская морда.

Алькасар пожал плечами. И тут Морок укусил его за руку. От боли Алькасар вскрикнул и разжал пальцы. Воспользовавшись заминкой, зеленое существо упало на четвереньки и бросилось бежать со всех ног. Несколько наемников пустились было в погоню, но полковник остановил их.

— В лесу вроде и впрямь полно тварей, о которых мы ничего не знаем, — сказал он. — Подождите рассвета.

Два человека возвращались к замку Аррой тем же путем, каким прошли здесь несколько недель назад. С ними бежал маленький белый дракон Лохмор, который оказался довольно приятным спутником, хотя имел два существенных, с точки зрения Хелота, недостатка: он был очень обидчив и ужасно любил сладкое. И то и другое, полагал лангедокский рыцарь, было непростительной роскошью.

По ночам они с Тэмом спали, прижавшись к лохматым драконьим бокам. Лохмор щедро делился с ними теплом.

В долине прошли дожди, и низины наполнились влагой, а пересохшие речки снова забурлили, создавая на пути неожиданные препятствия.

К вечеру девятого дня они подошли к очередной речушке и остановились. Хелот подумывал было о том, чтобы устроиться на ночлег, а речку оставить на завтрашнее утро (не хотелось спать с мокрыми ногами), но Лохмор уже вошел в воду и с тихим плеском переходил речку вброд. Тэм Ги́ли, по пояс в воде, шлепал за ним.

В липкой глине на низинном берегу серебрились под луной многочисленные лужицы, собравшиеся в ямках следов. Высокий берег порос травой и манил, как хорошая добрая перина.

Отряхиваясь на траве, Лохмор повернул одну голову к Хелоту и небрежно сказал:

— Не трусь, дакини. Здесь мелко.

Хелот переступил с ноги на ногу, и глина чавкнула у него под сапогом. Он еще раз пожалел о том, что у них украли лошадей в ту ночь, когда они с Тэмом заночевали в брошенной деревне за рекой Адунн. Но делать было нечего. Хелот снял сапоги и штаны, стараясь не вывозить их в сырой глине, и взял их в одну руку (в другой он держал меч Секач). На другом берегу Хелот обтер глину с ног о траву и обулся. Мальчишки — человечий и драконий — уже устроились поудобнее и с интересом наблюдали за ним. Хелот заметно разозлился.

— А кто будет собирать костер? — спросил он.

Дракон развалился на траве, как большая собака. Две его головы лежали между лап, третья лениво следила за Хелотом. Услышав приказание, эта голова повернулась к Тэму. Кисточки на ушах дракона шевельнулись.

— Слышал? — обратился Лохмор к мальчику. — Собирай хворост.

К удивлению Хелота, Тэм не стал препираться. Он вскочил и деловито направился к зарослям сорной ольхи. Некоторое время оттуда доносился треск ломаемых сучьев, сопенье и тихие проклятия Тэма, а затем показался мальчишка, нагруженный хворостом выше головы. Заодно он притащил совсем уж издалека высохшую елочку, которую выкорчевал из почвы. Долго и неумело Тэм складывал все это в кучу под насмешливым взглядом Хелота. Но рыцарь не собирался облегчать ребенку его задачу. Пусть учится.

Наконец Тэм устремил на него просительный взгляд.

— Мне бы огниво, сэр, — сказал он.

— Ха! — проговорил дракон, заглядывая в лицо Тэму сразу слева и справа, изогнув две шеи. — Лучше не мешай мне, дакини, своим огнивом. Смотри.

Лохмор набрал в грудь побольше воздуха и дунул. Из двух его пастей вырвались легкие струйки пламени. Они лизнули ночной воздух... и погасли. Дракон подсунул огнедышащие головы под сложенные Тэмом ветки и снова дунул. Ветки занялись. Выдергивая головы из молодого пламени, Лохмор зацепил за сук, резко мотнул головой, и елочка, пристроенная сверху, задавила костер.

— Вот недотепа, — сказал дракон Тэму, не скрывая своей досады, — кто же так складывает костер?

— Как умею, — обиделся Тэм Гили. Он подозревал, что Хелот в темноте уже давится от смеха, и не ошибся в своих предположениях.

— Надо бы получше уметь, — язвительно заметил дракон. — Я из-за тебя чуть шкуру не подпалил.

— Ты сам не умеешь как следует огнедышать, — огрызнулся Тэм. — Дохнул бы издалека, как делают приличные драконы.

Дракон заморгал пушистыми ресницами. Видно было, что он лихорадочно сочиняет ответную гадость. Хелот наконец не выдержал и захохотал. Теперь разобились оба — и Тэм, и Лохмор. Вытирая слезы, Хелот прижался к тяжелому драконьему боку.

— Извини, Лохмор, — сказал Хелот. — У тебя отлично получается с огнем. Я даже не подозревал, что ты у нас такой огнедышащий.

— У третьей головы еще не прорезалось, — сказал Лохмор извиняющим тоном.

Дракон посопел немного, свернулся клубком, и вскоре все трое уже спали у маленького костра. Люди с благодарностью зарылись в мягкую белую шерсть юного чудовища.

Утром они вышли к большому дереву, между ветвей которого красовался «рыцарский замок» гнома Лоэгайрэ. Хелот был уверен, что сварливый гном уже поджидает их — в надежде пожить новостями, а заодно и обругать.

И точно — маленькая фигурка в атласном халате и ночном колпаке маячила на тропинке над рекой. Шлепая тапочками по голым пяткам и путаясь в длинных полах халата, Лоэгайрэ в волнении разгуливал взад-вперед, время от времени останавливался, вытягивал шею и всматривался вдаль, как будто ждал кого-то. Хелот заметил, что гном осунулся и глазки у него ввалились, хотя по-прежнему сверкали ядовитой синью.

— Явились! — пронзительно заверещал Лоэгайрэ, когда все трое показались на тропинке. — Идут, герои! Тут у нас конец света, а они прогуливаются! И дракона с собой привели! Как будто нам других бед мало! Лучше бы вы сгинули...

— Здравствуй, Лоэгайрэ, — сказал Хелот и остановился, наклонившись над гномом. — Что случилось? Чем тебе не угодили дакини на этот раз?

Лоэгайрэ зашипел, как раскаленная сковорода:

— Не угодили?! Наглые, самоуверенные шарлатаны! Что вы сделали с Форайрэ?

— С Форайрэ? — Хелот ничего не понимал. — Разве мы причинили какой-то вред многоуважаемому троллю?

— Ну, если ты не считаешь это вредом... — Лоэгайрэ раздраженно передернул плечами. — Твой мальчишка заколдовал его. Лаймерик (еще один преступ-

ник!) научил его заклинанию. Не думая, научил! Ох уж мне это высокомерие Народа!

Хелот повернулся к своему оруженосцу и строго посмотрел на него.

— Я... — Тэм растерялся. — Я не думал, что он не расколдуется.

— А ключ и замók? — взвизгнул Лозгайрэ, окончательно выходя из себя. — Ключ и замók кто увез?

— Какой замók?

— От заклинания! Вот какой! Прежде чем что-то делать, подумал бы! У дакини в голове дырка, а сердца и вовсе нет! Как можно было заколдовывать несчастного тролля на такой долгий срок? Таких как ты... погромщиков от чародейства... надо изолировать от нормальных... э... существ!

Сообразив, в чем дело, Тэм хихикнул.

Лозгайрэ показал ему жилистый кулак.

— И нечего смеяться! Дурак! Тебя бы так! Ой-ой-ой! Он уже почти целый месяц стоит неподвижно, и никто, кроме тебя, глупый дакини, не может его расколдовать. Я уже советовался. Никто не может. Только тот, у кого ключ. А ты все не едешь и не едешь... Он так похудел... — Тут Лозгайрэ всхлипнул. — Вчера с него юбка упала...

Хелот нахмурился. Ему не хотелось ссориться с троллями. К тому же он подозревал, что Лозгайрэ — первейший сплетник в лесу Аррой.

— Тэм, ты помнишь, как расколдовать его?

Тэм мгновенно насупил и уставился на своего хозяина несчастным взглядом. Хелот дернул уголком рта и противным, визгливым голосом Гури Длинноволосого добавил:

— А то я тебя самого, в натуре, заколдую.

— Сэр! — завопил Тэм Гили. — Я же не думал, что это так серьезно...

— Иди, попробуй, — велел Хелот. — Мы подождем.

Тэм кивнул и бросился бежать вверх по холму. Гном, ругаясь, заковылял следом. Он споткнулся, упал и, вставая, крикнул мальчику в спину:

— Только осторожнее! Он может тебя сожрать! Он же людоед! Помни об этом, маленький дакини! К тому же он очень голоден...

Хелот уселся на берегу, снял ножны с мечом, растянулся на земле плащ. Он подозревал, что ждать Тэма придется очень долго. Но спешить было некуда. День неторопливо приближался к своей высшей точке — полудню, солнце, по-осеннему нежаркое, ласково лизало землю. На небе не было ни облачка. Хелот лениво развалился на берегу, поглядывая, как Лохмор стоит на перекате, широко расставив лапы, и увлеченно плюет в воду огоньками.

Прошло никак не меньше часа, прежде чем показался удрученный Тэм Гили. Хелоту не понадобилось даже спрашивать его — рыцарь видел, что мальчишке не удалось исправить содеянное.

Лохмор поднял головы и выбрался из реки.

— Слышь, Хелот, — заговорил дракон хриплым шепотом, — а этот, сердитый... ну, гном... как ты думаешь, если попросить у него чего-нибудь вкусненького — даст?

— Нет, — убежденно сказал Хелот. — Ни за что.

— А если запугать? — Видно было, что дракон долго обдумывал свой план и теперь был уверен в успехе. — Если я пригрожу, что спалю его хижину своим ужасным пламенем?

Ондохнул, и в воздухе пробежала струйка жара.

— Ты, конечно, огнедышащее чудовище, — сказал Хелот, отстраняясь, — но я не думаю, что Лозгайрэ можно пронять таким образом.

Дракон насупился.

Лозгайрэ следом за Тэмом выбрался из густой травы. Он размахивал руками и злобствовал.

— Ничегошеньки у него не получилось! — завопил гном еще издали. — Твой мальчишка, дакини-Хелот, — настоящий болван! Я бы на твоём месте его давно уже съел!

— Не в обычаях народа дакини поедание мальчишек, — ответил Хелот. — Иначе я последовал бы

твоему совету. Что будем делать с высокочтимым Форайрэ? Не оставлять же его на произвол судьбы!

К удивлению лангедокца, Лозгайрэ повалился на землю, несколько раз ударил по ней кулачками и зарыдал.

— Бедный Форайрэ! — голосил гном. — Несчастный, беззащитный Форайрэ! Всякий норовит обидеть тролля! Никто, никто, кроме меня, не любит бедного глупого Форайрэ! А-а...

— Думаю, мы все же сумеем ему помочь, — осторожно заметил Хелот. — Вы не пробовали обратиться к даме Имлах? Она воистину великая чародейка. Мне кажется, леди Аррой возьмется за незнакомые чары с большим воодушевлением.

Гном поднял голову. Его синие глазки были залиты самыми настоящими слезами, но в них уже мелькнул интерес.

— Это, конечно, верно, — протянул Лозгайрэ, — дама Имлах из замка Аррой — великая чародейка... Но как доставить к ней Форайрэ? Ведомо ли тебе, дакини, сколько весит уважаемый тролль? Больше, чем мое дерево вместе с моим замком!

— Значит, не так уж много, — басом вставил Лохмор. — Для огнедышащего дракона это пара пуштыков.

Лозгайрэ воззрился на дракона:

— И ты смог бы это совершить, о порождение пьяной фантазии Демииурга?

Лохмор подобрался, и белая шерсть на его загривке встала дыбом.

— Смог бы... за небольшую плату.

— Говори! — потребовал Лозгайрэ. Слезы на его глазах мгновенно высохли, и он приготовился к долговому, изнурительному торгу.

— Скажем, пара банок чего-нибудь вкусненького... — начал Лохмор.

— Гм. За такую услугу? Я не нахожу ее достаточно большой, чтобы расплачиваться за нее вареньем. Продукт дорогой. Во-первых, требует сахара. А свеклу, да будет тебе известно, возделывает только одно пле-

мя горных троллей. И дерут они за свой сахар бешеные деньги. Во-вторых, ягода. Ее ведь надо собрать, за каждой наклониться. И наконец, работа...

— Я мог бы доплатить, — деловито предложил Лохмор.

Лозгайрэ смерил его критическим взглядом, пощупал мех на боках дракона, потрогал буторки на месте еще не выросших крыльев.

— Чем доплачивать будешь? — спросил он.

По части гномьих нравов дракон оказался куда более осведомленным, чем мог предположить Хелот.

— Лестью, — сказал он, и глазки Лозгайрэ мечтательно затуманились.

— Идет, — кивнул гном и засеменил к своему домику.

В ожидании лакомства Лохмор улегся, вытянув шеи и прикрыв глаза ресницами.

Тэм покосился на Хелота и с облегчением увидел, что хозяин всецело поглощен сделкой между гномом и драконом. Мальчику очень не хотелось объясняться с рыцарем по поводу неумело наложенного заклинания. Тем более, что Хелот не раз говорил ему: «не размахивай попусту рукой, в которой держишь меч». Правда, Хелот никогда его не бил, но зато умел бросить какое-нибудь одно, невероятно обидное слово, после чего Тэм надолго терял сон и покой, обдумывая, как бы разубедить Хелота и доказать ему, что он неправ.

Вскоре появился Лозгайрэ с тремя микроскопическими баночками варенья. Сняв тряпочки, которыми были обмотаны их горлышки, Лозгайрэ критически понюхал все три, потом принял величественную позу в ожидании лести. Каким-то хитрым образом гном задрал острый подбородок так, что складывалось впечатление, будто он смотрит на дракона сверху вниз, а не снизу вверх.

— Приступим, — провозгласил Лозгайрэ. — Скажи: «Лозгайрэ — герой двух великих рек».

— «Лозгайрэ — герой двух великих рек», — с готовностью отозвался дракон, словно заурядное пресмыкающееся.

- «Сын Солнца и Луны», — продолжал гном.
- «Сын Солнца и Луны», — признал дракон.
- «Могучий кентавр цивилизации».

Хелот издал сдавленный звук, который можно было принять за неуместный хохот, и зажал рот ладонями.

Дракон же на полном серьезе подтвердил:

- «Могучий кентавр цивилизации».

— Ну ладно, хватит, — снисходительно произнес Лозгайрэ и поставил на землю три баночки.

Урча и роняя слюну, дракон припал к ним и опустошил в одно мгновение. Тэм сообразил, что все происходит на полном серьезе и что сейчас варенье исчезнет без следа. Испустив воинственный клич, мальчишка набросился на дракона и выхватил у него из-под носа одну из банок.

Карий глаз дракона жалобно заморгал, когда мальчик сунул в банку палец и облизал его. Не решаясь причинить ребенку вред, дракон лишь ревниво смотрел на него и наконец не выдержал:

- Хватит с тебя.

- Дай хоть стеночку облизать, — заныл Тэм Гили.

- Лозгайрэ-э... — взвыл Лохмор.

Гном сердито отобрал у Тэма баночку:

— Хватит с вас. Идем, Лохмор, я помогу тебе погрузить почтеннейшего Форайрэ. По правде говоря, он так отощал, что ты без труда довезешь его до замка Аррой.

Далеко в глубине Серебряного Леса, в самых гибельных топях самого гибельного и гнилого болота, похмельные тролли выстроили маленький храм, именуемый Обителью Дорог Раскаяния. Туда и направлялся Хроальмунд Зеленый после пережитого ужаса и разочарования. Он хотел вознести молитвы десяти мудрым, что странствуют по дорогам раскаяния, а заодно и провести там ночь медитации: вдруг ему откроется свет мудрости, и он поймет, что происходит и что надлежит делать.

Храм был тайным — настолько тайным, что о его существовании знали только похмельные тролли, со-

братья Хроальмунда по творению. Все они привиделись Моргану в кошмарном сне после чудовищной дозы хмельных напитков, все были сотворены страдающим мозгом, были чувствительны и готовы в любую минуту впасть в самоуничтожение и покаяние. Другие тролли и за троллей-то их не считали, а несотворенные тролли, вроде Иллуги, вообще не снисходили до разговоров с этими маленькими существами.

Хромая, Болотный Морок вошел в маленькое круглое здание, сооруженное на островке посреди огромного болота. Кругом булькала коричневая жижа, на поверхности которой то и дело вздувались радужные пузыри. Деревьев здесь не росло на много миль, и только Болотные Мороки могли проникнуть в храм по им одним известным потайным тропкам.

Храм представлял собой глинобитную хижину, где вдоль стен стояли глиняные статуи десяти мудрецов. Каждый из них держал свой посох. Лица мудрецов, плоские, с едва процарапанными чертами — узкие глаза, широкие ноздри, тонкогубые прямые рты, — слепо таращились на Хроальмунда со всех сторон.

И вот как звали этих мудрых.

На севере стоял владыка большой дороги раскаяния. В руке он держал дубовый посох, и имя ему было «Добрые Намерения», ибо этим он мостил дорогу в ад. На юге, глаза в глаза, смотрел его двойник, называемый «Игольное Ушко», — покровитель тех, кто кается в скопидомстве. Болотные Мороки имели много богословских баталий с гномами, пытались склонить последних в свою веру и заставить приносить подношения этому мудрецу. Гномы в ответ изгнали похмельных троллей из своих земель и строго-настрого запретили этим «зеленым, покрытым чешуей» появляться в пределах своих владений.

Восток был отдан кающимся в ложной мудрости и именовался «Не нам, о Морган, но имени твоему». На западе стояло божество, названное коротко: «Пьянь». Оно символизировало человека, отдающего слишком большую дань горячительным напиткам. У похмельных троллей Пьянь был главным мудрецом, ибо раскаяние,

охватившее Моргана в то историческое утро, стало для их маленького народца поистине судьбоносным и вызвало их к жизни.

Кроме этих главных божеств, стояли здесь также «Не буду трогать женщин» с рябиновым посохом, «Не стану бить детей» с ивовым прутом, «Не отдавлю ноги ближнему своему», «Не съем лишних пирогов», «Не убью в себе добра и тяги к свету» и «Не оскверню родного болота недостойными Болотного Морока речами».

Усевшись в центре круга, Хроальмунд Зеленый обхватил голову трехпалыми руками и принялся раскачиваться и причитать вполголоса, вознося молитву каждому из десяти мудрецов. Никогда за всю его долгую жизнь не был Болотный Морок так растерян и так несчастен. Всегда он оставался верным и благодарным почитателем Моргана Мэгана, полагая, что тот сотворил его в великой мудрости. Предательство Демииурга больно ранило маленького тролля, уничтожило все, чем он жил. А мудрецы смотрели на него безразличными слепыми глазами и молчали. И под утро Болотный Морок понял, что они ничем не могут ему помочь.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Замок Аррой превратился в штаб огромной армии, готовой выступить против Моргана и его эсхатологического легиона. По слухам, солдаты конца света громили все подряд, сжигали деревья, захламляли источники, оставляли после себя пепелища и горы мусора. Барон день ото дня становился все мрачнее. Лаймерик целыми днями проводил учения, а по ночам изучал подробные карты местности, в великом множестве хранившиеся в рабочем столе дамы Имлах. Большая карта леса Аррой висела на стене в кабинете, и на ней были обозначены флажками расположения вражеских войск.

Лаймерик намеревался дать бой в непосредственной близости от замка Аррой, чтобы в случае поражения

можно было укрыться за могучими стенами. Заманить врага в ловушку, утопить его в болоте или обрушить на его голову какую-либо неожиданную сеть было невозможно — их возглавлял Демииург, который знал этот мир куда лучше, чем любой из полководцев Народа. Поэтому Лаймерик полагался только на отвагу и отчаянное мужество своих воинов.

Известие о прибытии такого важного союзника, как замиренный огнедышащий дракон, вызвало в замке ликование. О Фораирэ вспомнили только наутро — всю ночь заколдованный тролль пролежал в углу, там, где оставил его беспечный Лохмор, — жалобно моргая и мыча, но не в силах даже двинуться с места. Лохмор важно разгуливал по замку, время от времени выпуская пробные струйки пламени, снисходительно позволял гладить себя по бокам, после чего смертельно перепугал с десятков горностаев и уснул в штабе под картой военных действий.

На рассвете следующего дня Теленн Гвад пригласил Хелота для небольшого совещания. Хелот явился почти мгновенно, хотя позавтракать не успел: он был уверен, что Теленн Гвад не проводит совещания натошак. И не ошибся — барон восседал за огромным столом, на котором была разложена карта, а карта, в свою очередь, вся была уставлена блюдами, плошками, тарелками и пивными кружками.

— Садись, дакини, — махнул барон.

Хелот осторожно сел, взял двумя пальцами большой кусок холодного жесткого мяса с ближайшего блюда и принялся жевать. Барон проглотил кусок, который оставался у него во рту, и вытер пальцы о карту, оставив на том месте, где была обозначена деревня Городище, большое жирное пятно.

— Мы побывали в драконьих землях, — начал Хелот, — и обнаружили там великий страх перед троллями и их кровожадностью, но никакой злобы против Народа и леса Аррой. Думаю, слухи о плотоядности драконов несколько преувеличены.

— Этот Лохмор, которого вы привели с собой, представляет изрядную боевую единицу, — заметил барон и приложился к своей кружке.

— Полагаю, будет целесообразно привлечь на свою сторону взрослых драконов, — добавил Хелот. — Дело в том, что Лохмор не достиг еще зрелости. К тому же он — существо иного вида. Настоящие драконы его племени — черные. Кроме того, сии ящеры крылаты.

Дверь раскрылась, и вошел Лаймерик. Хелот не сразу узнал его. Полководец Народа был облачен в блестящую кирасу и шлем, в иных мирах именуемый «бургундским». У него был властный и вместе с тем усталый вид. Длинный меч с рукоятью в виде двух переплетенных букв S бил его по бедру. Барон приподнялся, приветствуя полководца, и Хелот машинально сделал то же самое. Лаймерик махнул им рукой и рухнул в кресло. Несмотря на то что маленький человечек должен был утонуть в гигантском кресле великаньего замка, этого не произошло. Военный вождь был действительно внушительной персоной, каким бы маленьким он ни выглядел.

— Хелот из Лангедока, мне доложили о твоём благополучном прибытии, — начал он, не став тратить время на приветствия. — Рад, что выполнил обет и избавил нас от страха перед драконами. Как полагаешь, насколько будет нам полезен Лохмор?

— Я только что говорил господину барону, что Лохмор еще дитя, ровесник моему Тэму Гили, — ответил Хелот. — Я не уверен, что стоит втягивать ребенка в кровопролитие...

— Идет война на уничтожение, Хелот, — сказал Лаймерик. — Если каждый из нас не возьмет в руки оружие, следующему поколению уже не родиться. Мы будем сметены с лица земли. И это не шутки.

В этот момент в комнату ворвался гонец — несомненно, один из троллей. Желтые всклокоченные волосы торчали из-под сбитого набок тарелкообразного шлема, красные глаза слезились.

— Говори! — произнес Лаймерик.

— Морган вошел в Серебряный Лес! — выпалил гонец.

— Где Иллуги?

— Наблюдает.

— А дама Имлах?

— Снимает заклятие с могучего Форайрэ. Говорит, что успешно. Мы не решаемся ее тревожить вопросами...

— Хорошие новости есть?

— Да. Через день здесь будет делегация гномов с новым оружием.

— Это все? — отрывисто спросил Лаймерик.

— Да.

— Можешь идти.

Тролль поклонился и выскочил из зала.

Лаймерик обратился к Хелоту усталые, покрасневшие от бессонницы глаза:

— Теперь ты видишь, дакини, что мы ведем войну не на жизнь, а на смерть. Ни один меч не будет лишним, когда дойдет до великой схватки. Ты с нами?

— Да, — сказал Хелот, мрачней. — Я с вами, Лаймерик. Кроме того, у меня свои счета с Морганом. И он заплатит за все!

Маленький полководец снова удивил человека.

— Ты опять видишь только внешнюю сторону дела, дакини. Наша задача состоит вовсе не в том, чтобы уничтожить Моргана, — сказал он. — Нам нужно спасти наш мир.

— Разве это не одно и то же?

— Нет, — сказал Лаймерик. — Боюсь, что это прямо противоположные вещи.

— Говорят, у них дракон появился, — сказал грамматикус, отдавая дань завтраку — творению красных лапищ толстухи Хильдегард, любимицы полкового палача.

— Ты опять сеешь панику в наших стройных рядах, — заметил солдат, который вчера так ловко орудовал моргенштерном. — Мэган, хоть и придурочный, а все же молодец. Он неплохо проводит операции по уничтожению этих нелюдей. И хорошо информирован, а это самое главное.

— Мэган слишком много пьет, — возразил ирландец. — По-моему, он полон сомнений. А нет ничего хуже полководца, которого терзают сомнения.

— Опять умствуешь, — махнул рукой солдат. — Тебя не доведут до добра твои рассуждения. Зачем ты вообще нанялся в отряд?

— Любопытствую... — неопределенно отозвался грамматикус. — Вот, например, этот человек, который постоянно трется возле Мэгана...

— Рябая морда? Сарацин?

Грамматикус кивнул.

— Откуда он взялся? Его с нами не было. И людей в этом мире, как объяснял Мэган, тоже не водится.

— Ха! — пренебрежительно хмыкнул солдат. — Так не бывает, чтобы людей не было. Что нечисти здесь полно — это ясно. Редко, да случается. А вот чтобы людей не водилось — не-ет, такого нигде не встретишь.

— Мэган знает, что говорит, — возразил грамматикус. — Пока что все его слова оказывались чистой правдой. Да и зачем ему лгать? И все-таки он где-то откопал этого человека, да еще сарацина. Куда он ходил? Где побывал?

— Слишком много думаешь, вот что я тебе скажу, — отмахнулся солдат.

— Слишком много не бывает. Мэган действительно Демиург.

— Полегче, приятель. Не все изучали твою латынь.

— Это по-гречески. Означает «творец». Сиречь создатель.

Наемник отодвинулся от грамматикуса с таким видом, словно боялся запачкаться.

— Да ты еретик, — прошептал он. — Не хочешь же ты сказать, что этот бесноватый мешок с деньгами — сам Господь Бог?

— Для своего мира он, несомненно, бог, — отозвался грамматикус. — Я не собираюсь возносить к нему молитвы... но я боюсь. Он слишком хорошо знает, чего хочет. И похоже, что нам он навязывает роль всадников Апокалипсиса. — Заметив, как скривился наемник, ирландец поспешно добавил: — Евангелие-то ты хоть немного знаешь?

— На проповедях всегда спал, — сказал наемник. — Мое дело — меч да моргенштерн, а молюсь я своей сабельке, когда иду в бой, и еще кое-чему, когда собираюсь завалить красотку на сеновале.

— Ты сам еретик, — сказал грамматикус.

— Вот уж нет! — горячо возразил наемник. — Еретик — тот, кто излишне умствует. А тот, кто не умствует вовсе, — тот и есть добрый католик. Так что ты говорил про дракона?

— Так, слухи... — проговорил грамматикус. — Огнедышащий, белый, трехглавый или даже семиглавый, а отрубить эти головы весьма непросто. Нужен колдовской меч, чтобы прижигал ядовитую драконью кровь...

— Ты, приятель, закончишь свои дни среди блаженных, — предсказал солдат, но тут до собеседников донесся сочный бас их полковника:

— Внимание! Требуется отряд из четырех добровольцев на ловлю дракона! Отставить смешки и неуместные улыбки! Дело серьезное. Разведчики видели трехглавое чудовище на берегу реки Адунн. Необходимо застать его врасплох и обезвредить, пока оно не нанесло непоправимого ущерба нашим доблестным рядам. Я еще раз повторяю: только добровольцы! Трусы и новички не нужны. Испытанные воины!

Грамматикус пожал плечами.

— Что ж ты не вызываешься идти с ними, охотник за новыми знаниями? — язвительно поинтересовался солдат.

— Меня не возьмут, — спокойно ответил грамматикус. — Уличен в трусости. К тому же новичок. Возьмут, наверное, Лухту и его дружков, Амруна, Греллаха и этого...

Оба попытались вспомнить, как зовут четвертого смельчака из отчаянной компании Лухты, известного сорвиголовы, но так и не вспомнили и, оставив это безнадежное дело, снова взялись за стряпню толстухи Хильдегард.

Трехглавый дракон сидел на берегу реки Адунн и с чувством пел хором. Он был белый, с жесткой куче-

рявой шерстью, с кисточками над ушами. Одна из голов попыталась взять партию второго голоса, но сорвалась и закашлялась, плюнув на траву вспышкой пламени.

Хелот из Лангедока сидел рядом, бросая нож в одну и ту же ямку. Они с Лохмором отправились на разведку — Лаймерик хотел знать, как далеко продвинулся Морган со своими головорезами. Генеральное сражение он планировал дать на подходах к замку, чтобы можно было в случае поражения укрыться за прочными стенами. В принципе, разведка была не так уж важна, поскольку Иллуги не отрывался от своего третьего глаза, для которого дама Имлах создала специальный хрустальный шар и, рискуя жизнью, добыла родниковой воды из лесного ключа. И на это обстоятельство указывал Лаймерику Теленн Гвад, успевший привязаться к белому чудовищу. Однако маленький полководец был прав — всегда лучше посмотреть на местности. К тому же глаз Иллуги хоть и был провидческим, но тоже не свободен от ошибок, предвзятости и обыкновенных неточностей. Кроме того, надлежало помочь Отону разгрузить оружие — последний дар гномов.

Поэтому Хелот, получив в качестве солидной боевой единицы огнедышащего дракона, был отправлен в Серебряный Лес.

Они продвинулись довольно далеко и находились сейчас вблизи от расположения противника. Хелот сам предложил сделать передышку и не спеша поразмыслить над тем, как им действовать дальше. Лохмор не мешал человеку думать. На самом деле Хелот просто наслаждался ясным предосенним утром, довольно прохладным и свежим, и слушал краем уха, как старается дракон, выводя простенькую народную песенку. Она напоминала Хелоту «Милого Августина», от чего у него сладко защемило на сердце: ее, случилось, певал незабвенный стражник в замке Греттира Датчанина.

Наконец Хелот поднялся и позвал дракона.

— Ну что, — сказал он, — ошибка природы... пойдём?

Неожиданно шерсть на трех загривках дракона встала дыбом, и в темных глазах засветился потаенный красноватый огонь. Хелот слегка попятился.

— Что с тобой? — спросил он куда менее беспечным голосом.

Из двух раскрытых ртов Лохмора вырвалось шипение. Похоже, дракон по-настоящему рассердился.

— Лохмор, не надо, — сказал Хелот и отбросил кинжал в кусты. — Пожалуйста, не обижайся. Я сказал не подумав.

Дракон топтался перед ним, вытягивая шею. Красные огоньки медленно гасли под пушистыми светлыми ресницами.

— Можно не говорить, — сказал Лохмор со слезами в голосе. — Я существо иного вида. Я ошибка. Надо было убить, там, в пещере. Зачем теперь смеяться?

— Бог ты мой, я не смеюсь, — сказал Хелот, заглядывая драконьему детенышу в глаза. — Прости меня, Лохмор. Ты самое любимое существо в лесу Аррой. И Теленн Гвад тебя обожает. И дама Имлах.

Дракон ревниво моргнул.

— Ну да, — засомневался он снова. — Откуда ты можешь знать? Просто не видел настоящих драконов. Дакини не знают. — Лохмор мечтательно прищурился. — Черные, стремительные — вот какие они, драконы моего племени. Расправляют сверкающие крылья, и поднимается ветер... — Лохмор немного помолчал и заключил: — Я белый лохматый уродец.

Хелот обхватил его за шею.

— Ты лучше всех, — сказал он убежденно.

Дракон немного подумал.

— Ты уверен, дакини?

Хелот кивнул несколько раз. Дракон шумно выдохнул — его снова начали обуревать сомнения.

— Нет. Для дакини дороже всего дакини. Тэм Ги-ли. Для воина Народа — воин Народа. Для великана — великан. Это правильно.

— Но можно ведь любить и чужих. Теленн Гвад же любит даму Имлах, а она тролльша.

Странствующий рыцарь из Лангедока мог бы поклясться, что дракон еле слышно замурыкал.

— Если это так, — вкрадчиво проговорило чудовище, — сделай одну вещь.

— Конечно, Лохмор.

— Пусть твой дакини, Тэм Гили, больше не ест мое варенье, — сказал дракон. — Это просьба.

Хелот, усмехнувшись, провел рукой по пушистому боку дракона.

— Эх ты... — сказал он. — Чудо.

Он встал на ноги и отправился искать свой нож.

Теленн Гвад действительно очень привязался к белому дракону. Когда Хелот сказал Лохмору, что его хочет видеть хозяин замка, дракон долго мялся, моргал, упрямо мотал всеми тремя головами и даже несколько раз всплакнул. С большим трудом Хелоту удалось убедить чудовище, чтобы оно не стеснялось.

— Пойми, — уговаривал его Хелот, — здесь никто никогда не видел драконов. Откуда им знать, каким должен быть дракон?

— Это всем известно. — Лохмор был безутешен. — Будут смеяться. Барон настоящий великан, из древних. Лаймерик из первого Народа. Лозгайрэ истинный гном. Только Лохмор — существо иного вида.

Но Теленн Гвад не дал дракону попереживать вволю. Устав ждать, он ворвался в комнату, отведенную Хелоту, где плакался на судьбу Лохмор.

— Это ты — ужасное огнедышащее чудовище? — загремел он с порога.

Лохмор взмахнул мокрыми от слез ресницами и осторожно выпустил струйку пламени, которая тут же погасла.

— Позвольте представить, господин барон, — сказал Хелот, поднимаясь на ноги и отвешивая поклон. — Лохмор, белый дракон. Но он еще очень юн, почти дитя. Со временем многие из его талантов разовьются.

— Вижу, вижу, — гудел барон, приближаясь к дракону. — Если он еще дитя, то страшно даже вообразить, каков будет, когда подрастет. Но уже сейчас грозен, а? Огнем-то как пышет! Красота! Красота!

Рыжая борода барона воинственно топорщилась, румянец заливал щеки, глаза блестели.

Дракон опустил две головы, а третьей украдкой принялся коситься на великана.

— Ну, что молчишь? — спросил барон, останавливаясь перед Лохмором. — Мне уже доносили, что ты весьма разумен и речист. Так ли это?

— Не мне судить, — пролепетала одна из голов Лохмора, а другая добавила: — Пусть дакини скажет.

— Дакини все уши прожужжал даме Имлах, — сказал барон. — А я пришел убедиться.

Дракон шумно всхлипнул и с неожиданной горячностью проговорил:

— Я за замок Аррой... за даму Имлах... за всех вас... хоть полсвета спалю! Лишь бы крылья выросли, да огонь у третьей головы прорезался...

Барон откинул голову назад и расхохотался.

— Да ты молодец! — рявкнул он. — Храбрец!

И тут Лохмор удивил Хелота. Куда-то исчезла вся его застенчивость, пропала — как не было — нерешительность. Он сел, выпрямив спину, и вытянул вверх все три шеи. С королевским величием Лохмор ответил барону:

— Пусть кровь Лохмора вольется в жилы твоих владений, Теленн Гвад.

Барон серьезно кивнул:

— Принимаю, Лохмор из рода драконов.

Вот уже больше часа, как за драконом наблюдали четверо солдат из наемной армии Моргана. Они уже усвоили, что их странный предводитель пребывал в здравом рассудке, когда говорил о чудовищах и нелюдях. За эти дни им довелось встретить немало чудищ, и лишь немногие ушли от их алебард и стрел. В конце

— А с этим что будем делать? — поинтересовался он, опуская одну голову, чтобы заглянуть в лицо плененному солдату.

— Доставим его Лаймерику, пусть допросит. А потом скормим Форайрэ.

— Отлично! — сказали две головы Лохмора одновременно, а третья расплылась в мечтательной улыбке.

Хелот собрал оружие врагов, после чего сделал Лохмору знак выпустить пленника.

— Вставай, — сказал он наемнику. — И без глупостей, иначе я перережу тебе горло.

Пленник встал, злобно посмотрел на дракона, потом перевел взгляд на Хелота.

— Ты не тролль, — сказал он, — и не гном, и не из жителей Леса... Ты похож на человека.

— Я и есть человек, — ответил Хелот. — Учти, мы здесь — самое презренное племя из всех.

Пленный махнул рукой:

— Мне это безразлично. Если ты человек, добей Лухту. Он не выживет после тех ран, которые ты ему нанес. Лучше ему погибнуть от твоей руки, чем быть сожраным.

Хелот посмотрел на валуны. Часть из них была просто мертвыми камнями, но двое или трое уже плотоядно посверкивали сквозь мох красноватыми глазками.

— После того что вы сотворили в Серебряном Лесу, мне не хочется марать об вас руки, — сказал Хелот. — Твоего Лухту все равно съедят. Я не стану тратить время и копать ему могилу.

Иллуги сидел в самой высокой башне замка Аррой. Вокруг него неустанно шастали горностаи, но тролль не обращал на них внимания. Иногда он по рассеянности наступал на хвост какому-нибудь из зверьков, но не замечал и этого, покуда сердитое стрекотание и отвратительный запах нашатыря, выпускаемые обиженным горностаем, не выводили его из задумчивости.

На трехногом столике, выточенном из березового ствола, в хрустальной чаше, полной родниковой воды,

лежал третий глаз Иллуги. День за днем Иллуги наблюдал за тем, как Морган и его головорезы чинят разбой и насилие в Серебряном Лесу.

Когда дверь тихонько скрипнула и вошел Хелот из Лангедока, Иллуги даже не поднял головы. Хелот осторожно сел рядом, заглянул в чашу. Иллуги кивнул ему и подвинулся, чтобы Хелот тоже мог видеть.

И Хелот увидел.

Морган Мэган в своем стареньком потертом плаще сидел на барабане на опушке Серебряного Леса. Несколько солдат, голых по пояс, катили большой замшелый валун. Затем они остановились, и Морган кивнул им. Один из наемников схватил огромный железный шар на цепи, именуемый в иных мирах «утренней звездой», и, ухнув, ударил по валуну. Камень раскрыл огромную пасть и испустил отчаянный вопль. Его глазки начали вращаться, сверкая то зеленым, то желтым, то красным. Солдат в нерешительности отступил, но Морган, сжав зубы, снова махнул рукой, и моргенштерн вновь обрушился на камень. Показалась трещина. Там, где оружие задело валун, мох был содран, точно кожа с живого существа. Из красных глаз чудовища потекли слезы, и оно промычало:

— Морргани..

Морган отвернулся и закричал:

— Да добивай же его, скотина!

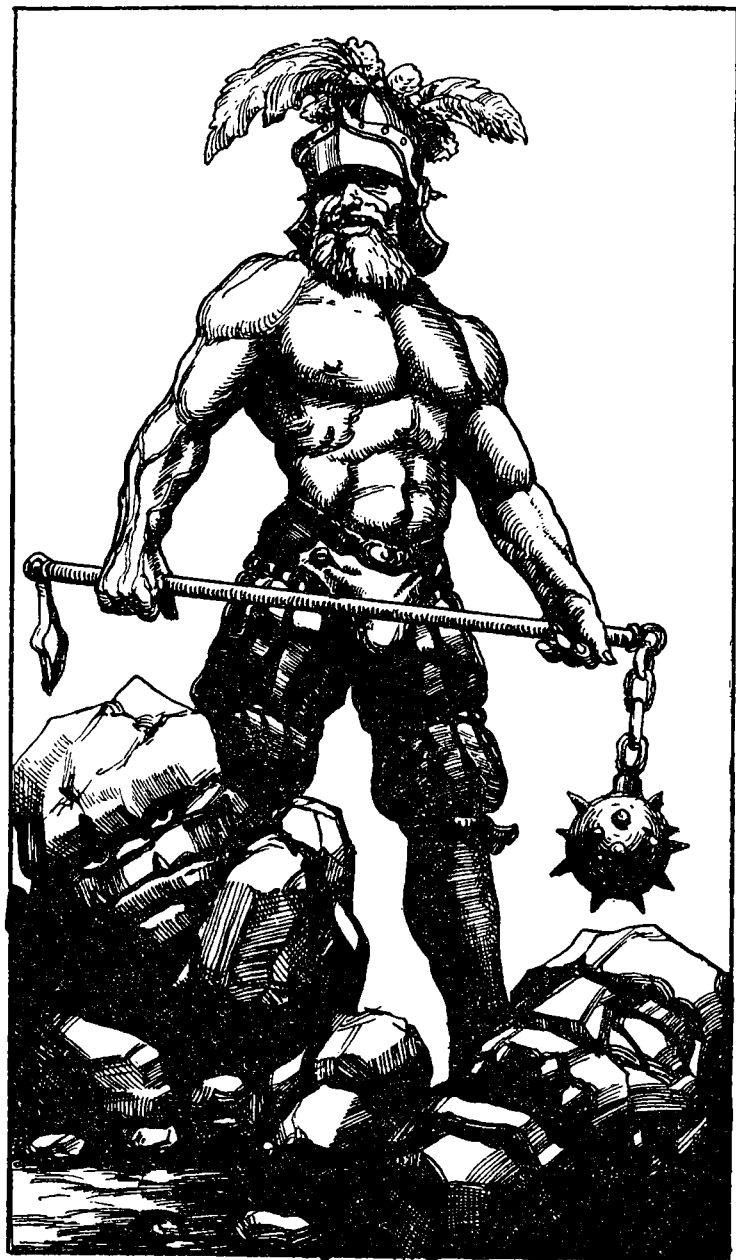
Третий удар моргенштерна разнес камень в песок. Глазки погасли, пасть лязгнула в последний раз и развалилась.

Морган обхватил себя руками, как будто ему было холодно.

— Он уничтожает троллей Серебряного Леса, — изумленно сказал Хелот. — Господи, что он задумал?

— Он хочет снести с лица земли мир Аррой, — тусклым голосом отозвался Иллуги. — Посмотри, что он сделал с деревьями.

Стволы серебряных сосен были изрезаны ножами. Светлая смола стекала по коре, заливая корни. Некоторые были уже срублены и лежали вповалку. Некоторые служили опорами для палаток, большинство

предназначались для костров. Чистый мягкий мох был изрыт сапогами и колесами повозок. Повсюду бродили солдаты.

Морган Мэган закрыл лицо руками, несколько раз порывисто вздохнул, потом поднял голову и крикнул:

— Где эти черти? Я же велел доставить ко мне все живые валуны! Пошевеливайтесь!

— Его нужно остановить! — сказал Иллуги. — Я не могу больше смотреть на это уничтожение! Может быть, отправить к ним дракона?

— Лохмор не умеет летать, — отозвался Хелот. — Да и дышать огнем он толком еще не научился. Сегодня его чуть не убили.

— Так это вы с Лохмором захватили пленника? — осведомился Иллуги, и Хелот с некоторой гордостью за себя и своего друга-дракона кивнул.

— Лаймерик допросил его чин по чину, — сказал Иллуги.

— Где он теперь?

— Заперт в подвале. Дама Имлах хочет испытать на нем новое заклинание и посмотреть, можно ли из дакини сделать хотя бы тролля.

Хелот поднял левую бровь, но от комментария воздержался.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

С сумкой через плечо, с двумя короткими мечами на поясе, вождь Лаймерик шел по Оленьему Лесу, где росли деревья без ветвей и листьев и осока в человеческий рост. Золотистые стволы, похожие на оленьи рога, вырастали из плотного белого мха, который хрустел под ногами и долго еще хранил следы, так что и ступать по нему казалось святотатством.

В сумке зашевелился горностай. Лаймерик дернул завязки, и сразу же наружу высунулся острый нос. Два блестящих черных глаза с любопытством уставились на хозяина. Горностай задвигал носом, встопор-

шил усы, насторожил круглые белые ушки. Лаймерик погладил его по гладкой шерсти.

— Скоро придем, — сказал он.

Между стволов показалась чья-то фигура. Лаймерик остановился, слегка пригнув голову. Медленно шла она среди деревьев — высокая по сравнению с женщинами Народа, облаченная в золотые одежды, закутанная в белые меха. Три косы носила она — одна, рассыпавшись по спине, золотила мех ее плаща, две, закрученные бараньими рогами, обрамляли лицо. И когда она остановилась, Лаймерик увидел на ее прекрасном лице слезы.

— Здравствуй, Фейдельм-Из-Радуги, — тихо сказал вождь Народа.

— Назови мне свое имя, — откликнулась она. — Не помню тебя. Ты был раньше. Меня еще не было, когда ты уже был.

— Лаймерик Окраина — так меня называли, — ответил он. — Я тот, кто был до тебя.

— Где ты скрывался эти годы?

— Я был проклят Морганом, — сказал Лаймерик.

— Кто освободил тебя от проклятия, Лаймерик Окраина?

— Я сам освободился от него, Фейдельм. С тех пор как Морган Мэган предал мир Аррой, стал я свободным от клятв и обязательств.

— Да, — согласилась Фейдельм. — Многое с тех пор изменилось.

— Скажи, Фейдельм, кто ты?

— Не открыто мне.

— Вспомни, — настойчиво повторил Лаймерик. — Какая сила создала тебя? Кто привел тебя в леса Аррой?

— Спрятано знание, — сказала Фейдельм. — Мучение думать.

В лесу стояла чуткая тишина, и только очень далеко бежала вода. Горностай выбрался из сумки Лаймерика и принялся исследовать окрестности, взрывая носом мох и время от времени выпуская забавные стрекочущие звуки.

— Если ты богиня, если в тебе действительно свет солнца и его сила, то скажи, какими жертвами склонить тебя к милости, — совсем тихо проговорил Лаймерик и опустился на колени.

Светлые, прозрачные глаза Фейделъм смотрели на него с отрешенной печалью.

— Встань, Лаймерик Окраина, — сказала она.

— Чем прельстить тебя? — повторил он.

— Я не богиня. Когда-то была женщиной. Давно. Потом умерла и родилась из Радуги. Не мучай меня, Лаймерик-Который-Был-До-Меня. Встань.

Лаймерик поднялся на ноги.

— Но это правда, Фейделъм, что Морган Мэган не сотворил тебя?

— Я рождена до Моргана. В другом мире.

— Почему же ты оказалась здесь, Фейделъм?

Она вдруг задрожала:

— Там было опасно. Там страшно...

Лаймерик ухватился за ее страх как за спасительную соломинку.

— Если Моргана не остановить, Фейделъм, он разрушит Аррой. Он уничтожит твое убежище, спалит огнем Олений Лес, — сказал вождь Народа. — И тебе придется вернуться назад, к своим врагам. Помогите нам!

— Не враги. — Она медленно покачала головой. — Нет, не враги. Брат. Но он опаснее врага. О Лаймерик, зачем ты заставляешь вспоминать! Мне больно.

— Это важно для всех нас, Фейделъм! Быть может, ты одна в состоянии остановить Моргана. Он сжигает деревья, разбивает камни, лишает жизни всякую живую тварь, что встречается на его пути.

— Я вижу. — Лицо Фейделъм застыло и стало похожим на маску. — Смерть со мной каждую минуту. Никуда не уходит.

— Ты грезишь наяву? Ты ясновидящая?

— Я умираю с каждым убитым деревом. — Голос ее звучал бесстрастно. — Я мертва тысячи раз. Я исполнена страха. Я смятая трава. Я камень, ждущий своего часа. Я огонь свечи, на который сейчас дунут, чтобы погасить. Смерть вошла в Аррой.

Горностай подобрался к Фейделъм и поднялся, вытянувшись столбиком. Потом передние лапки зверька уцепились растопыренными коготками в подол ее одежды. Застывшие глаза Фейделъм ожили, она наклонилась и взяла зверька на руки. Он засопел и завопил, устраиваясь уютнее.

— Фейделъм! — в отчаянии крикнул Лаймерик. — Помоги нам! Никто, кроме тебя, не сможет остановить его. В каждом из нас есть частица Моргана. Одна ты свободна от него.

— Я не богиня.

— Ты дочь реки Адунн. Так говорят.

Она покачала головой, и золотистый свет блеснул на бараньих рогах ее кос.

— Нет, Лаймерик. Я всего лишь душа в оболочке бессмертного тела.

— Ты бессмертна? — Он жадно уцепился за это слово.

— Быть может. Я была некогда. Я буду долго. Где смерть? Я тысячу раз умирала, но вот я жива и говорю тебе это.

Она отпустила зверька на землю. Лаймерик сразу поник, и плечи его опустились.

— Прощай, Фейделъм, — сказал он. — Грустное это дело — конец света.

Старый вождь медленно пошел прочь по белому мху, и вскоре золотые стволы скрыли его из виду.

Фейделъм, дрожа всем телом, смотрела ему вслед, и еле заметное мерцание Радуги начало клубиться вокруг нее.

Хелот спал, уткнувшись в теплый бок Лохмора. Полностью положившись на мудрость и бдительность опытного воина-человека, дракон безмятежно храпел. Его не тревожило то обстоятельство, что они устроились на отдых совсем неподалеку от расположения врагов. Хелот сказал, что, по данным Иллуги, наемники по ночам не покидают укрепленного лагеря.

Под утро Хелот замерз и начал ворочаться. Но разбудил его не холод. В ушах у него звенела медь,

как будто кто-то тихонько ударял рукоятью меча в большой гонг. Хелот мотнул в полусне головой, но звон не смолкал. Медь пела и пела красивым женским голосом, настойчиво, с одной и той же интонацией, раз за разом повторяя что-то, пока он не понял наконец, что это имя. Медь словно обрадовалась тому, что он догадался, и металлический голос отчетливо произнес, чтобы не оставалось сомнений: «Фейдельм...» Имя восторженно зазвучало в последний раз и ушло, растворяясь в тишине.

И он проснулся.

Солнце только что поднялось, протискивая сильные лучи между деревьев, и странствующий рыцарь подставил им лицо. Станный сон не отпускал его. Медное певучее имя продолжало звучать у него в ушах.

Хелот поднялся на ноги. Дракон, это беспечное дитя, уже увлеченно шлепал по реке и разглядывал камешки на перекате.

— Лохмор! — крикнул Хелот.

Дракон одарил его веселым взглядом одной из голов, в то время как две другие шепотом обсуждали очередную находку — красноватый прозрачный камешек размером с ноготь мизинца на руке очень маленькой женщины.

— Что у нас на завтрак, Хелот-дакини?

Вопрос застал лангедокца врасплох, и, чтобы скрыть свое смущение, он огрызнулся:

— Лично я собираюсь перекусить жареной драконятиной.

Лохмор выпустил сильную струю пламени:

— А я как раз думал о вяленой дакинятине...

Дракон прыгнул вперед на перекате, но оступился и с головой погрузился в воду. Хелот хмыкнул. Головы Лохмора показались снова и сердито проворчали:

— Нет повода для веселья. Голодный дракон — не смешно. Упавший дракон — не смешно.

— А почему? — засмеялся Хелот.

Лохмор сердито прошипел, выбираясь из воды:

— Потому что упавший голодный дракон встанет на ноги и найдет еду.

— Ты могуч, Лохмор, — сказал Хелот так, что непонятно было, смеется он или говорит серьезно.

Лохмор решил удовольствоваться этими словами. Он вылез на берег и отряхнулся — нарочно так, чтобы забрызгать и Хелота.

— Идем, — сказал Хелот, вытирая лицо.

— Куда?

— Тебе знакомо имя Фейдельм?

Дракон сел, развалившись, как большая собака.

— Фейдельм? Дочь реки Адунн. Дочь Великой Реки. Несотворенная Морганом. Владычица Оленьего Леса, та, что с бараньими рогами. Таинственная сила у нее — Сила Радуги.

— Она чуть было не уничтожила Тэма Гили.

— Маленький дакини. Смешной. Нет, Фейдельм не злая. Она как душа в мире Аррой. Даже драконы слышали. Зачем ты говоришь о Фейдельм?

— Она ждет нас, Лохмор.

Дракон недоверчиво посмотрел на Хелота, заглядывая ему в лицо сразу с трех сторон:

— Откуда тебе это знать, дакини?

— Я слышал зов.

— У тебя видения. Это от голода. У меня тоже скоро будут видения. Я тоже голоден, дакини.

— Нам нужно идти, Лохмор. Думаю, она хочет нам помочь. Где ее искать?

— Даже драконы знают. Обитель Фейдельм — Олений Лес. Нам по пути с солнцем. — Дракон показал на запад. — Через холмы, мимо народа холмов. Злой народ. Когда-то враги драконов.

— А теперь?

— Теперь?.. Не знаю.

— Лохмор, придется тебе идти со мной через холмы. Противу всех ожиданий дракон не стал возмущаться и протестовать.

— Я с тобой пойду, Хелот-дакини, — заявило лохматое чудовище. — Если захотят убить дракона, ты сумеешь меня защитить. Если захотят убить дакини, я убью твоих врагов. Ты мой друг. Ты надежный друг. Я буду тебе хорошим другом.

И большие карие глаза дракона увлажнились слезами.

— Договорились, — сказал Хелот, проводя рукой по пушистому загривку Лохмора.

Ободрав с куста орехи и отдав большую часть дракону, Хелот кое-как заглушил противное голодное нытье в животе и торопливо пошел на запад, чувствуя на затылке горячий солнечный луч. Лохмор бежал рядом.

Зеленые холмы, щедро поросшие травой и кустами, перекрывали один другой, и горизонт казался подвижным. Иногда среди холмов синими и розовыми пятнами мелькали незабудки — там, в низинках, собиралась вода. Над холмами горело солнце позднего лета. Трава до пояса вымочила Хелота росой. Низины одуряюще пахли белыми цветами. Нигде пока что они с драконом не замечали никаких признаков народа холмов, но Хелот полагал, что Лохмор не ошибается — тролли где-то близко.

Пробираясь следом за драконом через сплетающиеся травы, Хелот поднялся на очередной холм. И остановился, щуря темные глаза. Дракон прижался к его боку, чуть не опрокинув.

Их действительно ждали. На разбросанных каменных плитах древнего святилища, на корягах, прямо на траве располагались жители холмов. Хелот ощутил толчок крови — мягкий, но очень настойчивый и сильный. В глазах у него потемнело, в ушах резко зазвенело, словно по струне повели бесконечным смычком. Что они задумали? Зачем им понадобился человек? Зачем Фейдельм заманила его сюда?

Единственное дерево, дуб, вцепилось в склон, и треснувшая ветка, могучая, как целое дерево, повисла, спускаясь к земле, на перекрученных канатах древесины. Хелот прижался спиной к теплой коре.

На холме собрались тролли — Длинная Ветка, с одной, зато огромной плоской ногой; Фораирэ в клетчатой юбке, долговязый белобрысый Алонд с красными глазами-шелками; толстяк Тифлон, рыжеволосый, с бородавкой на носу. Рядом примостился старый трух-

лявый пень, к которому тролли изредка обращались весьма почтительно, именуя его «Шамотт».

Гномы уже успели перессориться друг с другом и с целым светом. Они расположились довольно тесной компанией, но так, чтобы глаза их не видели друг друга. При этом Лоэгайрэ был очень занят — пытался пристроить у себя на голове рыцарский шлем под названием «жабья морда». Скорее всего, выменял недавно.

Фейдельм появилась словно ниоткуда. Тролли раступились, пропуская ее вперед, и в их причудливой толпе возникла невысокая худенькая девушка с прямыми плечами. Золотое платье падало до самой земли, скрывая ноги, но по ее походке сразу было видно, что она идет босиком. Покрытые золотистым загаром руки были одного цвета с берестяными браслетами, застегнутыми выше локтя. Рыжие волосы перевязаны на лбу тонкой золотой ниткой.

Она подняла глаза, черные в тени ресниц, и взглянула на солнце, не щурясь. Хелот не смог бы сейчас описать ее лица, озаренного этими глазами. Он даже не понял, красива ли она.

Фейдельм перевела взгляд на чужого человека, на дакини, и теперь грустно смотрела на него.

— Ты пришел, дакини, — произнесла она совсем тихо и слегка наклонила голову. Этот жест показался Хелоту невыносимо знакомым. Он сощурил глаза, пытаясь разглядеть ее получше, но радужное сияние, окутавшее девушку, почти полностью скрыло ее из виду, и только голос звучал мягко и приглушенно. — Ты — один из немногих в мире Аррой, кто не сотворен. Так сказали мне. Верно ли мне сказали, Хелот-дакини?

— Тебе сказали верно, владычица Фейдельм, — ответил Хелот, неожиданно для самого себя наделяя юного эльфа титулом.

Но она словно не заметила этого.

— Лаймерик Окраина приходил. Военный вождь Народа просил помощи. Не знала, что ответить. По-

слала зов к несотворенным. Ты пришел. Есть еще несотворенные, они не ответили.

— Скажи мне, что я должен делать, Фейдельм-Из-Радуги.

На мгновение свет, окружавший ее, расступился, и Хелот увидел прямо перед собой ее лицо — широко расставленные светлые глаза, большой детский рот, золотистую россыпь веснушек.

Хелот вздрогнул. Она слабо улыбнулась ему. На щеке показалась ямочка. Сомнений больше не оставалось.

— Дианора! — закричал Хелот.

Радужный свет вспыхнул так, словно Фейдельм стояла посреди огромного костра. Тролли зашевелились, начали угрожающе галдеть. Длинная Ветка сердито захлопал по земле плоской ступней. Спустя несколько секунд ослепительный свет померк, и из кольца Радуги выступила девушка, живая и невредимая. Ее золотые волосы припорошило пеплом, одежда потускнела, глаза погасли. Медленно, отчетливо она произнесла:

— Ты называл имя. Я не помню его.

— Это твое имя, Дианора.

— Быть может. Не помню. Слушай. Я звала тебя, несотворенный, чтобы сказать: убей Моргана.

Теперь она уже не казалась Хелоту знакомой. Та Дианора, которую он помнил в доме святого Сульпиция, не была ни такой величественной, ни такой решительной. И такой горечи в ней тоже не было.

Глядя на него ясными, беспощадными глазами, Дианора повторила:

— Убей Моргана. Он сейчас силен, с ним много солдат. Убей исподтишка, пока он спит. Подлее подлых будь. Эту вину искупишь. Его солдаты разорвут тебя на части.

Стало тихо. Хелот смотрел на маленького эльфа и молчал. Алькасар говорил — казалось, с той поры прошла вечность: «Дианора из другого народа. В ней древняя кровь. Может быть, из тех, кто жил на этих

холмах до людей. Ведь был же здесь первый народ?»
Может быть, Аלקасар был прав..

Тролль Шамотт вдруг ожил и зашамкал, переспрашивая:

— Чего она хочет-то?

— Чтоб убил, дядюшка Шамотт, — пояснил Алонд.

— Убил? Дело хорошее, дело хорошее, хе-хе...

— Ты кровавый пес, дядюшка Шамотт, — хмыкнул Тифлон.

Старичок остался очень доволен эпитетом.

— Да, — прогудел он в нос, — водились и за нами делишки... А кого убить-то надо? Может, пособить в добром деле?

Но, узнав, что Моргана, старый тролль всполошился:

— Нет, эдак и всех нас тут угробят! Кто он, герой-то? Дакини? Низшая раса! Что он понимает! Дакини все ненормальные, взять того же Моргана! Кому, кроме этих выроdkов, пришла бы в голову мысль сотворить Длинную Ветку, да и тебя, Тифлон, не к ночи будь сказано?

— Нынче утро, дядюшка, — поправил Тифлон.

— Какое имеет значение, утро, вечер! Скоро ни утра, ни вечера! Кто их звал сюда, этих дакини? Гадкие, дрянные... Стереть их, стереть с лица земли!

Старик энергично потряс головой, роняя труху, пробубнил себе под нос несколько воинственных призывов и снова погрузился в спячку.

Фейдельм спросила Хелота:

— Меч, который с тобой, — это Секач?

— Да.

— Убей Моргана, — повторила она.

— Его смерть не уничтожит ли всех сотворенных? — осторожно спросил Хелот.

— Я думала. Спрашивала богов. Только ту часть души, что была вложена Демиургом, — сказала Фейдельм. — Сотворенные не только от Моргана, они и сами по себе. Их свобода пребудет с ними. Чем больше в них свободы, тем больше останется после того, как убьешь Моргана.

— Хорошо тебе говорить, Фейдельм, — зачастил Лозгайрэ. — Тебе-то нечего бояться. Ты не сотворена. А нам каково?

— Тролли тоже не сотворены, — заметил Длинная Ветка, — а все же часть Демииурговой души и в нас.

— Мы отчасти порожденье Демииурга, — сказал Алонд, — а отчасти плод жизнедеятельности его безнравственных творений...

— Эх загнул! — снова ожил Шамотт. — Сдохнем мы все, вот и весь сказ. Эхх...

— Вся моя жизнь проходит в страхе, — заговорила Фейдельм. — Я слышу страх каждого из вас. Мне больно болью каждого из вас. Давно я не слышала радости.

— Так-то оно так, а все же вдруг этот сумасшедший Морган Мэган уничтожит нас всех в миг своей смерти? — не сдавался Лозгайрэ. — Говорят, колдуны мертвые сильнее, чем живые. Да и вообще, не стал бы я доверяться дакини.

— Не стал бы доверять дакини? — подал голос вдруг Форайрэ. — Ха! А Секач им кто отдал?

— Это... я... так вышло. Выгодный же был обмен, как отказаться! Да кто же знал, что все так обернется?! — рассердился наконец Лозгайрэ.

Хелот вынул из ножен Секач, взглянул на надпись, сделанную светящимися рунами.

— Я убью его, — сказал он. — Я убью его, Дианора-Из-Радуги.

На рассвете Морган, взяв с собой одного Алькасара, углубился в чащу леса. Во-первых, создателя мутило после вчерашних возлияний и ему хотелось побыть вдали от чужих физиономий. Во-вторых, он решил самолично произвести разведку и пометить те валуны, которые надлежит уничтожить в первую очередь, чтобы не тратить времени и сил на разбивание неодушевленных предметов.

Сарацин смотрел, как Морган выворачивает наизнанку возле источника мудрости. Наконец, умывшись, Морган Мэган пробормотал:

— В таком-то состоянии я и сотворил этих Болотных Мороков, будь они неладны...

— Ты говоришь о вчерашнем малыше?

Морган поднял голову и посмотрел на сарацина, подчеркнутое безразличие которого начинало уже раздражать Демиурга.

— О нем. Но почему ты называешь его «малышом»? Он старше тебя лет на четыреста.

— Он маленький, — сказал Алькасар. — Он слабый.

— Зато зловредный. Зря ты за него заступился. Ты рисковал лишиться моей милости, Алькасар.

Сарацин пожал плечами.

— Это неважно, — отозвался он. — Зачем мне твои милости, Морган Мэган?

— О-ох, — простонал Морган, снова хватаясь за горло. — Зачем я столько пил?

— Это совесть бунтует, — сказал Алькасар. — Тебе не хочется убивать свой мир. Тебе хочется его спасти.

— Заткнись, — хрипел Морган. У него не хватило сил даже на то, чтобы сжать кулак, и он тихо захныкал от слабости. — Уйди с глаз, рябая морда. Ненавижу вас всех. Со всех сторон смотрят... глаза, глаза, глаза...

Он застонал и сжал голову ладонями. Алькасар покусал нижнюю губу, как будто обдумывал что-то. Он стоял над поверженным Демиургом и пытался понять, какое чувство зарождается сейчас у него в душе. Одно мгновение он был близок к тому, чтобы вонзить в незащищенную открытую спину нож и на том покончить с этой чудовищной историей. Но внезапно странное сияние между деревьев привлекло его внимание. Алькасар поднял голову, присмотрелся — и вдруг закричал от страха.

Морган подскочил:

— Что с тобой? Почему ты орешь?

Алькасар зажал рот ладонями, но и поверх ладоней смотрели насмерть испуганные черные глаза, в которых не осталось ни искры разума. Это был взгляд затравленного животного.

Морган огляделся, но ничего подозрительного не заметил. Ни чудовищ, ни великанов. Говорили что-то про огнедышащего дракона, которого сманили на свою сторону мятежники, но и этого чудовища поблизости не наблюдалось. Морган пожал плечами и думал уже обругать сарацина, как вдруг и он заметил сияние среди серебряных стволов.

Там клубился свет. Пестрые нити, окрашенные в чистые, прозрачные цвета, сплетались и расплетались, как будто катился клубок, свитый из солнечных лучей. И этот клубок света приближался. Шаг за шагом, толчок за толчком рос он, становился все больше, все ярче, все светлее. Вот уже стала заметна фигура женщины, ступающей в центре этой сферы. Можно было разоб-
раться, что свет окутывает ее, точно плащом, что от каждого ее движения взлетают и опадают световые полосы. Она остановилась неподалеку и развела в стороны руки. И в тот же миг свет как будто собрался между ее рук, поднялся над головой, и нити, прежде запутанные, расправились, превращаясь в Радугу.

На эту-то Радугу и смотрел Алькасар глазами, полными ужаса.

Но женщина не замечала его. Неподвижный взгляд ее остановился на Мэгане.

— Морган, — тихо проговорила она, и волны грусти и покоя окутали бродячего мага. — Морган Мэган...

Искаженное злостью лицо Моргана дрогнуло и смягчилось.

— Кто ты? — спросил он шепотом, и женщина ответила:

— Я не помню своего имени. Я голос, слышный богам. Я любовь и справедливость.

— Здравствуй, Фейдельм Прекрасная, — громко произнес Морган. — Так, кажется, называли тебя в этом мире дети великой реки Адунн?

— Ты Морган Мэган, — сказала девушка. — Ты умрешь. Так решил Народ великой реки Адунн.

— Вы что, все в сговоре с моей матерью? — возмутился Демиург. — Это она подослала тебя?

— Твоя мать не знает. Твоя мать не согласилась бы убить тебя, Морган Мэган. Это мое решение.

Морган отступил на несколько шагов. Он хорошо знал, что там, в Шервудшире, эта девушка была обыкновенным человеком — дакини, как здесь говорят. И когда он открыл для нее ворота Радуги и когда дал ей часть своей Силы — и тогда он знал, что она всего лишь человек. Но теперь он не был в этом уверен. Слишком хорошо сжилась она со своей ролью. Слишком уж послушна была ей Сила Радуги. Моргана бросило в холодный пот. Что, если каждое из его творений обрело самостоятельную жизнь? *Полностью* самостоятельную? От него не зависящую? «Слишком много нужно еще узнать о космогонии и эсхатологии», — подумал Морган и дал себе твердое слово: бросить пить и закончить университет в Гейдельберге.

— Убирайся, — выговорил Морган Мэган немеющими губами. — Я знаю, кто ты. Ты не богиня.

— Я не богиня, — согласилась девушка. — Мое старое имя Дианора. Так мне сказали. Я не помню. Ты помнишь?

— Да, — кивнул Морган. — Я помню. Ты Дианора, и я спас тебе жизнь. Хорошо бы ты не забыла и об этом.

— Буду помнить. Но это неважно. Ты умрешь, Морган Мэган.

— Ведьма! — крикнул Морган, чувствуя, что его одолевает страх. Он подскочил к девушке, чтобы схватить ее за плечи, и отдернул руку — его обожгло.

Радуга засияла ярче, и вот уже языки разноцветного пламени лижут тонкую фигурку в золотистом одеянии. Белый мех на ее плечах раскалился и начал мерцать красным светом. Потом по нему побежали фиолетовые, желтые, синие волны.

Алькасар, который все это время пытался побороть страх, услышал из всего этого диалога только одно: имя Дианоры. Он с трудом поднялся на ноги. Имя прозвучало снова, на этот раз из уст самой девушки.

И когда пламя охватило ее, он закричал: «Дианора!» — и бросился к ней. В этот миг ему уже не было страшно. Он знал, что скоро ему предстоит умереть, если он не оставит Моргана. И если Алькасару суждено погибнуть в огне, то пусть будет так. Может быть, он успеет увидеть ту женщину, которую, как говорил Хелот, он любил в своей прошлой жизни.

Но он не погиб. В кольце пылающей Радуги царил приятная прохлада. И еще одно странное ощущение удивило его: безопасность. Пока между девушкой и остальным миром горело это кольцо, никто не мог причинить ей вреда. Более того, если смотреть на мир сквозь горящую Радугу, то ни одна из мирских забот не покажется существенной.

Дианора стояла, окруженная покоем, миром и любовью, и, когда Алькасар шагнул в этот мир, тишина окутала и его. И разом отпустила боль, забылся ужас, остались позади долгие ночи, полные чудовищных сновидений, бесконечные дни с их неутоленной тоской. Она смотрела на него и улыбалась, и детское ласковое лицо девушки казалось странно знакомым.

— Я Дианора, — сказала она. — Я Дианора, хоть и не помню об этом.

— И я не помню, — признался он. — Сказали, меня звали Алькасар.

— Пусть будут такие имена. — Дианора улыбнулась.

— Сказали, что я любил тебя, — продолжал он.

Она покачала головой, рассыпав по плечам золотые волосы.

— Я не помню и этого. Но если мы останемся живы и мне придется выбирать, я выбрала бы тебя.

Он серьезно смотрел на нее, хмуря длинные брови. Потом спросил:

— Могу я дотронуться до тебя?

Вместо ответа она положила обе руки ему на плечи. Он сжался, ожидая боли, но снова ничего не произошло. Только тепло и нежность ее прикосновения. Тогда он провел ладонью по ее щеке. Опять ничего. Дианора привстала на цыпочки и поцеловала

его в губы. И тогда посыпались искры. Разноцветные искры, всех семи цветов. Дианора расхохоталась.

Откуда-то издали до них донесся пьяный рев.

Оба разом повернулись и посмотрели на Моргана. Казалось, он находится не рядом, а за тысячи миль. Они смотрели на него сквозь Радугу и видели таким, каким он был — несчастным, одиноким человеком, который запутался в собственных преступлениях и ошибках.

— Бог ты мой, я же просила Хелота убить его, — сказала Дианора.

— Не надо было делать этого, — отозвался Алькасар. — Хелот рыцарь. Если он обещал, он сделает. Зря просила. Ты убила этим двоих. Знаешь как говорят: собрался мстить — копай сразу две могилы.

Сарацин еще раз взглянул на Моргана. Тот сидел, скорчившись на старой коряге, — бледный, со слипшимися светлыми волосами, один глаз смотрит прямо на них, и в нем застыло недоумение, второй, больной, бельмом таращится из-под скошенного века.

— Морган болен, — сказала Дианора. — Как я не подумала об этом раньше! Мне нет прощения, друг мой. Он нуждается в нашей помощи, а мы изыскиваем способ уничтожить его.

— Молчи. — Он сжал ее руку. — Не говори ничего. Ты правильно поступила. Я забыл. Морган убийца.

— Морган болен, — повторила она. — Быть может, я сумела бы его вылечить...

— Ты не видела, как он убивает. Они доверяют ему, ведь он их создал. Они безобразны, но он их такими создал. Они покорны ему, а он бьет по ним моргенштерном...

— Он убивает сам себя, — сказала Дианора. — Он хотел помочь мне. Он говорит, что спас меня от смерти.

— Может быть, — пробормотал Алькасар. — Он и меня спас. Но Морган сделал слишком много зла.

Владычица Оленьего Леса задумчиво ответила:

— Не делает зла лишь тот, кто вообще ничего не делает. Не действия избегать следует, но лишь неподвижности и отвратительной лени. Слушай исто-

рию. Был святой Сульпиций, мой крестный отец. И вот что он однажды сказал. К нему пришел на исповедь один рыцарь. Крестоносец, который много убивал и часто обнажал свой меч ради наживы. Он совершил множество преступлений и покаялся во всех. И святой спросил его: «Будешь ли ты еще совершать подобные непотребства, дитя мое?» И «дитя», по локти обогренное кровью, сказало: «Да, но сейчас отпусти мне грехи». И святой отпустил ему грехи и сказал: «Ты таков, сын мой, каков ты есть. В тебе слишком много жизни. Стало быть, не в том спасение твоей души, чтобы сидеть на месте. Кради, убивай, прелюбодействуй, но только не стой на месте, ибо нет ничего более смрадного, чем гниющая душа». И с тем уехал тот рыцарь.

— Какова же душа у Моргана, Дианора?

Дианора положила ладонь ему на губы, улыбнувшись, когда жесткая борода царапнула ей руку.

— У Моргана душа больна и истерзана. Но не гниет. Боль чиста. Боль, как огонь, — сжигает и оставляет чистый пепел.

Алькасар осторожно отвел ото рта ее руку и прикоснулся к ней губами.

— О чем ты говоришь, Дианора? Что может вырасти из пепла?

Дианора тряхнула головой, отбрасывая с лица золотую прядь.

— Из пепла может вырасти новый феникс, — сказала она.

Хроальмунд Зеленый встретил Хелота с Лохмором в нескольких милях от источника мудрости.

Первым заметил Болотного Морока дракон: внезапно Лохмор остановился, шерсть на его загривках поднялась, и он еле слышно зашипел.

— Что там, Лохмор? — спросил Хелот. — Что ты заметил?

Дракон ударом лапы разрыл мох и вытащил из-под коряги странное существо, покрытое чешуей. Оно имело жалкий вид. На чешую налипла грязь, кое-где к ней пристали клочья волос и пятна крови. Две чешуй-

ки были сорваны, и ранка загноилась. Большие круглые глаза существа испуганно уставились на огнедышащего дракона.

— Ой! — сказал Лохмор, дурашливо цепляя его лапой и опрокидывая на спину. Существо пронзительно заверещало и принялось отчаянно размахивать ручками. Хелот заметил между трех растопыренных пальцев небольшие перепонки.

— Оставь его, Лохмор, — сказал он дракону и сел перед существом на корточки. Оно растянуло большой рот в плаксивой улыбке.

— Кругом дакини, — пробормотало оно, — только смерть, только убийство и жажда крови. Десять мудрецов отвернулись от нас.

И оно обреченно закрыло глаза большими морщинистыми веками без ресниц.

— Кто ты? — спросил Хелот.

Не открывая глаз, существо ответило:

— Хроальмунд Зеленый, Болотный Морок, из рода похмельных троллей, созданных в дурной час Демиургом нашим Морганом Мэганом, да будет проклято его имя, да будут преданы забвению его дела.

От удивления Хелот с размаху сел на сырой мох.

— Прости, Хроальмунд, я не вполне понял. Что значит «похмельные тролли»?

— Ну что тут объяснять? — Существо сердито уставилось на Хелота. — Ты хочешь убить меня. Так убивай поскорее и не докучай мне своими вопросами.

— Я вовсе не хочу убить тебя, — возразил Хелот. — Я служу замку Аррой и сейчас... — Он замаялся. — Словом, Хроальмунд, я не враг тебе, если ты проклинаешь Моргана Мэгана.

— Я проклиная Демиурга потому, что прежде поклонялся ему. А кто ты такой, чтобы проклипать его? Ты — жалкий дакини. Ты не понимаешь величия божества. Тебе недоступно представление о растоптанной вере.

— Да, — сказал Хелот, чувствуя, что начинает сердиться на это, казалось бы, безобидное и жалкое существо. — Мой бог никогда еще не предавал меня,

хотя я частенько забывал упомянуть его в молитвах перед сном.

— Неважно, — отрезал Болотный Морок. — Похмельные тролли — одно из почтеннейших сословий мира Аррой, хотя по ряду причин мы вынуждены скрываться и вести тайный образ жизни. Нам ведома та сторона жизни Демиурга, что сокрыта от остальных. Мы — его пьяные кошмары, его ночной бред, его алкогольные муки, его подавленные эмоции и неудовлетворенные желания.

— Господи, сколько же еще вас, уродов, было создано в этом несчастном мире! — воскликнул Хелот, не удержавшись. — Морган разбрасывал свою созидательную силу налево и направо, и я сомневаюсь, чтобы он соображал, что именно он творит. Прости ему, Иисусе...

— Иисусе — это что за идол? — тут же прицепился Болотный Морок. Как только он понял, что опасность быть убитым ему не грозит, он уселся поудобнее на сыром мху и уставился на человека горящими глазами.

— Иисус — не идол, Он Сын Божий, — серьезно ответил Хелот.

— Гм. Думаю, демиурги между собой разберутся, — заявил Болотный Морок. — Не наше дело мнить их или что-то объяснять. Я хочу убить Моргана. Он оскорбил меня, мое племя, мою веру. Всю ночь я медитировал под взором Десяти Божественных Старцев и принял решение.

Лохмор заворчал. Ему не нравилось это создание, от которого исходил сильный рыбный запах. К тому же рана на боку Морока выглядела не слишком красиво. Однако когда Хелот предложил Хроальмунду перевязать ее, маленький тролль отказался.

— Я иду на верную гибель, — объявил он. — Не понимаю, зачем тратить время на бессмысленные действия.

Лохмордохнул в сторону огнем.

— Сделать бы из тебя воблу, земноводное, — сказал он как бы между прочим.

Хроальмунд бросил на дракона косой взгляд.

— Сам ты земноводное, ящер, — парировал он.

Хелот расхохотался, хотя на самом деле ему было не до смеха.

— Страшная гвардия шла убивать великого чародея и мага Моргана Мэгана, — сказал он. — Два земноводных и один дакини из презренной расы. Наверняка наш враг уже дрожит от ужаса.

Но Хроальмунд не поддержал его веселья.

— Кем бы мы ни были, — сказал он, отряхиваясь и счищая пятно грязи с одной из чешуек, — месть наша будет ужасной.

Хроальмунд оказался весьма полезным спутником. Он хорошо знал все тропинки в Серебряном Лесу, ибо неоднократно по ним хаживал, и теперь вел Хелота и помрачневшего Лохмора напрямик к источнику мудрости.

— Откуда ты можешь знать, что Морган там? — время от времени спрашивал дракон.

— Чую, — лаконично отвечивал Морок.

— Как ты чуешь, когда лично я ничего не чую? У меня нюх ой-ой, — ворчал дракон. — Да и никому не по силам уловить чей-либо запах на таком расстоянии.

— Я ловлю не запах, — сказал Болотный Морок. — Просто господин наш вчера опять изрядно принял и снова находится на грани сотворения десятка-другого похмельных кошмаров. Еле сдерживается. В такие минуты любой из нашего народа найдет его с легкостью хоть на другом краю земли.

Хелот был вынужден поверить этому объяснению. В конце концов, другого проводника у них не было.

Время от времени лангедокский рыцарь касался ладонью рукояти Секача. И поймал себя на том, что обращается к капризному мечу с одной-единственной молитвой: «Предай меня, Секач, — думал он, — откажись рубить». Но меч никак не отзывался, и Хелот не улавливал ни волн тепла, ни струи ледяного холода. И когда он вынул меч из ножен, руны на клинке не горели и казались обыкновенной мертвой надписью.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

— Вот он! — крикнул Хроальмунд Зеленый, выскакивая на холмик и показывая рукой на источник мудрости, откуда Иллуги забрал свой провидческий глаз. Хелот поднялся и встал рядом с маленьким троллем. За их спинами тяжело топтался дракон.

Они увидели яркое сияние, как будто Морган развел большой костер и побросал в него порошков, дающих разноцветное пламя. Хелот видел такое как-то раз на ярмарке, где давал представления фокусник откуда-то из восточных стран.

Дракон присел и глухо зарычал.

— Сила Радуги! — сказал он. — Здесь Фейдельм, которая заманила нас. Зачем она здесь?

— Ловушка, — быстро проговорил Хроальмунд. — А вон там Морган.

Морган сидел в стороне, неподалеку от источника. Одежда на нем была грязной и порванной во многих местах. Один рукав отсутствовал, и Морган зябко кутался в плащ. Хелота поразила мертвенная бледность его лица. Странствующий рыцарь ощутил приступ тоски. Он не мог убить своего врага, когда тот сидел перед ним больной и безоружный. И слово, данное Фейдельм в присутствии народа холмов, стало жечь Хелота, как огнем.

Хелот вынул меч из ножен. Он едва не выпустил рукоять — руны на клинке горели, разбрасывая искры, и серебряные стволы деревьев начали мерцать, отражая их теплый оранжевый свет. «Секач», — умоляюще шептал Хелот. Но он уже не мог остановиться. В замке Аррой ждали. Фейдельм ждала. И даже если когда-то властительница была девушкой по имени Дианора, это уже не имело никакого значения.

Морган встал. Он заметил сияние и понял, что оно значит.

— Кто здесь? — крикнул маг, поднимая голову. Голос у него был все еще звучным и ясным.

— Мое имя Хелот из Лангедока, — был ответ.

— Я знаю тебя, — сказал Морган Мэган. — Зачем пришел?

— Ты знаешь и это, — ответил Хелот и сделал несколько шагов вперед.

— Да. — Морган кивнул. — Ты выбрал хороший час. Я один и со мной почти нет Силы. Я устал, и меня терзают сомнения.

— И еще вчера ты слишком много выпил, Морган Мэган.

Хелот подошел еще ближе. Морган был похож на мертвеца. Хелот попытался убедить себя в том, что виной всему чудовищное похмелье, но он знал, что это не так. «Черт побери, — подумал он, — не стану же я раскисать только потому, что у моего врага вчера был неудачный день и сегодня он выглядит таким несчастным?» И он снова вспомнил, как нашел в лесу Алькасара и как сарацин кричал по ночам от страшных воспоминаний. И подумал о Дианоре, которую чародей из чистого любопытства превратил в странное, почти лишенное человечности существо. И о тех камнях, что были разбиты по приказу создателя. И о ране на боку Хроальмунда. И о Лаймерике, который был проклят за свою гордость и независимый нрав...

— Ты хочешь убить меня? — Морган криво улыбнулся.

— Да.

— Назови причины.

Хелот остановился, опустил меч, очертил вокруг себя круг сияющим клинком.

— Ты боишься умереть, Морган Мэган?

— Куда меньше, чем ты боишься нанести удар, Хелот из Лангедока. Так назови мне причины для того, чтобы убить меня.

— Мир Аррой, — сказал Хелот, в упор глядя на своего врага. — Прекрасный Аррой, с которым ты так зверски обращался, покуда он тебе не надоел. Ты изуродовал его, а теперь хочешь уничтожить.

— Кто там с тобой? — спросил Морган, прищурив здоровый глаз. — Болотный Морок? Это он тебе на-

жаловался? Посмотри, за кого ты заступаешься! Как он безобразен, глуп, напыщен!

— Он твое творение, и я не понимаю, почему ты так высокомерен по отношению к самому себе!

Морган посмотрел Хелоту в глаза, и лангедокцу стало жутко — такая пустота глядела из карего глаза бродячего мага.

— Потому что моя душа еще уродливее, чем эти монстры, — тихо сказал Морган Мэган. — Потому что моя мать хозяйничает в моем мире и я ничего не могу с ней поделать. Потому что она нравится им больше, чем я...

— Это ревность? — Хелот не верил своим ушам.

— Да! — крикнул Морган. — Я ни одну женщину так не ревновал, как ревную свой мир. Мой Аррой — и эта женщина...

— Она твоя мать.

— Она дура! — заорал Морган и закашлялся.

— Я думаю, — мягко заметил Хелот, — миру нужна не только мудрость. Живые создания нуждаются не только в беспокойном духе, но и в глупости, в консерватизме. Тебе не приходило в голову, Морган Мэган, что твоим бедным троллям нужна просто курица-наседка?

— Неважно. — Морган махнул рукой. — Убивай меня, Хелот из Лангедока, иначе, клянусь, я завершу то, что начал. Я разнесу по камешку замок Аррой, я убью своими руками каждую тварь, которая называет себя моим творением. Я сделаю это.

Морган обнажил меч и усмехнулся.

— Я вижу у тебя в руках Секач, — сказал он. — Ты не сможешь напасть на безоружного, так потешься мыслью о том, что против тебя стоит враг, вооруженный до зубов. Но знай, Хелот из Лангедока, когда в дело вступает Секач, ничто уже не спасает. Он разрубает то, что надлежит. И я думаю, что пришло время разрубить мою голову.

Хелот сжал зубы и поднял Секач. В этот момент радужное сияние взлетело у него над головой и окутало его и Моргана. Какое-то мгновение Хелот ничего

не видел, кроме ослепительных вспышек света и обжигающего жара. Потом до него донесся голос Моргана. Бродячий маг кричал — от боли и страха, как кричат раненные животные. И, не вполне понимая, что делает, Хелот взял Секач обеими руками, размахнулся и изо всех сил нанес удар по радужному сиянию.

Что-то оглушительно загремело. Послышался звон — такой, словно разбили свадебный сервиз, а сверху побросали серебряные ножи и вилки. Со всех сторон сыпались осколки тончайшего стекла, и каждый осколок переливался и сверкал всеми цветами радуги. Некоторые больно резали руки и лицо. Этому дождю, казалось, не будет конца. Небо над головой исчезло, окутанное золотым светом. И, понимая, что некуда бежать от этого расколовшегося неба, от этого острого стекла, от безжалостного света, Хелот молча упал на землю и обхватил голову руками, стараясь уберечь ее от острых обломков. И его накрыла тьма.

Хелот открыл глаза и увидел, что все вокруг окутано белым туманом. Потом туман заколебался и сдвинулся. Чья-то рука отвела занавеску, и тогда он понял, что лежит на огромной кровати под балдахином. Рядом знакомо пахло мускусом.

— Аррой, — сказал Хелот.

Следом за рукой показалось и лицо — детская физиономия Тэма Гили. Мальчик смотрел на него и молчал.

— Что случилось, Тэм? — спросил Хелот. — Что со мной было?

— Вы больны, сэр, — тихо ответил Тэм.

Хелот заметил, что мальчик боится. Он поглядывал на своего хозяина исподтишка, с таким испуганным видом, какого не имел никогда — даже в ту пору, когда имел дело с жуткой образиной Гури Длинноволосого.

— Да что случилось? — нетерпеливо спросил Хелот. — Почему ты шарахаешься от меня?

— Я... не шарахюсь, сэр.

— Подойди поближе, Тэм. Что я натворил? Мне казалось, что уж ты-то можешь мне сказать все как есть.

Тэм не двинулся с места.

— Если вам угодно воды или вот дама Имлах придумала кофе... Это Лозгайрэ принес.

Хелот поднес руку к лицу, потрогал щеки, лоб.

— Меня изуродовало?

Тэм помотал головой:

— Нет, что вы, сэр! Гури был не в пример ужаснее. С вами все замечательно, сэр.

Хелот вздохнул. Ему пришлось задать вопрос, которого он так боялся, но другого выхода не оставалось.

— Тэм... скажи мне правду: я убил Моргана?

— Нет, что вы, сэр. Он жив, как и вы. Он в подземелье. Дама Имлах напоила его сонным зельем, сэр, чтобы он не мог колдовать.

— Они все-таки хотят убить его?

— Они... я не знаю, сэр. Без вас не станут решать.

Хелот уселся поудобнее. Он не понимал, почему мальчик его боится. И эти подобострастные взгляды, которых за Тэмом раньше не водилось.

— Где Дианора? — спросил Хелот.

— Я позову ее, сэр.

Тэм убежал — только пятки сверкнули. «А ведь сидел у постели, ждал, пока хозяин придет в себя, — понял вдруг Хелот. — Боялся, что не очнусь».

Его невеселые размышления прервало появление Дианоры. На ней было все то же длинное платье Фейдельм, но лангедокский рыцарь видел, что сама владычица Оленьего Леса, Фейдельм-Из-Радуги, исчезла. Перед ним снова стояла сводная сестра Гая Гисборна.

— Слава Богу! — с огромным облегчением произнес Хелот. — Дианора.

Она присела в учтивом поклоне и склонила голову:

— К вашим услугам, сэр Хелот.

— Дианора! — Хелот попробовал встать, но оказалось, что за время болезни он очень ослаб и потому снова рухнул на постель. — Дианора, — простонал

он, бессильно копошась среди подушек. — Хотя ты, ради Бога, скажи мне: что случилось? Почему Тэм трясется как осиновый лист? Что я натворил? Почему он боится?

— Боится не только Тэм, господин, — ответила Дианора. — Вас боится весь Аррой. То, что вы совершили, под силу лишь полубогу — так они считают.

— А ты как считаешь, детка?

— Я тоже думаю, что вы колдун, господин, — спокойно ответила она и склонилась перед ним.

— В таком случае, — сказал Хелот, которого вывели из себя эти намеки и поклоны, — я требую от тебя, девушка, чтобы ты сказала мне, что именно я натворил.

— Вы разрубили Радугу, сэр, — сказала Дианора и поцеловала его руку. — Вы уничтожили ворота, через которые Морган Мэган уходил из нашего мира и возвращался назад. Вы спасли наш мир от уничтожения, сэр, ибо в тот миг, когда захлопнулись ворота, наемники, которых привел Морган, оказались по другую их сторону. Погибли два тролля — их зарезало осколками. Но вы и Морган живы.

Хелот попытался подняться и снова упал.

— Помогите мне сесть, — сказал он. — Не бойся, я не кусаюсь.

Дианора поправила ему подушки и помогла принять вертикальное положение.

— Вам угодно завтрак, господин? — спросила она.

— Мне угодно не слышать больше этого дурацкого обращения, — рявкнул Хелот. — Разрубил радугу, говоришь?

— Да, гос... вам это удалось.

— Секач, — сказал Хелот. — Я тут ни при чем. Это все меч.

— Не всякой руке будет послушен меч, особенно такой, как Секач, — возразила Дианора.

Хелот посмотрел ей в глаза и увидел в них страх и желание угодить и сказал:

— Позови Алькасара. Я знаю, что он здесь. И пошевеливайся: это желание героя!

Дианора поклонилась и ушла.

Хелот мрачно уставился в потолок. Сговорились они, что ли, сделать его жизнь невыносимой? Если сейчас явится Алькасар и согнется перед ним в поклоне, он, Хелот, просто перережет себе горло.

Алькасар явился. Мрачно посмотрел на него от порога. Потом спросил, не попытавшись даже изобразить подобие улыбки:

— Ты для всех теперь полубог? Или для кого-нибудь все-таки остался Хелотом?

— Черт побери, я бы для всех хотел быть Хелотом! — крикнул Хелот и кашлянул.

— Это хорошо. — Сарацин неожиданно усмехнулся.

— Скажи хоть ты, Алькасар, — меня сильно изуродовало?

— Исполосовало, как барана на молодецких скачках, — сказал сарацин. — Так что на девушек можешь не засматриваться. Разве что какая-нибудь вдова средних лет польстится...

— На девушек, конечно, производит впечатление твоя черная рожа, — сказал Хелот с облегчением. «Хоть один друг не предал», — подумал он.

— Тебе виднее, — отозвался Алькасар, и сердце Хелота сжалось. В непроницаемых черных глазах, глубоко спрятанный, но не уничтоженный, стоял все тот же страх.

Судилище над Морганом устроили на двенадцатый день после того, как Секач в руке Хелота разрубил Радугу и уничтожил ворота, навсегда отрезав Аррой от других миров Великой Реки Адунн. Лишенный чародейской силы одурманивающими напитками, связанный, Демииург был отведен на опушку Оленьего Леса. Там уже ждал большой помост. Морган споткнулся, остановившись перед этим сооружением, и оглянулся на Теленна Гвада:

— Что это, Теленн Гвад?

— Полезай, — ответил вместо него Лаймерик.

— Отомстить хочешь, Лаймерик? — спросил Морган.

Маленький вождь покачал головой:

— Это всего лишь помост, Морган Мэган. Для того чтобы тебя видели все, а не только великаны и рослые тролли. Полежай.

Морган пожал плечами и подчинился. Он позволил привязать себя к стволу старого дерева, возле которого и был сооружен помост, и откинул голову назад, прижимаясь макушкой к теплой коре. Солнце ласково коснулось закрытых век. Ему хотелось забыть обо всем. И о том, что сейчас на него смотрят со всех сторон ненавидящие, проклинаящие, жаждущие его смерти, — тоже.

А собралось их немало. Вся поляна была полна лесного народа. Посмотреть на Демииурга пришли молчаливые воины Народа и вечно недовольные гномы, величественные сородичи Теленна Гвада со своими рослыми пышнотелыми супругами, разного рода тролли, гоблины и вовсе уж невразумительные существа вроде Болотного Морока или старика Шамотта. Добрался, несмотря на большое расстояние, даже один из валунов Серебряного Леса.

Напротив помоста установили большое кресло и усадили в это кресло героя — Хелота из Лангедока.

Странствующий рыцарь был мрачнее тучи. Его выводила из себя роль спасителя, которую навязали ему в мире Аррой. Лучше уж быть одним из многих, лучше быть простым разбойником из Шервудского леса, чем героем, вызывающим лишь страх и преклонение. Несколько секунд Морган Мэган и Хелот смотрели друг другу в глаза — одинаково приневоленные, одинаково вознесенные над толпой. И в этот миг Хелот до конца понял, что он с Морганом одного племени, одного рода — дакини, чужие в мире Аррой. И никого ближе не было у Хелота в то мгновение. словно они с Морганом вышли из лона одной матери. И ему захотелось встать, взять Моргана за руку и увести прочь — туда, где их накормят мясом браконьерски убитого оленя, дадут лук и стрелы. Но Хелот не двинулся с места, и Морган Мэган отвел глаза.

Вперед выступил Теленн Гвад и звучно произнес:

— Суд над Морганом Мэганом, военным, религиозным и прочих достоинств преступником! Состав обвинения: попытка эсхатологии.

(Последнее слово далось барону не без труда, но он героически справился и с ним.)

— Каждый может выступить здесь и сказать свое слово обвинения против преступного Демиурга, — продолжал барон, — как от себя, так и от имени своего народа. И когда выскажутся все и иссякнет поток речей, мы будем знать, как поступить нам с негодяем.

Стало тихо. Никто не решался заговорить первым, хотя на душе накипело почти у всех и каждый хотел бы видеть Моргана если не мертвым, то во всяком случае обезвреженным. Большинство при этом полагало, что эти два понятия суть одно и то же: живой Морган не может не быть вредоносным.

Лаймерик Окраина окинул взглядом мнующихся в нерешительности троллей, дернул плечом и громко сказал:

— Я хочу выступить с обвинением против Моргана Мэгана. — И когда все взоры обратились в сторону маленького вождя, он расправил плечи и стал как будто выше ростом. — Морган, ты унизил меня, ты сделал меня рабом, ты отнял у меня оружие и разлучил с моим народом. Ты ополчился на меня лишь потому, что я никогда не боялся тебя. И сейчас я говорю перед лицом мира Аррой, который слушает нас: да будешь ты уничтожен!

Он перевел дыхание и бестрепетно встретил мрачный взгляд Демиурга.

И тут словно прорвало плотину — потоком понеслись обвинения, и вздорные, и серьезные, и мелочные, и по существу. Каждый спешил высказаться, перекрикивая и перебивая другого.

— Он предал мою веру! — сказал Болотный Морок.

— Он осквернил воды Адунн! — кричал тролль, до самых желтых глаз-щелок заросший зеленой шерстью.

— Он создал нас уродливыми! — орали Алонд и Тифлон, племянники трухлявого Шамотта.

— Он забыл наделить моего друга Фораирэ умом! — верещал громче других Лозгаирэ. — Каково жить бедному троллю дураком — об этом Морган не подумал! И еще: зачем он сотворил изумрудную копь возле самой пещеры Англая Алчное Сердце? Чтобы потешиться над горем Лозгаирэ, уж конечно! У! — Гном погрозил Демииургу маленьким кулачком.

— Он истоптал мох!

— Убить Харры... Убить Варрахх...

— Он срубил деревья в Серебряном Лесу!

— Он наблевал в источник мудрости! Хорошо, что я успел забрать оттуда свой глаз!

— И вообще, как он посмел привести сюда этих убийц из чужого мира?

Морган прикрыл глаза и откинул назад голову. Он давно уже перестал слушать. Исход был предопределен, и Морган знал это еще задолго до начала судилища. И если у кого-то из собравшихся имелись сомнения по части бессмертия создателя, то сам Морган этих сомнений не разделял: если ему перережут горло, он умрет, как любой другой человек. Сейчас бродячему магу хотелось одного: чтобы все закончилось как можно скорее.

А они все кричали и кричали.

— Он заколдовал моего друга!

— Он уничтожил Силы Радуги и оставил Народ без ясновидящей!

— Он лишил меня памяти!

— Он отобрал у меня золото!

— Он не дал мне обещанного!

— Он убил моих родственников!

— Он наполнил Аррой ненавистью!

Нескоро еще выдохлись обвинители. Но все же настал момент, когда они замолчали. Надлежало провозгласить приговор, который был ясен любому. Но Хелот медлил. Постепенно все глаза обратились на Героя, ибо никому, кроме спасителя мира Аррой не хотели они доверить право решить судьбу их Демииур-

га. Ответственности ли они боялись, предвзятости ли своей не доверяли сотворенные Морганом — кто веда-ет. Хелот не думал об этом, когда поднялся со своего кресла, сутулясь, словно груз решения давил ему на плечи. Морган даже не шевельнулся, равнодушный к происходящему. Собственно, этого он и добивался, ибо уничтожение дела рук и души своей приравнивал к самоубийству.

Хелот, стоя на помосте, медленно обвел глазами толпу и внезапно поразился тому, как это пестрое собрание диковинных созданий — облик большинства лишь отдаленно носил черты человекообразности — похоже на ноттингамскую толпу.

В ожидании приговора Моргану они топтались, чесались, поднимались на цыпочки и вытягивали шеи, скалили зубы, ковырялись в ухе, грызли ногти.

— Провозгласи же наше решение, Хелот из Лангедока! — не выдержал наконец кто-то, и толпа взре-вела: — Смерть! Смерть Моргану!

Хелот поднял руку, и они стихли. Желтые и крас-ные, зеленые и черные, круглые и узкие — все глаза впились в героя. Где-то в этой толпе замер Тэм Гили. Каким величественным кажется ему сейчас Хелот, какую гордость испытывает мальчишка — еще бы, служить такому господину!

— Прежде чем осудить Моргана на смерть, как вы того требуете, — громко проговорил Хелот, — я хочу знать, не будет ли произнесено хотя бы одно слово в его защиту?

— Не может быть такого слова! — горячо ответил Теленн Гвад. — Неисчислимы беды, которые принес нам Морган Мэган.

— И все же я спрашиваю: неужели никто не всту-пится за него?

— Морган — преступник, — возразил барон. — Он должен понести наказание.

— Уж не защищаешь ли ты его, Хелот? — выкрик-нули из толпы пронзительным голосом.

Хелот поглядел в ту сторону, но обладатель пронзительного голоса уже скрылся за спинами других.

— Почему бы и нет? — ответил Хелот.

— Среди тех, кто жил бы в мире Аррой и считал его родным, не найдется ни одного защитника, — убежденно сказал барон.

— А если ты неправ, Теленн Гвад?

— Что ж, — барон пожал плечами, — Морган будет прощен, если я ошибаюсь.

Хелот сжался, как пружина.

— Слушайте все! — крикнул он. — Если хотя бы один голос прозвучит в оправдание Моргана, жизнь будет оставлена ему. Кто-нибудь желает выступить?

Ответом была гробовая тишина, которую затем пререзал вопль Лозгайрэ:

— Да кто же захочет спасти его, супостата? Среди нас нет предателей!

И снова толпа взорвалась. Взметались кулаки, мелькали широко раскрытые пасти, брызгала слюна. Хелот взглянул на богиню Боанн, но она отвернулась, опираясь на руки преданных троллей. Алькасар ответил на взгляд Хелота угрюмым пожатием плеч, а Дианора покачала головой. Один за другим отрекались от бродячего мага Иллуги и Имлах, Отон и младшие вожди народа, Хроальмунд Зеленый и Длинная Ветка...

— Неужели никто? — совсем тихо спросил Хелот, зная, что его не слышат.

Толпа пришла в движение. Приглядевшись, Хелот разобрал, что вперед кто-то энергично проталкивается. Наконец он увидел белую лохматую спину и бугорки еще не выросших крыльев на лопатках. Лохмор оттолкнул Форайрэ и выбрался, отряхиваясь, на свободное пространство между двух помостов.

— Лохмор! — взвизгнул Лозгайрэ. — Ты что, умилился?

Дракон не обратил на этот выкрик никакого внимания, равно как и на вопли Алонда с Тифлоном:

— Он и тебя изуродовал, как нас!

Задрав головы к помосту, где стоял связанный Морган, дракон пристально посмотрел на Демиурга. И Морган, удивленный, открыл глаза.

— Ты хочешь сказать слово в мою защиту? — спросил он.

Вместо ответа дракон неуклюже вскарабкался на помост и сел у ног Моргана.

— Он меня создал, — сказал Лохмор и выпустил на толпу две струи веселого оранжевого пламени, которые лизнули воздух и погасли, никому не причинив вреда.

ЭПИЛОГ

Хелот проснулся от того, что его трясет за плечи Тэм Ги́ли.

— Что тебе нужно, неутомонное дитя? — сердито спросил лангедокский рыцарь. — Неужели ты не можешь оставить меня в покое?

— Не могу, сэр, — прошептал Тэм. Хелот заметил, что к мальчишке вернулась добрая толика его прежней наглости, и неожиданно для себя улыбнулся. Охнув, он сел. Три дня непрерывных празднеств, устроенных в честь примирения Демиурга со своим миром, тяжким молотом стучали в голове героя.

— Вот леший, — пробормотал Хелот, обнаружив, что спал на мокром мху под елкой — замок Аррой высился вдали в предрассветных сумерках темной громадой.

— Я здесь! — пискнуло неподалеку. Из кустов высунулось коренастое бородатое создание и преданно заморгало.

— Сгинь, — сказал Хелот.

— Ну вот, то зовут, то сгинь, — пробурчал обиженный лешак, исчезая в темноте.

— Куда ты меня тащишь? — спросил Хелот Тэма Ги́ли, который переминался с ноги на ногу и всем

своим видом демонстрировал нетерпение. — Что случилось?

— Морган что-то замышляет, — делая страшные глаза, поведал Тэм Гили. — Я думаю, самое время выследить его, сэр, пока он ни о чем не подозревает.

Следом за мальчиком Хелот отправился в глубь леса. Тэм неожиданно остановился, так что Хелот едва не налетел на него и не сбил с ног. На опушке кто-то возился, увязывая хворост в большую вязанку. Первый солнечный луч прорезал серую мглу и осветил лицо таинственного лесовика. Сомнений больше не оставалось: Морган!

— Что он делает? — прошептал Хелот.

Морган выглядел совершенно трезвым, серьезным и собранным. Ни следа вчерашнего веселья на худом лице. Только на скуле осталось красноватое пятно от помады после вчерашних лобызаний Боанн, которая приняла в свои объятия дорогого отпрыска под восторженный рев придворных троллей.

Морган завязал последний узел и, согнувшись, взвалил дрова на спину. Потом пошел — ровным шагом, так, словно собирался пройти со своей ношей не одну милю. Хелот двинулся следом. Но не прошел он и десяти шагов, как споткнулся и упал. Морган остановился, обернулся, подождал, пока лангедокский рыцарь поднимется на ноги.

— Тэм тоже здесь? — спросил Мэган, ничуть не удивляясь неожиданному появлению Хелота.

— Да, — сказал Тэм и насупился. — Это я первым заметил ваши козни, сэр.

— Что ты опять задумал, Морган? — Хелот подошел к бродячему колдуну. То, что в сумерках Хелот принял было за хворост, оказалось десятью хорошо отполированными и, несомненно, тяжелыми посохами.

— Праздник окончен, сэр герой. — Морган поклонился, едва не выронив при этом свою вязанку. — И прощенный жертвами злодей удаляется со сцены.

— Ты уходишь? — не поверил Хелот. — Но каким образом?

— Как всегда, через ворота.

— Ворот больше нет, Морган. Секач разрубил Радугу. Зачем ты пытаешься обмануть меня?

Морган Мэган устало посмотрел на двух дакини, которые не доверяли ему и явно были встревожены.

— Я не обманываю, — сказал наконец колдун. — Я знаю и другие ворота. Ворота жизни и смерти, ворота любви. Все это в прошлом. Я хочу открыть ворота знания.

— В какой мир ты надеешься попасть?

Морган хмыкнул:

— Понятия не имею. Не исключено, что это будет Гейдельберг. Или Лейпциг. Думаю, что Оксфорд меня не примет.

Хелот покачал головой:

— Прости, Морган, я не могу тебе верить. Если ты не возражаешь, я хотел бы пойти с тобой. Я должен убедиться в том, что, спасая твою жизнь, мы с Лохмором не совершили ошибки.

На берегу великой реки Адунн, куда Морган Мэган со своими спутниками добрался на третий день, горел костер. Закончив завтрак, Морган встал, обтер руки об одежду и взялся за свою вязанку. Один за другим разложил на траве все десять посохов — дубовый и рябиновый, тонкий из ивовой древесины, короткий — из березовой, тисовый и кленовый... Почти все они были гладкими, отполированными, и только светлый буковый украшен замысловатой резьбой.

Хелот тронул теплое дерево.

— Откуда ты взял эту красоту, Морган?

Волшебник одарил его одной из своих хитрых улыбок.

— Я обокрал одно святилище. Не смотри на меня с таким ужасом, Хелот. Ты знаком с Хроальмундом Зеленым?

Хелот кивнул и прибавил:

— Когда я встретил его, он был в ужасном состоянии. Ты чересчур жестоко обошелся с ним, Морган.

— Не я, а мои солдаты, — возразил Морган. — И нечего было какому-то троллю... — Он закашлялся и

махнул рукой. — Словом, у этих Болотных Мороков есть тайное святилище посреди гибельной трясины. Я грешным делом полюбопытствовал, кому они там поклоняются.

— Неужели вам, сэр? — встрял Тэм Гили.

Морган посмотрел на мальчика и хмыкнул:

— Разумеется, нет, блудное дитя Народа. — Он с удовольствием полюбовался на то, как шипит Тэм. — Они поклоняются сонмищу кумиров, именуемых десятью мудрецами. Они порассказывали немало забавного.

— Болотные Мороки?

— Да нет же, мудрецы. Они хоть и глиняные, но кое-что соображают... — Морган рассмеялся, видя удивление своих собеседников. — Я их немножко оживил. Не настолько, правда, чтобы они могли погнаться за мной по болоту и отобрать свои посохи...

Морган встал, прищурился:

— Ну что, начнем?

Хелот и Тэм Гили смотрели, как бродячий маг один за другим вонзает в глинистую почву все десять посохов, пять с одной стороны и пять с другой, так что образовался небольшой коридор.

— Это и есть ворота? — недоверчиво спросил Тэм Гили.

Морган растрепал светлые волосы мальчика.

— Прощай, маленький дакини.

Тэм хлопнул белыми ресницами и смущенно отозвался:

— Прощайте, сэр.

Морган кивнул Хелоту и шагнул в коридор. Он сделал несколько шагов — и исчез. Там, где только что виднелась высокая фигура чародея, клубился лишь туман.

Хелот и Тэм переглянулись. Хелот встал, и Тэм моментально повис у него на рукаве.

— Что вы хотите делать, сэр?

— Еще не знаю, — медленно проговорил Хелот. Он вдруг подумал о том, что оставленный на берегу костер будет казаться брошенным, точно пес, которого не сняли с цепи уехавшие из дома хозяева.

Лангедокский рыцарь шагнул к десяти деревянным посохам и взгляделся в то, что было впереди. Туман. Только туман и мгла. Он осторожно миновал первую пару — дубовый и тисовый — и остановился. Глазами, полными отчаяния, Тэм следил за ним.

— Вы уходите, сэр? — крикнул он, заметив, что Хелот медлит.

— Да.

— Что там, впереди?

— Не знаю. Отсюда не разберешь.

Тэм мялся на берегу, и Хелот видел, что мальчик не смеет просить о том, чтобы его взяли с собой. Вот удобный случай избавиться от него навсегда. Хелот вздохнул:

— Если ты не боишься, Тэм...

Мальчик ворвался в коридор так стремительно, что едва не повалил ворота.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть Первая. РАЗБОЙНИК ПОНЕВОЛЕ.

Глава первая	5
Глава вторая	19
Глава третья	37
Глава четвертая	46
Глава пятая	67
Глава шестая	87
Глава седьмая	108
Глава восьмая	126
Глава девятая	148
Глава десятая	161

Часть Вторая. НЕВЫНОСИМЫЙ ГУРИ.

Глава первая	172
Глава вторая	195
Глава третья	214
Глава четвертая	236
Глава пятая	252

Часть Третья. ВЫСОКИЕ ДЕРЕВЬЯ ЛЕСА АРРОЙ.

Глава первая	267
Глава вторая	291
Глава третья	308
Глава четвертая	330
Глава пятая	353
Глава шестая	364
Глава седьмая	383
Глава восьмая	404
Глава девятая	422
Глава десятая	439
Глава одиннадцатая	455
Глава двенадцатая	471
Глава тринадцатая	492
Эпилог	504

Симонс М.
С37 Меч и радуга: Роман/ Пер. с англ. Е. Хаецкой. — СПб.: Северо-Запад, 1993. — 510 с.
ISBN 5-8352-0198-2

Имя американской фантастки Мэделай Симонс практически неизвестно российскому читателю, и тем, наверное, приятнее будет открытие нового имени...

Роман «Меч и радуга» (1969 г.) — своего рода «литературно-поэтический калейдоскоп» и в то же время романтическая сага, где рядом действуют Робин Гуд и дракон-альбинос Лохмор, Гури Длинноволосый и гном Лозгайрэ.

Удивительные приключения, причудливые миры, блестящий авторский стиль порадуют истинных ценителей фэнтези.

МЭДЕЛАЙН СИМОНС

МЕЧ И РАДУГА

(Сага о Хелоте из Лангедока)

Ответственный редактор *Геннадий Белов*

Художник *Владислав Асадулин*

Художественный редактор *Виктор Меньшиков*

Технический редактор *Татьяна Харитонова*

Верстка *Нины Грибещенко*

Корректоры *Виктория Листова, Анастасия Келле-Пелле*

Подписано к печати с оригинала-макета 17.05.93.

Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура школьная.

Печать высокая. Усл. печ. л. 26,88. Тираж 200 000 экз.

Изд. № 198. Заказ 332. Свободная цена.

Издательство «Северо-Запад».

191187, Санкт-Петербург, Шпалерная ул., 18.

Отпечатано с оригинал-макета в ГПП «Печатный Двор».

197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

fantasy

•Северо-Занэг®•